

Вестник

ЧЕЛЯБИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 1994-2796 (print)
ISSN 2782-4829 (online)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

MONT·BVSEL·SIN
IO·IAC·BAT·COR·
CRVDE·LIS·LEX·INI
CAR·MI·NL·NOS·TRI·
RE·M·ORI·M·F·DN·VN
MONT·BVSEL·SIN
IO·IAC·BAT·COR·
CRVDE·LIS·LEX·INI
CAR·MI·NL·NOS·TRI·

11 / 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Бугалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Д. А. Плетнев, кандидат экономических наук, доцент, главный редактор (Челябинск); **Д. С. Бенц**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **О. В. Брижак**, доктор экономических наук, доцент (Москва); **А. В. Горшков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **А. Ю. Даванков**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. П. Довбий**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Егорова**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Ю. Ш. Капкаев**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **И. П. Килина**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. В. Ким**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **И. Д. Колмакова**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Коркина**, доктор экономических наук, доцент (Челябинск); **Н. Н. Мильчакова**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Г. И. Немченко**, доктор экономических наук, профессор (Тюмень); **Е. В. Николаева**, кандидат экономических наук, доцент, ответственный секретарь редакционной коллегии (Челябинск); **М. А. Пестунов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Г. Н. Пряхин**, доктор экономических наук, доцент, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **А. А. Саламатов**, доктор экономических наук, профессор, заместитель главного редактора научного направления (Челябинск); **В. В. Седов**, доктор экономических наук, профессор (Челябинск); **Д. А. Сорокин**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск); **Е. А. Степанов**, кандидат экономических наук, доцент (Челябинск).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.
Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Экономические науки»:
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576
Тел.: (351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректура О. Е. Шишмаренковой
Верстка О. Е. Шишмаренковой

Подписано в печать 30.11.22.
Выход в свет 16.12.22.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 21,7.
Уч.-изд. л. 20,0.
Тираж 500 экз. Заказ 594.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Cand. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Y. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **A. V. Buzgalin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEPa, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

V. I. Barhatov, Dr. Sci. (Economics), Prof., Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **D. S. Bents**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. V. Gorshkov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **A. Y. Davankov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **Yu. Sh. Kapkajev**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **N. V. Kim**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **I. D. Kolmakova**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Korkina**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **N. N. Milchakova**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); **G. I. Nemchenko**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Tyumen); **M. A. Pestunov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **D. A. Pletnev**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Executive Secretary of Editorial Board (Chelyabinsk); **G. N. Pryakhin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.), Deputy Chief Editor of Scientific Direction (Chelyabinsk); **V. V. Sedov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Chelyabinsk); **D. A. Sorokin**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **Ye. A. Stepanov**, Cand. Sci. (Economics), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk).

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

**The journal is published
12 times per year**

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

“Economic Sciences”
editorial office address:
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia
Telephone: + 7(351) 799-71-46
e-mail: vestnik_econ@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of abstract translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312

Index 33077
in the “Press of Russia” catalog

Proofreader *O. E. Shishmarenkova*
Imposition by *O. E. Shishmarenkova*

Approved for printing 30.11.22.
Date of publication 16.12.22.
Format 60×84 ¹/₈. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 21.7.
Ac.-publ. sh. 20.0.
Circulation 500 copies.
Order 594. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

<i>Плетнев Д. А.</i> Мобилизация	7
--	---

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Хохоева З. В.</i> Возможности разработки проблемы фиктивного капитала в современных условиях	10
<i>Лаврентьева И. В., Капкаев Ю. Ш., Руденко Д. С.</i> Трансформация модели воспроизводства человеческих ресурсов в современных реалиях	18

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

<i>Артемова О. В., Нестеренко И. Ю.</i> Оценка потребительских бюджетов работающего населения региона	28
<i>Захарова Е. А., Давыдов Д. В., Земцова Е. М.</i> Исследования пространственной экономики Китая и России	40
<i>Бениц Д. С.</i> Долгосрочные тренды доверия к общественным и социально-политическим институтам	51
<i>Егорова А. А., Ужегов А. О.</i> Механизм «тройной спирали» как инструмент повышения качества жизни населения индустриальных регионов	69
<i>Колмакова И. Д., Колмакова Ек. М.</i> Состояние социально-трудовой сферы в контексте стратегии достижения целей устойчивого развития	81
<i>Белова И. А.</i> Социальные институты и доверие к ним учащихся вузов	92

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

<i>Абилова Е. В.</i> Социально ориентированная модель кооперации в развитии аграрного сектора	105
<i>Кулькова В. Ю., Галимова А. Д., Довбий И. П.</i> Модель корпоративной социальной ответственности крупной предпринимательской структуры в энергетике Республики Татарстан	115

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Хакимов Р. Ш.</i> Экономический аспект в политическом завещании Сталина: взгляд через десятилетия	123
--	-----

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

<i>Николайчук О. А., Брижак О. В., Толстобокоев О. Н.</i> Экономика Дальнего Востока: реалии и перспективы структурных трансформаций	131
<i>Силова Е. С.</i> Актуальные проблемы реализации национальных проектов в России	137

<i>Шнайдерман А. В.</i> Проблемы формирования социо-эколого-ориентированной модели хозяйствования: вызовы-2022	145
<i>Белова И. А., Руденко Д. С.</i> Доверие к социально-политическим институтам и органам власти	151
<i>Заволокина Л. И.</i> Мировая глобализация: вызовы времени	158
<i>Бенц Д. С., Казадаев М. С.</i> Доверие как междисциплинарная категория	167
<i>Плетнев Д. А., Викулин С. Н., Щелканов П. Г., Плетнев А. Д.</i> Новые вызовы информационной безопасности малого и среднего бизнеса	177

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

<i>Синицына П. А.</i> Проблемы импортозамещения в России на примере монохлоруксусной кислоты	182
--	-----

CONTENTS

EDITORIAL

<i>Pletnev D. A.</i> Mobilization.....	7
--	---

THEORY AND METHODOLOGY

<i>Khokhoyeva Z. V.</i> The problem of development on opportunities of fictitious capital in the modern conditions	10
<i>Lavrentseva I. V., Kapkaev Yu. Sh., Rudenko D. S.</i> Transformation of the model of reproduction of human resources in modern realities	18

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

<i>Artemova O. V., Nesterenko I. Y.</i> Evaluation of consumer budgets of the working population of the region	28
<i>Zakharova E. A., Davydov D. V., Zemtsova E. M.</i> Spatial economics studies of China and Russia ...	40
<i>Benz D.</i> Long-term trends of the trust to public and socio-political institutions	51
<i>Egorova A. A., Uzhegov A. O.</i> The “triple helix” mechanism as a tool to improve the quality of life of the population of industrial regions	69
<i>Kolmakova I. D., Kolmakova Ek. M.</i> Socio-economic indicators of the state of the social and labor sphere in the context of the strategy for achieving sustainable development goals.....	81
<i>Belova I. A.</i> Social institutions and university students’ trust in them.....	92

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

<i>Abilova E. V.</i> Socially oriented model of cooperation in the development of the agricultural sector ...	105
<i>Kulkova V. Yu., Galimova A. D., Dovbiy I. P.</i> Model of corporate social responsibility of a large business structure in the energy sector of the Republic Tatarstan	115

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

<i>Khakimov R. Sh.</i> Stalin’s politic testament: a look through the decades	123
---	-----

REVIEWS AND DISCUSSIONS

<i>Nikolaichuk O. A., Brizhak O. V., Tolstobokov O. N.</i> Economy of the Far East: realities and prospects of structural transformations	131
<i>Silova E. S.</i> National projects in Russia: implementation problems.....	137
<i>Shnayderman A. V.</i> Problems of forming a socio-ecologically oriented economic model: challenges-2022.....	145

<i>Belova I. A., Rudenko D. S.</i> Trust in socio-political institutions and authorities	151
<i>Zavolokina L. I.</i> World globalization: challenges of the time	158
<i>Benz D. S., Kazadaev M. S.</i> Trust as an interdisciplinary category.....	167
<i>Pletnev D. A., Vikulin S. N., Shchelkanogov P. G., Pletnev A. D.</i> New challenges of information security of small and medium business	177

A FRESH LOOK

<i>Sinitsyna P. A.</i> Problems of import substitution in Russia on the example of monochloroacetic acid ..	182
---	-----

РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). С. 7—9.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(11(469):7-9. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Редакторская статья

УДК 355.241

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11101

МОБИЛИЗАЦИЯ

Дмитрий Александрович Плетнев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pletnev@csu.ru

Для цитирования: Плетнев Д. А. Мобилизация // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 7—9. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11101.

Editorial article

MOBILIZATION

Dmitriy A. Pletnev

Chelyabinsky State University, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru

For citation: Pletnev DA. Mobilization. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):7-9. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11101.

Этой осенью слово «мобилизация» стало одним из самых популярных в СМИ, законотворчестве, поисковых запросах. Для экономистов же мобилизация и мобилизационная экономика — один из объектов исследования, не входящий в мейнстрим, но регулярно обсуждаемый в различных контекстах. И подобно тому, как в феврале 2022 г. научная постсоветская школа критического марксизма получила более чем явное эмпирическое подтверждение своих теоретических положений, сентябрь 2022 г. адепты мобилизационной экономики могут записать как новый день (воз)рождения соответствующей научной дисциплины — она из задворков экономической науки должна выйти в ее лидеры. И исторический опыт, и новые подходы к формированию и развитию экономики в условиях мобилизации станут предметом обсуждения на ведущих конференциях, получат финансирование от Минобрнауки и Российского научного фонда и даже могут стать основой курсов в образовательных программах. И вместе с этим повысится риск появления простых, быстрых, но неглубоких решений для сложных проблем в этой сфере, как производная от быстрого роста желающих сказать

свое слово в новом национальном «исследовательском фронте». Чтобы минимизировать риск отрицательных последствий для хозяйственной практики таких скороспелых решений (они, вполне возможно, будут приниматься не только на основе идей свежееиспеченных специалистов по мобилизационной экономике, но и вовсе без научной основы, просто в ритме и по правилам бюрократической организации), необходима серьезная теоретико-методологическая основа для формирования соответствующей модели. И в этом отношении именно идеи критического марксизма, развиваемые А. В. Бузгалиным и А. И. Колгановым, а также целой плеядой авторов журнала «Вопросы политической экономии», видятся наиболее подходящими по форме, месту и времени. Всем интересующимся вопросом, о каких идеях идет речь, рекомендую фундаментальную работу [1]. Там все подробно и «от первого лица» расписано. Здесь же и в условиях 2022 г. необходимо отметить следующее.

Во-первых, даже с пониманием объективных законов развития социально-экономических систем и тех противоречий, которые возникают в этом процессе, внимание необходимо уделять и явленной стороне происходящих изменений. И в этой

связи важен вопрос доверия в обществе. Одним из треков внешнего воздействия на российскую экономику начиная с 1990-х гг. была и остается эрозия доверия к государству и его институтам. Все оппозиционные медиа, «инфлюенсеры» главным образом критикуют государство на всех его уровнях и во всех формах, принижают или не замечают позитивных изменений в его работе и результатах, тем самым рутинизируя недоверие к государству и его представителям, в значительной степени — в молодежной среде. И это приносит свои плоды, часть российского общества имеет низкий уровень доверия как генерализированного, так и к конкретным государственным институтам. А ведь именно доверие — тот клей, который связывает воедино индивидов в общество, та «смазка», которая снижает трансакционные издержки и значимо повышает КПД экономики. Мобилизационная же модель, работающая с напряжением сил всех участников экономической деятельности, более других нуждается в высоком уровне генерализированного доверия. И это один из ключевых вопросов, ключевых барьеров на пути успешной реализации мобилизационной модели экономики. А для восстановления доверия необходим совершенно иной уровень искренности и открытости, умения слушать и слышать друг друга во взаимодействии власти и общества. В России же традиционно реализуется восточная модель управления, основанная на подчинении и иерархии и не предполагающая подотчетности государства в своих решениях. Налицо противоречие, которое может и должно быть разрешено для успешного перехода экономики к мобилизационной модели.

Во-вторых, ключевым является вопрос о главном субъекте мобилизационной экономики, ее творце и двигателе. Субъекте внутренне мотивированном, способном изменять реальность вокруг и имеющем на это волю и готовом принять ответственность за результат. И это вопрос о той элите, которая будет принимать и реализовывать непростые решения, связанные с дальнейшей трансформацией российской экономики. Значительная часть прежней элиты (главным образом финансовой и культурной) в 2022 г. самоустранилась, «перекрасилась» и потеряла моральное право быть таковой. Кто займет их место? Есть мнение, что это будет новая военная элита, как после 1812 г. и после 1945 г. Возможно, и это будет шаг вперед. Но для гармоничного развития мобилизационной экономики необходим более широкий круг элит, обеспечивающий надежный тыл. Речь о национально ориентированных промышленниках,

предпринимателях, преподавателях, учителях, врачах. Первым нужна стабильность в работе, заказах и «правилах игры», вторым — пресловутый *laissez-faire*, третьим, четвертым и пятым — достойный уровень жизни и уважение к их труду. И тогда любые реформы в любой сфере и любой сложности будут осуществлены супероптимальным образом, то есть с результатом, превышающим даже самые смелые оценки, поскольку компетентная, волевая и думающая элита сама донастроит и по максимуму использует те возможности для развития, которые увидит в начинающихся реформах. И так же сама устранит все преграды на пути их реализации. Особо следует подчеркнуть, что нынешнее материальное и социальное положение учителей и преподавателей — продолжающееся последствие реформы 1990-х гг. и того неблагоприятного отбора, который сложился в этих сферах. Упрощенно — невысокие зарплаты (любой внимательный аудит покажет, что до целевых 200% от средней по региону вузы и школы дотягивают через интенсификацию труда, напряжение сил в ущерб качеству) и избыточная бюрократия (журналы, планы, программы, ФОСы и т. п.) делают труд в этих сферах малопривлекательным. Как следствие — невысокий конкурс и не самый качественный набор в педвузы, а уж на работу в школы и вузы идут или немногочисленные энтузиасты (на которых все и держалось), или те, кому более некуда податься. Лучших забирает реальный сектор (банки, экосистемы, крупная промышленность). И в результате качество как обучения, так и воспитания в школах и вузах снижается, а ведь именно они (школа и вуз) могли бы стать ключевыми участниками и проводниками на пути к мобилизационной экономике, особенно в средне- и долгосрочной перспективе. Иными словами, в эпоху перемен качество человеческого ресурса национальной экономики критически важным образом зависит от работающих в ней социальных лифтов, пополняемой и мобильной обоймы управленцев, которым в спину дышит «та молодая шпана». А образование как важнейший механизм социального лифта должно работать на уровне, в темпе и с той интенсивностью, которая обеспечит бесперебойную его работу. И для этого необходимо изменение отношения к преподавателю, к его труду.

В-третьих, следует помнить о ресурсной основе мобилизации. Во всем многообразии трактовок слова «ресурс». Не секрет, что четвертая индустриальная революция теоретически решает вопрос ограниченности ресурсов: потенциально эффективность общественного производства, кри-

вая производственных возможностей для мировой экономики таковы, что большинство важнейших проблем человечества: голод и болезни, могут быть решены в обозримой перспективе. Более того, технологически в обозримой перспективе могут быть решены и вопросы старения, и перенаселения. Опыт быстрого строительства современных городов, опыт высокопроизводительного сельского хозяйства — все уже есть. Главным сдерживающим фактором вступает не физическая ограниченность ресурсов (тем более в нашей стране) и не отсутствие соответствующих технологий, а пресловутые «правила» [См.: 2], которые направляют потоки производных символов этих самых ресурсов (то есть финансовые потоки) в сторону от решения важнейших задач человечества. Гипертрофированные финансовые рынки, гипертрофированное потребление в экономически успешных странах, а также «сеть» института интеллектуальной собственности выкачивают создаваемый прибавочный продукт из стран, где он по большей части создается. И здесь мы подходим к понимаю

особой важности организационного, управленческого ресурса, адекватного поставленным задачам. Нужны управленцы не только технократического склада, но и творцы. И их команды (технократ + творец) дадут синергетический эффект и в текущей, и в перспективной деятельности. Будут приняты неожиданные, меняющие стереотипы поведения и сложившиеся институциональные рамки решения, будет краткий миг созидательного разрушения, в результате которого дальнейшее развитие национальной экономики России пойдет по пути суверенного, устойчивого и опережающего развития. Развития, которое не исчерпывается количественными показателями продолжительности жизни, доходов населения и инвестиций, а определяется каждым человеком по самоощущению его жизни, а также жизни и перспектив его детей и внуков.

Наш журнал обязательно предоставит свои страницы для исследователей, желающих предложить новые идеи для осуществления мобилизации российской экономики, для перехода ее к новой, эффективной модели суверенного устойчивого развития.

Список источников

1. Бузгалин, А. В., Колганов А. И. Глобальный капитал: в 2 т. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 640 с. ISBN 978-5-9710-1632-8.
2. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Плохие ученики // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). С. 7—9. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10401.

References

1. Buzgalin AV, Kolganov AI. Global capital: in 2 vol. 3rd ed, corrected and enlarged. Moscow: LENAND; 2015. 640 p. ISBN 978-5-9710-1632-8. (In Russ.).
2. Barkhatov VI, Pletnev DA. Bad students. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):7-9. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10401. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. А. Плетнев — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the author

Dmitriy A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of the Institute of Economics of Industry, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 05.10.2022; одобрена после рецензирования 17.10.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 05.10.2022; approved after reviewing 17.10.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). С. 10—17.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(11(469):10-17. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 338.2

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11102

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ ФИКТИВНОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Залина Вячеславовна Хохоева

Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия,
xoxoeva.zalina@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4838-4528

Аннотация. Раскрываются дальнейшие теоретические и прикладные возможности разработки проблемы фиктивного капитала, появляющиеся в современных условиях. Выделены специфические характеристики фиктивного капитала, проявляющиеся в условиях новой реальности как особого качественного состояния социально-экономической системы, установившегося в результате ее интенсивной трансформации. Обоснован вывод о необходимости формирования целостной теории фиктивного капитала на основе сближения, комбинирования и последующего синтеза предпосылок данной теории, созданных ранее, разработан комплекс рекомендаций по системному использованию прикладных средств указанной теории, сделан вывод о том, что усиление внешних ограничений дополнительно актуализирует разработку указанных средств. Автором определены кризисные проявления в движении фиктивного капитала, усиливающие неравномерность развития капиталистического способа производства. Указано, что формирующиеся современные условия, происходящие в системе экономики, создали барьеры доступа к фиктивному капиталу для многих стран, слоев современного общества, пространств депрессивных регионов, государств, отодвинутых на позиции третьего уровня мирового развития. Предложена институционализация финансового капитала современных корпоративных структур. Исследование осуществлено с использованием познавательных возможностей системного подхода, диалектического метода, теории финансового капитала, институциональной экономической теории, а также междисциплинарных возможностей.

Ключевые слова: возможности, фиктивный капитал, социально-экономическая система, развитие, новая реальность, трансформации, целостная теория, внешние ограничения, прикладные средства

Для цитирования: Хохоева З. В. Возможности разработки проблемы фиктивного капитала в современных условиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 10—17. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11102.

Original article

THE PROBLEM OF DEVELOPMENT ON OPPORTUNITIES OF FICTITIOUS CAPITAL IN THE MODERN CONDITIONS

Zalina V. Khokhoyeva

North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova, Vladikavkaz, Russia, e-mail: xoxoeva.zalina@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4838-4528

Abstract. Further theoretical and applied possibilities of working out the problem of fictitious capital, opening up in modern conditions, are revealed. The specific characteristics of fictitious capital, manifested in the conditions of the new reality as a special qualitative state of the socio-economic system, established as a result of its intensive transformation, are highlighted. The conclusion about the need to form a solid theory of fictitious capital on the basis of convergence, combination and subsequent synthesis of the prerequisites of this theory created earlier is substantiated, a set of recommendations for the systematic use of the applied tools of this theory is developed, it is concluded

© Хохоева З. В., 2022

that the strengthening of external constraints further actualizes the development of these tools. The author identifies crisis manifestations in the movement of fictitious capital, which increase the uneven development of the capitalist mode of production. It is indicated that the emerging modern conditions occurring in the system of the economy have created barriers to access to fictitious capital for many countries, strata of modern society, spaces of depressed regions, states relegated to the positions of the third level of world development. The institutionalization of the financial capital of modern corporate structures is proposed. The research was carried out using the cognitive capabilities of the systemic approach, the dialectical method, the theory of financial capital, institutional economic theory, as well as interdisciplinary possibilities.

Keywords: opportunities, fictitious capital, socio-economic system, development, new reality, transformations, holistic theory, external constraints, applied tools

For citation: Khokhoyeva ZV. The problem of development on opportunities of fictitious capital in the modern conditions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):10-17. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11102.

Введение

Характерной особенностью нынешнего этапа эволюции социально-экономической науки является глубокое переосмысление устоявшихся подходов, концептуальных представлений и целостных теорий, ранее казавшихся незыблемыми. Вместе с тем в оборот научного исследования общественно-хозяйственной жизни возвращаются многие подходы и концептуальные представления, преждевременно объявленные устаревшими, что соответствует одному из принципов диалектики — воссозданию того, что подверглось отрицанию, в качественно ином виде и на ином уровне развития [2; 14]. К числу возвращаемых концептуальных представлений правомерно отнести и представление о фиктивном капитале, возникшее в рамках марксистской политической экономии более полутора столетий назад. Представляется, что переосмысление ранее казавшихся архаичными идей и представлений обусловлено потребностью современной социально-экономической системы в инструментальных возможностях, которые могут быть преобразованы применительно к новой реальности, в частности к условиям перенакопления множества проблем, сформировавшихся в условиях интенсивной трансформации [3; 10].

В условиях новой реальности, столкнувшись с затяжной стагнацией и нарастающим обособлением от мировых финансовых и технологических рынков, российская социально-экономическая система испытывает острый дефицит ресурсов развития, что вынуждает искать скрытые внутренние возможности развития, в том числе возможности, которыми наделен фиктивный капитал. Фиктивный капитал, выступая в качестве отраженной и самостоятельно обращающейся формы действительного капитала, сам по себе не обладает способностью преобразования социально-экономической системы, в которой он

генерирован и применяется. Такая способность появляется и эффективно реализуется только при условии подкрепления эмитируемого фиктивного капитала качественно новыми идеями социально-экономического развития, адекватными вызовам современного развития [9; 19].

Затяжная стагнация в отечественной социально-экономической системе ярко высветила одно из фундаментальных условий эффективного движения российской социально-экономической системы — необходимость обеспечения баланса и продуктивного взаимодействия между двумя противоположными компонентами ее инвестиционного процесса: с одной стороны, ее фиктивным капиталом, с другой стороны, новыми идеями ее развития, как генерируемыми внутри указанной системы, так и привносимыми в нее из внешней среды в ходе конкурентного взаимодействия с другими системами [4].

Принимая во внимание указанное условие, определим цель данной статьи: раскрытие новых возможностей обеспечения баланса и продуктивного взаимодействия между двумя противоположными компонентами инвестиционного процесса российской социально-экономической системы — ее фиктивным капиталом и идеями ее дальнейшего развития, адекватными новой реальности. Отметим, что указанные возможности тесно связаны с ключевыми трендами новой реальности: сменой доминанты во взаимодействии процессов глобальной интеграции и национального обособления; резким обострением совокупности взаимосвязанных проблем взаимодействия общества и природы; системным преобразованием организационных механизмов и институтов в направлении их приспособления к императивам новой реальности.

Для реализации поставленной цели необходимо решить две взаимосвязанные задачи:

- во-первых, раскрыть новые возможности инвестирования инфраструктуры и механизмов финансового рынка, обеспечивающих движение фиктивного капитала социально-экономической системы;
- во-вторых, раскрыть новые возможности развития научного процесса, в котором возникают и начинают свое движение идеи, необходимые для активизации фиктивного капитала как инструмента преобразования социально-экономической системы [4].

Представляется, что указанные задачи и результаты их решения определенным образом сбалансированы. Если такой баланс не обеспечен, фиктивный капитал остается в прежнем качестве и снижает или вообще теряет свой потенциал преобразования отношений, механизмов и институтов социально-экономической системы. Причина этого заключается в том, что фиктивный капитал воплощает в себе связь между творческим процессом создания новых идей эволюции социально-экономической системы и реальными состояниями такой системы [15; 19]. Опираясь на приведенное положение, сформулируем вывод о том, что не оправдывающиеся ожидания в отношении выдвинутых целей национальных проектов, ориентированных на преобразование российской социально-экономической системы, тесно связаны с дефицитом качественно новых идей указанного преобразования, адекватных новой реальности [10; 13]. Развивая данный вывод, отметим, что новые возможности фиктивного капитала как средства преобразования социально-экономической системы обусловлены его связью с приращением научного знания, полученным на различных направлениях исследований. Без наполнения новым знанием фиктивный капитал превращается в средство тиражирования феноменов существующей реальности вместе со всеми их проблемами; именно поэтому попытка развивать финансовый рынок и обеспечивать на нем движение фиктивного капитала в сочетании с дефицитным финансированием научных исследований обернулась в российской социально-экономической системе лишь масштабными притоками и оттоками спекулятивного капитала, наносящими значительный вред указанной системе [13].

Возможности движения фиктивного капитала в российской экономике в современных условиях

На современном этапе российская социально-экономическая система столкнулась с долгосрочными и достаточно глубокими внешними ограничениями своего развития, обусловленными введением в адрес страны совокупности экономических и по-

литических санкций. Правомерно предположить, что указанные условия существенным образом ограничивают возможности фиктивного капитала, в частности его генерацию и движение на внешних финансовых рынках, локализуя такое движение в рамках национальной экономики. Вместе с тем долгосрочные внешние ограничения создают дополнительные возможности фиктивного капитала, которые необходимо раскрыть и реализовать. Определим в данной связи ряд условий, которые необходимо выполнить, для того чтобы указанные возможности были воплощены на деле:

- осуществление жесткой научной экспертизы идей развития социально-экономической системы в целях отсекаания ложных идей, способных лишь уродливо трансформировать фиктивный капитал, превращая его в средство деструкции социально-экономической системы;
- обеспечение достаточного уровня общественного доверия к проектам развития социально-экономической системы, для чего востребован целый комплекс мер, начиная с реализации масштабной программы преодоления финансовой неграмотности, характерной для множества членов общества, и продолжая жесткими мерами в адрес мошенников, оперирующих на финансовых рынках в целях быстрого обогащения.

Выделим ключевой эффект отказа от выполнения приведенных выше условий — отчуждение движения фиктивного капитала от движения действительного капитала, что означает разрушение органической связи между ними, представляющей собой фундаментальное условие эффективного функционирования всей социально-экономической системы [16].

Новая реальность представляет собой особое качественное состояние современной мировой социально-экономической системы, в которой существующий капиталистический способ производства избавляется от отживших форм отношений и создает внутри себя предпосылки будущей организации общественно-хозяйственной жизни [12]. Осмысление текущего опыта новой реальности дает возможность определить некоторые характеристики этого качественного состояния, существенные для оценки возникающих в этом состоянии новых возможностей фиктивного капитала:

- разрушение многих интеграционных структур, не выдержавших проверки условиями резко возросшей пространственной конкуренции;

- резкий рост многих проявлений поляризации социально-экономической системы: доходной, имущественной, образовательной, культурной, интеллектуальной и др.;
- стремление многих стран — участниц мировой социально-экономической системы избрать собственную, оригинальную траекторию своего движения в изменившихся условиях, что характерно и для России; при этом могут формироваться весьма острые формы противостояния указанных стран с теми, кто остается на общей траектории движения мировой социально-экономической системы [12].

Приведенные выше характеристики обуславливают появление кризисных проявлений в движении фиктивного капитала [21]:

- бурный рост финансовых пирамид;
- формирование огромного «навеса» избыточно оцененного участниками рынка фиктивного капитала над реальным сектором экономики;
- появление частных цифровых денег, отличающихся высокой неустойчивостью, но претендующих на особую роль «цифрового золота» современной экономики, и др.

Оценивая указанные кризисные проявления с позиций движения фиктивного капитала, сформулируем важный вывод о том, что усиливающаяся неравномерность развития капиталистического способа производства, обозначившаяся в новой реальности, создала барьеры доступа к фиктивному капиталу для многих стран современного общества, сообществ депрессивных территорий, целых стран, отодвинутых на дальнюю периферию мирового развития. Для коррекции такой ситуации и снижения барьеров доступа к фиктивному капиталу востребованы специальные меры государственной социально-экономической политики, среди которых — предоставление людям гарантированного размера дохода, достаточного для инклюзии их в состав общества, возврат к идеям включения услуг качественного образования и аналогичного здравоохранения в состав общественных благ и др. [17]. Представляется, что указанные меры политики облегчат доступ широким слоям современного общества к фиктивному капиталу, превращая его в средство развития социально-экономической системы [20].

Выбор Россией собственной траектории своего дальнейшего движения в условиях новой реальности обуславливает возникновение следующих эффектов в движении фиктивного капитала:

- фактическое ограничение его оборота рамками национальной экономики, выбытие иностранных инвесторов из числа потенциальных приобретателей российских ценных бумаг;
- исчезновение той воронки спекулятивного оборота фиктивного капитала, которая была характерна для прежнего состояния российской социально-экономической системы;
- обозначившаяся переориентация фиктивного капитала на цели воссоздания технологического комплекса российской промышленности и модернизации инфраструктуры социально-экономической системы [11; 24];
- вовлечение фиктивного капитала в процесс структурной перестройки указанной системы, результатом которого может стать изменение прежней рентной стратегической ориентации развития этой системы; в свою очередь выход с рентной траектории движения будет способствовать изменению расклада интересов участников данной системы, что обеспечит их более активное участие в движении фиктивного капитала [14].

Вместе с тем нельзя недооценивать риски и угрозы, порождаемые новой реальностью в движении фиктивного капитала в социально-экономических системах России и других стран мира. Наличие множества нерешенных проблем, вызванных к жизни глубокими технологическими сдвигами и связанными с ними социально-экономическими трансформациями, может вызвать затяжную общественно-хозяйственную нестабильность, резкий рост популизма в государственной социально-экономической политике, дальнейшее накопление острых проблем трансформационного характера и очередную «великую депрессию», более опасную, чем та, которая была в 1930-х гг. Главная опасность здесь заключается в соединении возможностей фиктивного капитала с непродуманными, не прошедшими через научную экспертизу идеями популистской политики, что приведет к формированию институциональных ловушек некорректно осуществляемой трансформации:

- на стартовом этапе возникают значительные ожидания, которые поддерживаются средствами популистской социально-экономической политики и потому частично воплощаются в жизнь;
- в дальнейшем, когда ресурсы указанной политики истощаются, ожидания перестают оправдываться и участники институциональных ловушек сталкиваются

с резким ростом своих затрат, но для выхода из сложившейся ситуации требуются значительное время и усилия [10; 22].

Отметим еще одну угрозу, порождаемую новой реальностью в отношении фиктивного капитала. Известно, что этот капитал в условиях интенсивных социально-экономических преобразований стал средством притяжения и фиксации избыточных денег, инвестированных в развитие общественно-хозяйственной системы. Соответственно, при рецессии он в первую очередь обесценивается, что приводит к резкому спаду потребления и формированию кризисной ситуации, свидетельствующей о переходе мировой социально-экономической системы в качественно иное состояние, сдвигу от прежнего общества потребления к обществу развернутых коммуникаций и возможностей разностороннего развития способностей. Сжатие потребления оборачивается расширением коммуникаций, интенсивным развитием сфер образования, здравоохранения и культуры. В связи с указанным преобразованием изменится целевая ориентация фиктивного капитала — на смену выпускам ценных бумаг в целях развития производства потребительских благ и технологий для обеспечения такого производства придут выпуски ценных бумаг, ориентированные на развитие общения, наращивание компетенций, свободное развитие личности [4; 6].

Выделим в данном отношении такой прикладной инструмент реализации возможностей фиктивного капитала в совершенствовании компетенций, как целевые займы развития интеллектуального капитала. Его ценность дополнительно возрастает в условиях новой реальности, когда в мировой социально-экономической системе возникает следующая кризисная ситуация, описанная Дж. Арриги и Ф. Броделем [1; 5]:

- с одной стороны возникает избыточная «озабоченность финансами», за которой стоит обычная корысть, охватившая существование огромных масс людей, из которых пытаются сделать одномерных инвесторов, убрав все остальные проявления их личности;
- с другой стороны, для огромных масс людей становится характерно забвение о пороге меры в накоплении долгов, что приводит к масштабным банкротствам и разрушительным последствиям.

Финансовый механизм воспроизводства интеллектуального капитала российской экономической системы

Интеллектуальный капитал некоторыми исследователями относится к разряду сугубо частных благ, поскольку он принадлежит индивиду и не может быть отчужден в пользу других лиц, группы людей или общества в целом [7]. Но реальная картина здесь значительно сложнее:

- с одной стороны, интеллектуальный капитал неотчуждаем от личности человека, который обладает уникальными компетенциями, составляющими содержание данного капитала;
- с другой стороны, данный капитал востребован для проведения трансформации социально-экономической системы, поэтому он нуждается в сложном механизме своего воспроизводства с участием домохозяйств, крупных корпораций, кластеров малого и среднего бизнеса, местных и территориальных сообществ, государства. Без такого механизма нельзя обеспечить воспроизводство того огромного объема интеллектуального капитала, в котором объективно нуждаются практически все национальные социально-экономические системы для осуществления успешной трансформации.

Выделим стороны противоречивой связи между отношением власти-собственности, опорным для российской системы, и воспроизводством в данной системе интеллектуального капитала:

- с одной стороны, сервисная роль собственности по отношению к господствующей власти негативно сказывается на интеллектуальном капитале, являющемся достоянием индивида, неотделимом от него; соответственно, для поддержки всех операций с данным капиталом необходимы возможности собственности, которая ослаблена;
- с другой стороны, сильная власть может — при выдвижении соответствующих целей — обеспечить операции с интеллектуальным капиталом и его воспроизводство инвестиционными ресурсами, организационными механизмами и институциональными нормами, поскольку в российской системе она наделена наибольшими возможностями.

Определим инструментальные возможности доминирующей государственной власти в плане фиктивного капитала, необходимого для расширенного воспроизводства интеллектуального капитала в российской социально-экономической системе:

- выделенные государством или частными благотворителями гранты в пользу развития личности талантливых детей;
- адресные займы, ориентированные на цели формирования и эволюции интеллектуального капитала отдельных лиц;
- ценные бумаги, представляющие отраженные формы интеллектуального капитала и самостоятельно обращающиеся на рынке.

Представляется, что в современных российских условиях наиболее перспективен инструмент адресных займов, ориентированных на цели формирования и эволюции интеллектуального капитала, поскольку он применим на всех уровнях этого процесса, прост и понятен. Что же касается ценных бумаг как отраженных форм интеллектуального капитала, то для их выпуска необходимо совершить подлинную институциональную революцию в российской социально-экономической системе [18].

Еще одним прикладным инструментом реализации возможностей фиктивного капитала в условиях новой реальности выступает сетевое преобразование мирового пространства финансовых операций, в рамках которого в таком пространстве создается совокупность взаимодействующих, но обособленных друг от друга узлов, каждый из которых является локальным центром финансовых операций некоторой группы стран, тяготеющих друг к другу. Естественно, при формировании таких локальных центров необходимо исходить из ограничений, возникших в мировом пространстве, принимать во внимание его разрывы, совместимость национальных культур, возможности развития интеграции и др. [23].

Заключение

Новая реальность демонстрирует негативные эффекты поспешного включения в интеграционное взаимодействие и сложные процессы движения фиктивного капитала стран, наделенных слабым потенциалом развития и всеми признаками неоднородных, а потому неорганичных социально-экономических систем. Входя в глобальные процессы, для которых характерны нормы финансовой либерализации, такие страны создают места концентрации турбулентных процессов и дефицита доверия к фиктивному капиталу [24]. Доминирование в них потоков спекулятивного капитала приводит к тому, что приток инвестиций не ведет к развитию социально-экономической системы.

С учетом приведенных выше положений сформулируем вывод о том, что российская социально-экономическая система нуждается в создании локального центра глобальных финансовых операций, ориентированного на задачи проведения давно назревших глубоких технологических сдвигов, модернизации инфраструктуры и развития современных компетенций, а также преодоления стратегической ориентации указанной системы на извлечение природной ренты [6; 19]. Речь идет о создании в стране специализированной биржи фиктивного капитала (выпусков титульных и долговых ценных бумаг) высокотехнологичных корпораций, что даст возможность продвинуться в направлении утверждения шестого технологического уклада в социально-экономической системе России. Необходимо отметить, что ужесточение внешних ограничений, введенных в адрес России, дополнительно актуализирует эту задачу и в то же время ограничивает состав потенциальных участников специализированной биржи фиктивного капитала.

Список источников

1. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006. 469 с.
2. Брижак О. В. Финансовый капитал в новом витке реформирования экономического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 3 (449). С. 54—61. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10306.
3. Брижак О. В. Институциональные ловушки развития креативного потенциала корпорации // Экономическая наука современной России. 2021. № 3 (94). С. 87—96. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-87-96.
4. Бодрунов С. Д. Российская экономическая система: будущее современного высокотехнологичного производства // Экономическое возрождение России. 2014. № 2 (40). С. 5—16.
5. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. М.: Прогресс, 1988. 672 с.
6. Глазьев С. Ю. Формирование новой институциональной системы в условиях смены доминирующих технологических укладов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. Т. 190, № 1. С. 37—45.
7. Гринберг Р. С., Рубинштейн А. Я. Индивидуум — Государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир, 2013. 226 с.

8. Губанов С. С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. М.: Книж. мир, 2012. 188 с.
9. Ермоленко А. А., Брижак О. В. Новые формы отношений, возникающие в движении капитала // *Философия хозяйства*. 2018. № 6 (120). С. 80—102.
10. Ермоленко А. А., Брижак О. В. Новое видение законов движения глобального капитала. Рецензия на книгу: А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. Глобальный капитал: в 2 т. 4-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2018. Т. 1. По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма. — 640 с.; Т. 2. Теория: глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). 912 с. // *Философские науки*. 2018. № 2. С. 145—150. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-2-145-150.
11. Клейнер Г. Б. От экономики «физических лиц» к системной экономике // *Вопросы экономики*. 2017. № 8. С. 13—24.
12. Мамедов О. Ю. Смешанная экономика. Ростов н/Д: Феникс, 2001. С. 36—49.
13. Нуреев Р. М. Периферия мирового хозяйства // *Terra Economicus*. 2014. Т. 12, № 1. С. 123—149.
14. Сапир Ж. К экономической теории неоднородных систем. М.: ГУ ВШЭ, 2001. С. 129—134.
15. Скибицкий М. М. Философия экономики: становление, структура и современные функции // *Гуманитарные науки*. 2012. № 4 (8). С. 3—11.
16. Шиллер Р. Иррациональный оптимизм: как безрассудное поведение управляет рынками. М.: Альпина Паблишерс, 2013. С. 112—115.
17. Юнус М., Жоли А. Создавая мир без бедности: социальный бизнес и будущее капитализма. М.: Альпина Паблишерс, 2009. С. 23—29.
18. Auriol E., Soreide T. An economic analysis of debarment // *Toulouse school of economics Working paper*. 2015. No. 599. P. 23—24.
19. Ghemawat P. *World 3.0: Global Prosperity and How to Achieve It*. Harvard Business Publ., 2011. P. 97—99.
20. *Rethinking Capitalism: Economics and Policy for Sustainable and Inclusive Growth* / ed. by M. Jacobs, M. Mazzucato. L.: Wiley-Blackwell, 2016. 224 p. URL: <https://www.wiley.com/enus/Rethinking+Capitalism%3A+Economics+and+Policy+for+Sustainable+and+Inclusive+Growth-p-9781119120957>.
21. Krugman P. On Economic Arrogance // *The New York Times*. 20.02.2017. URL: <https://economistsview.typepad.com/economistsview/2017/02/paul-krugman-on-economic-arrogance.html>.
22. Pletnev D., Nikolaeva E., Silova E. Key trends of sharing economy in Russia // *E3S Web of Conferences*. 8. Sep.: Innovative Technologies in Science and Education, ITSE2020. 2020. P. 13014. DOI: 10.1051/e3s-conf/202021013014.
23. Tullock G. The origin rent-seeking concept // *International journal of business and economics*. 2003. Vol. 2, no. 1. P. 1—8.
24. *Understanding Knowledge Societies: In Twenty Questions and Answers with the Index of Knowledge Societies*. Department of Economic and Social Affairs (DESA). United Nations, New York, 2005. 96 p.

References

1. Arrigi J. The Long twentieth century. Moscow: Territory of the Future; 2006. Pp. 398—400. (In Russ.).
2. Brizhak OV. Financial capital in a new round of reformatting economic development. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(3(449):54-61. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10306. (In Russ.).
3. Brizhak OV. Institutional traps of the creative development of the corporation's potential. *Economic science of modern Russia*. 2021;(3(94):87-96. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-3(94)-87-96. (In Russ.).
4. Bodrunov SD. The Russian economic system: the future of modern high-tech production. *Economic revival of Russia*. 2014;(2(40):5-16. (In Russ.).
5. Braudel F. Time of peace. Material civilization, economy and capitalism of the XV—XVIII centuries. Moscow: Progress; 1988. 672 p. (In Russ.).
6. Glazyev SYu. The formation of a new institutional system in the conditions of the change of dominant technological patterns. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2015;(1(190):37-45. (In Russ.).
7. Grinberg RS, Rubinstein AYa. Individual — State: economic dilemma. Moscow: The Whole world; 2013. 226 p. (In Russ.).

8. Gubanov SS. Derzhavny breakthrough. Neo-industrialization of Russia and vertical integration. Moscow: Knizhny Mir; 2012. 188 p. (In Russ.).
9. Ermolenko AA, Brizhak OV. New forms of relations arising in the movement of capital. *Philosophy of economy*. 2018;(6(120):80-102. (In Russ.).
10. Ermolenko AA, Brizhak OV. A new vision of the laws of movement of global capital. book review: AV Buzgalin, AI Kolganov. Global capital. In 2 vol. 4th ed. Moscow: LENAND; 2018. Beyond positivism, post-modernism and economic imperialism. 640 p.; Theory: the global hegemony of capital and its limits ("Capital" re-loaded). 912 p. *Philosophical sciences*. 2018;(2):145-150. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-2-145-150. (In Russ.).
11. Kleiner GB. From the economy of "individuals" to the system economy. *Economic issues*. 2017;(8):13-24. (In Russ.).
12. Mamedov OYu. Mixed economy. Two-sector model. Rostov on Don: Phoenix; 2001. 250 p. (In Russ.).
13. Nureyev RM. The periphery of the world economy. *Terra Economicus*. 2014;(1(12):123-149. (In Russ.).
14. Sapir J. To the Economic theory of heterogeneous systems. Moscow: Higher School of Economics; 2001. 380 p. (In Russ.).
15. Skibitsky MM. Philosophy of Economics: formation, structure and modern functions. *Humanities*. 2012;(4(8):3-11 (In Russ.).
16. Shiller R. Irrational Optimism: How Reckless Behavior controls Markets. Moscow: Alpina Publishers; 2013. 235 p. (In Russ.).
17. Yunus M, Joly A. Creating a world without poverty: social business and the future of capitalism. Moscow: Alpina Publishers; 2009. 458 p. (In Russ.).
18. Auriol E, Soreide T. An economic analysis of debarment. *Toulouse school of economics Working paper*. 2015;(599):23-24.
19. Ghemawat P. World 3.0: Global Prosperity and How to Achieve It. Harvard Business Publ.; 2011. 450 p.
20. Jacobs M, Mazzucato M (eds.). Rethinking Capitalism: Economics and Policy for Sustainable and Inclusive Growth. L.: Wiley-Blackwell; 2016. 224 p. URL: <https://www.wiley.com/enus/Rethinking+Capitalism%3A+A+Economics+and+Policy+for+Sustainable+and+Inclusive+Growth-p-9781119120957>.
21. Krugman P. On Economic Arrogance. *The New York Times*. 20.02.2017. URL: <https://economistsview.typepad.com/economistsview/2017/02/paul-krugman-on-economic-arrogance.html>.
22. Pletnev D, Nikolaeva E, Silova E. Key trends of sharing Economy in Russia. In: E3S Web of Conferences. 8. "Innovative Technologies in Science and Education, ITSE 2020" 2020: 13014. DOI: 10.1051/e3s-conf/202021013014.
23. Tullock G. The origin rent-seeking concept. *International journal of business and economics*. 2003;(1(2):1-8.
24. Understanding Knowledge Societies: In Twenty Questions and Answers with the Index of Knowledge Societies. Department of Economic and Social Affairs (DESA). United Nations, New York; 2005. 96 p.

Информация об авторе

З. В. Хохоева — доктор экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит».

Information about the author

Zalina V. Khokhoeva — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Finance and Credit.

Статья поступила в редакцию 15.06.2022;
одобрена после рецензирования 29.09.2022; при-
нята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 15.06.2022; approved
after reviewing 29.09.2022; accepted for publication
18.10.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта инте-
ресов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 316.4

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11103

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Лаврентьева Ирина Викторовна¹, Капкаев Юнер Шамильевич²,
Руденко Дарья Сергеевна³

¹ Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ЧФ РАНХиГС), astralavr@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5373-840X

² Челябинский государственный университет, zam@csu.ru, ORCID: 0000-0003-2816-1992

³ Челябинский государственный университет, eds@csu.ru, ORCID: 0000-0002-6741-7746

Аннотация. Степень развития информационных, технологических, цифровых площадок оказывает влияние в современном мире на человеческие ресурсы, которые являются производственными силами в сегменте экономики с определенным багажом опыта и навыков. Человеческий труд является на сегодняшний день производственным потенциалом региона и страны в целом, состоящим из множества взаимосвязанных элементов. Рассматривать и анализировать человеческие ресурсы следует через призму воспроизводственного процесса, который является одним из способов повышения экономической стабильности регионов. Авторы рассмотрели модели процесса воспроизводства трудовых ресурсов, которые адаптированы к новым, современным изменениям. На внешнем уровне при формировании модели воспроизводства человеческих ресурсов важным фактором, который не учитывается, является родительский труд. Выявлены проблемы воспроизводственного процесса, предложены пути повышения эффективности процесса воспроизводства человеческих ресурсов. Разработка новых методологических подходов в теории и практике такого сложного и крупномасштабного процесса, как воспроизводство человеческих ресурсов, требует разработки новой методологии, адекватно регулирующей воспроизводственный процесс человеческих ресурсов, обеспечивающей не только решение тактико-стратегических задач, но и решение глобальной проблемы — существования России.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, воспроизводственный процесс, модели воспроизводства человеческих ресурсов

Для цитирования: Лаврентьева И. В., Капкаев Ю. Ш., Руденко Д. С. Трансформация модели воспроизводства человеческих ресурсов в современных реалиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 18—27. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11103.

Original article

TRANSFORMATION OF THE MODEL OF REPRODUCTION OF HUMAN RESOURCES IN MODERN REALITIES

Irina V. Lavrentieva¹, Yuner Sh. Kapkaev², Daria S. Rudenko³

¹ Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (BSF RANEPА), Chelyabinsk, Russia, astralavr@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5373-840X

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, zam@csu.ru, ORCID: 0000-0003-2816-1992

³ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, eds@csu.ru, ORCID: 0000-0002-6741-7746

Abstract. The degree of development of information, technological, digital platforms in the modern world renders human resources, which are production forces in the segment of the economy with a certain amount of experience and skills. Human labor is today the production potential of the region and the country as a whole, consisting of many interrelated elements. Human resources should be considered and analyzed through the prism of the reproduction process, which is one of the ways to increase the economic stability of the regions. In the article, the authors considered models of the process of reproduction of labor resources, which are adapted to new modern changes.

© Лаврентьева И. В., Капкаев Ю. Ш., Руденко Д. С., 2022

At the external level, when forming a model for the reproduction of human resources, an important factor that is not taken into account is parental work. Problems of the reproduction process are identified, ways to improve the efficiency of the process of reproduction of human resources are proposed. The development of new methodological approaches in the theory and practice of such a complex and large-scale process as the reproduction of human resources requires the development of a new methodology that adequately regulates the reproduction process of human resources, providing not only the solution of tactical and strategic tasks, but also the solution of a global problem — the existence of Russia.

Keywords: human resources, reproduction process, models of human resources reproduction

For citation: Lavtrentseva IV, Kapkaev YuSh, Rudenko DS. Transformation of the model of reproduction of human resources in modern realities. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):18-27. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11103.

Введение

В современных условиях быстроразвивающегося научно-технического прогресса, развития информационных и цифровых технологий человеческий фактор воспринимается как основной стратегический ресурс социально-экономического развития России [5]. Переоценка влияния воспроизводственных циклов в подготовке требуемого человеческого ресурса, удовлетворяющего спрос на рынке труда, выходит в число первоочередных задач стратегического развития экономики России. Анализ состояния человеческих ресурсов следует проводить через постоянный процесс трансформации воспроизводственного процесса, из которого исключен немаловажный фактор — родительский труд, оказывающий доминантное влияние на результативность процесса воспроизводства человеческих ресурсов [6].

На сегодняшний день человеческие ресурсы являются драйвером развития экономики. Важность и значимость человеческих ресурсов начали обозначать еще в начале XX в. классические научные школы. Первыми предпосылками понятия «человеческие ресурсы» были исследования экономистов того времени У. Петти, А. Смита, Д. Рикардо [15]. Они обозначали, что богатство государства зависит не только от количества населения, но и от способности и трудолюбия, которое выражалось в виде заработной платы. А. Маршал в своих трудах использовал «персональный капитал», который выражался в здоровье, моральной и умственной силе человека как основе производительности труда. В 1950—60-х гг. человеческий ресурс определяется как основной ресурс предприятия наравне с материальным. При разработке систем управления учитывается потребность работника. После исследователей А. Смита, К. Маркса, Й. Шумпетера, Т. Шульца, Г. Беккера в экономической науке выделяют новый фактор производства — труд и предпринимательскую активность, во главе которого

выступает человек, вовлеченный в трудовой процесс, являющийся драйвером развития экономики и государства в целом [11; 18].

Российские и советские ученые реализовали теоретические аспекты значимости развития человеческого потенциала в хозяйственной деятельности в понимании того, что «кадры решают все». При плановой системе хозяйствования на первый план выходит высокий уровень бесплатного образования. На предприятиях возникала потребность рабочей силы в трудовом потенциале при постоянном его развитии. Отделы кадров занимались отбором, мотивацией и обучением персонала. Система наставничества помогала в будущем продвижении и карьерном росте. Постоянное повышение квалификации и развитие кадров — все эти и другие меры были связаны с повышением значимости человеческих ресурсов. Развитие научно-технического прогресса, смена политической обстановки в стране привели к радикальным изменениям взглядов в области человеческих ресурсов [2].

В конце XX в. человеческий ресурс был признан главным фактором конкурентоспособности страны. Особое внимание уделяется капитализации знаний и учету его стоимости в экономических показателях деятельности предприятий. Несмотря на техногенный путь развития, все более широкое внедрение автоматизированных, цифровых, информационных технологий, роль человека в экономике возрастает, принимая новые формы в виде интеллектуальных, организационных и творческих способностей. Поэтому результативность воспроизводства человеческих ресурсов имеет существенное значение для экономики и с годами не теряет своей актуальности [1; 19].

В условиях экономической нестабильности, глобализации, роста конкуренции на мировых рынках появляется новая проблема — несоответствие «поставляемых» воспроизводственным процессом количественно-качественных характеристик человеческого ресурса в части неэффективности

использования рабочей силы, завышенного или заниженного уровня компетенций, низкой выработки работников, банальный дефицит трудовых ресурсов, связанный с неудовлетворительным спросом и предложением рабочей силы на рынке труда, и пр. [3; 17].

Общеизвестно, что воспроизводство человеческих ресурсов основано на воспроизводстве населения, состоящего из непрерывного процесса формирования определенной численности, половозрастного и социального его состава. Регулирование воспроизводства человеческих ресурсов предполагает возможность влияния на изменения демографической, экономической и социально-профессиональной структуры, образовательного и культурного уровня населения, а также на миграционные процессы и расселение. Воспроизводство же человеческих ресурсов не может быть, по определению, только количественным показателем, поскольку развитие науки, техники, современного производства и всех других сфер общественной деятельности зависит от развития человека, то есть предполагает обязательно и качественный рост [10].

Современный воспроизводственный процесс человеческих ресурсов в России характеризуется увеличивающимся разрывом между потребностью воспроизводства трудовых ресурсов как стратегической основы развития и выживания страны и отсутствием необходимых и достаточных условий для перехода от суженного к расширенному воспроизводству человеческих ресурсов. В обществе и государстве созрело углубленное понимание всей остроты воспроизводственных проблем че-

ловеческих ресурсов и необходимости принятия безотлагательных мер. В последнее двадцатилетие воспроизводственный процесс человеческих ресурсов выделяется в самостоятельный объект исследования, обретает собственную динамику [6].

Процесс воспроизводства трудовых ресурсов имеет свой генезис развития, при рассмотрении которого необходимо идентифицировать появление той или иной его конфигурации, основные факторы, влияющие на характеристики процесса. Необходимость исследования всех аспектов процесса воспроизводства особенно обострилась с переходом к рыночным отношениям.

Статистическое обоснование необходимости интенсификации воспроизводства человеческих ресурсов

В настоящее время в российских регионах наблюдается демографическое старение, снижение численности трудовых ресурсов, что более подчеркивает важность воспроизводства населения как фактора экономического и социального развития (рис. 1).

Тенденция естественного прироста населения России за период 2000—2020 гг. показывает негативную динамику. Показатель за 2020 г. составляет $-4,7$.

Также можно наблюдать негативную тенденцию развития численности рабочей силы в России (рис. 2).

Анализируя динамику безработицы по субъектам РФ можно сделать вывод, что последние два года (2020—2021) безработица возросла (рис. 3).

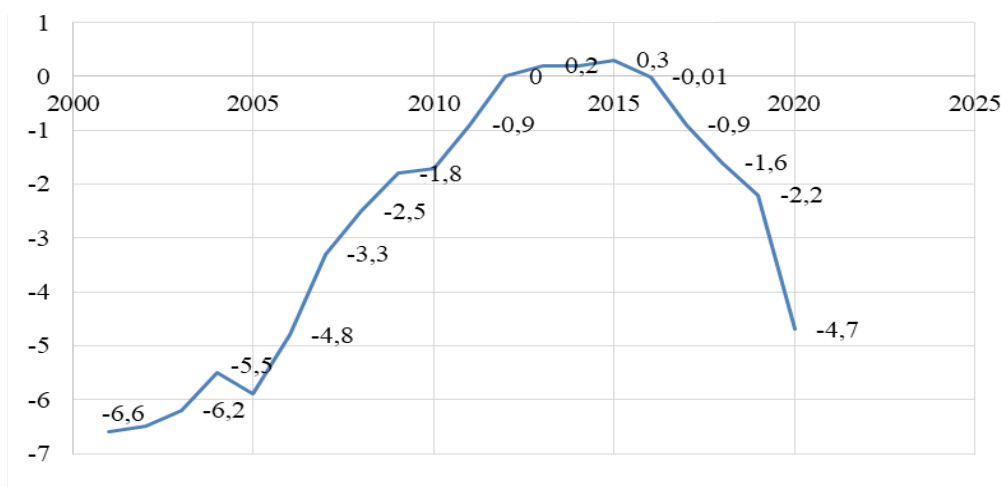

Рис. 1. Естественный прирост населения России за 2000—2020 гг. (<https://rosstat.gov.ru>)

Fig. 1. Natural population growth of Russia for 2000—2020 (<https://rosstat.gov.ru>)

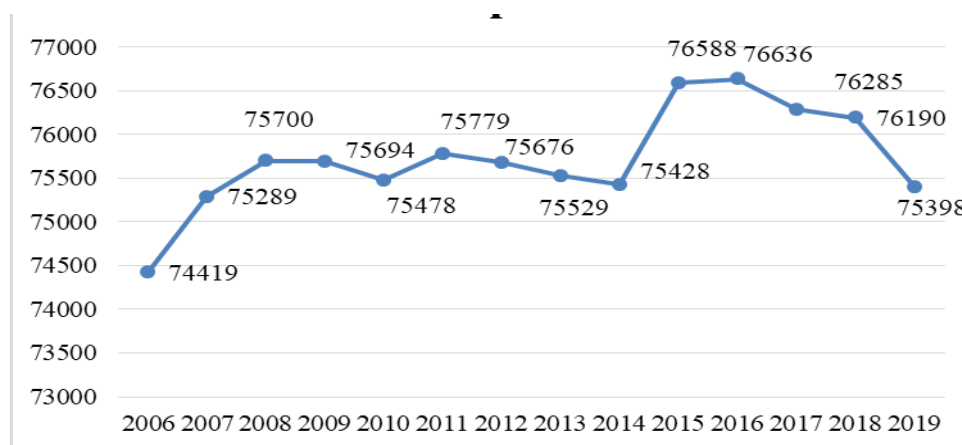

Рис. 2. Численность рабочей силы в России, тыс. чел. (<https://rosstat.gov.ru>)

Fig. 2. Number of labor force in Russia, thousand people (<https://rosstat.gov.ru>)

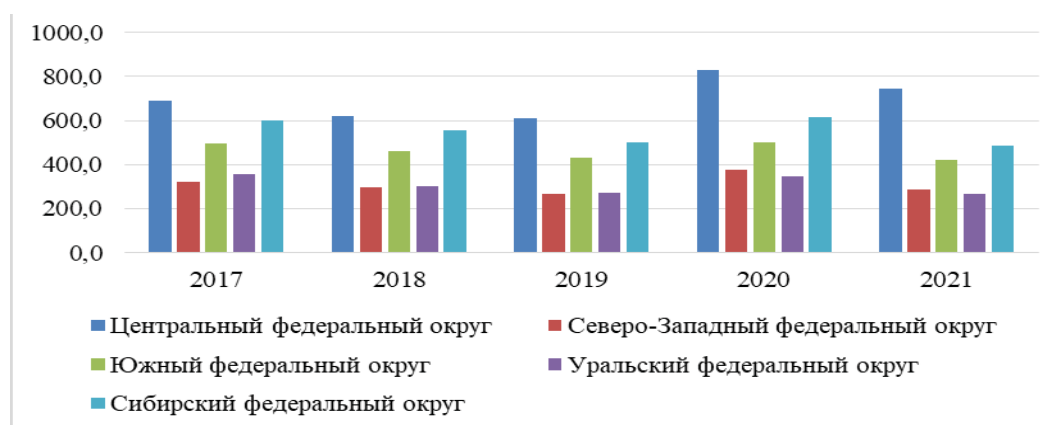

Рис. 3. Уровень безработицы населения в возрасте 15 лет и старше по субъектам Российской Федерации (<https://rosstat.gov.ru>)

Fig. 3. Unemployment rate of the population aged 15 years and older by subjects of the Russian Federation (<https://rosstat.gov.ru>)

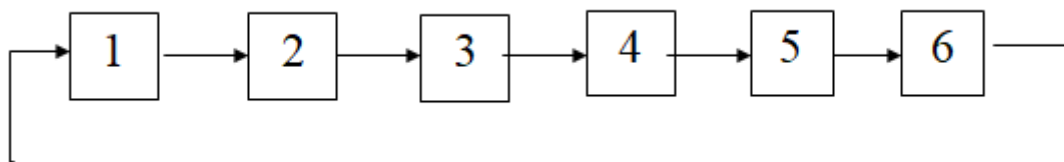
Модели воспроизводства трудовых ресурсов

В целом на трансформацию процесса воспроизводства трудовых ресурсов оказывает влияние внешнее окружение (традиции, рыночный спрос, национальные особенности, политика в области демографии, социальные программы в области поддержки рождаемости и семьи, темпы развития технологий). В то же время сформировались и внутренние факторы, влияющие на воспроизводство, такие как опыт поколений, национальные традиции, опыт успешных практик в воспитательном процессе, стандартизация процессов подготовки к профессиональной деятельности [4].

Эволюция моделей процесса воспроизводства трудовых ресурсов начиная с XVIII в. претерпела существенные изменения. К середине XX в. была научно обоснована модель воспроизводства трудовых ресурсов, состоящая из этапов произ-

водства (формирования рабочей силы через образовательные учреждения), распределения и обмена, и потребления (использования) подготовленной рабочей силы [7]. В первоначально научно обоснованных моделях полностью отсутствует учет непосредственного вклада родительского труда в воспроизводственный процесс трудовых ресурсов — деятельность по уходу, воспитанию, социализации, обозначаемой в периодах младенчества, подросткового, юношеского и адаптации к трудовой деятельности (рис. 4) [13].

Особенностью данной модели является последовательное прохождение всех этапов формирования потенциала будущих трудовых ресурсов. Важно подчеркнуть неравномерность формирования профессиональных компетенций на различных этапах данного процесса. Профессиональные компетенции в основном формируются на последних этапах.

1 — дородовой период; 2 — младенчество; 3 — подростковый период; 4 — юношеский период; 5 — адаптационный период; 6 — социализация

Рис. 4. Стадии воспроизводства будущих трудовых ресурсов, реализуемые родительским трудом
 Fig. 4. Stages of reproduction of future labor resources realized by parental labor

Примечание: рисунок составлен авторами.

Линейный процесс представляет собой последовательное прохождение всех элементов формирования трудовых ресурсов, это занимает длительное время, до 20—25 лет и требует больших объемов инвестиций. Под воздействием процесса в основном формируются следующие качества (компоненты трудовых ресурсов): здоровье, образование, профессионализм и опыт, творчество и инновационность, социализация личности. Наблюдается существенный перекос в сторону опекаемых со стороны государства благ (качеств), таких как здоровье и образование, профессионализм и адаптация к трудовой деятельности. При этом такие характеристики личности, как творчество и инновационность, социализация, финансируются по остаточному принципу.

Следующая модель процесса воспроизводства ориентируется на формирование спроса на трудовые ресурсы под воздействием рыночных механизмов. Отличительной особенностью данного процесса является максимальный учет рыночных тенденций как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе. Основными факторами, влияющими на спрос, могут выступать (престижность профессии, уровень оплаты труда, мотивационные факторы, рыночные тенденции, изменение предпочтений) в результате происходит трансформация процесса в линейную с учетом рыночных потребностей (рыночно ориентированная модель).

В качестве положительного фактора такой модели является высокая адаптивность процесса к рыночным потребностям. При этом модель процесса можно настраивать на опережение рыночных потребностей в отдельных категориях человеческих ресурсов и развития адресных компетенций, учитывая прогнозные тенденции, связанные с циклическостью развития экономической конъюнктуры под воздействием инновационных и конкурентных факторов. Недостатком данной модели является

запаздывание в формировании личности и профессиональных компетенций трудовых ресурсов под воздействием неравномерного и циклического рыночного спроса.

Интерактивная модель процесса формирования профессиональных компетенций трудовых ресурсов существенно изменилась в условиях информационных технологий и информационных сетевых коммуникаций.

На рис. 5 представлена линейная модель процесса с адаптивностью к рыночной среде.

При этом компетенции как способности человека к трудовой деятельности рассматриваются в смысле многомерной и многоуровневой системы, которая должна сформировать определенный набор способностей. К первой группе относятся базовые способности: интеллект, эмоциональность, воля, здоровый образ жизни, что отражает особенности человека как личности. Актуальной задачей является развитие в трудовом ресурсе когнитивно-смысловой сферы личности: менталитета, мировоззрения, комплекса норм, ценностей, стереотипов поведения, убеждений, формирующих социализацию личности, основанной на социальном опыте, духовно-нравственных и культурных ценностях, идеологических убеждениях (рис. 6).

Вторая группа способностей представляет собой:

- способность к трудовой деятельности;
- способность быть гармонично развитой личностью;
- способность к творчеству в различных сферах деятельности.

Третья группа способностей формирует умения и навыки в реализации профессиональной деятельности. В данную группу входят когнитивные и коммуникативные способности трудовых ресурсов, которые в основном ориентированы на рыночный спрос и его тенденции под влиянием конкурентной среды и технологических возможностей.

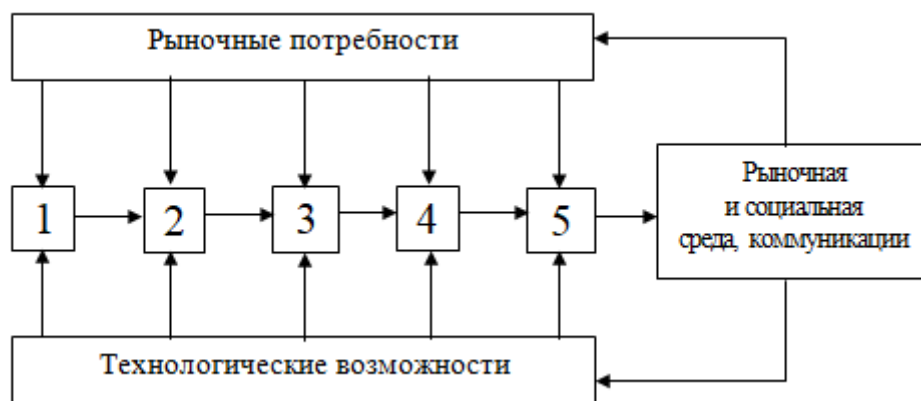

Рис. 5. Линейная модель процесса с адаптивностью к рыночной среде
 Fig. 5. Linear process model with adaptability to the market environment

Примечание: рисунок составлен авторами.

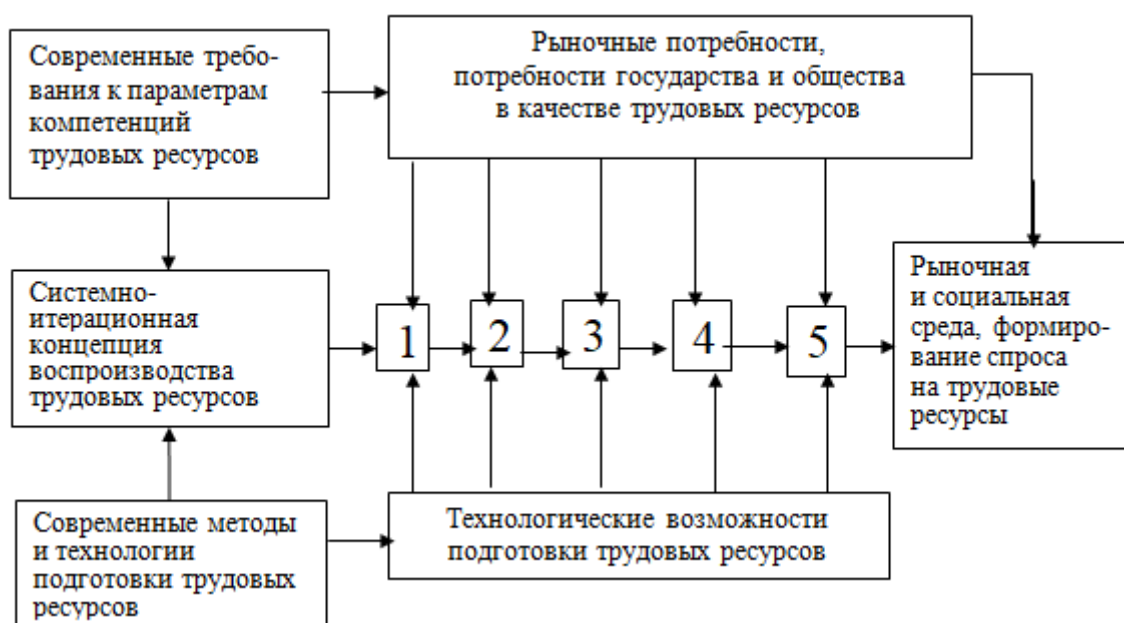

Рис. 6. Интерактивная модель воспроизводства трудовых ресурсов
 Fig. 6. Interactive model of labor reproduction

Примечание: рисунок составлен авторами.

Многообразие факторов при моделировании процесса воспроизводства основывается на научном, техническом, историческом подходе, учитывает роль и значение социальных институтов государства и общества в формировании не только эффективного представителя человеческого ресурса, но и творческую социально ориентированную личность.

Ускоренная миграция и урбанизация населения, изменения традиционных моделей воспроизводства, влияние факторов внешней и внутренней

среды приводят к негативным последствиям общей картины результативности производственного процесса: снижение рождаемости, перекос и напряжение на рынке труда, создание дефицита определенных категорий трудовых ресурсов, особенно в инновационно ориентированных отраслях. Именно поэтому при выборе адаптивных моделей воспроизводства помимо все возрастающей роли государства и бизнес-сообщества требуется учет вклада родительского труда в производственный процесс в части формирования личностных

и профессиональных компетенций будущих трудовых ресурсов [8].

В России существуют национальные проекты по стимулированию роста населения, которые основываются на оплачиваемых отпусках до и после рождения ребенка, материальные выплаты на первого и последующих детей, улучшения жилищных условий и пр. [14]. Предполагаемая стратегия должна увеличить коэффициент рождаемости, уровень продолжительности жизни, стабилизировать миграцию населения, однако статистические данные Росстата указывают на обратную ситуацию. Поэтому необходимы дополнительные кардинальные решения, направленные на улучшение воспроизводственной ситуации в стране. Основное направление решения данной проблемы очевидно: необходимо пересматривать стратегию и тактику реализации воспроизводственного процесса человеческих ресурсов, обеспечивающие населению реализацию их демографически обусловленных потребностей [12].

Экспансия рынка и недостаточно совершенная экономическая теория делают невидимым вклад родительского труда в развитие экономики и общества. Нередко указывается на его обременительность для государства и «нерентабельность» этого труда для бизнес-сообщества; зачастую демонстрируется безразличное отношение к работникам с семейными обязанностями, несущим двойное бремя, а тем более к будущей рабочей силе. В результате такого положения наблюдается усугубляющийся с каждым годом разрыв в воспроизводстве человеческих ресурсов.

Обсуждение

Проведенный анализ состояния воспроизводства человеческих ресурсов, федеральных программ, направленных на их улучшение, и научный опыт деятельности в сфере воспроизводственного цикла трудовых ресурсов позволяют утверждать, что необходимо сконцентрироваться на дальнейшем развитии как теории, так и практики регулирования воспроизводственного процесса человеческих ресурсов в части изыскания потенциальных возможностей включения родительского труда как условия расширенного воспроизводства человеческих ресурсов, закрепления его экономического и юридического статуса.

В силу отсутствия собственных финансовых ресурсов, правового статуса у творческих коллективов, инициативно занимающихся вопросами улучшения воспроизводственного процесса человеческих ресурсов, необходимо официально, административно воздействовать на стадии воспроизвод-

ства населения, обеспечить институционализацию и укрепление организационного, социального и правового статуса родителей как важнейшего фактора и субъекта воспроизводственного процесса, обеспечивающего стабильность, целостность и безопасное развитие государства.

Представляется, что в числе нерешенных либо требующих уточнения научным сообществом проблем, находятся:

- 1) методология анализа воспроизводственного процесса человеческих ресурсов;
- 2) методика экономико-статистической и метрологической экспертизы воспроизводственного процесса человеческих ресурсов;
- 3) механизмы и модели включения родительского труда в национальную экономику России и Уральского региона;
- 4) разработка и адаптация практико-ориентированных подходов в части активизации бизнес-сообществом комплекса преференций и льгот по поддержке работников с семейными обязанностями;
- 5) обоснование и разработка экономических, управленческих, юридически закрепленных норм родительского труда и его равного статуса с продуктивным трудом.

Обновление в связи с быстро ухудшающейся воспроизводственной ситуацией человеческих ресурсов теоретико-методологических подходов и разработка практико-ориентированных программ позволит начать реальный процесс улучшения воспроизводственной ситуации человеческих ресурсов в Уральском регионе и России в целом в части реализации целеполагающих ориентиров национальных проектов.

Предлагается также подтвердить научную гипотезу, состоящую в том, что нивелирование разрывов в воспроизводственном цикле человеческих ресурсов и, как результат, повышение эффективности процесса воспроизводства человеческих ресурсов достигаются путем решения следующих задач:

- формирование новой методологии регулирования воспроизводственного процесса ЧР, в основе которой — обеспечение избирательной способности системы управления «соответствовать разнообразию состояния объекта управления» в части реагирования на турбулентные изменения внешней среды;
- включение родительского труда в цикл воспроизводства ЧР и экономико-правового пространства в целом;
- разработка практико-ориентированных программ по выполнению рекомендаций

МОТ по повышению значимости работников с семейными обязанностями как основного фактора воспроизводственного процесса будущей и функционирующей рабочей силы; — активизация вовлеченности бизнес-сообщества в разноплановое участие в воспроизводстве трудовых ресурсов.

Выводы

Воспроизводственный процесс человеческих ресурсов является достаточно сложным объектом управления, на эффективное функционирование которого влияют множественные информационные взаимосвязи и одновременное действие множества управляемых величин. Дополнительно возникающая проблема большой размерности и протя-

женности во времени усложняет решение задач оптимизации воспроизводственного процесса [16].

Малопригодность традиционных методов исследования для решения задач воспроизводства человеческих ресурсов усложняется фактором турбулентности внешней среды и стремительной цифровизацией экономики и общества. Поэтому разработка новых методологических подходов в теории и практике такого сложного и крупномасштабного процесса, как воспроизводство человеческих ресурсов, требует разработки новой методологии, адекватно регулирующей воспроизводственный процесс человеческих ресурсов, обеспечивающей не только решение тактико-стратегических задач, но и решение глобальной проблемы — существования России.

Список источников

1. Management of human capital reproduction processes in post-soviet countries / T. Y. Anopchenko, S. V. Grinenko, E. S. Edalova, E. K. Zadorozhnyaya, A. D. Murzin // *Espacios*. 2018. Vol. 39, no. 9.
2. Капкаев И., Нурмухаметов И. Quality of the human capital and state support of development of regional infrastructure. *Smart Innovation // Systems and Technologies*. 2020. Vol. 138. P. 367—380.
3. The importance of human capital in sustainable economic development providing: European experience and the legal aspect / O. M. Omelchuk, V. A. Vatrás, O. P. Podra, V. V. Savenko // *Financial and credit activity-problems of theory and practice*. 2020. No. 32. P. 507—517.
4. The Impact of Motivation on Labor Resources Reproduction / A. Zakharov, V. Kozlov, A. Shamin, Y. Syssoeva // *Integrated science in digital age*. 2020. No. 78. P. 3—10.
5. Ivanová E., Žárská V., Masárová Ja. Digitalization and human capital development // *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2021. Vol. 9, no. 2. P. 402—415.
6. Fomin V. P. Impact of innovations on the dynamic of human capital // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2021. No. 161. P. 782—790.
7. Lvov D. A. Human capital in the face of uncertainty // *Мировая экономика: Проблемы безопасности*. 2020. No. 2. С. 88—91.
8. Transformation of the human capital reproduction in line with industries 4.0 and 5.0 / L. Melnyk, O. Mat-senko, O. Kubatko, Y. Balatskyi, K. Serdyukov // *Problems and Perspectives in Management*. 2021. Vol. 19, no. 2. P. 480—494.
9. Trends in human capital development in Russian regions / T. V. Kasaeva, A. R. Kappusheva, G. M. Burakanova, V. V. Bratkova, A. V. Sherbina // *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. Lecture Notes in Networks and Systems (LNNS)*. Vol. 198). Cham., 2021. P. 310—321.
10. Акьюлов Р. И. Управление результативностью воспроизводства человеческих ресурсов региона: проблемы и перспективы // *Дискуссия*. 2021. № 2—3 (105—106). С. 70—80.
11. Капкаев Ю. Ш., Руденко Д. С. Развитие теории человеческого капитала в современных условиях // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2020. № 6 (440). С. 38—43.
12. Родительский труд как основа воспроизводства человеческих ресурсов в национальной экономике / И. В. Лаврентьева, А. Ф. Черненко, Л. Б. Владыкина, Д. С. Руденко // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. № 6. С. 97—104.
13. Lavrentieva I. V., Kapkaev Yu. Sh., Rudenko D. S. Innovative models of human resources reproduction // *4th International Scientific Conference on Competitiveness and the Development of Socio-Economic Systems dedicated to the Memory of Alexander Tatarkin (CDSSES) 2021. Competitiveness and the development of socio-economic systems*. 2021. № 105. P. 1087—1097.
14. Плелсов А. В. Региональные аспекты реализации национальных проектов стратегического развития России до 2024 года // *Экономика и предпринимательство*. 2019. № 5 (106). С. 472—474.

15. Орлова Е. С. Управление человеческими ресурсами: теория, практика и перспективы // Форум молодежной науки. 2021. № 2—3. С. 30—36.
16. Чульдун А. Э. Основные факторы воспроизводственного процесса человеческого капитала в инновационной экономике // Вестник гражданских инженеров. 2019. № 2. С. 366—373.
17. Pletnev D., Barkhatov V., Kazadaev M. Human capital in Russian power generating corporation // E3S Web of Conferences. 2020. No. 157. P. 04028.
18. Плетнев Д. А., Казадаев М. С. Стратегии управления человеческими ресурсами в российских корпорациях при переходе к ноономике // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. № 227.1. С. 338—359.
19. Плетнев Д. А., Казадаев М. С. Корпоративные университеты как факторы устойчивости и эффективности российских компаний в пандемию // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 165—178.

References

1. Anopchenko TY, Grinenko SV, Edalova ES, Zadorozhnyaya EK, Murzin AD. Management of human capital reproduction processes in post-soviet countries. *Espacios*. 2018;(9).
2. Капкаев I, Nurmukhametov I. Quality of the human capital and state support of development of regional infrastructure. *Smart Innovation. Systems and Technologies*, 2020;(138):367-380.
3. Omelchuk OM, Vatrás VA, Podra OP, Savenko VV. The importance of human capital in sustainable economic development providing: European experience and the legal aspect. *Financial and credit activity-problems of theory and practice*. 2020;(32):507-517.
4. Zakharov A, Kozlov V, Shamin A, Sysoeva Y. The Impact of Motivation on Labor Resources Reproduction. *Integrated science in digital age*, 2020;(78):3-10.
5. Ivanová E, Žárská V, Masárová Ja. Digitalization and human capital development. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2021;(9-2):402-415.
6. Fomin VP. Impact of innovations on the dynamic of human capital. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2021;(161):782-790.
7. Lvov DA. Human capital in the face of uncertainty. *World Economy: Security Issues*. 2020;(2):88-91.
8. Melnyk L, Matsenko O, Kubatko O, Balatskyi Y, Serdyukov K. Transformation of the human capital reproduction in line with industries 4.0 and 5.0. *Problems and Perspectives in Management*. 2021;(19(2):480-494.
9. Kasaeva TV, Kappusheva AR, Burakanova GM, Bratkova VV, Sherbina AV. Trends in human capital development in Russian regions. *Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap*. *Lecture Notes in Networks and Systems (LNNS, vol. 198)*. Cham.; 2021. Pp. 310—321.
10. Akyulov RI. Managing the effectiveness of reproduction of human resources in the region: problems and prospects. *Discussia = Discussion*. 2021;(2-3(105-106):70-80. (In Russ.).
11. Капкаев ЮШ, Руденко ДС. Development of the theory of human capital in modern conditions. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2020;(6(440):38-43. (In Russ.).
12. Lavranteva IV, Chernenko AF, Vladykina LB, Rudenko DS. Parental labor as a basis for the reproduction of human resources in the national economy. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(6):97-104. (In Russ.).
13. Lavrentieva IV, Kapkaev YuSh Rudenko DS. Innovative models of human resources reproduction. In: 4th International Scientific Conference on Competitiveness and the Development of Socio-Economic Systems dedicated to the Memory of Alexander Tatarkin (CDSSES) 2021. Competitiveness and the development of socio-economic systems. 2021;(105):1087-1097. (In Russ.).
14. Pleslov AV. Regional aspects of the implementation of national projects for the strategic development of Russia until 2024. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*. 2019;(5(106):472-474. (In Russ.).
15. Orlova ES. Human Resource Management: Theory, Practice and Prospects. *Forum molodezhnoj nauki = Forum of Youth Science*. 2021;(2-3):30-36. (In Russ.).
16. Chuldun AE. The main factors of the reproduction process of human capital in the innovation economy. *Vestnik grazhdanskih inzhenerov*. 2019;(2):366-373. (In Russ.).

17. Pletnev D, Barkhatov V, Kazadaev M. Human capital in Russian power generating corporation. In: E3S Web of Conferences. 2020;(157):04028.

18. Pletnev DA, Kazadaev MS. Strategies of human resource management in Russian corporations during the transition to neonomics. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2021;(227.1):338-359. (In Russ.).

19. Pletnev DA, Kazadaev MS. Corporate universities as factors of sustainability and efficiency of Russian companies in the pandemic. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):165-178. (In Russ.).

Информация об авторах

И. В. Лаврентьева — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента.

Ю. Ш. Капкаев — кандидат экономических наук, профессор кафедры отраслей и рынков.

Д. С. Руденко — аспирантка.

Information about the authors

Irina V. Lavrentieva — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management, Chelyabinsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (BSF RANEPА).

Yuner Sh. Kapkaev — Candidate of Economic Sciences, Professor of the Department of Industries and Markets.

Daria S. Rudenko — Postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 09.09.2022; одобрена после рецензирования 27.09.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 09.09.2022; approved after reviewing 27.09.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). С. 28—39.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(11(469)):28-39. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 331

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11104

ОЦЕНКА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ БЮДЖЕТОВ РАБОТАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА

Ольга Васильевна Артемова¹ ✉, Ирина Юрьевна Нестеренко²

¹ Челябинский филиал ИЭ УрО РАН, Челябинск, Россия, artemova.ov@uiec.ru

² Уральский социально-экономический институт (филиал) Академии труда и социальных отношений, Челябинск, Россия, nesterenkochel@mail.ru

Аннотация. Дифференциация населения по уровню доходов, благосостояния ведет к социальной поляризации общества, неравенству и пребыванию части населения в категории бедности. Социальная политика (федерального, регионального уровней) призвана обеспечивать достойный уровень жизни населения независимо от того, в каком регионе страны проживают люди. Для этого применяются такие инструменты регулирования, как МРОТ, прожиточный минимум, система потребительских бюджетов. Авторы статьи, оперируя названными инструментами в рамках проводимого исследования, поставили цель: провести оценку потребительских бюджетов работающего населения (бюджета прожиточного минимума; социально приемлемого потребительского бюджета) и апробацию этой методики применительно к работающему населению Челябинской области. В результате исследования и расчета бюджета прожиточного минимума выявлено, что он превышает минимальный потребительский бюджет, обеспечивая при этом простое воспроизводство рабочей силы. Обосновано, что бюджет прожиточного минимума показывает границу бедности населения, ниже которой полноценное развитие человека и населения невозможно. Расчет величины социально приемлемого потребительского бюджета показал возможности расширенного воспроизводства рабочей силы и обеспечение достатка для удовлетворения материальных потребностей и развития людей. Полученные авторами результаты могут использоваться в качестве обоснования для принятия решений по заработной плате работающего населения региона, уровню цен и тарифов, льгот и дотаций наименее обеспеченным слоям населения. Учет полученных результатов позволит активизировать механизм согласования позиций по данной проблематике в рамках партнерства государственных органов власти (в том числе региональных), работодателей и профсоюзов, представляющих интересы трудящихся.

Ключевые слова: потребительские бюджеты, прожиточный минимум, МРОТ, потребительская корзина, методы оценки потребительских бюджетов, бюджет прожиточного минимума, социально приемлемый потребительский бюджет

Благодарности: статья подготовлена в соответствии с планом НИР ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2022 г.

Для цитирования: Артемова О. В., Нестеренко И. Ю. Оценка потребительских бюджетов работающего населения региона // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 28—39. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11104.

Research article

ASSESSMENT OF CONSUMER BUDGETS OF THE WORKING POPULATION OF THE REGION

Olga V. Artemova¹ ✉, Irina Yu. Nesterenko²

¹Chelyabinsk Branch of Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, artemova.ov@uiec.ru

²Ural Socio-Economic Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Chelyabinsk, Russia, nesterenkochel@mail.ru

© Артемова О. В., Нестеренко И. Ю., 2022

Abstract. Differentiation of the population in terms of income and well-being leads to social polarization of society, inequality and the stay of a part of the population in the category of poverty. Social policy (federal, regional levels) is designed to ensure a decent standard of living for the population, regardless of which region of the country they live in. For this, such regulatory instruments as the minimum wage, the living wage, and the system of consumer budgets are used. The authors of the article, using the named tools within the framework of the ongoing study, set the goal: to assess the consumer budgets of the working population (subsistence minimum budget; socially acceptable consumer budget) and test this technique in relation to the working population of the Chelyabinsk region. As a result of the study and calculation of the subsistence minimum budget, it was revealed that it exceeds the minimum consumer budget, while ensuring a simple reproduction of the labor force. It is substantiated that the subsistence minimum budget shows the poverty line of the population, below which the full development of a person and the population is impossible. The calculation of the value of the socially acceptable consumer budget showed the possibility of expanding the reproduction of the labor force and ensuring prosperity to meet material needs and develop people. The results obtained by the authors can be used as a rationale for making decisions on the wages of the working population of the region, the level of prices and tariffs, benefits and subsidies to the poorest segments of the population. Taking into account the results obtained will make it possible to activate the mechanism for coordinating positions on this issue within the framework of partnership between state authorities (including regional ones), employers and trade unions representing the interests of workers.

Keywords: consumer budgets, living wage, minimum wage, consumer basket, methods for estimating consumer budgets, living wage budget, socially acceptable consumer budget

Acknowledgments: the article was prepared in accordance with the research plan of the FSBSI “Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences” for 2022.

For citation: Artemova OV, Nesterenko IYu. Evaluation of consumer budgets of the working population of the region. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):28-39. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11104.

Введение

Безусловным социальным приоритетом в нашей стране является повышение уровня и качества жизни населения, а целью социальной политики на федеральном и региональном уровнях — повышение благосостояния населения. В то же время следует констатировать значительную дифференциацию населения по доходам, социально-экономическое неравенство, бедность. В условиях нестабильности, растущей инфляции эти проблемы усугубляются. Социально-экономическая дифференциация населения различается по материальному достатку, территориальному признаку (регионы, муниципальные образования), по численности и составу семьи, наличию в ней работающих и иждивенцев. Значительный разрыв в уровне жизни ведет к социальному и экономическому неравенству населения. Семьи с высоким доходом обеспечивают себе высокий уровень потребления, позволяющий иметь материальный достаток и возможности развития; напротив, семьи с низкими доходами и минимальным потреблением попадают в категорию бедных. В этом контексте важно понимать границы (уровни) потребительских бюджетов, позволяющих удовлетворять насущные материальные и нематериальные потребности людей.

Авторы статьи определяют актуальность исследования значимостью оценки различных видов потребительских бюджетов для сопоставления их с фактичес-

кими доходами населения, а также необходимостью регулирования доходов населения всех категорий, прежде всего оплаты труда работающего населения.

Потребление населением товаров и услуг может быть разным по степени удовлетворения их потребностей. Для оценки уровня доходов и расходов членов домохозяйств, необходимых для обеспечения их воспроизводства, исходят из разных видов потребительских бюджетов.

В контексте изложенных проблем авторы определили цель исследования — разработка методики оценки потребительских бюджетов работающего населения и расчет размеров потребительских бюджетов (бюджета прожиточного минимума; социально приемлемого потребительского бюджета) работающего населения Челябинской области.

Потребительские бюджеты: содержание, виды, нормативное обеспечение

Система потребительских бюджетов определяется совокупностью нормативных балансов доходов и расходов домохозяйств различных уровней достатка. Тот или иной достаток связан с уровнем благосостояния домашних хозяйств. Существуют различные описания степеней благосостояния. Одни исследователи определяют его по уровням: высокий, средний и низкий. Другие выделяют четыре компонента благосостояния по степени удовлетворенности благами: достаток — потребление

благ, обеспечивающее всестороннее развитие человека; нормальный уровень — рациональное потребление по научно обоснованным нормам, которое обеспечивает человеку восстановление его физических и интеллектуальных сил; бедность — потребление благ на уровне сохранения работоспособности как границы воспроизводства рабочей силы; нищета — минимально допустимый уровень потребления благ, которые позволяют только поддерживать жизнедеятельность человека [2].

Институционально закреплено понятие «минимально допустимый уровень потребления благ», которое определяется прожиточным минимумом, как минимально необходимая для обеспечения жизнедеятельности сумма доходов гражданина»¹.

Отметим, что расчет прожиточного минимума осуществляется нормативно-статистическим методом в зависимости от стоимости продуктовой корзины. В структуре потребительской корзины выделяются продовольственная корзина и непродовольственные товары и услуги. В данном исследовании стоимость продуктовой корзины рассчитывалась по нормативам питания, а стоимость непродовольственных товаров и услуг — в размере 50 % от стоимости продовольственной корзины.

Методика расчета прожиточного минимума справедливо критиковалась специалистами. При этом недостатки расчета величины прожиточного минимума чаще всего связывались с принципами формирования потребительской корзины (ПК). Так, потребительская корзина учитывает физиологический минимум, не обеспечивающий нормальное воспроизводство рабочей силы; ее состав слабо учитывает изменение структуры потребления населения; в структуре ПК низка доля непродовольственных товаров и услуг относительно текущих потребностей, обязательных для функционирования в современном обществе.

Дифференциацию прожиточных минимумов на душу населения по субъектам РФ возможно осуществлять на основе коэффициентов соотношения величины прожиточного минимума на душу населения в целом по РФ и в субъектах РФ, которые должны утверждаться Правительством РФ. Но до сих пор дифференциация прожиточных минимумов на душу населения по субъектам РФ определяется разрывами в стоимости минимальной потребительской корзины по субъектам Федерации.

¹ Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020, с изм. от 06.12.2021) (ст. 1) (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/; дата обращения 01.06.2022).

Известно, что прожиточный минимум служит ориентиром для определения минимального размера оплаты труда (МРОТ). Величина МРОТ имеет разные подходы для определения. Так, установление МРОТ может осуществляться в виде определенной доли от уровня медианной заработной платы. Такой опыт применения, к примеру, имеется в странах Европейского Союза. Данный подход имеет свои преимущества:

- МРОТ меняется в соответствии с изменениями конъюнктуры на рынке труда, уровня зарплат;
- обеспечивается солидарность при формировании заработной платы работников разных категорий доходности, так как МРОТ будет расти с ростом медианной зарплаты;
- закладываются механизмы снижения дифференциации доходов населения.

Формирование МРОТ от уровня медианной (или от средней) заработной платы имеет также проблемные и спорные моменты. Во-первых, оценка уровня медианной заработной платы (в отличие от стоимости потребительской корзины) возможна только органами государственной статистики или другими госорганами на основании большого массива информации и не может быть достоверно оценена другими субъектами. В результате снижается прозрачность расчета этого показателя, что повышает возможность манипулирования его значением. Во-вторых, нет четких критериев величины МРОТ от уровня медианной (или средней) заработной платы. При этом ориентиром могут быть возможности бюджетной системы государства.

Полагаем, что оценка величины МРОТ и прожиточного минимума на основе потребительской корзины является более прозрачной, чем на основе медианной заработной платы или медианного среднедушевого дохода. Если структура потребительской корзины нормативно утверждена, то оценить ее стоимость с учетом определенных погрешностей на цену товаров и услуг может любое заинтересованное лицо.

До 2020 г. прожиточный минимум определялся по стоимости потребительской корзины и обязательных платежей. Уровень прожиточного минимума служил ориентиром для установления минимального размера оплаты труда. С 2019 г. законодательно определено, что МРОТ устанавливается не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения.

В 2020 г. был изменен порядок определения прожиточного минимума и МРОТ в РФ. В соответствии с Федеральным законом № 473-ФЗ от 29.12.2020

были внесены принципиальные изменения в федеральные законы № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» и № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда»¹. Суть изменений касается прежде всего методики определения прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда. Если до принятия этого закона (№ 473-ФЗ) базой для расчета прожиточного минимума была стоимость потребительской корзины, то с 1 января 2021 г. прожиточный минимум рассчитывается как доля от медианного среднедушевого дохода в целом по РФ, а минимальный размер оплаты труда — как доля от медианной заработной платы.

С 1 января 2021 г. в РФ соотношение величины прожиточного минимума на душу населения в целом по РФ и величины медианного среднедушевого дохода в размере 44,2 % установлено на фактически сложившемся уровне (38—42 %) с учетом необходимости повышения прожиточного минимума примерно на уровень инфляции. Другого обоснования размера прожиточного минимума относительно уровня медианного среднедушевого дохода не приводится. А прожиточный минимум, используемый для оценки этого соотношения, рассчитывался по потребительской корзине.

В законе 473-ФЗ предусматривается дифференциация прожиточного минимума по категориям населения: трудоспособного населения — 109 % от величины прожиточного минимума на душу населения в целом по РФ, пенсионеров — 86 %, детей — 97%. Эти соотношения были определены на основе соотношения стоимости потребительской корзины по каждой категории, как было указано в пояснительной записке к проекту данного закона. Стандарты потребления меняются, на основании чего будет определяться дифференциация величины прожиточного минимума по категориям населения.

В соответствии с федеральными законами, регламентирующими установление прожиточного минимума и МРОТ от уровня медианных доходов предыдущего года, прожиточный минимум в 2022 г. должен был составить на душу населения 11 950 руб.,² для трудоспособного населения —

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 473-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372636/; дата обращения 01.06.2022).

² 44,2 % от медианного дохода. Согласно данным Росстата, медианный доход в 2020 г. составил 27 036 руб.

13 026 руб., для пенсионеров — 10 277 руб., для детей — 11 592 руб.,³ а МРОТ должен был быть 13 617 руб. Данная сумма МРОТ была рассчитана на уровне 42 % от медианной заработной платы за предыдущий, 2020 г. (по данным Росстата, это 32 422 руб.). Это означало рост показателей прожиточного минимума и МРОТ относительно 2021 г. на 6,4 %.

Но такие показатели увеличения ПМ и МРОТ означали, что их рост был бы ниже официального уровня инфляции. В декабре 2021 г. были приняты федеральные законы⁴, отменяющие на 2022 г. порядок установления ПМ и МРОТ от уровней медианных среднедушевых доходов и медианной заработной платы предыдущего года (относительно очередного) и устанавливающие ПМ и МРОТ в твердой сумме. На 2022 год ПМ был установлен законом «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» в целом по Российской Федерации на душу населения в размере 12 654 руб., для трудоспособного населения — 13 793, для пенсионеров — 10 882, для детей — 12 274. МРОТ на 2022 г. в соответствии с ФЗ-406 был установлен в сумме 13 890 руб.⁵ Фактически величина ПМ и МРОТ были увеличены относительно уровня 2021 г. на 8,6 %. Это означает что, в 2022 г. Правительство РФ отказалось от формирования уровня ПМ и МРОТ от показателей рыночной трансформации доходов и заработной платы, а вернулось к ориентации на инфляцию.

Изменение нормативных подходов к установлению прожиточного минимума и МРОТ на законодательном уровне не отменяет необходимости оценки прожиточного минимума как минимально необходимой для обеспечения жизнедеятельности суммы доходов гражданина, как это определено

³ Постановление Правительства РФ № 1070 от 30.06.2021 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по РФ на 2022 год».

⁴ Федеральный закон от 06.12.2021 № 406-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда», Федеральный закон от 06.12.2021 № 409-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия отдельных положений статьи 4 Федерального закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»».

⁵ Федеральный закон от 06.12.2021 № 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402647/; дата обращения 01.06.2022).

Федеральным законом «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020, с изм. от 06.12.2021) (ст. 1)¹. Величина расходов, минимально необходимых для поддержания жизнедеятельности человека, должна быть критерием, ниже которого не может быть официального уровня прожиточного минимума, чтобы обеспечивать воспроизводство рабочей силы.

Методы и материалы

В целях понимания и обоснования необходимости поддержания простого воспроизводства рабочей силы как минимальной границы благосостояния населения и расширенного воспроизводства как приемлемого уровня благосостояния населения авторами данного исследования были предложены и рассчитаны минимальный потребительский бюджет (МПБ) и социально приемлемый потребительский бюджет (СП ПБ).

Минимальный потребительский бюджет определялся как стоимостная оценка доходов и расходов человека, необходимых для потребления продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, обеспечивающих сохранение работоспособности как границы воспроизводства рабочей силы. Из приведенных выше степеней благосостояния он соответствует уровню бедности. Отметим, что такой бюджет является бюджетом простого воспроизводства уровня жизни. Его размер позволяет удовлетворять основные материальные и духовные потребности человека, необходимые для восстановления его физических и интеллектуальных сил в отличие от бюджета прожиточного минимума, который ориентирован на минимально допустимые размеры потребления на уровне физиологического минимума и не обеспечивает даже простого воспроизводства рабочей силы [8]. По приведенным категориям степеней благосостояния бюджет прожиточного минимума соответствует уровню нищеты.

Социально приемлемый потребительский бюджет определялся как сумма доходов и расходов, необходимых для потребления продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг по обоснованным нормам, который обеспечивает человеку восстановление его физических и интеллектуальных сил, возможность удовлетворения основных материальных и духовных потребностей и исполнения

семейных обязанностей². По приведенным категориям степеней благосостояния социально приемлемый соответствует уровню среднего или нормального.

В настоящее время в России нет общепринятой методики расчета минимального и социально приемлемого потребительского бюджета. В то же время реализуются научные исследования по разработке методик оценки различных потребительских бюджетов. В частности, в научной литературе и публикациях представлены методические подходы оценки социально приемлемого (восстановительного) потребительского бюджета [3; 5; 13], определения всероссийского стандарта экономической обеспеченности семьи с детьми (СЭУ) [12], а также расчеты рационального потребительского бюджета [14] и минимального (восстановительного) потребительского бюджета [11; 16]. В основе представленных подходов лежат следующие общие положения:

- потребительский бюджет должен оценивать уровень расходов, достаточный для обеспечения воспроизводства человека с учетом физиологических и духовных потребностей;
- в структуре потребительской корзины должны быть увеличены доли непродовольственных товаров и услуг в соответствии с изменением структуры потребления населения исходя из реалий текущего времени; определена структура потребительской корзины на уровне фактической структуры потребительских расходов соответствующей группы потребителей (низкодоходных, со средними доходами) [6; 7; 10; 15];
- в составе продуктовой потребительской корзины должен быть увеличен набор продуктов питания и изменена структура продуктовой корзины в сторону увеличения доли мяса, рыбы, овощей, фруктов для обеспечения физиологических потребностей человека;
- при расчете потребительского бюджета необходимо учитывать потребности в жилищной обеспеченности и формирования финансовых резервов для снижения риска при наступлении неблагоприятных жизненных обстоятельств [1; 4; 15];
- потребительский бюджет не должен сводиться к прожиточному минимуму работника, а включать компоненту, необходимую для воспроизводства рабочей силы, то есть

¹ Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020, с изм. от 06.12.2021) (ст. 1) (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/; дата обращения 01.06.2022).

² Разъяснение Счетной палаты по вопросу перехода от прожиточного минимума к минимальному потребительскому бюджету (<https://www.pravo.ru/news/201502>; дата обращения 01.06.2022).

устанавливаться с учетом иждивенческой нагрузки для расширенного воспроизводства рабочей силы [9; 14].

Авторами на основе изучения существующих методологических подходов к оценке потребительских бюджетов предложена методика оценки минимального и социально приемлемого потребительских бюджетов на следующих условиях:

1. Потребительский бюджет рассчитывался нормативно-статистическим методом. В качестве нормативных составляющих потребительской корзины были взяты наборы продуктов питания, расходы на коммунальные и жилищные услуги, транспортные расходы. Расходы на питание, жилищно-коммунальные услуги, транспортные услуги рассчитывались прямым счетом исходя из натуральных норм потребления и цен на товары и услуги. Остальные расходы оценивались в процентах от перечисленных расходов.
2. Расходы на питание рассчитывались на основе состава продуктовой корзины в соответствии с приказом Министерства здравоохранения РФ¹.
3. Доля расходов на питание, непродовольственные товары и услуги в структуре потребительских расходов населения оценивалась на основе данных Росстата по фактической структуре потребительских расходов децильных групп домашних хозяйств, выделенных по уровням доходов домашних хозяйств.
4. При расчете потребительского бюджета учитывались расходы домашних хозяйств на оплату налогов с физических лиц и обязательных платежей (страховые взносы, членские взносы в садоводческие товарищества, гаражные кооперативы и др.) и сбережения.
5. Потребительский бюджет рассчитывался с учетом иждивенческой нагрузки. Коэффициент иждивенчества был принят 1,25, он предполагает, что работник имеет одного ребенка и его содержание обеспечивают двое родителей.
6. При оценке потребительских бюджетов учитывалась региональная специфика их формирования, поскольку методика оценки была основана на использовании территориальных тарифов на коммунальные, транспортные услуги, региональных нормах обеспечения жилой площадью, нормативов потребления ком-

мунальных услуг, цен на продукты питания на региональном рынке.

В настоящее время источником информации по потребительским ценам, доступной в реальном режиме времени, является розничная онлайн-торговля и информация о ценах на товары и услуги на сайтах крупных торговых сетей.

Группы населения выделены по децильным 10-процентным группам по доходам, где 1-я группа — население с минимальными доходами, 10-я группа — с максимальными доходами. Структура расходов при расчете МПБ была принята по 2-й группе населения по доходам, так как у населения 1-й группы доходы ниже прожиточного минимума. Среднедушевые доходы в 2020 г. у домашних хозяйств, относящихся ко второй группе доходов, по данным Росстата составляли 10 265,87 руб.,² что ниже МРОТ 2020 г.,³ но к нему приближены. Для расчета социально приемлемого потребительского бюджета были использованы данные по структуре потребительских расходов домохозяйств 6-й группы по доходам (как средней группы из 10 выделяемых). Среднедушевые доходы в 2020 г. у домашних хозяйств, относящихся к 6-й группе доходов, по данным Росстата, составили 21 071 руб.

По данным Росстата, в структуре использованных денежных доходов населения РФ доля расходов на оплату налогов, обязательных платежей в общественные и кооперативные организации, в качестве процентов за кредиты, страховых взносов составляет в 2018—2021 гг. 15,0—15,4%. Для расчета потребительских бюджетов сумма этих расходов была принята в размере 15% от потребительских расходов на продовольственные и непродовольственные товары и услуги.

По данным Росстата, в структуре денежных доходов и расходов населения РФ доля сбережений составляла в 2020 г. 9,1%. Сбережения включали прирост (уменьшение) сбережений во вкладах в банках, наличных денег, расходы на покупку недвижимости, скота и птицы населением и крестьянскими хозяйствами, прирост (уменьшение) задолженности по кредитам, приобретение ценных бумаг. Для расчета МПБ сумма сбережений была принята в размере 10% от потребительских расходов. Для расчета СП ПБ сумма сбережений определялась расходами на приобретение недвижимости.

Условия СП ПБ предполагают покупку жилья экономкласса в течение активного трудоспособного

¹ Приказ № 614 от 19 августа 2016 года (с изм. на 1 дек. 2020 г.) «Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания».

² Федеральная служба государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/folder/13397>; дата обращения 01.06.2022).

³ МРОТ в 2020 г. составлял 12 130 руб.

возраста. Если исходить из максимального периода предоставления ипотечного кредита (30 лет), то сумма ежемесячных сбережений рассчитывается следующим образом: стоимость квартиры делится на 30 лет и на 12 месяцев. Стоимость квартиры определялась по текущим ценам предложения жилья в регионе на первичном рынке в многоэтажном панельном доме.

В транспортные расходы при расчете МПБ были включены расходы на проезд в общественном транспорте (2 поездки в день или 60 поездок в месяц). При расчете СП ПБ транспортные расходы были рассчитаны как расходы на топливо при ежедневном использовании автомобиля в режиме 40 км в день. Норма расхода бензина на 100 км — 9 л. Стоимость бензина была учтена по текущим розничным ценам.

Расходы на ЖКУ были рассчитаны по нормативам жилой площади на человека и оплаты ЖКУ в Челябинске. Данные расходы рассчитаны из условий совместного проживания семьи из 4 человек, в которой двое работающих и два иждивенца. Нормы оплаты ЖКУ (отопление, холодное и горячее водоснабжение, водоотведение, содержание жилого помещения, вывоз твердых коммунальных отходов, капитальный ремонт зданий, электроэнергия) были взяты для многоквартирных панельных домов с централизованными системами отопления

и водоснабжения, оборудованных стационарными электрическими плитами и лифтами. Данный тип жилья является наиболее массовым в Челябинской области. Расходы на ЖКУ в месяц на одного работающего члена семьи рассчитаны в размере 50% от расходов на ЖКУ в месяц на семью.

В соответствии с решением Челябинской городской Думы¹ норма предоставления площади жилого помещения по договору социального найма, договору найма жилого помещения жилищного фонда социального использования установлена в размере 18 кв. м общей площади на одного человека. Следовательно, для семьи из четырех человек она составляет 72 кв. м.

Результаты

С использованием предложенных авторами подходов была проведена оценка МПБ и СП ПБ для Челябинска в 2021 г. В табл. 1 представлен расчет потребительской корзины в части продуктов питания.

¹ Об установлении нормы предоставления и учетной нормы площади жилого помещения на территории муниципального образования «Город Челябинск» (с изм. на 25 дек. 2018 г.) (в ред. Решения Челябинской городской Думы от 25.12.2018 № 48/7) (<https://docs.cntd.ru/document/432949792>; дата обращения 01.06.2022).

Таблица 1
Table 1

Стоимость потребительской корзины питания The cost of the consumer basket of food

Вид продукта питания	Норматив потребления, кг/год/чел.	Стоимость за кг**	Сумма затрат в год
Хлебные продукты (хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, мука, крупы, бобовые)	96,0	10,87	7 763,400
Картофель	90,0	34,99	3 149,100
Овощи и бахчевые	140,0	58,95	8 253,600
Фрукты свежие	100,0	137,34	13 734,100
Рыбопродукты	22,0	324,99	7 149,780
Молоко и молокопродукты, всего в пересчете на молоко	325,0	57,82	18 792,500
Яйца, шт.	260,0	7,70	2 002,000
Масло растительное	12,0	127,77	1 533,240
Соль поваренная	1,8	14,79	26,622
— в год			85 452,30
— в месяц			7 121,030

* Рассчитано в соответствии с Приказом Министерства здравоохранения РФ № 614 от 19.08.2016 (в ред. от 01.12.2020) «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания» (с изм. на 1 дек. 2020 г.) (<https://docs.cntd.ru/document/420374878>; дата обращения 01.06.2022).

** Средняя цена по укрупненной группе продуктов, рассчитанная по каталогу магазина «Пятерочка» (<https://5ka.ru/rating/catalogue/39441>; дата обращения 14.12.2021).

В табл. 2 представлен расчет потребительской корзины в части стоимости услуг ЖКУ.

С учетом проведенных расчетов (табл. 1 и 2) был определен минимальный потребительский бюджет на одного работающего в Челябинске за 2021 г. (табл. 3).

Также с учетом проведенных расчетов (табл. 1 и 2) был определен социально приемлемый потребительский бюджет на одного работающего в Челябинске за 2021 г. (табл. 4).

Таблица 2

Table 2

Стоимость услуг ЖКУ на квартиру в Челябинске, 2021 г.
The cost of housing and communal services for an apartment in Chelyabinsk, 2021

Вид ЖКУ	Норматив потребления	Стоимость за единицу измерения, руб.	Стоимость на квартиру, руб.
Отопление в среднем за месяц, руб./кв. м	72	51,14	2 213,34
Горячее водоснабжение с 1-го по 10-й этаж (подогрев воды), руб./чел.	4	296,24	1 184,96
Холодное водоснабжение и водоотведение, руб./чел.	4	348,58	1 394,32
Содержание жилого помещения, руб./кв. м	72	23,61	1 699,92
Услуга по обращению с ТКО (для МКД), руб./чел.	4	84,39	337,56
Капитальный ремонт, руб./кв. м	72	10,1	727,2
Электроэнергия по нормативам потребления электрической энергии для населения кВт•ч на 1 чел./мес.	520	2,43	1 263,6
Расходы на ЖКУ в месяц на семью			8 820,9
Расходы на ЖКУ в месяц на 1 работающего члена семьи			4 410,45

Таблица 3

Table 3

Расчет минимального потребительского бюджета
Calculation of the minimum consumer budget

Показатель	Структура расходов, %*	Потребительские расходы, руб./мес.	
		без коэффициента иждивенчества	с учетом коэффициента иждивенчества (1,25)
Потребительские расходы, в том числе на следующее:	100	199 15,66	23 791,97
— продукты питания и безалкогольные напитки	41,4	7 121,10	8 901,38
— жилищные и коммунальные услуги**	15,7	4 410,45	4 410,45
— транспорт***	7,7	1 380,00	1 725,00
— другие товары и услуги	35,2	7 004,11	8 755,14
Налоги и обязательные платежи (15 %)		2 987,35	3 568,80
Сбережения (10 %)		1 991,57	2 379,20
Минимальный потребительский бюджет (с учетом уральского коэффициента) до вычета НДФЛ, руб./мес.		24 894,58	29 739,96
МПБ без учета уральского коэффициента до вычета НДФЛ		21 647,46	25 860,83
МПБ с начислением уральского коэффициента и с вычетом НДФЛ (чистый доход)		21 658,28	25 873,76

* Рассчитано по второй группе населения по доходам.

** ЖКУ включают содержание МКД (в том числе капитальный ремонт), холодное и горячее водоснабжение и водоотведение, отопление, утилизацию и вывоз ТБО, электроэнергию.

*** При расчете транспортных расходов учтены только расходы на проезд в общественном транспорте — 2 поездки в день: 60 ед. × 23 руб. = 1380 руб. в месяц. Стоимость проезда в общественном транспорте Челябинска на январь 2022 г. — 23 руб.

Таблица 4
Table 4Расчет социально приемлемого потребительского бюджета
Calculation of socially acceptable consumer budget

Показатель	Структура расходов, %*	Потребительские расходы, руб./мес.	
		без коэффициента иждивенчества	с учетом коэффициента иждивенчества (1,25)
Потребительские расходы, в том числе на следующее:	100	28 633,71	34 689,52
— продукты питания и безалкогольные напитки	34,5	7 121,10	8 901,38
— жилищные и коммунальные услуги**	13,4	4 410,45	4 410,45
— транспорт***	10,1	5 076,00	6 345,00
— другие товары и услуги	42,0	12 026,16	1 5032,70
Налоги и обязательные платежи (15%)		4 295,06	5 203,43
Сбережения****		6 945,00	6 945,00
Социально приемлемый потребительский бюджет (с учетом уральского коэффициента) до вычета НДФЛ, руб./мес.		39 873,76	46 837,95
СП ПБ без учета уральского коэффициента до вычета НДФЛ		34 672,84	40 728,65
СП ПБ с начислением уральского коэффициента и с вычетом НДФЛ (чистый доход)		34 690,17	40 749,02

* Рассчитано по шестой группе населения по доходам.

** ЖКУ включают содержание МКД (в том числе капитальный ремонт), холодное и горячее водоснабжение и водоотведение, отопление, утилизацию и вывоз ТБО, электроэнергию.

*** Транспортные расходы рассчитаны как расходы на топливо при ежедневном использовании автомобиля в режиме 40 км в день. Норма расхода бензина на 100 км — 9 л. Стоимость бензина (Аи-92) 47 руб./л. Транспортные расходы в месяц = 40 км × 30 дней × 9 л/100 × 47 руб. = 5076 руб.

**** Сбережения рассчитаны в сумме необходимых расходов на приобретение жилья. Если исходить из стоимости квартиры 2,5 млн руб. и максимального периода предоставления ипотечного кредита 30 лет, то сумма ежемесячных сбережений должна быть не менее 2,5 млн / 30 лет / 12 мес. = 6945 руб.

Итак, с использованием представленной методики был проведен расчет минимального потребительского бюджета и социально приемлемого потребительского бюджета для работающего населения Челябинска на начало 2022 г. МПБ одинокого работника составил без малого 25 тыс. руб. в месяц (24 894 руб.). С учетом наличия иждивенцев данный показатель составил 30 тыс. руб. (29 739 руб.). В своей повседневной жизни люди в качестве своих доходов оперируют суммой чистого дохода (за вычетом НДФЛ), который они могут использовать на потребление и накопление. Величина МПБ как чистого дохода составляет для Челябинской области для работника, не обремененного иждивенцами, 21 658 руб., при наличии иждивенцев — 25 873 руб. МПБ характеризует уровень доходов, обеспечивающих сохранение работоспособности на границе воспроизводства рабочей силы: ниже этого уровня не может быть простого воспроизводства физической и интел-

лектуальной работоспособности, происходит деградация рабочей силы. Рассчитанный показатель МПБ в 1,8 раза превышает МРОТ 2022 г.¹ без учета иждивенцев и в 2,15 раза с учетом иждивенцев. МРОТ может обеспечить только уровень физиологического минимума, но при этом рацион питания не соответствует физиологическим потребностям и не может обеспечить сохранение здоровья и нормальное восстановление физических сил, нормальные жилищные условия, при этом возможности потребления непродовольственных товаров и услуг не учитывают полного набора благ, необходимых для удовлетворения первоочередных материальных и социокультурных потребностей.

Социально приемлемый потребительский бюджет работающего населения Челябинской области, согласно расчетам, в настоящее время составляет 39 873 руб. без учета иждивенцев и 46 837 руб. с учетом иждивенца. Эти показатели в пересчете

¹ МРОТ 2022 г. равен 13 890 руб.

на чистые доходы (за вычетом НДФЛ) составляют 34 690 и 40 749 руб. соответственно. Сумма доходов и расходов по СП ПБ обеспечивает работнику возможность восстановления физических и интеллектуальных сил, удовлетворения основных материальных и духовных потребностей и исполнения семейных обязанностей.

Сравнение СП ПБ Челябинской области с величиной медианной заработной платы 2022 г. показывает, что СП ПБ без учета иждивенцев выше уровня медианной заработной платы на 14 %, а с учетом иждивенцев — на 34 %¹. Таким образом заработная плата значительной части работников Челябинска не может обеспечить нормальное воспроизводство рабочей силы и удовлетворение потребностей на необходимом уровне. Полагаем, что разрыв в уровне СП ПБ и медианной заработной платы в Челябинске еще больше, поскольку сравнение СП ПБ по Челябинску было проведено с уровнем медианной заработной платы в среднем по РФ (Росстат не представляет в настоящее время информацию по медианной заработной плате в разрезе регионов). При этом медианная заработная плата в Челябинской области меньше среднероссийского уровня, по-

¹ По данным Росстата, медианная заработная плата в 2020 г. составляла 32 422 руб., а средняя — 51 353 руб. (https://rosstat.gov.ru/labour_costs). В соответствии с исследованиями аналитического центра «Авито Работа» в 2021 г. медианная заработная плата составляла примерно 35 000 руб. (<https://www.vedomosti.ru/finance/news/2022/01/12/904415-mediannaya-zarplata-v-rossii-uvlichilas-do-35-000-rublei>).

скольку средняя заработная плата в регионе ниже, чем в среднем по РФ.

Заключение

Разработана и апробирована методика расчета минимального потребительского бюджета и социально приемлемого потребительского бюджета по работающему населению Челябинска.

В результате расчета авторов определено, что уровень МПБ превышает МРОТ 2022 г. Этот важный вывод акцентирует внимание на том, что МРОТ может обеспечить только уровень физиологического минимума, но при этом рацион питания не соответствует физиологическим потребностям и не может обеспечить сохранение здоровья и нормальное восстановление физических сил, в то время как МПБ учитывает возможности потребления продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг в полном наборе благ, необходимых для удовлетворения первоочередных материальных и социокультурных потребностей.

Кроме того, определено, что СП ПБ выше уровня медианной заработной платы, из чего следует, что заработная плата значительной части работников Челябинска не может обеспечить нормальное воспроизводство рабочей силы и удовлетворения потребностей на необходимом уровне.

Рассчитанные показатели МПБ и СП ПБ являются ориентирами для анализа необходимого уровня доходов работающего населения, обеспечивающего удовлетворение потребностей на разном уровне благосостояния.

Список источников

1. Абдулова С. Ю. Вопросы определения потребительской корзины для регионов Российской Федерации в части непродовольственных товаров и услуг (на примере Астраханской области) // Отраслевая и региональная экономика: проблемы и механизмы управления // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер.: Экономика. 2020. № 3. С. 59—70.
2. Антропов В. В. Минимальный потребительский бюджет как инструмент государственной социальной политики за рубежом // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 6. С. 85—95.
3. Бобков В. Н. Методологический подход Всероссийского центра уровня жизни к изучению и оценке качества и уровня жизни населения // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2009. № 2. С. 26—36.
4. Социально приемлемая потребительская корзина / В. Н. Бобков, Е. В. Одинцова, А. А. Гулюгина, А. М. Сафронова // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2 (212). С. 8—26.
5. Бобков В. Н. Социальные стандарты оплаты труда и формирование инновационного общества // Уровень жизни населения регионов России. 2009. № 10—11. С. 4—6.
6. Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Гулюгина А. А. Потребительская корзина как основа государственных гарантий минимальных денежных доходов российских граждан (часть вторая) // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 4. С. 4—18.
7. Комар О. Н. Методологические проблемы расчета прожиточного минимума // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4 (38). С. 130—133.

8. Литвинов В. А. Прожиточный минимум в системе потребительских бюджетов // Уровень жизни населения регионов России. 2007. № 7.
9. Мигранова Л. А., Попова Р. И. Влияние МРОТ на уровень и дифференциацию заработной платы в 2019 г. // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 4 (214). С. 21—35.
10. Мигранова Л. А. Прожиточный минимум 2013 года — «новая» методика, старые проблемы // Народонаселение. 2013. № 1. С. 42—51.
11. Оценка стоимости минимального (восстановительного) потребительского бюджета для работников, занятых легким и тяжелым физическим трудом, в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. М.: Нефтегазстройпрофсоюз России, 2017.
12. Ржаницына Л. С. Стандарт экономической устойчивости семьи с детьми — новый ориентир политики доходов // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 1. С. 121—129.
13. Рогожникова Ю. С. Формирование уровня заработной платы в рамках концепции достойного труда // Вестник евразийской науки. 2014. № 3 (22).
14. Садков В. Г., Старикова Л. И., Новиков Е. В. О формировании стратегий развития регионов и повышения эффективности института социального партнерства на основе регулярных расчетов потребительских бюджетов // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 31 (214). С. 2—14.
15. Терентьева О. Н. Актуальные вопросы наполнения потребительской корзины среднестатистического россиянина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14, № 12. С. 2231—2243.
16. Широкова Л. Н., Сковпень В. А., Мосина Л. Л. Вопросы оплаты труда работников в Генеральном соглашении на 2018—2020 годы (на примере бюджетного сектора экономики) // ИнноЦентр. 2018. № 4(21). С. 84—95.

References

1. Abdulova SY. Issues of determining the consumer basket for the regions of the Russian Federation in terms of non-food products and services (on the example of the Astrakhan region). *Branch and regional economy: problems and management mechanisms. Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economy*. 2020;(3):59-70. (In Russ.).
2. Antropov VV. The minimum consumer budget as an instrument of state social policy abroad. *Economics. Taxes. Right*. 2016;(6):85-95. (In Russ.).
3. Bobkov VN. Methodological approach of the All-Russian Center for the standard of living to the study and assessment of the quality and standard of living of the population. *Bulletin of the Voronezh State University. Ser.: Economics and management*. 2009;(2):26-36. (In Russ.).
4. Bobkov VN, Odintsova EV, Gulyugina AA, Safronova AM. Socially acceptable consumer basket. *The standard of living of the population of the regions of Russia*. 2019;(2(212):8-26. (In Russ.).
5. Bobkov VN Social wage standards and the formation of an innovative society. *Living standards of the population of regions of Russia*. 2009;(10-11):4-6. (In Russ.).
6. Bobkov VN, Odintsova EV, Gulyugina AA. Consumer basket as a basis for state guarantees of minimum monetary incomes of Russian citizens (part two). *Population*. 2020;(23(4):4-18. (In Russ.).
7. Komar ON. Methodological problems of calculating the subsistence minimum. *Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014;(4(38):130-133. (In Russ.).
8. Litvinov VA. Living wage in the system of consumer budgets. *Living standards of the population of regions of Russia*. 2007;(7). (In Russ.).
9. Migrantova LA, Popova RI. Influence of the minimum wage on the level and differentiation of wages in 2019. *The standard of living of the population of the regions of Russia*. 2019;4(214):21-35. (In Russ.).
10. Migrantova LA. The cost of living in 2013 — a “new” methodology, old problems. *Population*. 2013;(1):42-51. (In Russ.).
11. Estimation of the cost of the minimum (recovery) consumer budget for workers engaged in light and heavy physical labor in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra. Moscow: Neftgazstroyprofsoyuz of Russia; 2017. (In Russ.).
12. Rzhantsyna LS. The standard of economic sustainability of a family with children – a new benchmark for income policy. *Population*. 2019;(22(1):121-129. (In Russ.).

13. Rogozhnikova YuS. Formation of the level of wages within the framework of the concept of decent work. *Bulletin of the Eurasian Science*. 2014;(3(22):65. (In Russ.).

14. Sadkov VG, Starikova LI, Novikov EV. On the formation of strategies for the development of regions and improving the efficiency of the institution of social partnership based on regular calculations of consumer budgets. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2011;(31(214):2-14. (In Russ.).

15. Terentyeva ON Topical issues of filling the consumer basket of the average Russian. National interests: priorities and security. 2018;(14(12):2231-2243. (In Russ.).

16. Shirokova LN, Skovpen VA, Mosina LL. Issues of remuneration of employees in the General agreement for 2018—2020 (on the example of the public sector of the economy). *InnoCentr*. 2018;(4(21):84-95. (In Russ.).

Информация об авторах

О. В. Артемова — доктор экономических наук, профессор, директор Челябинского филиала Института экономики УрО РАН.

И. Ю. Нестеренко — кандидат экономических наук, доцент, директор Уральского социально-экономического института (филиала) Академии труда и социальных отношений.

Information about the authors

Olga V. Artemova — Doctor of Economic Sciences, Professor, Director of the Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Irina Yu. Nesterenko — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Ural Socio-Economic Institute (branch) of the Academy of Labor and Social Relations.

Статья поступила в редакцию 07.06.2022; одобрена после рецензирования 17.08.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 07.06.2022; approved after reviewing 17.08.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 330

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11105

ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ КИТАЯ И РОССИИ

Евгения Александровна Захарова^{1✉}, Денис Викторович Давыдов²,
Елена Михайловна Земцова³

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, jaz@bk.ru, ORCID: 0000-0002-5127-2781

² Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, davydov.denis.v@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6643-3122

³ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, zemtsowa.l@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7048-259X

Аннотация. Приводится обзор исследований пространственной экономики Китая и России, для которых характерна проблема поляризации развития регионов. Исследования демонстрируют возможности количественной пространственной экономики, в частности моделей, которые опираются на микрогеографические данные. В работах по экономике Китая отмечается, что после реформы промышленность стала более концентрированной: Северо-Восточный регион испытал снижение доли промышленности, так как нес на себе бремя плановой экономики. Государственная политика, местные правила, а также региональная интеграция и конкуренция играют все более важную роль в промышленной географии Китая, на отраслевые конкурентные преимущества в стране влияет взаимодействие между соседними регионами и соответствующими отраслями. Сеть скоростных автомагистралей, система «Хукоу» сформировали современную пространственную экономику Китая: в прибрежных городах размещены высокотехнологичные и капиталоемкие обрабатывающие производства, трудоемкие и ресурсоемкие секторы стали рассредоточенными в периферийных районах. Различия в доступе к внутренним и международным товарным рынкам между городами приводят к пространственным различиям в номинальной заработной плате. Значительная часть роста пространственных различий в заработной плате обусловлена увеличением доступа к рынкам до вступления Китая в ВТО, а после — неравномерным ростом привлекательности мест производства. В работах по экономике России отмечается, что отрасли промышленности были в РСФСР локализованы гораздо слабее, чем в относительно небольших странах Западной Европы, но по сравнению с Канадой, более протяженной страной с низкой плотностью населения, промышленное размещение в РСФСР аналогично. Концентрация некоторых отраслей в современной России не отличается от других, более развитых стран. Географический фактор и внешняя торговля в современной России оказали значительное влияние на уровень ВРП на душу населения в регионах. Исследования по экономической географии России с использованием микроэкономических данных и моделей количественной пространственной экономики немногочисленны, что открывает новые горизонты актуальных исследований.

Ключевые слова: новая экономическая география, пространственная экономика, эмпирические исследования

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22-28-20358.

Для цитирования: Захарова Е. А., Давыдов Д. В., Земцова Е. М. Исследования пространственной экономики Китая и России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 40—50. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11105.

Original article

SPATIAL ECONOMICS STUDIES OF CHINA AND RUSSIA

Evgenia A. Zakharova^{1✉}, Denis V. Davydov², Elena M. Zemtsova³

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, jaz@bk.ru, ORCID: 0000-0002-5127-2781

² Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, davydov.denis.v@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6643-3122

³ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, zemtsowa.l@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7048-259X

© Захарова Е. А., Давыдов Д. В., Земцова Е. М., 2022

Abstract. The paper provides an overview of studies of the spatial economy of China and Russia, which are characterized by the problem of polarization of regional development. Research demonstrates the possibilities of quantitative spatial economics, in particular models that rely on microgeographic data. In works on the Chinese economy, it is noted that after the reform, industry became more concentrated: the northeastern region experienced a decrease in the share of industry, as it bore the burden of a planned economy. Government policy, local regulations, and regional integration and competition play an increasingly important role in China's industrial geography, and industry-specific competitive advantages in the country are influenced by interactions between neighboring regions and related industries. The network of expressways, the Hukou system have shaped China's modern spatial economy: high-tech and capital-intensive manufacturing industries are located in coastal cities, labor-intensive and resource-intensive sectors have become dispersed in peripheral areas. Differences in access to domestic and international commodity markets between cities lead to spatial differences in nominal wages. Much of the growth in spatial wage disparities is due to increased market access before China's accession to the WTO and, afterward, to uneven growth in the attractiveness of production sites. In the works on the Russian economy, it is noted that industries in the RSFSR were much less localized than in the relatively small countries of Western Europe, but compared to Canada, a more extended country with a low population density, industrial distribution in the RSFSR is similar. The concentration of some industries in modern Russia does not differ from other more developed countries. The geographical factor and foreign trade in modern Russia had a significant impact on the level of GRP per capita in the regions. Research on the economic geography of Russia using microeconomic data and quantitative spatial economics models is scarce, which opens up new horizons for topical research.

Keywords: new economic geography, spatial economics, empirical studies

Acknowledgments: the reported study was funded by RSF, project number 22-28-20358.

For citation: Zakharova EA, Davydov DV, Zemtsova EM. Spatial economics studies of China and Russia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):40-50. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11105.

Введение

Проблема поляризации развития регионов страны характерна для экономических систем с высоким уровнем начальной неоднородности экономического пространства. Опыт, например, Китая, является эмпирическим свидетельством правомерности этого предположения: эффекты от интеграции страны в глобальную экономику аккумулированы в основном в приморских провинциях. Россия унаследовала от Советского Союза своеобразную модель территориального размещения факторов производства [1]. Поэтому особое внимание в нашей работе уделяется анализу исследований экономик Китая и России, больших по площади стран с протяженной границей, проведенных с использованием моделей новой экономической географии (New economic geography, NEG) и количественных моделей количественной пространственной экономики (Quantitative spatial economics, QSE).

В работе представлены основные результаты эмпирических работ, которые демонстрируют возможности QSE, в частности моделей, опирающихся на микрогеографические данные, а также возможности современных методов эконометрического анализа панельных данных.

В разделе 1 мы обсуждаем эмпирические исследования пространственной экономики Китая, уделяя внимание результатам политики пространственного развития и транспортной инфраструктуры. В разделе 2 мы обсуждаем исследования

пространственной экономики России, которые отталкиваются от исторических предпосылок современного размещения производственных сил в экономике с точки зрения концентрации, агломерации, пространственной эффективности.

1. Пространственная экономика Китая

Экономические реформы в Китае, начатые в 1978 г., привели к значительным результатам. Изменилось место Китая в мире: в 1978 г. доля Китая в мировой экономике составляла около 1 %, сейчас — более 20 %. Пространственные различия районов Китая — проблема для инклюзивного роста.

1.1. Политика пространственного развития

Производственные предприятия до 1949 г. были расположены в Восточном Китае. Размещение предприятий с 1953 по 1978 г. не определялось экономическими соображениями [2]. После 1978 г. промышленность в Китае развивалась в восточных провинциях, особенно в дельтах Жемчужной реки и Янцзы. Скорость агломерации промышленности в этих провинциях была выше, чем скорость агломерации населения. Институциональным барьером для миграции населения являлась система регистрации домашних хозяйств («Хукоу»). В исследовании [2] сопоставление уровней концентрации обрабатывающей отрасли Китая между 1980, 1985 и 1995 гг. показывает, что после реформы промышленность стала более концентрированной.

Северо-Восточный регион страны испытал снижение доли промышленности, так как нес на себе бремя плановой экономики. После 1978 г. в других регионах наблюдалось сокращение доли промышленности и численности населения [3].

М. Боскер и др. [4] оценивают влияние политики пространственного развития Китая на урбанизацию и региональное неравенство. Они рассматривают последствия стратегий пространственного развития страны: ограничение мобильности рабочей силы и строительство. Экономика Китая характеризуется быстрым экономическим развитием. Полученные выгоды не были распределены в равной степени по всей стране. В сельских районах наблюдалось повышение уровня жизни и снижение уровня бедности, но рост в городских районах, особенно в прибрежных районах Китая, был значительно больше. Включив мобильность рабочей силы в структурную новую модель экономической географии, М. Боскер и др. [4] оценили, как сеть скоростных автомагистралей и система «Хукоу» сформировали пространственную экономику Китая. Строительство автомагистралей усилило существующие модели урбанизации. М. Боскер заключает, что наибольший прирост благосостояния для большинства людей возможен при отмене ограничений «Хукоу», а ослабление приведет к более равномерному урбанизированному Китаю, при этом рост доходов будет сопровождаться концентрацией экономической активности в прибрежных районах.

В другой работе рассматривается реструктуризация промышленности в дельте реки Янцзы. Д. Ву и др. [5] исследуют динамику размещения и детерминанты обрабатывающей промышленности с 1999 по 2013 г. Исследователи замечают, что в прибрежных городах размещены высокотехнологичные и капиталоемкие обрабатывающие производства, трудоемкие и ресурсоемкие секторы стали рассредоточенными в периферийных районах. Д. Ву показывает, что развитие высокотехнологичных отраслей, сферы услуг, рост стоимости рабочей силы и экологические нормы способствовали географическому распределению трудоемких и загрязняющих окружающую среду отраслей [5]. Исследователи заключают, что государственная политика, местные правила, а также региональная интеграция и конкуренция играют все более важную роль в промышленной географии Китая; на отраслевые конкурентные преимущества в стране влияет взаимодействие между соседними регионами и соответствующими отраслями [5].

Пространственные различия районов Китая создают проблему для инклюзивного роста. «Если

рынки товаров и факторов производства Китая интегрируются внутри страны и на международном уровне, то почему пространственные разрывы в заработной плате растут, а не сокращаются?» [6]. Л. Херинг и С. Понсе [7] утверждают, что различия в доступе к внутренним и международным товарным рынкам между городами приводят к пространственным различиям в номинальной заработной плате. Гравитационные модели [6; 7] позволили оценить влияние международной границы на двусторонний экспорт по сравнению с внутренней границей провинций. Оценки [7] указывают на наличие барьеров для торговли между провинциями в 1997 г. Эффект внутренних границ уменьшает доступ к рынкам западных китайских городов по сравнению с городами, находящимися на востоке. Реформы уменьшили этот эффект [6] на торговые потоки внутри Китая в 2002 и 2007 гг. Оценки [6] показывают, что значительная часть роста пространственных различий в заработной плате обусловлена увеличением доступа к рынкам до вступления страны в ВТО, а после — неравномерным ростом привлекательности мест производства. «Когда внешние связи стимулируют развитие, заработная плата растет быстрее в местах с более широким доступом к внешним рынкам. Вызванное политикой снижение внутренних торговых барьеров, например за счет инвестиций в инфраструктуру и перераспределение бюджетных средств, способствующее росту внутренних городов, представляется полезной политикой для борьбы с дальнейшим ростом общего пространственного неравенства» [6].

1.2. Промышленная земельная политика

Промышленные земли являются важным фактором в производстве, поэтому цены на промышленные земли рассматриваются в качестве движущей силы развития.

В работе Д. Чжэн [8] установлено, что расширение предложения промышленных земель и сбалансированная политика распределения земель положительно связаны с выбором местоположения фирмы. Для стимулирования промышленного роста и привлечения прямых иностранных инвестиций до 2006 г. местные органы власти предоставляли земли по низкой цене [9; 10]. После — фирмы не могли приобретать земли по низким ценам, они стали уделять внимание местной политике предоставления и распределения промышленных земель для снижения расходов [11; 12]. Изменение цен на промышленные земли оказывает негативное влияние на масштабы промышленной диффузии

в четырех отраслях промышленности: пищевой промышленности; деревообрабатывающей и перерабатывающей промышленности; индустрии неметаллических минеральных продуктов; и индустрии металлопродукции [13].

В работе Д. Чжэн и М. Ши [8] показано, что воздействие промышленной земельной политики варьируется в зависимости от степени неоднородности фирм с точки зрения собственности и отраслевых особенностей. Совместные предприятия менее чувствительны к политике предоставления промышленных земель, а фирмы в трудоемких отраслях более чувствительны к политике распределения земель. Свобода торговли оказывает значительное влияние на масштабы промышленного распространения — отрасли с низкой добавленной стоимостью перемещаются из восточного региона в центральные и западные с помощью политики низких цен на промышленные земли [13].

1.3. Транспортная инфраструктура

Сеть скоростных автомагистралей изменила экономическое пространство Китая за последние два десятилетия.

М. Робертс и др. [14] исследовали вопрос: как отличались бы пространственные распределения реальных доходов и заработной платы, если бы сеть национальных скоростных автомагистралей не была построена? В их работе показано, что создание автомагистралей первоначально увеличило расхождение между регионами. Наибольший прирост доходов был сосредоточен на востоке Китая. Сеть автомагистралей оказала незначительное воздействие на сокращение различий между городскими и сельскими районами внутри префектур. Первоначально наибольшее воздействие автомагистралей оказали на реальную заработную плату в городах самых бедных и богатых префектур. М. Робертс приходит к выводу: «Концентрация экономической активности увеличивает совокупный доход, а несбалансированный экономический рост является отличительной чертой опыта развития всех современных богатых стран. В долгосрочной перспективе рост, вероятно, снова распространится, поскольку фирмы используют преимущества более низких транспортных расходов, чтобы избежать перегруженности и более высоких цен на факторы производства. В краткосрочной и среднесрочной перспективе государственная политика должна быть направлена на инвестирование достаточной доли доходов от агломерации для обеспечения равного доступа к услугам, таким как образование, здравоохранение, водоснабжение и электроснабжение» [14].

Скоростные автомагистрали вносят большой вклад в центральные города, подрывая экономический рост в периферийных [4; 15]. Б. Фабер [15] получил доказательства того, что межрегиональная транспортная инфраструктура приводит к снижению темпов роста промышленного производства и общего объема производства среди связанных регионов, а не к перераспределению производства из столичных регионов на периферию. Данный результат объясняется эффектами торговой интеграции между асимметричными рынками, так как размер рынка является определяющим фактором индустриализации [16; 17]. Б. Фабер [15] показал неоднородность снижения темпов роста промышленного производства и общего объема производства среди периферийных регионов. Первый источник неоднородности в том, что отрицательный эффект связи должен быть менее выражен среди периферийных районов с более крупными размерами рынка. Второй источник — при различиях в размерах рынка отрицательный эффект должен быть менее выражен среди периферийных районов, у которых начальный уровень торговых издержек по отношению к основным столичным регионам выше. Таким образом, для более выраженного начального градиента размеров ядра и периферии или для более низких начальных торговых издержек снижение торговых издержек приводит к большей концентрации промышленности в основных регионах.

Влияние сети автомагистралей на экономику региона дельты реки Янцзы оценено в работе С. Чжана и др. [18]. Они нашли положительное влияние сети скоростных автомагистралей, получив более сильный эффект в период до 2007 г. После — было положительным, но статистически незначимым, так как появились высокоскоростные железные дороги (High-speed rail, HSR). Результаты анализа показывают: чем дальше уезд находится от центрального города, тем в меньшей степени он подвержен воздействию дорог. Расширение сети автомагистралей снижает транспортные издержки, что приводит к увеличению рыночного потенциала, затем способствует местному экономическому росту.

2. Пространственная экономика России

Россия занимает 11,5% мировой суши, 65% ее территории расположены в зоне вечной или нерегулярной мерзлоты. А. Маркевич и Т. Михайлова в своей работе [19] выделили три фактора, влияющих на расселение населения и распределение экономической активности современной России. Первый фактор — физическая география. Второй

фактор — государственная политика, направленная на освоение новых территорий. Третий фактор — исторические предпосылки к современному размещению экономики. Отталкиваясь от модели размещения производственных сил в РСФСР, в исследованиях экономики России изучают изменения с точки зрения концентрации, агломерации, пространственной эффективности современной России [20].

2.1. Размещение в РСФСР

Исследуя локационную динамику советской промышленности, А. Роджерс сформулировал три принципа размещения производительных сил в СССР: предприятия располагались на минимальном расстоянии либо от источников сырья, либо от рынков сбыта; равномерное развитие территорий; развитие военно-промышленного комплекса и связанных с ним территорий [21].

Измеряя пространственную неэффективность, Т. Михайлова прогнозирует развитие России без влияния советского периода, ориентируясь на пространственное развитие Канады [22]. Автор считает, что без централизованного планирования в восточных регионах России проживало бы на 14 млн чел. меньше. Используя «дротиковые» индексы Эллисона — Глейзера для сравнения пространственного размещения в РСФСР и США, А. Маркевич и Т. Михайлова приходят к выводу, что в РСФСР промышленность была расположена более равномерно по территории [19]. Аналогично китайская промышленность, испытывая действие протекционизма и плановой экономики, пришла к таким же результатам — низкая пространственная концентрация по сравнению с другими странами [23]. В работе Д. Кофанова и Т. Михайловой исследована пространственная концентрация промышленности в РСФСР с использованием микрогеографических данных в сравнении с зарубежными странами [24]. Отрасли промышленности в РСФСР были локализованы гораздо слабее, чем в относительно небольших странах Западной Европы, но по сравнению с Канадой, более протяженной страной с низкой плотностью населения, промышленное размещение в РСФСР аналогично. Это означает, что принцип размещения производства ближе к источникам сырья оправдал себя. Однако для наукоемких отраслей недооценивалась необходимость распространения знаний. В своей работе Л. Динес вычисляет добавленную стоимость и производительность капитала и рабочей силы по регионам [25]. Он показал, что капиталовложения направлялись в периферийные регионы, хотя производительность там

была ниже, чем в регионах центра. В целом можно по десятилетиям проследить инвестиционные приоритеты в советские регионы: 1920-е гг. — Южная Сибирь, 1930-е гг. — Дальний Восток и Мурманская область, 1940-е гг. — Урал и Сибирь, 1950-е гг. — послевоенное восстановление, подъем ощущается и в центре страны, 1960-е гг. — Сибирь. Размещение производств во внутренних регионах страны в противовес приграничным ограничило преимущества международной торговли в силу удаленности регионов от основных мировых рынков.

2.2. Размещение в России

При доминировании центробежных сил экономические агенты стремятся располагаться ближе к внешним рынкам сбыта, получая дополнительную прибыль. Примером этой тенденции является Китай, в котором участие фирм в международной торговле заставило их группироваться в приморских регионах. Предположение о переносе экономической активности из центра на периферию в работе [1] оценивается изменением заработной платы в регионах России. Заработные платы в регионах уменьшались по мере удаления от центра, что подтверждает влияние центростремительных, а не центробежных сил. Это определяет экономику России как закрытую экономику, в которой периферийные регионы не могут получать выгоды от международной интеграции. Однако наличие международных портов, близость к Китаю в некоторых отраслях (например, текстильное и швейное производство, обработка древесины и др.) положительно влияют на заработные платы в регионах. В работе И. А. Коргун и К. Кумо исследовано влияние внешней торговли на региональный экономический рост с использованием модели Р. Солоу [26]. В уравнение регрессии включен показатель удаленности от Пекина и Берлина, который позволяет частично учесть условия доступа регионов на внешние рынки основных торговых партнеров России. Эконометрический панельный анализ со случайным эффектом показал, что географический фактор и внешняя торговля оказали значительное влияние на уровень ВРП на душу населения в регионах России, при этом коэффициент удаленности от Пекина больше, чем от Берлина. Таким образом, И. А. Коргун и К. Кумо приходят к выводу об изменении региональных торговых потоков.

Большинство исследований по экономической географии России выполнено с использованием макрогеографических данных. См., например, работу [27], в которой определены факторы простран-

ственного развития: основные фонды, человеческий капитал, рыночный потенциал и относительный размер крупнейшего городского центра. Восточные регионы более чувствительны к плотности населения, улучшению доступа к рынкам, но менее чувствительны к диверсификации ввиду ресурсной экономики регионов [28].

Интересен подход на основе микрогеографических данных. Например, Ж. Дюрантон и Г. Оверман разработали методологию, которая использует двусторонние расстояния между агентами для оценки географической концентрации [29; 30]. Е. Александрова, К. Беренс и М. Кузнецова, опираясь на положение о том, что агломерация оказывает влияние на производительность труда [См., например: 31], исследуют географические структуры концентрации промышленности в современной России [32]. Исследователи приходят к выводу, что концентрация некоторых отраслей в России не слишком отличается от других, более развитых стран (например, текстильная промышленность). Было установлено, что 80% отраслей агломерированы, причем более сильные паттерны — на территории европейской части страны. Более сильная концентрация промышленности имеет отношение к более прочным связям «затраты — выпуск» и более низким транспортным издержкам, что сопоставимо с другими странами. В исследовании была выявлена меньшая эффективность связей между поставщиками и покупателями в России, что можно объяснить унаследованной от СССР моделью размещения, которая влияет на полученные результаты через данные «затраты — выпуск» [32].

Рассматривая в РСФСР географическую концентрацию, Г. И. Идрисов, Т. Н. Михайлова отмечают, что она была довольно низка, однако в 1990—2014 гг. значительно выросла в основном за счет фирм, открытых в крупных городах, где их выживаемость выше [33]. В России выше премия фирм, которые расположены в агломерациях, что говорит о том, что агломерационные эффекты сильнее, чем в других странах. Кроме того, в России сильны потенциальные агломерационные выгоды, эффекты урбанизации, локализации. Г. И. Идрисов, Т. Н. Михайлова заключают: «Увеличение числа занятых в той же самой отрасли при том же размере города дает примерно такой же сильный прирост производительности, как и увеличение размера города при том же числе занятых в отрасли» [33].

Отображением пространственного неравенства регионов России выступает неравенство в здоровье людей. В работе [34] на субрегиональном уровне исследуется динамика географического неравенства

в здоровье людей. Для этого выделены города-миллионники и остальная территория страны, так как более высокому уровню развития человеческого капитала, как правило, соответствует более низкий уровень смертности. В работе [34] рассчитаны значения ожидаемой продолжительности жизни при рождении для российских городов-миллионников за 1989—2016 гг. Полученные результаты показали, что поляризация в уровне здоровья между городами-миллионниками и остальной территорией страны значительно усилилась, что отображает центростремительные процессы в этот период.

2.3. Города и агломерационный эффект

В городской системе со времен начала промышленного развития России самыми динамично развивающимися городами были центры текстильной промышленности: Иваново, Ярославль. В советские времена приоритет был отдан городам, развивающим тяжелую промышленность. Рост городов продолжался весь советский период, особенно он был бурным в период индустриализации, лидерами роста были, например, Свердловск, Новосибирск, Челябинск, Омск, то есть города, расположенные в глубине страны. В связи с изоляцией СССР международные порты большого развития не получили [19]. В современной истории России более половины городов были основаны в период индустриализации, в 1930-е гг., города были основаны для добычи полезных ископаемых, и доход населения в них с учетом северной надбавки значительно выше, но, как только полезные ископаемые исчерпаны, доходы снижаются [35]. В работе [36] отмечается, что за период с 1897 по 2017 г. процесс роста городской системы России неоднозначный. Так, например, до 1970 г. малые города росли быстрее крупных, так как миграция населения из села происходила в малые города в границах региона. Основные инвестиции в 1960-х гг. направлялись в города с численностью населения менее 250 тыс. чел. [21]. Однако с 1989 г. крупные города растут быстрее малых, так как происходит процесс миграции населения из малых городов в крупные. С. Растворцева показывает, что пространственная взаимосвязь между городами увеличилась после 1950-х гг. в результате развития коммуникаций [36].

Современной особенностью системы городов является то, что их распределение не подчиняется правилу Ципфа в рангах городов от 3 до 8. На этих местах должны находиться города с населением от 1,5 млн до 3,5 млн чел., а в России на этих позициях находятся Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, в которых проживает около

1,5 млн жителей (см., например, работы [20], [28]). Это говорит о том, что в России существует недостаток крупных городов, а, согласно исследованиям Хендерсона, для экономического роста необходимо, чтобы преобладание крупнейшего города составляло 20% [37]. Такое положение является наследием прошлого России. Преобладание малых и средних городов не способствует агломерационному росту [38]. В исследовании [39] показано, что люди мигрируют в те регионы, которые предлагают лучшие условия жизни, но миграционная активность все-таки низка, особенно в беднейших регионах. Объяснением является «ловушка бедности», то есть у желающих переехать нет денег на переезд.

В работе Е. Коломак исследуются гипотезы, связанные с влиянием урбанизации на экономику страны [40]. Выявлено, что добиться роста производительности конечного продукта возможно на основе повышения численности населения в городах: рост городского населения на 1% дает увеличение производительности на 8%. Агломерационные эффекты в полной мере проявляются в двух крупнейших агломерациях: Московской и Санкт-Петербургской. В работе [41] определены перспективные города: Тюмень (аккумулирует ресурсы автономных округов), Новосибирск и Екатеринбург (привлекательны для миграции населения, но не для инвестиций), а также Краснодар и Казань.

Агломерационные эффекты и развитие регионов исследуются в работе [42]. В ней авторы объясняют важность концентрации для российских фирм географической протяженностью страны. Наибольшая концентрация наблюдается в европейском центре страны, на Урале, юге Сибири. Концентрация населения в наибольшей степени оказывает влияние на производительность труда во всех отраслях, кроме добывающих и неинновационных «старых» отраслей. Наибольший эффект масштаба наблюдается в городах с населением от 1,5 млн до 5 млн чел. Агломерационным эффектам в современной России и пространственному распределению дохода посвящена работа [35]. Города, возникшие относительно недавно, являются более богатыми, хотя мировая практика доказывает обратное. Отличие России от мировой практики автор объясняет влиянием плановой экономики, в которой не действует эффект возрастающей отдачи.

Заключение

Пространство имеет значение, так как экономический рост всегда был и остается географически локализованным и неравномерным, поэтому в статье обобщены основные результаты эмпири-

ческих работ по экономической географии Китая и России, больших по площади стран с протяженной границей.

Эмпирические работы по экономической географии Китая показывают, что промышленность после 1978 г. развивалась в восточных провинциях, при этом скорость агломерации промышленности была выше скорости агломерации населения. М. Боскер и др. [4] показали, что наибольший прирост благосостояния для большинства людей возможен при отмене ограничений «Хукоу», а ослабление приведет к более равномерному урбанизированному Китаю, при этом рост доходов будет сопровождаться концентрацией экономической активности в прибрежных районах. Д. Ву и др. [5] замечают, что в прибрежных городах размещены высокотехнологичные и капиталоемкие обрабатывающие производства, трудоемкие и ресурсоемкие секторы стали рассредоточенными в периферийных районах. Л. Херинг и С. Понсе [7] утверждают, что различия в доступе к внутренним и международным товарным рынкам между городами приводят к пространственным различиям в номинальной заработной плате. Их оценки указывают на наличие барьеров для торговли между провинциями. Экономические барьеры уменьшают доступ к рынкам западных китайских городов по сравнению с городами, находящиеся на востоке.

Эмпирические работы по экономической географии России показывают, что без централизованного планирования в восточных регионах России проживало бы на 14 млн чел. меньше [22]. Пространственная концентрация промышленности в РСФСР исследована Д. Кофановым и Т. Михайловой с использованием микрогеографических данных [24]. Они показали, что отрасли промышленности в РСФСР были локализованы гораздо слабее, чем в относительно небольших странах Западной Европы, но по сравнению с Канадой, более протяженной страной с низкой плотностью населения, промышленное размещение в РСФСР аналогично. В работе И. А. Коргун и К. Кумо [26] эконометрический панельный анализ со случайными эффектами показал, что географический фактор и внешняя торговля оказали значительное влияние на уровень ВРП на душу населения в регионах России, при этом коэффициент удаленности от Пекина больше, чем от Берлина. Таким образом, И. А. Коргун и К. Кумо приходят к выводу об изменении региональных торговых потоков.

Таким образом, включенные в обзор работы демонстрируют возможности *NEG* и моделей *QSE*. *NEG* стремится объяснить, почему существует

неравенство в пространственном распределении экономической деятельности агентов от международного и регионального до городского и местного уровня. Для этого *NEG* выявляет микроэкономические основания центростремительных и центробежных сил на региональном и городском уровнях, что демонстрируют исследования экономик Китая и России. Модели *QSE* учитывают основные агломерационные и дисперсионные факторы, такие как доступ к рынкам, взаимосвязь между производительностью и плотностью и городские издержки. Основная задача *QSM* состоит в том,

чтобы оценить влияние государственной политики на пространственное распределение активности экономических агентов. Предсказания моделей *QSE* учитывают все эффекты общего равновесия, дают количественные прогнозы и позволяют проверять устойчивость теоретических результатов. Однако исследования по современной экономической географии России с использованием моделей *QSE* немногочисленны, что в будущем открывает новые горизонты применения данных моделей в актуальных исследованиях.

Список источников

1. Ryzhova N. Spatial Effects of International Economic Integration (in the case of Russian Regions) // *Spatial Economics*. 2012. Vol. 4, no. 32. P. 28—48.
2. Wen M. Relocation and agglomeration of Chinese industry // *Journal of Development Economics*. 2004. Vol. 73, no. 1. P. 329—347.
3. Mismatch distribution of population and industry in China: Pattern, problems and driving factors / X. Guan [et al.] // *Applied Geography*. 2018. Vol. 97. P. 61—74.
4. Bosker M., Deichmann U., Roberts M. Hukou and highways the impact of China's spatial development policies on urbanization and regional inequality // *Regional Science and Urban Economics*. 2018. Vol. 71. P. 91—109.
5. Economic transition and changing location of manufacturing industry in China: A study of the Yangtze River Delta / J. Wu [et al.] // *Sustainability*. 2018. Vol. 10, no. 8. P. 2624.
6. Lovely M. E., Liang Y., Zhang H. Economic geography and inequality in China: Did improved market access widen spatial wage differences? // *China Economic Review*. 2019. Vol. 54. P. 306—323.
7. Hering L., Poncet S. Market access and individual wages: Evidence from China // *Review of Economics and Statistics*. 2010. Vol. 92, no. 1. P. 145—159.
8. Zheng D., Shi M. Industrial land policy, firm heterogeneity and firm location choice: Evidence from China // *Land Use Policy*. 2018. Vol. 76. P. 58—67.
9. He C., Huang Z., Wang R. Land use change and economic growth in urban China: A structural equation analysis // *Urban Studies*. 2014. Vol. 51, no. 13. P. 2880—2898.
10. Industrial land price and its impact on urban growth: A Chinese case study / Y. Wu [et al.] // *Land Use Policy*. 2014. Vol. 36. P. 199—209.
11. Overpressure retardation of organic acid generation and clastic reservoirs dissolution in central Huanghua Depression / Y. Meng [et al.] // *Petroleum Exploration and Development*. Elsevier. 2008. Vol. 35, no. 1. P. 40—43.
12. Tu F., Yu X., Ruan J. Industrial land use efficiency under government intervention: Evidence from Hangzhou, China // *Habitat International*. 2014. Vol. 43. P. 1—10.
13. How do industrial land price variations affect industrial diffusion? Evidence from a spatial analysis of China / W. Chen [et al.] // *Land Use Policy*. 2018. Vol. 71. P. 384—394.
14. Evaluating China's road to prosperity: A new economic geography approach / M. Roberts [et al.] // *Regional Science and Urban Economics*. 2012. Vol. 42, no. 4. P. 580—594.
15. Faber B. Trade integration, market size, and industrialization: Evidence from China's national trunk highway system // *Review of Economic Studies*. 2014. Vol. 81, no. 3. P. 1046—1070.
16. Helpman E. Market structure and foreign trade: increasing returns, imperfect competition, and the international economy. MIT Press, 1985.
17. Krugman P. Increasing returns and economic geography // *Journal of Political Economy*. 1991. Vol. 99, no. 3. P. 483—499.
18. Zhang X., Hu Y., Lin Y. The influence of highway on local economy: Evidence from China's Yangtze River Delta region // *Journal of Transport Geography*. 2020. Vol. 82. P. 102600.
19. Markevich A., Mikhailova T. Economic Geography of Russia // *The Oxford Handbook of the Russian Economy*. Oxford University Press, 2013. P. 617—642.

20. Belov A. V. On Spatial Distribution of Production Factors in Contemporary Russia // *Spatial Economics = Prostranstvennaya Ekonomika*. 2012. No. 2. P. 9—28.
21. Rodgers A. The Locational Dynamics of Soviet Industry // *Annals of the Association of American Geographers*. 1974. Vol. 64, no. 2. P. 226—240.
22. Mikhailova T. N. *Essays on Russian Economic Geography: Measuring Spatial Inefficiency*. The Pennsylvania State University, 2004. 96 p.
23. Lu J., Tao Z. Trends and determinants of China's industrial agglomeration // *Journal of Urban Economics*. 2009. Vol. 65, no. 2. P. 167—180.
24. Kofanov D. A., Mikhailova T. Geographical concentration of Soviet industries: A comparative analysis // *Journal of the New Economic Association*. 2015. Vol. 28. P. 112—141.
25. Dienes L. Investment priorities in soviet regions // *Annals of the Association of American Geographers*. 1972. Vol. 62, no. 3. P. 437—454.
26. Коргун И. А., Кумо К. Внешняя торговля и экономическое развитие российских регионов в 2000—2012 гг. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2015. № 2. P. 47—71.
27. Kolomak E. Spatial Development of Russia in XXI Century // *Spatial Economics*. 2019. Vol. 15, no. 4. P. 85—106.
28. Kolomak E. A., Trubekhina I. E. A study of agglomeration processes on the territory of Novosibirsk oblast // *Regional Research of Russia*. 2014. Vol. 4, no. 4. P. 364—373.
29. Duranton G., Overman H. G. Exploring the detailed location patterns of U.K. manufacturing industries using microgeographic data // *Journal of Regional Science*. 2008. Vol. 48, no. 1. P. 213—243.
30. Duranton G., Overman H. G. Testing for localization using micro-geographic data // *Review of Economic Studies*. 2005. Vol. 72, no. 4. P. 1077—1106.
31. Combes P.-P., Gobillon L. The Empirics of Agglomeration Economies // *Handbook of Regional and Urban Economics* / ed. by G. Duranton, J. V. Henderson, W. C. Strange. Elsevier, 2015. Vol. 5. P. 247—348.
32. Aleksandrova E., Behrens K., Kuznetsova M. Manufacturing (co)agglomeration in a transition country: Evidence from Russia // *Journal of Regional Science*. 2020. Vol. 60, no. 1. P. 88—128.
33. Идрисов Г. И., Михайлова Т. Н. Пространственная организация как фактор экономического развития: доклад. М.: Дело, 2019.
34. Shchur A. Cities of over a million people on the mortality map of Russia // *Demographic Review*. National Research University, Higher School of Economics, 2019. P. 64—84.
35. Skorobogatov A. Agglomeration effects, institutions, and natural resources in the changing economic geography of Russia // *Voprosy Ekonomiki*. 2017. No. 1. P. 81—102.
36. Rastvortseva S. N., Manaeva I. V. Estimation of temporal growth rate of Russian cities // *Regional Economics: Theory and Practice*. 2019. Vol. 17, no. 3. P. 402—417.
37. Henderson J. V. *The Effects of Urban Concentration on Economic Growth*. National Bureau of Economic Research, 2000.
38. Козлова А. А. Влияние системы расселения Российской Федерации на региональную экономику // *Известия Московского государственного технического университета МАМИ*. 2011. № 2. P. 253—259.
39. Andrienko Y., Guriev S. Determinants of interregional mobility in Russia: Evidence from panel data // *Economics of Transition*. 2004. Vol. 12, no. 1. P. 1—27.
40. Kolomak E. A. Spatial externalities as a source of economic growth // *Regional Research of Russia*. 2011. Vol. 1, no. 2. P. 114—119.
41. Zubarevich N. Russian agglomerations: Trends, resources, and governability // *Social Sciences*. 2017. Vol. 48, no. 4. P. 66—80.
42. Agglomeration Effect as a Tool of Regional Development / P. A. Lavrinenko [et al.] // *Studies on Russian Economic Development*. 2019. Vol. 30, no. 3. P. 268—274.

References

1. Ryzhova N. Spatial Effects of International Economic Integration (in the case of Russian Regions). *Spatial Economics*. 2012;(4(32):28-48.
2. Wen M. Relocation and agglomeration of Chinese industry. *Journal of Development Economics*. 2004;(73(1):329-347.

3. Guan X, Wei H, Lu S, Su H. Mismatch distribution of population and industry in China: Pattern, problems and driving factors. *Applied Geography*. 2018;(97):61-74.
4. Bosker M, Deichmann U, Roberts M. Hukou and highways the impact of China's spatial development policies on urbanization and regional inequality. *Regional Science and Urban Economics*. 2018;(71):91-109.
5. Wu J, Wei Yd, Li Q, Yuan F. Economic transition and changing location of manufacturing industry in China: A study of the Yangtze River Delta. *Sustainability*. 2018;(10(8)):2624.
6. Lovely ME, Liang Y, Zhang H. Economic geography and inequality in China: Did improved market access widen spatial wage differences? *China Economic Review*. 2019;(54):306-323.
7. Hering L, Poncet S. Market access and individual wages: Evidence from China. *Review of Economics and Statistics*. 2010;(92(1)):145-159.
8. Zheng D, Shi M. Industrial land policy, firm heterogeneity and firm location choice: Evidence from China. *Land Use Policy*. 2018;(76):58-67.
9. He C, Huang Z, Wang R. Land use change and economic growth in urban China: A structural equation analysis. *Urban Studies*. 2014;(51(13)):2880-2898.
10. Wu Y, Zhang X, Skitmore M, Song Y, Hui ECM. Industrial land price and its impact on urban growth: A Chinese case study. *Land Use Policy*. 2014;(36):199-209.
11. Meng Y Lin, Li B, Wang Z guo, Wang Y Chuan, Niu J Yu, Yin X Lan [et al.]. Overpressure retardation of organic acid generation and clastic reservoirs dissolution in central Huanghua Depression. *Petroleum Exploration and Development*. 2008;(35(1)):40-43.
12. Tu F, Yu X, Ruan J. Industrial land use efficiency under government intervention: Evidence from Hangzhou, China. *Habitat International*. 2014;(43):1-10.
13. Chen W, Shen Y, Wang Y, Wu Q. How do industrial land price variations affect industrial diffusion? Evidence from a spatial analysis of China. *Land Use Policy*. 2018;(71):384-394.
14. Roberts M, Deichmann U, Fingleton B, Shi T. Evaluating China's road to prosperity: A new economic geography approach. *Regional Science and Urban Economics*. 2012;(42(4)):580-594.
15. Faber B. Trade integration, market size, and industrialization: Evidence from China's national trunk highway system. *Review of Economic Studies*. 2014;(81(3)):1046-1070.
16. Helpman E. Market structure and foreign trade: increasing returns, imperfect competition, and the international economy. MIT Press; 1985.
17. Krugman P. Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*. 1991;(99(3)):483-499.
18. Zhang X, Hu Y, Lin Y. The influence of highway on local economy: Evidence from China's Yangtze River Delta region. *Journal of Transport Geography*. 2020;(82):102600.
19. Markevich A, Mikhailova T. Economic Geography of Russia. The Oxford Handbook of the Russian Economy. Oxford University Press; 2013. Pp. 617—642.
20. Belov AV. On Spatial Distribution of Production Factors in Contemporary Russia. *Spatial Economics = Prostranstvennaya Ekonomika*. 2012;(2):9-28.
21. Rodgers A. The Locational Dynamics of Soviet Industry. *Annals of the Association of American Geographers*. 1974;(64(2)):226-240.
22. Mikhailova TN. Essays on Russian Economic Geography: Measuring Spatial Inefficiency. The Pennsylvania State University; 2004.
23. Lu J, Tao Z. Trends and determinants of China's industrial agglomeration. *Journal of Urban Economics*. 2009;(65(2)):167-180.
24. Kofanov DA, Mikhailova T. Geographical concentration of Soviet industries: A comparative analysis. *Journal of the New Economic Association*. 2015;(28):112-141.
25. Dienes L. Investment priorities in soviet regions. *Annals of the Association of American Geographers*. 1972;(62(3)):437-454.
26. Korgun IA, Kumo K. Foreign trade and economic development of Russian regions in 2000—2012. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2015;(2):47-71. (In Russ.).
27. Kolomak E. Spatial Development of Russia in XXI Century. *Spatial Economics*. 2019;(15(4)):85-106.
28. Kolomak EA, Trubekhina IE. A study of agglomeration processes on the territory of Novosibirsk oblast. *Regional Research of Russia*. 2014;(4(4)):364-373.
29. Duranton G, Overman HG. Exploring the detailed location patterns of U.K. manufacturing industries using microgeographic data. *Journal of Regional Science*. 2008;(48(1)):213-243.

30. Duranton G, Overman HG. Testing for localization using micro-geographic data. *Review of Economic Studies*. 2005;(72(4):1077-1106.
31. Combes PP, Gobillon L. The Empirics of Agglomeration Economies. B: Duranton G, Henderson JV, Strange WC. Handbook of Regional and Urban Economics. *Elsevier*. 2015;(5):247-348.
32. Aleksandrova E, Behrens K, Kuznetsova M. Manufacturing (co)agglomeration in a transition country: Evidence from Russia. *Journal of Regional Science*. 2020;(60(1):88-128.
33. Idrisov IG. Spatial organization as a factor of economic development. Delo; 2019. (In Russ.).
34. Shchur A. Cities of over a million people on the mortality map of Russia. *Demographic Review*. National Research University, Higher School of Economics; 2019. Pp. 64—84.
35. Skorobogatov A. Agglomeration effects, institutions, and natural resources in the changing economic geography of Russia. *Voprosy Ekonomiki*. 2017;(1):81-102.
36. Rastvortseva SN, Manaeva IV. Estimation of temporal growth rate of Russian cities. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2019;(17(3):402-417.
37. Henderson JV. The Effects of Urban Concentration on Economic Growth. National Bureau of Economic Research; 2000.
38. Kozlova AA. Influence of the settlement system of the Russian Federation on the regional economy. *Izvestiya MGTU MAMI*. 2011;(2):253-259.
39. Andrienko Y, Guriev S. Determinants of interregional mobility in Russia: Evidence from panel data. *Economics of Transition*. 2004;(12(1):1-27.
40. Kolomak EA. Spatial externalities as a source of economic growth. *Regional Research of Russia*. 2011;(1(2):114-119.
41. Zubarevich N. Russian agglomerations: Trends, resources, and governability. *Social Sciences*. 2017;(48(4):66-80.
42. Lavrinenko PA, Mikhailova TN, Romashina AA, Chistyakov PA. Agglomeration Effect as a Tool of Regional Development. *Studies on Russian Economic Development*. 2019;(30(3):268-274.

Информация об авторах

Е. А. Захарова — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры прикладной экономики.

Д. В. Давыдов — старший преподаватель кафедры менеджмента.

Е. М. Земцова — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой прикладной экономики.

Information about the authors

Evgenia A. Zakharova — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Applied Economics.

Denis V. Davydov — Senior Lecturer, Department of Management.

Elena M. Zemtsova — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Applied Economics.

Статья поступила в редакцию 20.06.2022; одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 20.06.2022; approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Аналитическая статья

УДК 316.3

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11106

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТРЕНДЫ ДОВЕРИЯ К ОБЩЕСТВЕННЫМ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ

Дарья Сергеевна Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, benz@csu.ru, ORCID: 0000-0003-1257-248X

Аннотация. Цель исследования — проанализировать долгосрочные тренды доверия к общественным и социально-политическим институтам. Для этого автор обращается к данным, публикуемым ВЦИОМ. Речь идет об индексах доверия и недоверия. Они и становятся индикаторами доверия. Временной интервал трендов составляет период с января 2006 г. по август 2022 г. Среди общественных институтов в поле зрения попадают Российская армия, Русская православная церковь, правоохранительные органы, средства массовой информации, судебная система, профсоюзы. Из социально-политических институтов в исследование попали политические партии, оппозиция, президент РФ, председатель Правительства РФ, Правительство РФ, Государственная Дума РФ, Совет Федерации РФ. В исследовании применены методы анализа: графическое построение трендов, математическое построение линии трендов, оценка скорости приращения уровня доверия, корреляционный анализ. Исследование показало, что самый высокий уровень доверия население выказывает президенту РФ. Однако, говоря о долгосрочной динамике, следует отметить, что она является снижающейся — хоть и незначительно. С точки зрения скорости роста — лидерами по этому методу оценки стали Государственная Дума РФ и Совет Федерации РФ. Самое стабильное значение демонстрируют СМИ, хотя и одно из самых низких значений среди всех институтов. Не отличаются высоким доверием судебная система и профсоюзы.

Ключевые слова: доверие, институты, общественные институты, социально-политические институты, тренды, индекс одобрения, индекс неодобрения, корреляционный анализ

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания № 076-01391-22-03 по реализации проекта «Доверие к социально-политическим институтам и органам власти в образовательной среде».

Для цитирования: Бенц Д. С. Долгосрочные тренды доверия к общественным и социально-политическим институтам // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 51—68. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11106.

Analytical article

LONG-TERM TRENDS OF THE TRUST TO PUBLIC AND SOCIO-POLITICAL INSTITUTIONS

Daria S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, benz@csu.ru, ORCID: 0000-0003-1257-248X

Abstract. The purpose of this study is to analyze long-term trends in trust in public and socio-political institutions. The author refers to the data published by All-Russian Public Opinion Research Center. We are talking about confidence and mistrust indices. They are the trust indicators. The time interval of trends is from January 2006 to August 2022. Among public institutions, the Russian army, the Russian Orthodox Church, law enforcement agencies, the media, the judicial system, and trade unions come into view. Political parties, the opposition, the President of the Russian Federation, the Chairman of the Government of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation, the State Duma of the Russian Federation, the Federation Council of the Russian Federation got into the study from socio-political institutions. The study uses methods of analysis: graphical construction of trends, mathematical construction of a trend line, estimation of the rate of increase in the level of trust, correlation analysis. The study showed that the population shows the highest level of trust to the President of the Russian Federation.

However, speaking of long-term dynamics, it should be noted that it is declining — albeit insignificantly. From the point of view of growth speed, the leaders in this assessment method were the State Duma of the Russian Federation and the Federation Council of the Russian Federation. The most stable value is shown by the media, although one of the lowest values among all institutions. The judiciary and trade unions are not highly trusted.

Keywords: trust, institutions, public institutions, socio-political institutions, trends, approval index, disapproval index, correlation analysis

For citation: Benz D. Long-term trends of the trust to public and socio-political institutions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):51-68. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11106.

Постановка проблемы

Доверие в литературе уже давно вышло за рамки того поля, о котором говорил Ф. Фукуяма [1]. Являясь социальным капиталом, доверие расширяется и до общечеловеческих ценностей. Говоря об институциональной природе доверия, М. А. Вахтина называет его неотъемлемым признаком института [2], без которого правила не могут выстроиться в социальный порядок. Доверие становится условием эффективной работы институтов. Неэффективная работа институтов, в свою очередь, тормозит социально-экономический рост. В основе эффективности взаимодействия институтов лежат ценности доверия [3].

О важности доверия в условиях разворачивания трансформационных процессов говорят М. П. Козырева и А. И. Смирнов. Авторы называют доверие индикатором «дееспособности общества». В этом смысле обобщенное доверие может даже лучше отражать состояние общества, нежели какое-либо конкретное межличностное доверие. Обобщенное доверие не относится к конкретным лицам, а потому именно оно формирует оптимистические настроения общества, что делает такое доверие стратегически значимым. Авторы показали наличие связи между обобщенным и институциональным доверием. Чем выше уровень обобщенного доверия, тем выше способность граждан доверять политическим институтам. Авторы проанализировали зависимость оценок важности демократических ценностей для российского общества от степени склонности граждан доверять другим людям. Важность демократических ценностей демонстрируют именно те граждане, кто не склонен доверять окружению [4].

Неким индикатором обобщенного доверия можно назвать и ощущения принадлежности граждан к российскому обществу. Существуют исследования, фиксирующие усиление российской идентификации за последние 25 лет [5].

И. В. Глушко и Т. М. Зуева заключили, что применять трактовки доверия к российской практике достаточно сложно в силу иной развитости граж-

данского общества. Поэтому авторы ориентируют на принцип контекстуальности, согласно которому на нереплексивном уровне доверие, являясь ментальной установкой, имеет один смысл, а на рефлексивном уровне доверие можно институционализировать и увязать с формированием институтов гражданского общества [6].

Условием сохранения и воспроизводства человеческих ресурсов, без которого невозможно развитие, является доверительная среда. Формирование человеческих ресурсов происходит в образовательной среде. Студенты, преподаватели, сотрудники высших учебных заведений — это те лица, которым отводится не последняя роль в распространении информации, в формировании той идеологии, которая должна быть созидательной и ни в коем разе не разрушительной. Тем временем это тот сегмент общества, который в силу своей профессиональной специфики или же принадлежности к определенной среде способен мыслить, применяя объективные методы познания. И чаще именно у таких людей формируется способность к критическому мышлению. Поэтому если государство ставит задачу формирования корректных ценностных ориентиров, то не последнюю надежду нужно возлагать на субъекты высших учебных заведений.

Несмотря на некоторую аполитичность российской молодежи, такие принципы, как «мир», «закон», «права человека», «порядок», российская молодежь отмечает как приоритетные [7]. Развивать доверительное гражданское общество следует начиная с молодежи, которая по мере взросления станет «рупором» общероссийских ценностей. Однако численность студентов, аспирантов, докторантов, сотрудников высших учебных заведений стремительно падает [8—10]. А потому создавать «думающее» общество становится все сложнее. При сохранении таких тенденций риск разрушения общества остается крайне высоким, а воспроизводство человеческого капитала — низким [11; 12].

Одна из форм доверия, именно та, которая чаще всего попадает в поле зрения экономистов, — это институциональная форма. Сосредоточим свое внимание в данной статье на доверии к институтам.

Цель данного исследования — проанализировать долгосрочные тренды доверия к общественным и социально-политическим институтам.

Задачи исследования:

1. Построить долгосрочные тренды доверия к тринадцати общественным и социально-политическим институтам.
2. Оценить, есть ли связь между исследуемыми трендами.

Методы и материалы

Индикаторами доверия в исследовании являются индексы одобрения, неодобрения, а также разность этих показателей, публикуемые Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ)¹.

Индексы одобрения/неодобрения доступны в отношении следующих институтов, из которых к числу общественных будем относить: Российскую армию, Русскую православную церковь (РПЦ), правоохранительные органы, средства массовой информации (СМИ), судебную систему, профсоюзы. К перечню социально-политических институтов отнесем политические партии, оппозицию, президента РФ, председателя Правительства РФ, Правительство РФ, Государственную Думу РФ и Совет Федерации РФ. По указанному перечню институтов также доступны значения индексов одобрения/неодобрения.

К методам исследования отнесем, во-первых, построение долгосрочных трендов. По всему указанному перечню институтов доступны значения индексов за относительно долгосрочный период — с января 2006 г., за исключением индексов доверия к РПЦ — здесь диапазон данных стартует с февраля 2012 г., и индексов доверия к оппозиции — здесь временной интервал начинается с января 2013 г. По большинству индексов доверия к общественным институтам данные приведены ежемесячно начиная с января 2006 г. Иными словами, выборка исследования составила 192 наблюдения. В отношении индексов доверия к РПЦ выборка составила 126 наблюдений, в отношении индексов доверия к оппозиции — 115. Индексы одобрения/неодобрения деятельности государственных институтов публиковались также начиная с января 2006 г., но выборка оказалась гораздо большей ввиду многократной публикации значений в течение месяца. В итоге количество значений индексов доверия к президенту РФ составляет 814, к председателю Правительства РФ — 802, к Пра-

вительству РФ — 764, к Государственной Думе РФ и Совету Федерации — по 380 наблюдений. Такие объемы выборок существенно повышают вероятность получения статистически значимых результатов.

Вторым методом анализа назовем математическую сторону построения долгосрочных трендов — построение уравнений этих трендов. Построение уравнений позволит определить угол наклона линии тренда, который, в свою очередь, является индикатором скорости роста/падения доверия к изучаемому институту. Уравнения показаны на рис. 1—13 только в отношении индексов одобрения.

В-третьих, автор ставит задачу определить наличие связей между индексами доверия к изучаемым институтам. А это возможно посредством корреляционного анализа. Достаточно большой объем выборки позволяет получить статистически значимые результаты и корреляционного анализа.

Долгосрочные тренды доверия к общественным институтам

На рис. 1—6 приведены тренды долгосрочного доверия к общественным институтам. На каждом рисунке приведены по три кривые: динамика индекса одобрения, индекса неодобрения, а также значение индекса разности одобрения и неодобрения. Если анализировать результаты в статике, то по состоянию на август 2022 г. (последнее из доступных значений) наибольшим уровнем доверия отличается Российская армия. Здесь 78% опрошенных ответили «скорее одобряю действия» этого института. Второе место среди общественных институтов занимает РПЦ — здесь 59% респондентов одобрили действия института. На третье место — со значением 45 — попали СМИ. Четвертое (35) и пятое (33) места занимают судебная система и профсоюзы.

Если же анализировать крайние значения — рассматривать январь 2006 г. против августа 2022 г., здесь картина выходит следующая. На 144,5% вырос уровень одобрения к Российской армии. Второе место делят профсоюзы и правоохранительные органы — здесь рост составил 83,9%. На 47,5% вырос уровень одобрения к деятельности судебной системы. Остальные два института — РПЦ и СМИ — демонстрируют падение уровня доверия. Одобрение РПЦ сократилось на 13,7%, одобрение СМИ — на 11,6%.

¹http://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyx_institutov/

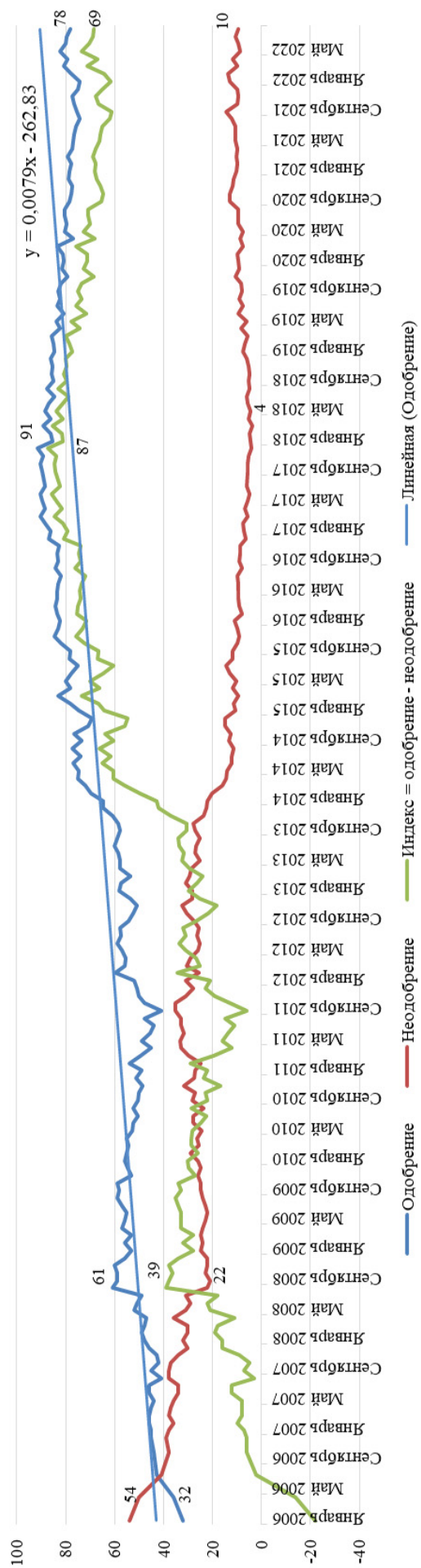

Рис. 1. Долгосрочные тренды доверия к Российской армии
 Fig. 1. Long-term trends in confidence in the Russian army

Примечание: построено автором по данным ВЦИОМ.

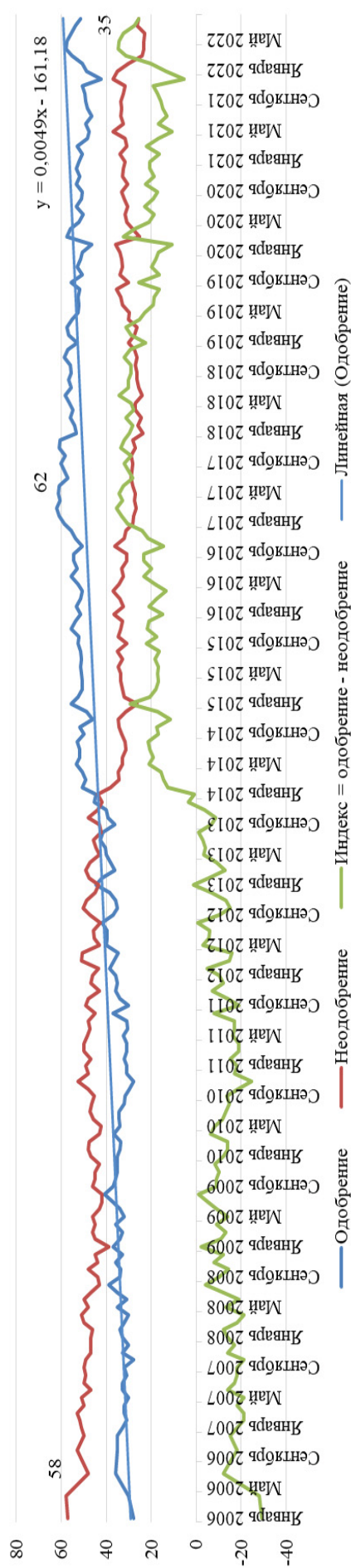

Рис. 2. Долгосрочные тренды доверия к правоохранительным органам
 Fig. 2. Long-term trends in trust in law enforcement agencies

Примечание: построено автором по данным ВЦИОМ.

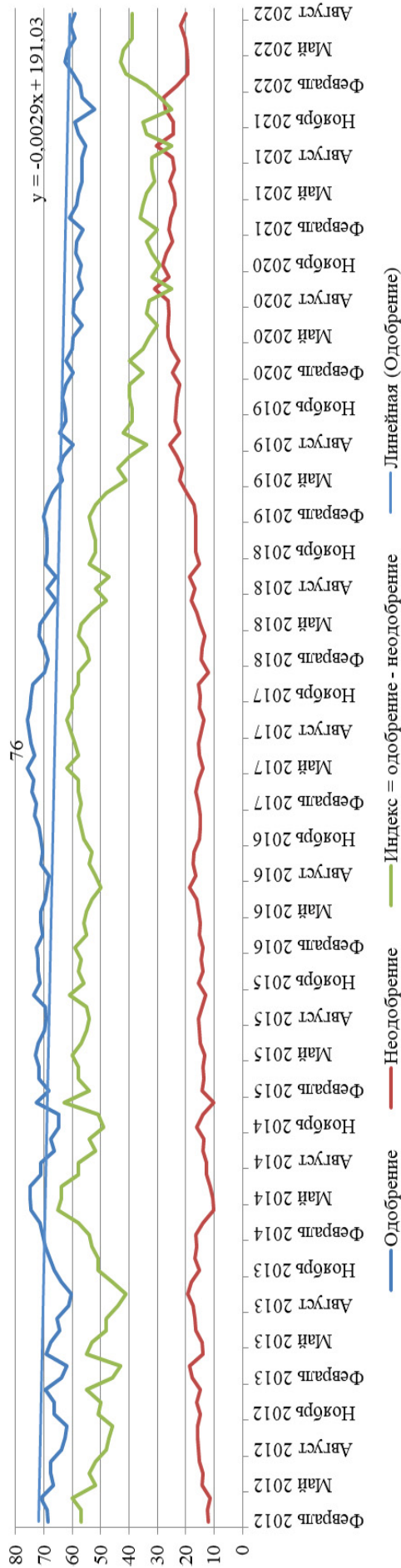

Рис. 3. Долгосрочные тренды доверия к РПЦ
 Fig. 3. Long-term trends in trust in the Russian Orthodox Church

Примечание: построено автором по данным ВЦИОМ.

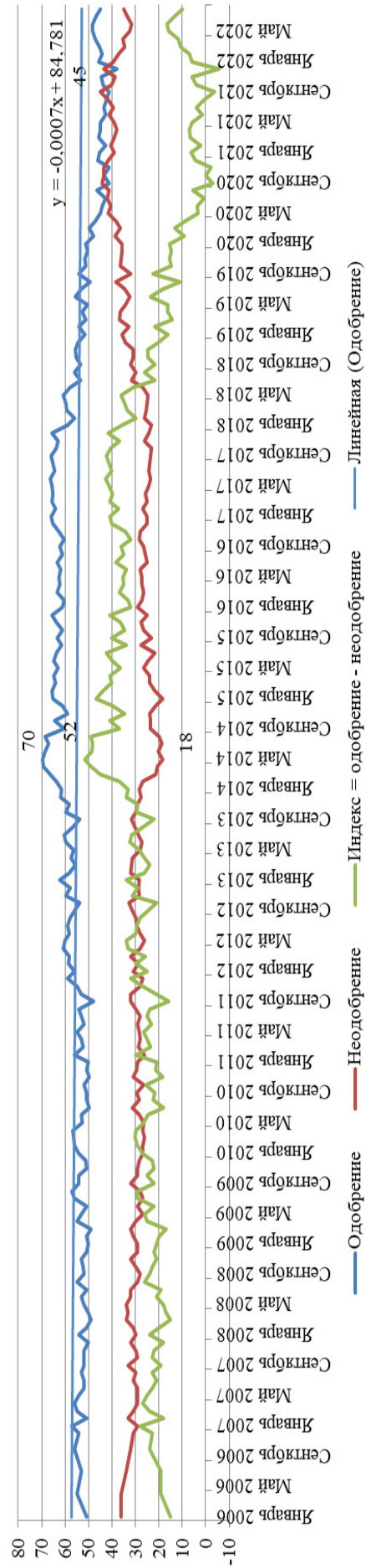

Рис. 4. Долгосрочные тренды доверия к СМИ
 Fig. 4. Long-term trends in trust in the media

Примечание: построено автором по данным ВЦИОМ.

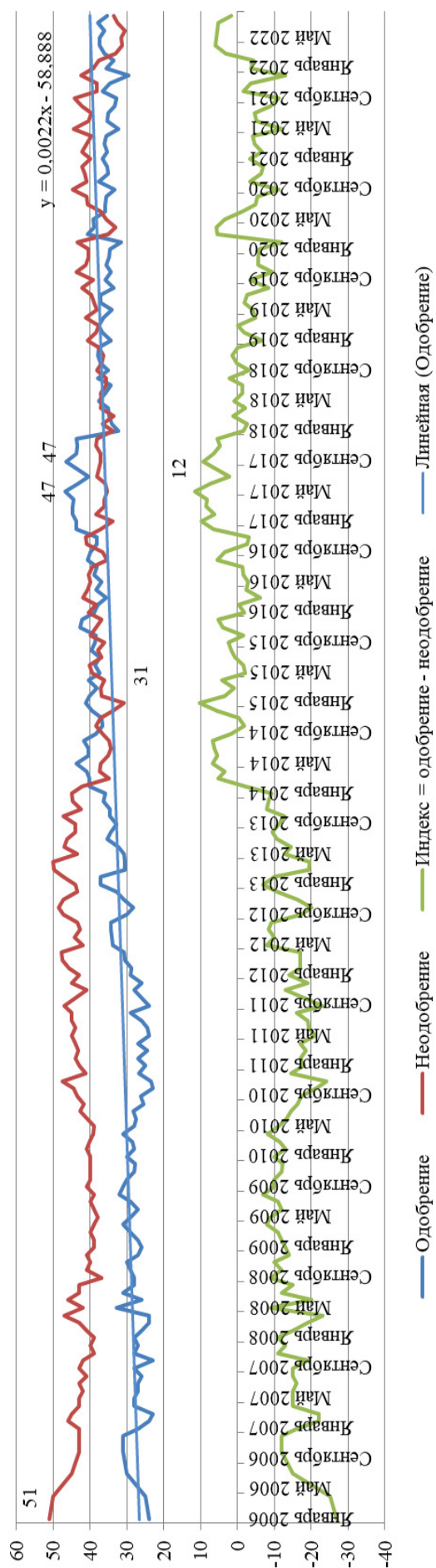

Рис. 5. Долгосрочные тренды доверия к судебной системе
 Fig. 5. Long-term trends in trust in the judicial system

Примечание: построено автором по данным ВЦИОМ.

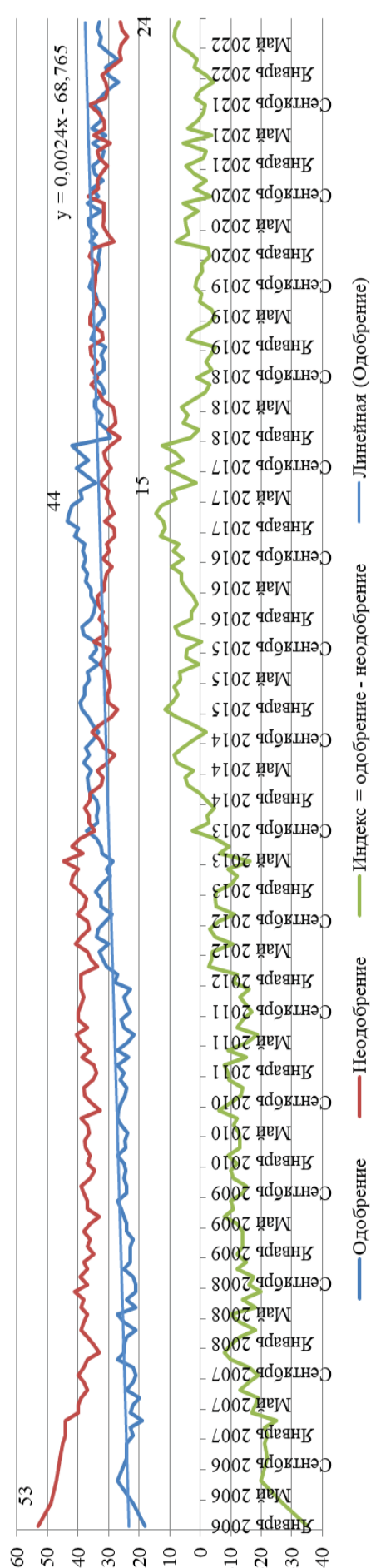

Рис. 6. Долгосрочные тренды доверия к профсоюзам
 Fig. 6. Long-term trends in trust in trade unions

Примечание: построено автором по данным ВЦИОМ.

Теперь обратимся к коэффициентам перед x в уравнениях линий тренда. Эти коэффициенты символизируют скорость изменений одобрения в долгосрочной перспективе. Самое высокое значение (0,0079) характерно для угла наклона линии тренда одобрения действий Российской армии. Чуть ниже скорость роста (0,0049) доверия — в отношении действий правоохранительных органов.

Несмотря на то что одобрение профсоюзов за период с января 2006 г. по август 2022 г. выросло на 83,9 %, что существенно выше аналогичного роста в отношении деятельности судебной системы (47,5 %), углы наклона линий долгосрочных трендов индексов одобрения этих двух институтов примерно равны (0,0024 и 0,0022). Это говорит об аналогичном векторе линий и примерно равных скоростях наращивания уровней доверия.

Отрицательные углы наклона линий трендов характерны для индексов одобрения РПЦ и СМИ. Если же анализировать значения коэффициентов перед x в уравнениях трендов в абсолютном выражении, то можно заключить, что они невелики. В особенности у уравнения тренда доверия к СМИ. Значение $-0,0007$ по абсолютному выражению нельзя назвать высоким, поэтому здесь, скорее, стоит заключить не столько падение уровня доверия, сколько почти его постоянство в долгосрочной перспективе.

Анализируя изображенные выше тренды, важно также обратить внимание еще на два момента. Во-первых, на наличие или же отсутствие циклов уровня доверия внутри исследуемого временного интервала. Во-вторых, на соотношение линий одобрения и неодобрения. Что касается циклов: обратимся к рис. 1. Внутри долгосрочного интервала можно выделить, как минимум, пару среднесрочных, которые демонстрировали обратную динамику. Несмотря на лидерство в скорости роста уровня доверия к действиям Российской армии, нужно отметить, что с декабря 2017 г. по август 2021 г. уровень одобрения падал. Падение за тот период составило 18,7 %. С августа 2008 г. по сентябрь 2011 г. картина аналогична — также снижающийся тренд. Падение было даже более существенным — 32,8 %.

Динамика доверия к правоохранительным органам не имеет таких явно выраженных циклов (рис. 2). Здесь мы, скорее, видим некую синусоиду с небольшой амплитудой, постепенно стремящуюся к росту значений.

Некие циклы можно увидеть и в отношении доверия к РПЦ (рис. 3). С января 2012 г. по сегодняшний день мы наблюдаем падение индекса одобрения.

Однако внутри исследуемого интервала времени тренд опять же не был постоянно снижающимся. Для некоторых пусть и непродолжительных интервалов времени все же был характерен рост — например, с сентября 2013 г. по июнь 2014 г. или же с августа 2016 г. по май 2017 г.

Определенная парабола прослеживается и в тренде одобрения СМИ (рис. 4). В январе 2006 г. одобрили действия СМИ 51 % опрошенных. Далее можно наблюдать практически стабильный рост (если же абстрагироваться от «мелких» коротких синусоид), и к маю 2014 г. график достигает максимума. В тот месяц уже 70 % респондентов одобрили деятельность СМИ, после чего наступило постепенное снижение. К августу 2022 г. лишь 45 % опрошенных выказали доверие к СМИ.

Доверие к судебной системе демонстрирует стабильный рост, во всяком разе вплоть до мая — сентября 2017 г. (рис. 5). С января 2018 г. по сегодняшний момент уровень доверия к действиям судебной системы сохраняется примерно на одной и той же отметке — 34 пункта.

Некую параболу, хоть и не явно выраженную, имеющую колебания в краткосрочных интервалах, можно увидеть и в тренде доверия к профсоюзам (рис. 6). Достаточно долгий и демонстрирующий хорошую скорость роста можно наблюдать до февраля 2017 г. Тем не менее даже в этом месяце менее половины опрошенных (лишь 44 %) одобрили деятельность профсоюзов. Можно предположить, что такая ситуация складывалась и складывается ввиду невысокой эффективности их деятельности и даже неразвитости этого института в России. С февраля 2017 г. наблюдается падение значения. К августу 2022 г. оно достигает лишь 33.

Теперь обратимся к соотношениям линий одобрения и неодобрения. Одобрение действий Российской армии превышает уровень неодобрения практически во всем рассматриваемом периоде. Исключение составляют лишь первые несколько месяцев исследования (январь — июль 2006 г.). Важно отметить, что расстояние между линиями одобрения и неодобрения с течением времени лишь увеличивается (рис. 1). Максимальное расстояние (превышение одобрения над неодобрением — это и показывает зеленая линия) характерно для декабря 2017 г. Далее это расстояние несколько сокращается, но не столь существенно, чтобы заявлять о потере доверия.

Неодобрение действий правоохранительных органов до ноября 2013 г. превышало одобрение

(рис. 2). Далее ситуация изменилась, и в последующие годы мы можем наблюдать положительную тенденцию: уровень одобрения постепенно растет, уровень неодобрения постепенно снижается. Опять же такие тенденции начиная с ноября 2013 г. не являются линейными: максимального уровня одобрения достигло к марту 2017 г., после чего начало снижаться. Неодобрение же, наоборот, начало расти.

Несмотря на снижающийся тренд уровня одобрения действий РПЦ, за весь исследуемый период линия одобрения находится существенно выше линии неодобрения (рис. 3). Минимальный разрыв, то есть разность между одобрением и неодобрением, характерен для сентября 2020 г., сентября 2021 г. и декабря 2021 г.

Уровень доверия к СМИ демонстрирует несколько иные тренды. Достаточно длительный период, вплоть до июля 2020 г. линия одобрения находится выше линии неодобрения (рис. 4). Далее линии начинают периодически пересекаться и начиная с января 2022 г. одобрение опять превышает неодобрение.

Несколько похожие тренды можно увидеть в отношении доверия к судебной системе (рис. 5) и в отношении доверия к профсоюзам (рис. 6). И в том и в другом случае существует достаточно длительный период превышения недоверия над доверием. В случае с судебной системой эта ситуация изменяется в марте 2014 г. В случае с доверием к профсоюзам — в феврале 2014 г. После этих месяцев линии постоянно пересекаются, что свидетельствует о невозможности твердо заявить об уверенном росте доверия к указанным институтам.

Долгосрочные тренды доверия к социально-политическим институтам

Проведем анализ трендов доверия к социально-политическим институтам по тем же позициям, что выше — в отношении трендов доверия к общественным институтам:

1. Проведем сравнение уровней доверия (одобрения) в статике — по состоянию на последнюю доступную дату.
2. Сравним крайние значения (соотношение значения на последнюю из доступных дат к самому первому из исследуемого периода) — для общего понимания долгосрочных трендов.
3. По углу наклона линейной линии тренда сделаем вывод о скорости роста/падения уровня одобрения.

4. Оценим наличие циклов внутри исследуемого периода — долгосрочных, среднесрочных, краткосрочных.

5. Проанализируем соотношение уровня одобрения над неодобрением.

Если анализировать текущий уровень доверия к социально-политическим институтам, то лидером выступает президент РФ — процент опрошенных по состоянию на начало сентября 2022 г., кто одобрил действия президента, составил 78. Доверие к председателю Правительства РФ и самому Правительству РФ на сегодня оценивается уровнем 53 и 52 соответственно. Несколько ниже доверие к Государственной Думе РФ и Совету Федерации РФ — 49 и 48 соответственно. Доверяют политическим партиям лишь 37% опрошенных, а оппозиции — и того меньше, только 25% опрошенных.

Сегодняшняя ситуация не отражает долгосрочных трендов, потому посмотрим на соотношение крайних значений. Несмотря на относительно низкий уровень доверия к политическим партиям (37), именно этот институт демонстрирует самый высокий прирост доверия — с января 2006 г. процент одобряющих вырос на 95,1%, то есть почти вдвое. Хороший рост показало и доверие к Государственной Думе РФ — за тот же период оно выросло на 89,1%. Уровень одобрения Совета Федерации возрос на 56,1%, к председателю Правительства РФ — на 37,8%, в то время как к самому Правительству РФ доверие возросло на несколько большую величину — 48,1%. Доверие к президенту РФ за весь рассматриваемый период практически не изменилось — рост составил 3,8%. Оппозиция — тот единственный социально-политический институт из семи исследуемых, который показал падение уровня одобрения — снижение составило 11,7%.

Если анализировать скорость приращения уровня доверия, то картина окажется несколько иной, нежели просто оценивать соотношения крайних значений. Самый высокий рост с точки зрения анализа крайних значений показали политические партии, но с точки зрения скорости этого роста — здесь значение уже не будет самым высоким. Угол наклона тренда одобрения действий политических партий составил $k = 0,0028$ (рис. 7). Самый же высокий рост с этой точки зрения показали Государственная Дума РФ и Совет Федерации РФ. Здесь коэффициенты, отражающие угол наклона линии, равны 0,0478 (рис. 12) и 0,0456 (рис. 13) соответственно.

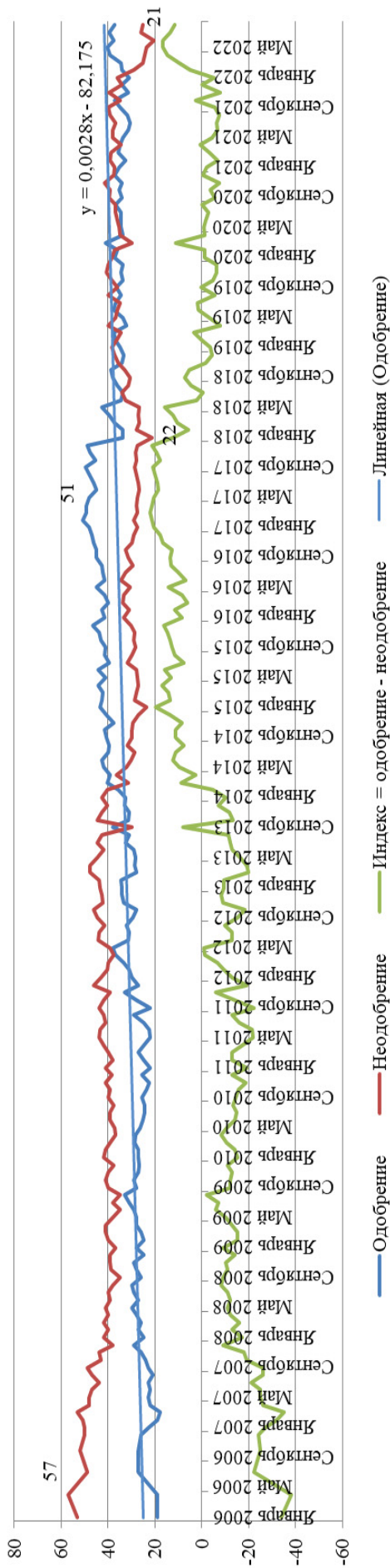

Рис. 7. Долгосрочные тренды доверия к политическим партиям
Fig. 7. Long-term trends in trust in political parties

Примечание: построено автором по данным ВЦИОМ.

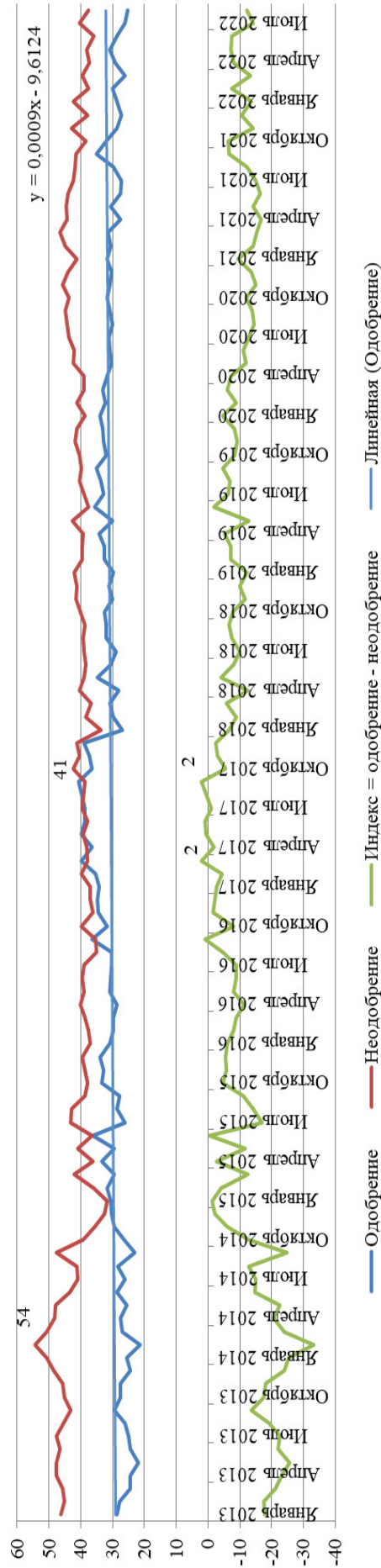

Рис. 8. Долгосрочные тренды доверия к оппозиции
Fig. 8. Long-term trends of trust in the opposition

Примечание: построено автором по данным ВЦИОМ.

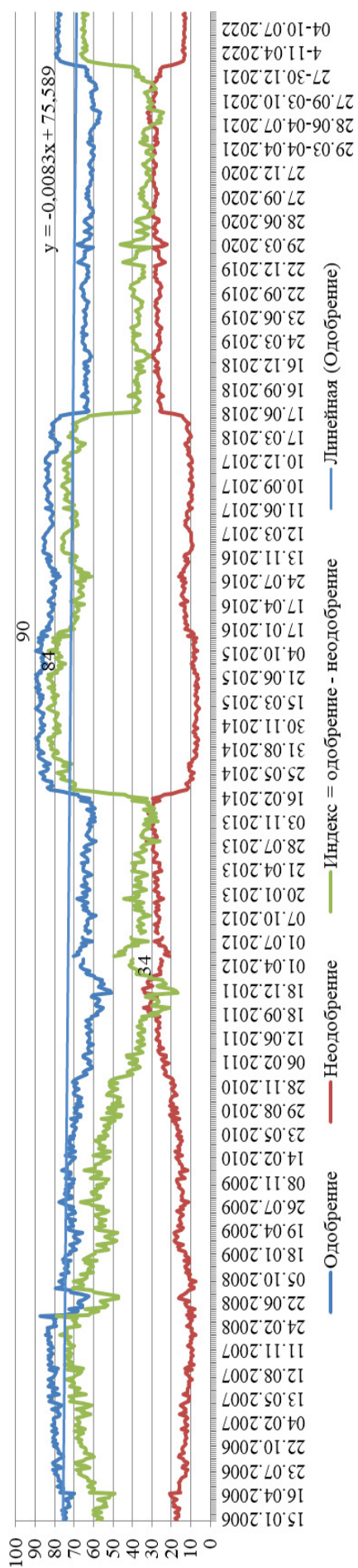

Рис. 9. Долгосрочные тренды доверия к президенту РФ
 Fig. 9. Long-term trends of trust in the President of the Russian Federation

Примечание: построено автором по данным ВЦИОМ.

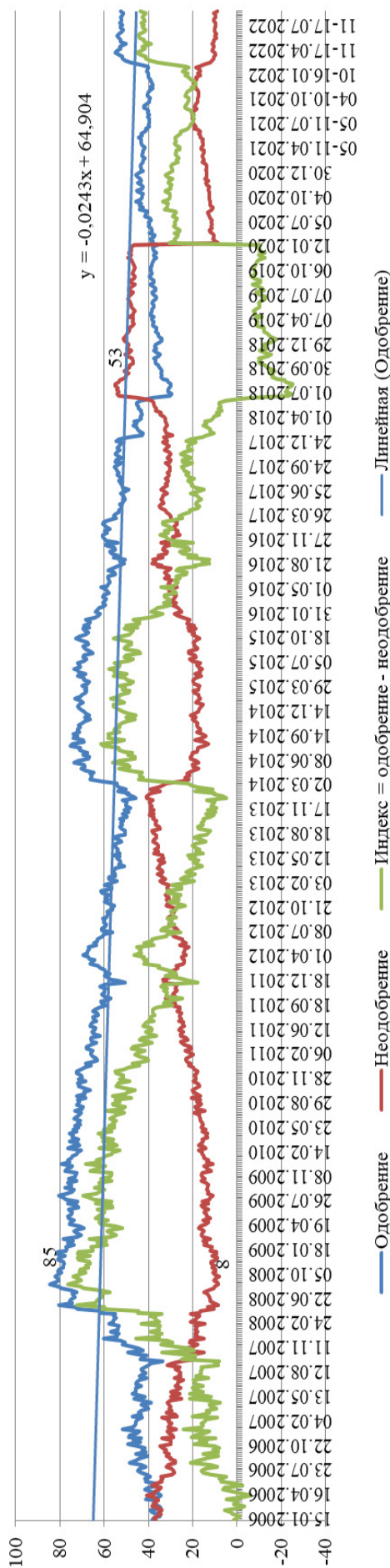

Рис. 10. Долгосрочные тренды доверия к председателю Правительства РФ
 Fig. 10. Long-term trends of confidence in the Chairman of the Government of the Russian Federation

Примечание: построено автором по данным ВЦИОМ.

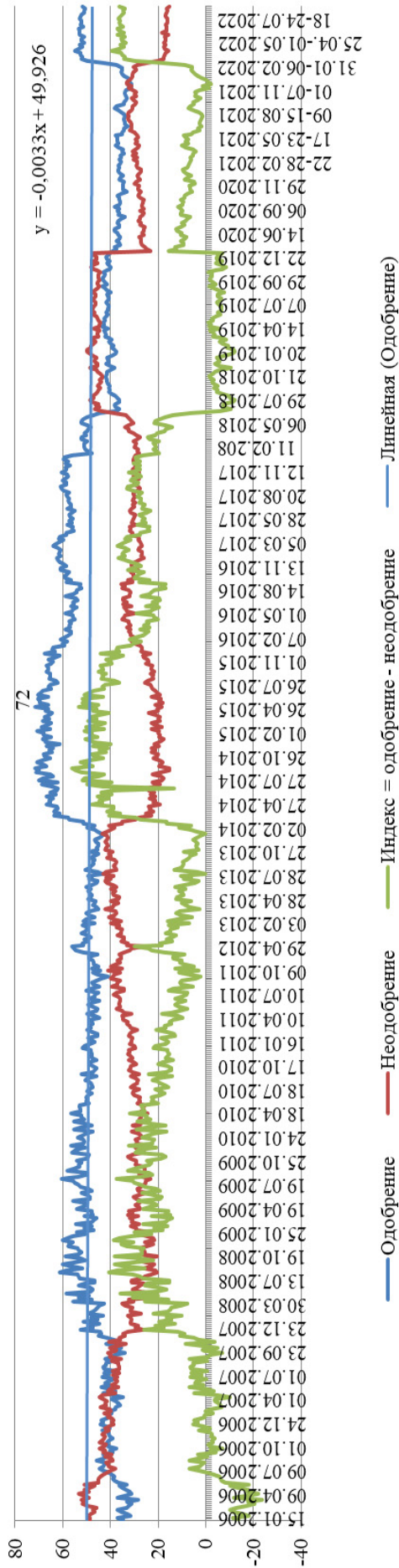

Рис. 11. Долгосрочные тренды доверия к Правительству РФ
 Fig. 11. Long-term trends of trust in the Government of the Russian Federation

Примечание: построено автором по данным ВЦИОМ.

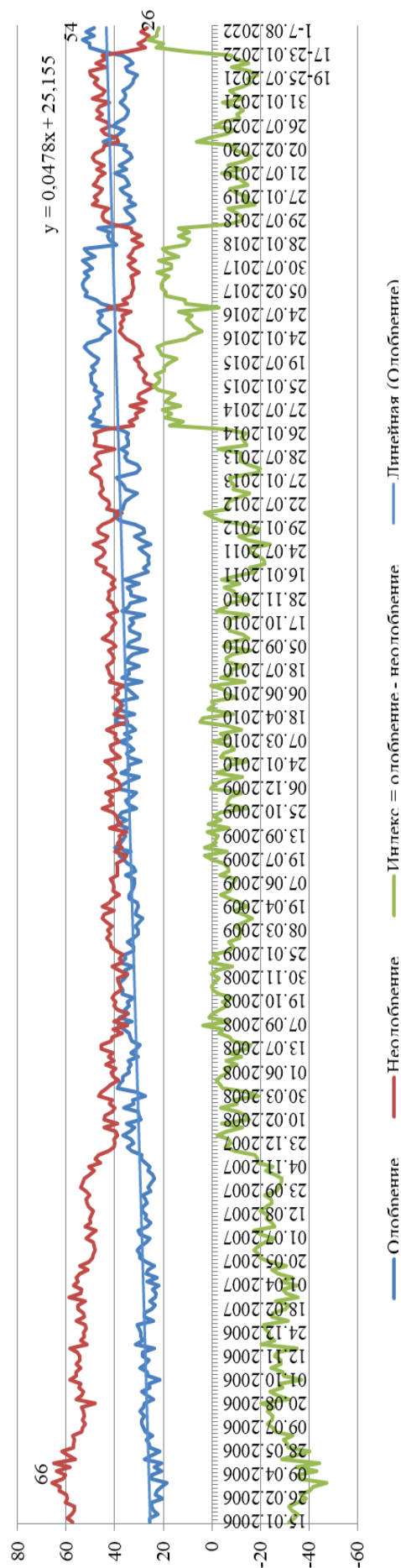

Рис. 12. Долгосрочные тренды доверия к Государственной Думе РФ
 Fig. 12. Long-term trends of confidence in the State Duma of the Russian Federation

Примечание: построено автором по данным ВЦИОМ.

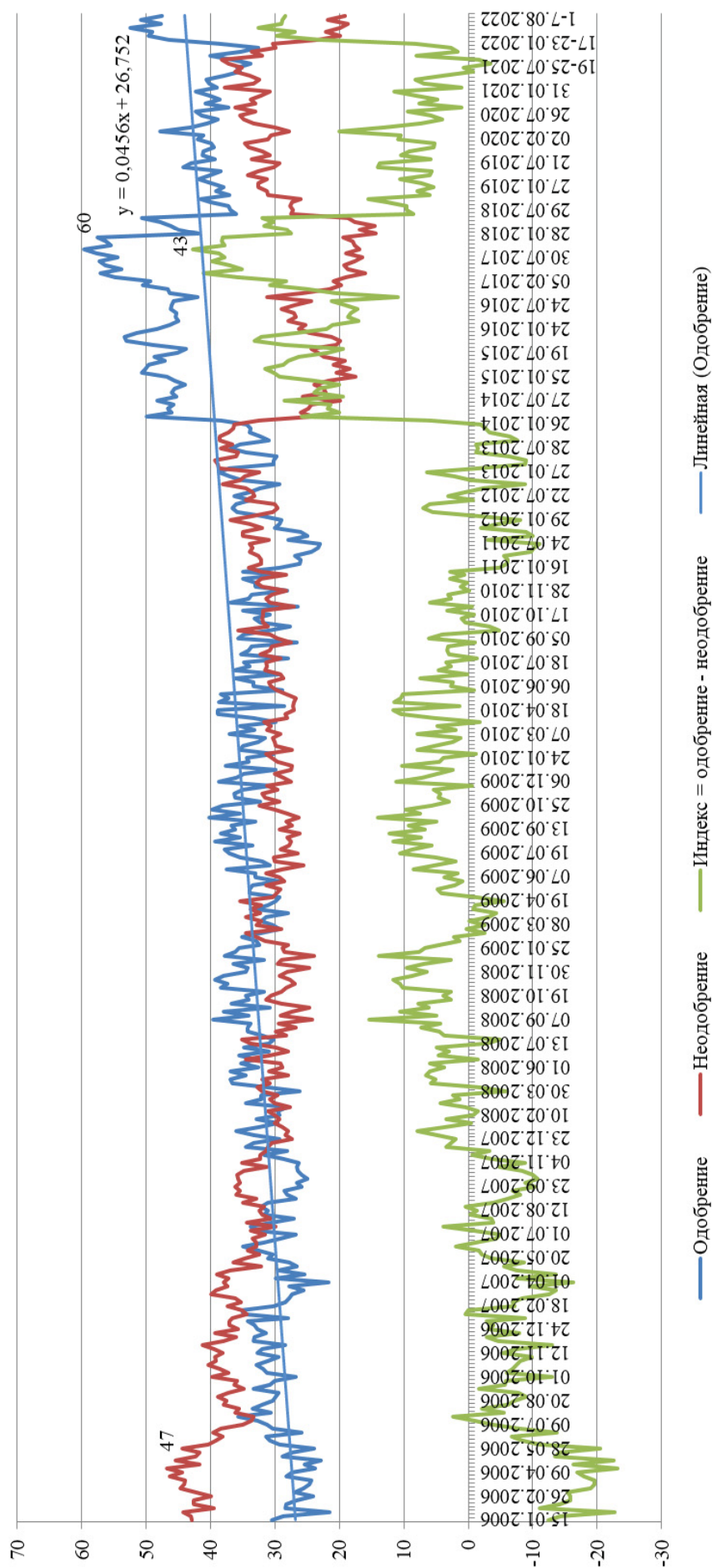

Рис. 13. Долгосрочные тренды доверия к Совету Федерации РФ
 Fig. 13. Long-term trends of confidence in the Federation Council of the Russian Federation

Примечание: построено автором по данным ВЦИОМ.

Несмотря на то что доверие к оппозиции, если сравнивать текущее время и январь 2013 года, сократилось, тренд одобрения имеет все же положительный наклон, хоть и небольшой. Коэффициент составил 0,0009 (рис. 8). Опираясь на такое значение угла наклона, можно говорить о некоем постоянстве, так как наклон практически нулевой.

Отрицательные углы наклона характерны для трех социально-политических институтов: президента РФ, председателя Правительства РФ и Правительства РФ (рис. 9—11). И это несмотря на то, что все эти три института при оценке крайних значений показали рост уровня одобрения. Самое высокое в абсолютном выражении значение коэффициента показывает уравнение тренда доверия к председателю Правительства РФ ($k = -0,0243$; рис. 10).

Теперь оценим геометрию графиков — для выявления внутренних, среднесрочных, трендов. Для политических партий вплоть до февраля 2017 г. характерен стабильно возрастающий линейный тренд. Далее же тренд становится снижающимся (рис. 7). Доверие к оппозиции не имеет ярко выраженных колебаний и, как сказано выше, с ориентацией на угол наклона линии, является стабильно одинаковым (рис. 8).

Достаточно стабильно растущие тренды характерны для доверия к Государственной Думе РФ и Совету Федерации РФ (рис. 12, 13). Тренд доверия к Государственной Думе РФ является более линейным, нежели тренд доверия к Совету Федерации РФ. Для последнего института есть период с характерным всплеском уровня доверия — оно существенно возрастает с марта 2014 г. по ноябрь 2017 г., далее же возвращается к прежней линии. Если абстрагироваться от этого всплеска, то все же можно принять, что тренд линейный.

Линии трендов доверия к президенту РФ, председателю Правительства РФ и Правительству РФ имеют отрицательный наклон. Но важно понимать, что фактически тренды несколько далеки от линейных, так как имеют колебания значений в среднесрочных перспективах. Самым, пожалуй, отдаленным от линейной геометрии является тренд доверия к президенту РФ (рис. 9). В период с марта 2014 г. по май 2018 г. индекс доверия существенно возрастает. Можно предположить, что в геополитическом смысле это объясняется присоединением Крыма к России. Далее уровень доверия опять падает. Так, например, если к октябрю 2015 г. процент респондентов, одобряющих действия президента РФ, достигает 90, то к июню 2018 г. он падает до 63%. О связи присоединения Крыма и выходе гражданского общества на траекторию устойчивого развития говорит В. К. Левашов [13].

Тренд доверия к председателю Правительства РФ можно охарактеризовать как параболический (рис. 10).

С января 2006 г. по август 2008 г. уровень доверия растет. Затем начинает снижаться вплоть до января 2014 г. Далее в течение 2014—2015 гг. держится на достаточно высоком уровне (67—74), после чего опять начинает снижаться. Геометрия доверия к Правительству РФ (рис. 11) примерно повторяет геометрию доверия к председателю Правительства РФ (рис. 10).

Результаты корреляционного анализа

Для проведения корреляционного анализа необходимо сформировать временную выборку, включающую одинаковое число наблюдений по всем исследуемым институтам. Индексы одобрения в отношении двух из исследуемых институтов — РПЦ и оппозиции — доступны лишь начиная с февраля 2012 г. и января 2013 г., что существенно сокращает выборку. По этой причине автором публикации принято решение сформировать две выборки. Первая включает индексы доверия по 11 исследуемым институтам, исключает РПЦ и оппозицию. Эта матрица (табл. 1) построена по выборке 189 наблюдений. Временной интервал включает ежемесячные значения за период с января 2006 г. по август 2022 г.

Вторая матрица показывает результат корреляционного анализа, покрывающего индексы по всем 13 изучаемым институтам (табл. 2). Построена матрица по меньшей выборке — включает 115 наблюдений с января 2013 г. по август 2022 г.

Обе выборки можно назвать статистически достаточными. Но результаты получились несколько различными, что подтверждает наличие внутренних среднесрочных трендов, из которых складываются долгосрочные. В матрице 1 (табл. 1) выборка шире на 7 лет. По результатам этого корреляционного анализа обнаружено большее число тесных связей. Из табл. 1 видно, что динамика индекса одобрения действий Российской армии синхронизирована с индексами одобрения действий судебной системы, политических партий, Совета Федерации РФ, профсоюзов и Государственной Думы РФ, чего нет в результатах табл. 2. В более коротком периоде одобрение Российской армии тесно коррелирует лишь с одобрением правоохранительных органов.

Для долгосрочной перспективы характерны следующие тенденции: если население одобряет действия правоохранительных органов, то аналогичное отношение проявляет к действиям и судебной системы, и политических партий, и профсоюзов, и Совета Федерации РФ, и Государственной Думы РФ (табл. 1). Такие тенденции не являются характерными для периода январь 2013 г. — август 2022 г. В этом периоде одобрение правоохранительных органов не синхронизировано ни с каким другим институтом.

Таблица 1
Table 1Корреляционная матрица (версия 1)
Correlation matrix (version 1)

	Российская армия	Правоохранительные органы	СМИ	Судебная система	Профсоюзы	Политические партии	Президент РФ	Председатель Правительства РФ	Правительство РФ	ГД РФ*	Совет Федерации РФ
Российская армия	1										
Правоохранительные органы	<u>0.97</u>	1									
СМИ	0.22	0.27	1								
Судебная система	<u>0.86</u>	<u>0.91</u>	0.49	1							
Профсоюзы	<u>0.82</u>	<u>0.85</u>	0.45	<u>0.92</u>	1						
Политические партии	<u>0.85</u>	<u>0.87</u>	0.53	<u>0.92</u>	<u>0.90</u>	1					
Президент РФ	0.21	0.23	0.56	0.34	0.23	0.42	1				
Председатель Правительства РФ	-0.31	-0.36	0.34	-0.16	-0.18	-0.03	0.31	1			
Правительство РФ	0.22	0.23	<u>0.76</u>	0.42	0.39	0.55	0.69	0.70	1		
ГД РФ*	<u>0.72</u>	<u>0.73</u>	0.52	<u>0.81</u>	<u>0.75</u>	<u>0.88</u>	0.61	0.22	<u>0.72</u>	1	
Совет Федерации РФ	<u>0.83</u>	<u>0.84</u>	0.45	<u>0.86</u>	<u>0.78</u>	<u>0.89</u>	0.57	0.01	0.56	<u>0.94</u>	1

* Государственная Дума РФ

Примечание: рассчитано автором по данным ВЦИОМ. Выборка — 189 наблюдений.

Таблица 2
Table 2

Корреляционная матрица (версия 2)
Correlation matrix (version 2)

	Российская армия	Правоохранительные органы	СМИ	Судебная система	Профсоюзы	РПЦ	Полит. партии	Оппозиция	Президент РФ	Председатель Правительства РФ	Правительство РФ	ГД РФ	Совет Федерации РФ
Российская армия	1												
Правоохранит. органы	0.91	1											
СМИ	0.08	0.18	1										
Судебная система	0.47	0.64	0.64	1									
Профсоюзы	0.35	0.42	0.58	0.80	1								
РПЦ	0.32	0.40	0.92	0.67	0.55	1							
Политические партии	0.58	0.63	0.63	0.84	0.78	0.68	1						
Оппозиция	0.68	0.66	0.15	0.54	0.54	0.29	0.61	1					
Президент РФ	0.36	0.40	0.72	0.64	0.54	0.69	0.80	0.23	1				
Председатель Правительства РФ	-0.19	-0.09	0.68	0.46	0.45	0.52	0.53	-0.12	0.80	1			
Правительство РФ	0.08	0.17	0.83	0.61	0.54	0.73	0.70	0.08	0.93	0.92	1		
ГД РФ	0.41	0.51	0.59	0.76	0.61	0.57	0.85	0.34	0.90	0.70	0.82	1	
Совет Федерации РФ	0.64	0.71	0.51	0.80	0.61	0.58	0.87	0.57	0.80	0.48	0.66	0.92	1

Примечание: рассчитано автором по данным ВЦИОМ. Выборка — 115 наблюдений.

Интересен результат, демонстрирующий связь доверия к СМИ и к президенту РФ. В долгосрочном периоде связь не является тесной (табл. 1). Коэффициент корреляции здесь составил лишь 0,56. В среднесрочной перспективе (так условно назовем период с января 2013 г. по текущий момент) связь оценивается коэффициентом корреляции 0,72 (табл. 2), что существенно выше. О связи доверия к медиа и к ключевым социально-политическим институтам говорят и другие авторы [14]. Построение регрессионной модели, эмпирикой для которой выступил опрос столичного общества, проведенный в 2016—2018 гг., показало: недоверие к медиа предопределяется недоверием к президенту РФ, Государственной Думе РФ, правоохранительным органам и пр.

Доверие к судебной системе можно назвать условно стабильным в том смысле, что вне зависимости от временного интервала выборки результаты получились примерно одинаковыми. Динамика доверия в отношении судебной системы оказалась синхронизирована с динамикой доверия в отношении профсоюзов, политических партий, Государственной Думы РФ и Совета Федерации РФ. Высокие значения коэффициентов корреляции приведены и в табл. 1, и в табл. 2.

Доверие к президенту РФ и исполнительным, и законодательным органам власти синхронизировалось с января 2013 г. В долгосрочной же выборке нет тесных связей с одобрением действий Правительства РФ, председателя Правительства РФ, Государственной Думы РФ и Совета Федерации РФ.

Заключение

Проведенное автором исследование не является уникальным. В литературе уже присутствуют исследования, посвященные оценке связи социального капитала и институционального доверия [15]. Но автор хотела бы подчеркнуть широкий диапазон выборки. Именно долгосрочные тренды попали в поле зрения.

Полученные результаты в целом соотносятся с теми, которые получены другими авторами. Так, например, Ю. В. Латовым были проанализированы статика и динамика доверия россиян к государ-

ственным и общественным институтам. Эмпирикой его исследования стали опросы Института социологии ФНИСЦ РАН за период с 2014 по 2021 г. Автор также продемонстрировал самый высокий уровень доверия населения к президенту РФ. И пришел к заключению, что население склонно доверять скорее «вертикали власти», нежели тем институтам, которые формируют политическую конкуренцию. Автор показал, что самое устойчивое доверие демонстрируют два института — президент РФ и Российская армия.

В нашем исследовании, если говорить о длительном росте, самый устойчивый и быстрый рост доверия показали Государственная Дума РФ и Совет Федерации РФ. Российская армия в этом смысле занимает третье место. Доверие же к президенту РФ показывает обратный тренд — оно снижается в долгосрочной перспективе.

Ю. В. Латов заявляет о волнообразном характере институционального доверия. В нашем исследовании мы пришли к аналогичным выводам, несмотря на более широкий временной интервал.

Зачастую исследователи, изучающие вопросы социально-экономического развития — как национальной экономики, так и региональных экономик и подсистем, — концентрируют свое внимание на доступности ресурсов, необходимых для эффективного развития, и на условиях, формирующих таковое, оставляя в стороне феномен доверия. Доверие, являясь, скорее, неэкономической категорией, уходит из поля зрения исследователей-экономистов. Однако именно оно формирует устойчивую базу для любого эффективного развития. Если институциональное доверие находится на высоком уровне, оно становится «качественным» фундаментом любого как социального, так и экономического развития. Причем такое развитие становится эффективным и вполне соответствует критерию Парето-улучшения. Более того, высокий уровень доверия снижает уровень транзакционных издержек, сводя некоторые даже к нулю, что ускоряет наращивание эффективности взаимодействия. А посему автор считает, что тема доверия важная, ее нужно изучать и развивать.

Список источников

1. Fukuyama F. Trust: The social virtues and the creation of prosperity. Simon and Schuster, 1996.
2. Вахтина М. А. Является ли доверие признаком института // Journal of Economic Regulation. 2018. Т. 9, № 3. С. 22—36.
3. Семененко И. С. Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота // Политические исследования. 2021. № 2. С. 25—45.

4. Козырева П. М., Смирнов А. И. Доверие в нестабильном российском обществе // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 134—147.
5. Дробижева Л. М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100—115.
6. Глушко И. В., Зуева Т. М. Доверие как ресурс изменения социальных практик и институтов современного российского общества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 2-2. С. 72—77.
7. Великая Н. М., Шушпанова И. С. Российская молодежь о перспективах и образах будущего социально-политического развития страны // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 29—40.
8. Бенц Д. С. Научно-исследовательские силы общества как движущая сила экономического роста территории // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 12 (458). С. 125—134.
9. Бочко В. С., Захарчук Е. А. Методология формирования образа будущего при разработке стратегии развития территории // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 4. С. 688—704.
10. Бочко В. С. Необходимость сохранения и усиления российской науки // Труды IX Всероссийского симпозиума по экономической теории: сб. докл. секцион. заседаний. 2020. С. 11—14.
11. Аганбегян А. Г. Человеческий капитал и его главная составляющая — сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста // Экономические стратегии. 2017. Т. 19, № 3 (145). С. 66—79.
12. Аганбегян А. Г. Человеческий капитал и его главная составляющая — сфера «экономики знаний» как основной источник // Экономические стратегии. 2017. Т. 19, № 4 (146). С. 6—21.
13. Левашов В. К. Потенциал развития гражданского общества в России // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 3 (100). С. 64—80.
14. Назаров М. М., Иванов В. Н., Кублицкая Е. А. Медиа, институты и доверие российских граждан // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2019. Т. 19, № 2. С. 277—288.
15. Латов Ю. В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161—175.

References

1. Fukuyama F. Trust: The social virtues and the creation of prosperity. Simon and Schuster; 1996.
2. Vahtina MA. Is trust a sign of an institution. *Journal of Economic Regulation*. 2018;(9(3):22-36. (In Russ.).
3. Semenenko IS, Developmental discourses in the social sciences: on the eve of the ethical turn. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya = Polis. Political studies*. 2021;(2):25-45. (In Russ.).
4. Kozyreva PM, Smirnov AI, Trust in an unstable Russian society. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya = Polis. Political studies*. 2019;(5):134-147. (In Russ.).
5. Drobizheva LM, Russian Identity: Discussions in the Political Space and the Dynamics of Mass Consciousness. *Polis. Politicheskkiye issledovaniya = Polis. Political studies*. 2018;(5):100-115. (In Russ.).
6. Glushko IV, Zueva TM. Trust as a resource for changing social practices and institutions of modern Russian society. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and socio-educational thought*. 2018;(10(2-2): 72-77. (In Russ.).
7. Velikaya NM, Shushpanova IS. Russian youth about the prospects and images of the future socio-political development of the country. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskkiye nauki = Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Social and economic sciences*. 2021;(14(2):29-40. (In Russ.).
8. Benz DS, Scientific research forces of society as a driving force for the economic growth of the territory. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(12(458):125-134. (In Russ.).
9. Bochko VS, Zaharchuk EA. Methodology of forming the image of the future in the development of a strategy for the development of the territory. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii = Journal of Economic Theory*. 2019;(16-4):688-704. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-4.7. (In Russ.).

10. Bozhko VS. The need to preserve and strengthen Russian science. In: Trudy IKH Vserossiyskogo simpoziuma po ekonomicheskoy teorii = Proceedings of the IX All-Russian Symposium on Economic Theory. 2020. Pp. 11—14. (In Russ.).

11. Aganbegyan AG. Human capital and its main component — the sphere of “knowledge economy” as the main source of socio-economic growth. *Ekonomicheskiye strategii = Economic strategies*. 2017;(19-3(145):66-79. (In Russ.).

12. Aganbegyan AG. Human capital and its main component — the sphere of “knowledge economy” as the main source. *Ekonomicheskiye strategii = Economic strategies*. 2017;(19-4(146):6-21. (In Russ.).

13. Levashov VK. The potential for the development of civil society in Russia. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki = Bulletin of the Russian Fund for Fundamental Research. Humanities and social sciences*. 2020;(3(100):64-80. (In Russ.).

14. Nazarov MM, Ivanov VN, Kublitskaya EA. Media, institutions and trust of Russian citizens. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2019;(19-2):277-288. (In Russ.).

15. Latov YuV. Institutional trust as social capital in modern Russia (according to monitoring results). *Polis. Politicheskiye issledovaniya = Polis. Political studies*. 2021;(5):161-175. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. С. Бенц — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

Daria S. Benz — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 05.10.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 05.10.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11107

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ «ТРОЙНОЙ СПИРАЛИ»

Александра Анатольевна Егорова^{1✉}, Артем Олегович Ужегов²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, aleksandra_csu@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6291-9878

² Челябинский филиал ИЭ УрО РАН, Челябинск, Россия, uzhegov.ao@uicc.ru, ORCID: 0000-0002-3244-2036

Аннотация. В настоящее время для России остро стоят вопросы повышения роли человека, улучшения условий жизнедеятельности населения и социальной направленности в социально-экономическом развитии. В данном контексте одним из важнейших направлений повышения качества жизни населения регионов является взаимодействие трех институциональных сфер «тройной спирали» — государства, университетов и бизнеса. Авторами проанализированы основные экономические и демографические показатели индустриальных регионов РФ. Выделены показатели, демонстрирующие качество жизни населения регионов, представлены и систематизированы региональные программы и концепции улучшения качества жизни населения. Представленная модель декомпозирует процессы, связанные с повышением качества жизни населения в регионе, и демонстрирует используемые при этом механизмы. В заключении представлен процесс повышения качества жизни населения с помощью модели «тройной спирали» с использованием нормативного, синергетического и интеграционного подходов. Таким образом, авторская модель позволяет в полной мере оказывать влияние на проблемное поле, отражает характеристику перехода устоявшейся системы в направлении качества жизни населения в регионе и открывает новые возможные варианты во взаимодействии между государством, университетом и бизнесом.

Ключевые слова: качество жизни населения, индустриальные регионы, «тройная спираль», социально-экономическое развитие регионов

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» в рамках гранта фонда перспективных научных исследований, приказ № 129-1 от 01.03.2022 по теме: «Механизм “тройной спирали” как инструмент повышения качества жизни населения индустриальных регионов».

Для цитирования: Егорова А. А., Ужегов А. О. Механизм «тройной спирали» как инструмент повышения качества жизни населения индустриальных регионов // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 69—80. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11107.

Original article

IMPROVING THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION OF INDUSTRIAL REGIONS: THE POSSIBILITIES OF USING THE “TRIPLE HELIX”

Alexandra A. Egorova^{1✉}, Artyom O. Uzhegov²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, aleksandra_csu@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6291-9878

² Chelyabinsk Branch of Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk, Russia, uzhegov.ao@uicc.ru, ORCID: 0000-0002-3244-2036

Abstract. At present, Russia is acutely facing issues of increasing the role of man, improving the living conditions of the population and the social orientation in socio-economic development. In this context, one of the most important areas for improving the quality of life of the population of the regions is the interaction of the three institutional areas of the triple helix — the state, universities and business. The authors analyzed the main economic and demographic indicators of the industrial regions of the Russian Federation. The main indicators demonstrating the quality of life of the population of the regions are identified, regional programs and concepts for improving

the quality of life of the population are presented and systematized. The authors propose a mechanism for improving the quality of life of the population of industrial regions based on the “triple helix” model. The presented model decomposes the processes associated with improving the quality of life of the population in the region, and demonstrates the mechanisms used in this process. In conclusion, the authors present the process of improving the quality of life of the population using the “triple helix” model using regulatory, synergistic and integration approaches. Thus, the author’s model allows to fully influence the problem field, reflects the characteristics of the transition of an established system in the direction of the quality of life of the population in the region and opens up new options in the interaction between the state, university and business.

Keywords: quality of life of the population; industrial regions, “triple helix”, socio-economic development of regions

Acknowledgments: The study was financially supported by the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Chelyabinsk State University” within the framework of a grant from the Foundation for Advanced Scientific Research Order No. 129-1 dated March 1, 2022 on the topic: “The ‘Triple Helix’ Mechanism as a Tool for Improving the Quality of Life of the Population of Industrial Regions”.

For citation: Egorova AA, Uzhegov AO. The “triple helix” mechanism as a tool to improve the quality of life of the population of industrial regions. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):69-80. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11107.

Введение

В научных исследованиях понятие «качество жизни» рассматривается как комплексная категория, а исследования в этой области характеризуются как междисциплинарные. Отечественные и зарубежные ученые ведут исследования в разных предметных областях по широкому кругу вопросов, связанных с жизнедеятельностью людей, их благополучием и возможностями развития. Результатом таких исследований является накопление знаний и практического опыта в решении проблем качества жизни. В настоящее время в мировой экономике возрастает степень неопределенности и непредсказуемости, усиливается неустойчивость и углубляется дифференциация территорий. В этих условиях необходимо выявлять глубинные основы происходящих событий, расширять и дополнять теоретическую базу исследований, применять адекватный инструментарий и новые технологии изучения новой реальности, искать действенные механизмы решения проблем.

Современные теория и практика управления испытывают потребность в исследованиях, основанных на комплексных подходах к повышению качества жизни населения в масштабах всей страны и ее территориальных образований — регионов. С позиции регионального управления качество жизни рассматривается как система показателей, которая затрагивает степень реализации жизненных стратегий людей, удовлетворения их жизненных потребностей и одновременно условия экономического развития региона [14].

Субъекты РФ как территориально-государственные единицы федеративного государства реализуют

региональную политику, которая должна строиться в контексте национального пространственного развития, а также с учетом глобальных трендов, влияющих на все сферы (технологические преобразования, цифровизация, пандемия COVID-19 и пр.). В данном контексте одним из важнейших направлений повышения качества жизни населения регионов является взаимодействие трех институциональных сфер «тройной спирали» — государства, университетов и бизнеса.

Во многих странах мира отношения между властью, бизнесом и обществом являются мощным источником развития экономических систем, решения социальных проблем и повышения качества жизни населения [15].

Как отмечает Е. В. Демидько, качество жизни — главный показатель эффективности социально-экономического развития регионов, а перед экспертным сообществом стоит задача, которая заключается в выборе методов повышения качества жизни населения, наиболее эффективных экономических и социальных инструментов для реализации этой цели [7].

Поиск возможностей и методов повышения качества жизни населения приводит к необходимости учитывать и эффективно использовать экономические факторы региона. Однако одних экономических факторов для повышения качества жизни недостаточно, отмечают Н. Е. Бондаренко, М. В. Дубовик и Р. В. Губарев [5]. Значительную, а иногда и решающую роль играет эффективная государственная политика по обеспечению достойного уровня жизни граждан по всей стране. Кроме того, имеются возможности для развития террито-

рий за счет взаимодействия между государством, бизнесом и научным сообществом посредством механизма «тройной спирали».

Возможности такого взаимодействия недостаточно изучены и не всегда реализуются на практике, что требует дальнейших исследований и поиска эффективных механизмов внедрения «тройной спирали» [6].

Методы и материалы

Развивая и дополняя имеющийся методический инструментарий повышения качества жизни населения, авторы выбрали пять индустриальных регионов РФ. Критерием отнесения регионов к индустриальным является наибольшая доля обрабатывающих производств в ВРП. Как отмечают В. В. Акбердина и А. С. Сергеева [1], в качестве критерия отнесения к индустриальным регионам не следует использовать долю всей промышленности в ВРП, так как в данном случае мы сталкиваемся с регионами, которые можно обозначить как сырьевые, с высокой долей добывающего сектора. Авторами представлена оценка основных статистических показателей в экономической и демографической сферах. С целью рассмотрения показателей качества жизни населения в рамках социально-экономического развития региона авторами выделены три блока показателей (благополучие населения, качество здоровья населения, условия жизни населения). Так как в настоящее время на уровне субъектов Российской Федерации имеется опыт разработки и реализации региональных программ и концепций улучшения (повышения) качества жизни населения, в статье приведены основные положения, отраженные в данных документах по Красноярскому краю, Тульской, Вологодской, Калужской и Липецкой областям.

Авторы предполагают, что развитые в экономическом отношении территории имеют больше возможностей для повышения качества жизни населения. К такому же выводу в своей работе приходят В. В. Окрепилов и Н. Л. Гагулина. Это положение разделяется практически всеми исследователями, как и то, что социально-экономическая дифференциация создает проблемы для достижения качественной жизни населения отдельных территорий [10]. Однако регионы, различающиеся по своей отраслевой специализации, имеют разный потенциал своего развития. На наш взгляд, возможности и резервы для улучшения социально-экономического положения населения у индустриальных регионов до сих пор не исчерпаны.

О. В. Артемова и А. Н. Савченко [3] отмечают, что связь между уровнем экономического развития регионов и качеством жизни населения есть, но неоднозначная. В своем исследовании авторы приходят к выводу, что высокие экономические показатели регионального развития не всегда являются однозначным показателем высокого качества жизни населения, а неоднородность регионального пространства, меняя со временем формы и сферы распространения, продолжает определять дифференциацию регионов и в конечном итоге неравенство в качестве жизни граждан на территории страны [4; 13]. Такая ситуация делает актуальным поиск механизмов сближения условий жизнедеятельности людей в регионах, представляет научный интерес и имеет большое практическое значение.

Результаты

Выборка регионов и основные социально-экономические показатели представлены в табл. 1.

Таблица 1
Table 1

**Основные экономические показатели индустриальных регионов РФ, 2020 г.
The main economic indicators of the industrial regions of the Russian Federation, 2020**

Регион	ВРП, 2019 г.	Доля обрабатывающих производств в ВРП, 2019 г.	ВРП на душу населения	Инвестиции в основной капитал	Инвестиции в основной капитал на душу населения (место в РФ)
Тульская область	681 612,30	38,4	462 903,4	26 372	86 697 (50-е)
Вологодская область	630 137,70	38,4	541 318,7	203 577	176 144 (15-е)
Калужская область	545 109,40	38,0	541 870,1	112 040	111 841 (28-е)
Красноярский край	2 692 239,20	36,3	938 016,7	478 575	167 271 (17-е)
Липецкая область	570 380,00	35,7	499 587,0	167 131	147 410 (20-е)

Источник: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики, 2021 (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf; дата обращения 01.09.2022).

Данные табл. 1 демонстрируют следующее: по доле обрабатывающих производств в структуре ВРП области лидирует Тульская область (38,4). На втором и третьем местах расположились Вологодская и Калужская области с показателями в 38,4% и 38,0% соответственно. По показателям ВРП на душу населения (млн руб.) лидирует Красноярский край (1-е место), далее расположилась Калужская (2-е), Вологодская (3-е), Липецкая (4-е) и Тульская (5-е) области. При этом по показателю инвестиций в основной капитал на душу населения лидером является Вологодская область.

Процессы, происходящие в экономике региона напрямую связаны с социально-демографической ситуацией (табл. 2).

Анализируя данные табл. 2, отметим следующее: по численности населения лидером является Красноярский край, где проживают 2,8 млн чел., коэффициент естественного прироста демонстрирует значение $-4,2$ в 2020 г. Численность населения Тульской области ниже и составляет 1,4 млн чел., демографическая динамика неустойчивая, коэффициент естественного прироста населения демонстрирует худшее значение в выборке ($-11,3$) в 2020 г. Вологодская, Калужская и Липецкая области уступают по численности населения вышеупомянутым регионам, при этом динамика численности населения у данных регионов также неустойчивая. Следует отметить, что только в двух регионах (Калужская область и Красноярский край) коэффициент миграционного прироста демонстрирует положительное значение.

В настоящее время направления исследований качества жизни населения разнообразны и характеризуются разными подходами, которые, рассматривая объект с разных сторон, дают более объективную картину жизни людей. Многие ученые [2; 9; 12; 16] предлагают включать интегральные показатели, отражающие наиболее значимые стороны жизни населения, в качестве составляющих качества жизни населения.

С целью рассмотрения показателей качества жизни населения в рамках социально-экономического развития региона выделим три блока таких показателей (табл. 3).

Как отмечают ученые [8], в современных условиях повышение качества жизни населения является приоритетным направлением развития страны в долгосрочном периоде. По мнению авторов, основными методами решения проблем, касающихся качества жизни, являются вопросы повышения общего уровня социально-экономического развития регионов, а также разработка и реализация соот-

ветствующих программ. Приоритетом является последовательное улучшение благосостояния населения, сокращение бедности, повышение качества здоровья населения и обеспечение достойных условий жизни для людей.

В настоящее время на уровне субъектов Российской Федерации имеется опыт разработки и реализации региональных программ и концепций улучшения (повышения) качества жизни населения (табл. 4).

Как видно из табл. 4, во всех промышленных регионах действуют программы повышения качества жизни населения. Во многих регионах мероприятия по повышению качества жизни населения направлены на сокращение разрыва в уровне социально-экономического развития между муниципальными образованияами региона, повышению эффективности и усилению адресной направленности мер социальной защиты населения, развитию человеческого капитала и социальной сферы.

Механизм повышения качества жизни населения с помощью модели «тройной спирали»

Авторам представляется, что на основе концепции «тройной спирали» (рис. 1) существует возможность консолидации усилий государства, бизнеса и университетов с целью объединения ресурсов, которые будут направлены на решение социальных проблем и повышение качества жизни населения.

Цель создания модели повышения качества жизни населения индустриальных регионов заключается в создании организационно-управленческого механизма, обеспечивающего удовлетворение индивидуальных, коллективных и общественных потребностей и интересов каждого человека в целях обеспечения достойной жизни и свободного развития.

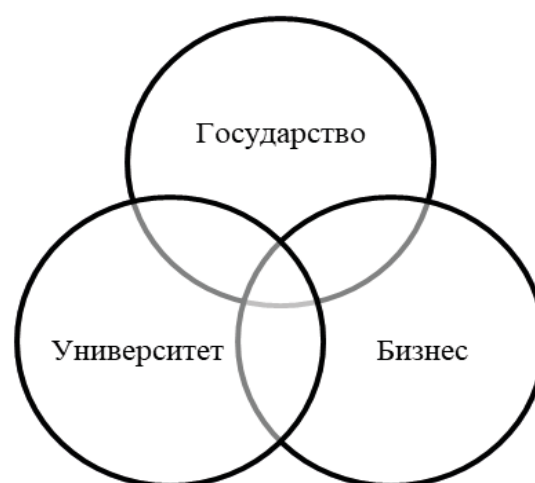

Рис. 1. Модель «Тройной спирали»
Fig. 1. Model of the "Triple Helix"

Таблица 2

Table 2

**Основные демографические показатели индустриальных регионов, 2020 г.
The main demographic indicators of industrial regions, 2020**

Регион	Численность населения	Удельный вес городского населения	Удельный вес сельского населения	Коэффициент миграционного прироста	Коэффициент естественного прироста населения
Тульская область	1 449,1	74,7	25,3	-3	-11,3
Вологодская область	1 151,0	72,7	27,3	-18	-6,4
Калужская область	1 001,0	75,8	24,2	68	-8,3
Красноярский край	2 855,9	77,6	22,4	5	-4,2
Липецкая область	1 128,2	64,6	35,4	-4	-9,5

Источник: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики, 2021 (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf; дата обращения 01.09.2022).

Таблица 3

Table 3

**Основные показатели качества жизни населения индустриальных регионов
The main indicators of the quality of life of the population of industrial regions**

Показатель	Тульская область	Вологодская область	Калужская область	Красноярский край	Липецкая область
1) Благосостояние населения					
Среднедушевые денежные доходы населения, руб./мес. (место в РФ)	29 385 (41-е)	29 522 (38-е)	32 442 (26-е)	32 832 (24-е)	32 226 (27-е)
Потребительские расходы в среднем на душу населения, руб./мес. (место в РФ)	23 153 (38-е)	21 865 (48-е)	24 683 (29-е)	24 070 (33-е)	25 829 (27-е)
Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % общей численности населения субъекта	10,1	12,9	9,7	17	8,5
2) Качество здоровья населения					
Численность населения на одну больничную койку, чел.	116,1	129,7	119,1	122,4	120,2
Мощность амбулаторно-поликлинических организаций (на 10 000 чел. населения), посещений в смену	274,1	315,7	299,8	328	353,2
Численность врачей всех специальностей (на 10 000 чел. населения), посещений в смену (место в РФ)	39,9 (74-е)	36,1 (82-е)	43,1 (63-е)	50,6 (35-е)	41,2 (70-е)
3) Условия жизни населения					
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года), кв. м	30,3	31,6	31,6	25,9	33,6
Число семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия за год, тыс.	1,6	0,9	0,6	1,6	0,6
Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг, % общей суммы потребительских расходов	11,7	10,3	8,7	12,5	9,3

Источник: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики, 2021 (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2021.pdf; дата обращения 01.09.2022).

Региональные программы и концепции улучшения качества жизни населения
Regional programs and concepts for improving the quality of life of the population

Субъект РФ	Наименование документа	Положения, отраженные в документе
Тульская область	Проект стратегии социально-экономического развития Тульской области до 2030 г. ¹	Уровень доходов и качество жизни населения Тульской области должны повышаться на основе увеличения занятости на высокотехнологичных рабочих местах, расширения возможностей для творческой самореализации человека труда. В проекте стратегии представлены следующие цели, связанные с повышением качества жизни населения: 1) рост численности населения; 2) обеспечение достойного уровня доходов и занятости населения
Вологодская область	Стратегия социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 г. ² (в ред. постановлений Правительства Вологодской области от 09.01.2017 № 2, от 13.06.2018 № 507, от 10.08.2020 № 946, от 05.10.2020 № 1183, от 28.12.2020 № 1581, от 16.08.2021 № 956, от 20.12.2021 № 1440)	В рамках данного приоритета Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 г. реализуются мероприятия, направленные на обеспечение социальных гарантий граждан и охрану их здоровья, создание комфортных и безопасных условий жизни на территории области. Основные направления стратегии, связанные с повышением качества жизни населения: 1) Развитие здравоохранения на 2021—2025 годы 2) Социальная поддержка граждан на 2021—2025 годы 3) Обеспечение населения доступным жильем и создание благоприятных условий проживания на 2021—2025 годы 4) Формирование современной городской среды на 2018—2024 годы
Калужская область	Стратегия социально-экономического развития Калужской области до 2030 г. ³ «Человек — центр инвестиций» (в ред. постановлений Правительства Калужской области от 29.01.2020 № 50, от 26.11.2020 № 894)	Целевые ориентиры стратегии: в результате обеспечения преемственности стратегических документов будут достигнуты достойное качество жизни населения, улучшение демографической ситуации в области, увеличение продолжительности жизни, комплексная реабилитация и учет интересов людей с ограниченными возможностями, увеличение представительности среднего класса, сохранение социальной стабильности в регионе, обеспечение устойчивого роста экономического потенциала Калужской области не только за счет инвестиций, но прежде всего вследствие активизации человеческого фактора экономического развития, повышения уровня общественно-политического единства в регионе, активизации гражданского политического участия населения, формирования и развития институтов гражданского общества. Государственная программа «Новое качество жизни», которая включает 20 направлений
Красноярский край	Стратегия социально-экономического развития Красноярского края до 2030 г. ⁴ Приложение к Постановлению Правительства Красноярского края от 30 октября 2018 г. № 647-п	Целевые ориентиры стратегии: реализация стратегии должна сделать край привлекательным для проживания и обеспечить высокое качество жизни его населения. К 2030 году в крае будет сформирована благоприятная и ценностно ориентированная социокультурная среда, обеспечивающая духовно-нравственное развитие личности, возможности творческой самореализации и высокое качество жизни населения края. Основные направления стратегии, связанные с повышением качества жизни населения: 1) Рост уровня жизни населения 2) Общественная безопасность 3) Транспортный комплекс 4) Развитие территорий края

Субъект РФ	Наименование документа	Положения, отраженные в документе
Липецкая область	Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2024 г. ⁵ (в ред. законов Липецкой области от 25.05.2009 № 264-оз, от 14.12.2011 № 580-оз, от 29.10.2018 № 213-оз)	Целевые ориентиры стратегии: 1) Стратегия направлена прежде всего на обеспечение устойчивого повышения уровня и качества жизни населения, сокращение разрыва в уровне социально-экономического развития между муниципальными образованиями области. 2) Повышение благосостояния и качества жизни населения путем повышения конкурентоспособности экономики на основе опережающего роста производительности труда за счет модернизации и формирования развитой инновационной инфраструктуры, создания благоприятных условий для предпринимательской деятельности и привлечения инвестиций. 3) Улучшение качества жизни граждан остается основным критерием, характеризующим создание системы эффективного управления в области. 4) Системная поддержка и повышение качества жизни граждан старшего поколения, включая формирование системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, а также ликвидация очередей в организациях социального обслуживания, развитие гериатрической медицинской помощи

Примечания

¹ Проект стратегии социально-экономического развития Тульской области до 2030 года (<https://storage.strategy24.ru/files/uploads/41f8eaedd8cd4e812c89cba25bae9ac5.pdf>; дата обращения 01.09.2022).

² О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года (<https://docs.cntd.ru/document/444743929>; дата обращения 01.09.2022).

³ О Стратегии социально-экономического развития Калужской области до 2030 года (<https://docs.cntd.ru/document/972215857>; дата обращения 01.09.2022).

⁴ Об утверждении стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года (<https://docs.cntd.ru/document/550243058>; дата обращения 01.09.2022).

⁵ Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2024 года (<https://docs.cntd.ru/document/872606764>; дата обращения 01.09.2022).

При этом к задачам разработки на основе «тройной спирали» и внедрения модели повышения качества жизни населения в региональную практику относятся:

- создание благоприятных условий для расширения возможностей населения региона по удовлетворению индивидуальных, коллективных и общественных потребностей;
- активизация потенциала жителей области с установкой на социальную активность;
- формирование благоприятных условий для самореализации человека в профессиональной сфере;
- осуществление целевых поддерживающих и стимулирующих программ социально-экономического развития региона;
- корректировка ценностно-целевых ориентаций человека, управление формированием разумных потребностей и др.

Таким образом, модель повышения качества жизни населения индустриальных регионов по «тройной спирали» включает в себя три основных элемента:

1. В основе — взаимодействие трех институциональных сфер «тройной спирали»: государства, университетов и бизнеса, — которые стремятся к сотрудничеству, при этом повышение качества жизни населения происходит из данного взаимодействия.
2. Формирование общества, с установкой на социальную активность.
3. Усиление роли исследовательских университетов во взаимодействии с производством и правительством [11], осуществление целевых поддерживающих и стимулирующих программ социально-экономического развития региона в рамках модели «тройной спирали».

Переход к системе управления качеством жизни населения на основе «тройной спирали» базируется на управленческих решениях, учитывающих связь уровней управления, потребностей, объектов управления и инструментов управления, позволяющих минимизировать социально-экономические противоречия

и дисбалансы, и лежит в плоскости стратегического, тактического и диспозитивного управления.

При описании механизма «тройной спирали» для повышения качества жизни населения мы использовали процессную модель в нотации IDEF0 и декомпозировали ее для полного понимания входящих и исходящих данных, управления и механизмов модели. Созданная модель декомпозирует процессы, связанные с повышением качества жи-

зни населения в индустриальных регионах, и демонстрирует используемые при этом механизмы. На рис. 2 представлена модель в общем виде.

Декомпозицию процессов (управление и механизмы) повышения качества жизни населения с применением механизма «тройной спирали» см. на рис. 3.

На рис. 4 представлена декомпозиция процессов (ресурсы и результаты) повышения качества жизни населения с применением механизма «тройной спирали».

Рис. 2. Модель повышения качества жизни населения с применением модели «тройной спирали»
Fig. 2. Model of improving the quality of life of the population using the “triple helix” model

Примечание: составлено авторами.

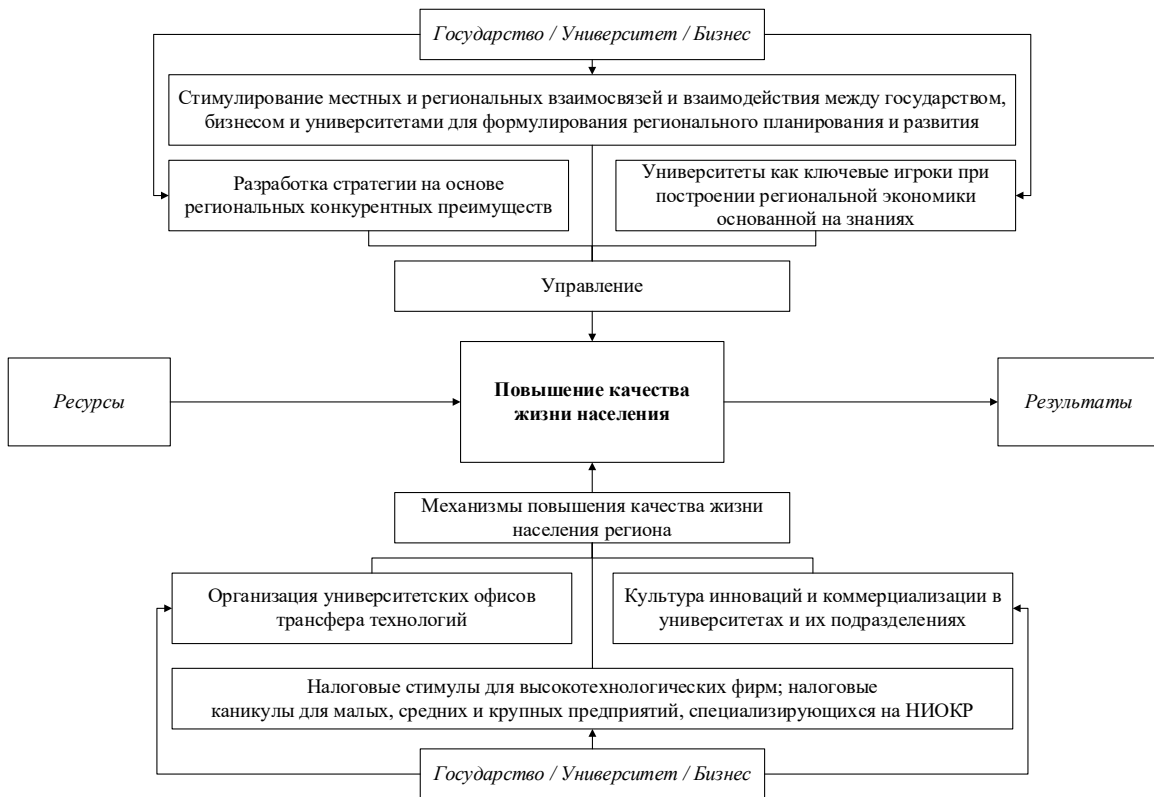

Рис. 3. Декомпозиция процессов (управление и механизмы) повышения качества жизни населения с применением механизма «тройной спирали»

Fig. 3. Decomposition of processes (management and mechanisms) of improving the quality of life of the population using the “triple helix” mechanism

Примечание: составлено авторами.

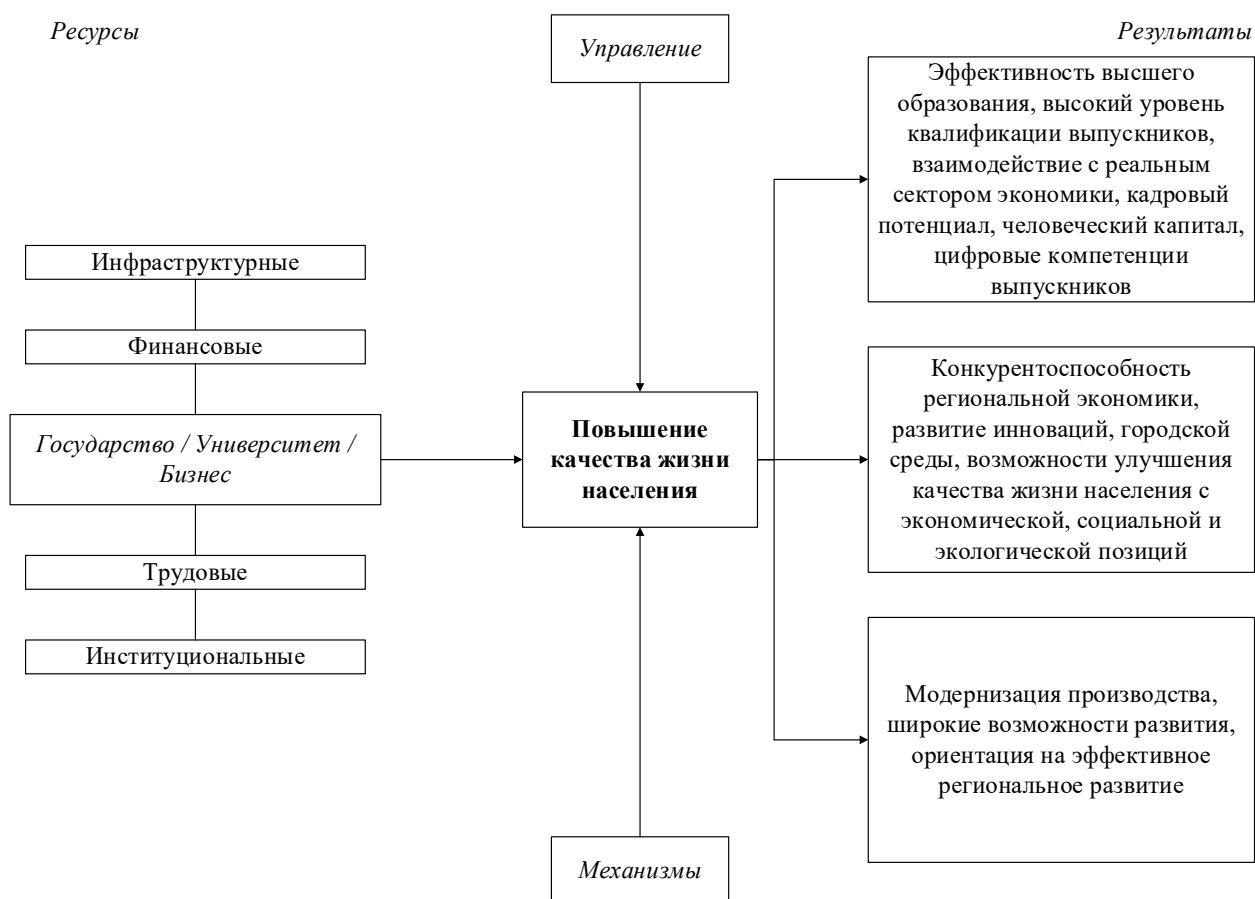

Рис. 4. Декомпозиция процессов (ресурсы и результаты) повышения качества жизни населения с применением механизма «тройной спирали»

Fig. 4. Decomposition of processes (resources and results) of improving the quality of life of the population using the “triple helix” mechanism

Примечание: составлено авторами.

На основе предложенной модели отметим процесс повышения качества жизни населения в регионе, который отражает проблемное поле, харак-

теристику перехода и учитывает интерпретацию процесса (табл. 5).

Таблица 5
Table 5

Процесс повышения качества жизни населения в регионе
The process of improving the quality of life of the population in the region

Проблемное поле	Характеристика перехода	Интерпретация процесса повышения качества жизни населения
Нормативный подход — процесс изменений и преобразований	Движение системы от стандартных типов взаимоотношений, к направленному взаимодействию в рамках тройной спирали	Проектирование нового подхода к взаимодействию государства, университета и бизнеса с целью взаимообусловленного развития
Синергетический подход — процесс создания кумулятивного эффекта от взаимодействия в рамках «тройной спирали»	Движение системы к модели эмерджентности, когда эффективность деятельности возрастает в результате взаимодействия	Система, обуславливающая и стимулирующая к комплексному взаимовыгодному взаимодействию путем обмена информацией и перехода к новому состоянию системы
Интеграционный подход — комплексное рассмотрение проблем изменений, вовлеченность государства, университета и бизнеса в процесс взаимодействия	Движение системы к увеличению объема и интенсивности взаимодействия	Система, способная к гибкому взаимодействию с целью повышения качества жизни населения

Примечание: составлено авторами.

Таким образом, созданная нами модель позволит в полной мере оказывать влияние на проблемное поле, отражает характеристику перехода устоявшейся системы в направлении качества жизни населения в регионе и открывает новые возможные варианты во взаимодействии между государством, университетом и бизнесом.

Заключение

Данное исследование способствует лучшему пониманию процесса повышения качества жизни населения в индустриальных регионах. Также исследование вносит определенный вклад в концепцию «тройной спирали», тем самым дополняя мировой опыт примерами в условиях современной российской экономики.

Авторами проанализированы основные экономические и демографические показатели индустриальных регионов РФ. Выделены основные показатели, демонстрирующие качество жизни населения регионов, представлены и систематизированы ре-

гиональные программы и концепции улучшения качества жизни населения. Авторами предложен механизм повышения качества жизни населения индустриальных регионов на основе модели «тройной спирали». Представленная модель декомпозирует процессы связанные с повышением качества жизни населения в регионе, и демонстрирует используемые при этом механизмы. В заключение авторами представлен процесс повышения качества жизни населения с помощью модели «тройной спирали» с использованием нормативного, синергетического и интеграционного подходов.

Применение модели «тройной спирали» в индустриальных регионах подтолкнет высшие учебные заведения, бизнес и региональные власти к постоянному сотрудничеству, что благоприятно скажется на повышении качества жизни населения. Возможности такого взаимодействия недостаточно изучены и не всегда реализуются на практике, что требует дальнейших исследований и поиска эффективных механизмов внедрения «тройной спирали».

Список источников

1. Акбердина В. В., Сергеева А. С. Индустриальные регионы России: сравнительный анализ // Вестник ЗабГУ. 2015. № 7 (122). С. 98—117.
2. Андреева О. Н. Уровень и качество жизни: содержание понятий и их составляющие // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 4 (23). С. 68—77.
3. Артемова О. В., Савченко А. Н. Неоднородность регионального пространства и ее влияние на качество жизни населения в субъектах Российской Федерации // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 65—79.
4. Артемова О. В., Ужегов А. О. Дифференциации регионов РФ по социально-экономическому положению (компаративный анализ) // Межтерриториальное неравенство: проблема или драйвер развития: материалы VI Междунар. симп. по регион. экономике. Екатеринбург, 2021.
5. Бондаренко Н. Е., Дубовик М. В., Губарев Р. В. «Тройная спираль» как основа создания инновационных систем // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2018. № 2. С. 3—15.
6. Ицковиц Г. Модель тройной спирали // Инновации. 2011. № 4. С. 5—10.
7. Демидько Е. В., Троицкая А. Ю. Качество жизни населения: краткая хронология исследования. Хабаровск, 2012.
8. Кайль Я. Я., Епинина В. С. Повышение качества жизни населения субъектов РФ как приоритет совершенствования государственного менеджмента // УЭКС. 2013. № 9 (57).
9. Кильчукова А. Л. Структурные составляющие качества жизни населения // Пространство экономики. 2012. № 2-2. С. 84—88.
10. Окрепилов В. В., Гагулина Н. Л. Развитие оценки качества жизни населения региона // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16, № 3. С. 318—330.
11. Плетнев Д. А., Басырова Д. М. Влияние университетской науки на развитие регионов России // Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 41—59.
12. Полкова Т. В. Демографический потенциал как составляющая качества жизни // Экономика региона. 2014. № 3. С. 118—130.
13. Саламатов А. А., Даванков А. Ю., Малыгин Н. В. Социально-экономические последствия пандемии COVID-19: качество жизни населения в Челябинской области в сравнении с Уральским федеральным округом и Россией // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 72—80.

14. Сергеев Г. В., Рассанова О. Е. Основы управления качеством жизни населения региона // Вестник Российского университета кооперации. 2014. № 4 (18). С. 44—47.
15. Смирнова Е. В. Взаимоотношения бизнеса и власти как фактор качества жизни населения // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 68. С. 33—37.
16. Чиркунова Е. К. Системный подход к определению составляющих качества жизни населения // Вестник СамГУ. 2010. № 77. С. 29—34.

References

1. Akberdina VV, Sergeeva AS. Industrial regions of Russia: comparative analysis. *Vestnik ZabGU*. 2015;(7(122)):98-117. (In Russ.).
2. Andreeva ON. The level and quality of life: the content of concepts and their components. *Oikumena. Regional studies*. 2012;(4(23)):68-77. (In Russ.).
3. Artemova OV, Savchenko AN. Heterogeneity of the regional space and its impact on the quality of life of the population in the subjects of the Russian Federation. *Socium and power*. 2020;(2(82)):65-79. (In Russ.).
4. Artemova OV, Uzhegov AO. Differentiation of regions of the Russian Federation by socio-economic situation (comparative analysis). In: *Inter-territorial inequality: a problem or a development driver. Proceedings of the VI International Symposium on Regional Economics*. Yekaterinburg, 2021. (In Russ.).
5. Bondarenko NE, Dubovik MV, Gubarev RV. “Triple helix” as a basis for creating innovative systems. *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2018;(2):3-15. (In Russ.).
6. Henry Itzkowitz Triple helix model. *Innovations*. 2011;(4):5-10. (In Russ.).
7. Demidko EV, Troitskaya AY. Quality of life of the population: a brief chronology of the study. Khabarovsk, 2012. (In Russ.).
8. Kail YY, Yepinina VS. Improving the quality of life of the population of the constituent entities of the Russian Federation as a priority for improving state management. *UECS*. 2013;(9(57)). (In Russ.).
9. Kilchukova AL. Structural components of the quality of life of the population. *Prostranstvo ekonomiki*. 2012;(2-2):84-88. (In Russ.).
10. Okrepilov VV, Gagulin NL. Development of assessment of the quality of life of the population of the region. *Journal of Economic Theory*. 2019;(16-3):318-330. (In Russ.).
11. Pletnev DA, Basyrova DM. Influence of university science on the development of Russian regions. *Socium and power*. 2021;(1(87)):41-59. (In Russ.).
12. Polkova TV. Demographic potential as a component of the quality of life. *Economics of the region*. 2014;(3):118-130. (In Russ.).
13. Salamatov AA, Davankov AY, Malygin NV. Socio-economic consequences of the COVID-19 pandemic: the quality of life of the population in the Chelyabinsk region in comparison with the Ural Federal District and Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462)). Economic sciences(76):72-80. (In Russ.).
14. Sergeev GV, Rassanova OE. Fundamentals of quality of life management of the population of the region. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*. 2014;(4(18)):44-47. (In Russ.).
15. Smirnova EV. The relationship between business and government as a factor in the quality of life of the population. *Science. Innovation. Technology*. 2010;(68):33-37. (In Russ.).
16. Chirkunova EK. A systematic approach to determining the components of the quality of life of the population. *Vestnik SamGU*. 2010;(77):29-34. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Егорова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и регионального развития экономического факультета.

А. О. Ужegov — младший научный сотрудник Челябинского филиала Института экономики УрО РАН, аспирант Института экономики УрО РАН.

Information about the authors

Alexandra A. Egorova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economic Theory and Regional Development of the Faculty of Economics.

Artyom O. Uzhegov— Junior researcher of the Chelyabinsk branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Postgraduate student of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 13.09.2022; одобрена после рецензирования 06.10.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 13.09.2022; approved after reviewing 06.10.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 338.1

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11108

СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЫ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Ирина Дмитриевна Колмакова¹✉, Екатерина Микаеловна Колмакова²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, kolmirina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5686-6378

² Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия, katekol_mn@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7635-2246

Аннотация. Продолжающаяся до сих пор пандемия COVID-19, а также экономическая ситуация, которая сложилась в настоящее время из-за беспрецедентных санкций, наложенных западными странами на Российскую Федерацию, делают актуальным вопрос о нарастании рисков в достижении целей устойчивого развития (ЦУР), сформулированных в стратегических документах Правительства Российской Федерации, а также в национальных и федеральных проектах. Там же были определены задачи, а также национальный набор показателей для мониторинга достижения ЦУР. События последних лет и особенно последнего полугодия ставят под угрозу достижение этих целей не только в нашей стране, но и в странах Запада. Особую актуальность в данный период приобретает исследование возможных путей эффективного ответа общества на вызовы, связанные с пандемией COVID-19 и шагами Запада по изоляции России, принятия антисанкционных мер для снижения негативных последствий прежде всего для социально-трудовой сферы. Это предопределяет необходимость рассмотрения факторов, тенденций и возможностей развития социально-трудовой сферы в контексте стратегии достижения целей устойчивого развития. В результате исследования на основе статистических данных проведен анализ динамики ключевых социально-экономических показателей развития социально-трудовой сферы, демонстрирующих достижение одной из ЦУР. Установлено, что существует умеренный прогресс в улучшении некоторых показателей развития социально-трудовой сферы в контексте достижения этой цели (умеренный экономический рост, снижение уровня безработицы, продуктивная занятость, курс на внедрение стандартов достойного труда и др.). С другой стороны, неблагоприятные внешние условия ставят под угрозу достижение ЦУР в запланированные сроки. Значимость проведенного исследования заключается в формулировке задач на краткосрочную и среднесрочную перспективу.

Ключевые слова: устойчивое развитие, показатели достижения целей устойчивого развития, экономический рост, производительная занятость, достойная работа, Российская Федерация, Европейский Союз

Для цитирования: Колмакова И. Д., Колмакова Ек. М. Состояние социально-трудовой сферы в контексте стратегии достижения целей устойчивого развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 81—91. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11108.

Original article

THE STATE OF THE SOCIAL AND LABOR SPHERE IN THE CONTEXT OF THE STRATEGY FOR ACHIEVING THE GOALS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Irina D. Kolmakova¹✉, Ekaterina M. Kolmakova²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, kolmirina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5686-6378

² South Ural State University (NRU), Chelyabinsk, Russia, katekol_mn@mail.ru, ORCID: 0000-0001-7635-2246

Abstract. The ongoing COVID-19 pandemic, as well as the economic situation that has currently developed due to the unprecedented sanctions imposed by Western countries on the Russian Federation, make the issue of increasing risks in achieving sustainable development goals (SDGs) formulated in strategic documents of the Government of the Russian Federation, as well as in national and federal projects. The tasks were also defined there, as well as

a national set of indicators for monitoring the achievement of the SDGs. The events of recent years, and especially of the last six months, jeopardize the achievement of these goals not only in our country, but also in Western countries. Of particular relevance in this period of time is the study of possible ways for society to effectively respond to the challenges associated with the COVID-19 pandemic and the West's steps to isolate Russia, the adoption of anti-sanction measures to reduce negative consequences, primarily for the social and labor sphere. This predetermines the need to consider factors, trends and opportunities for the development of the social and labor sphere in the context of a strategy for achieving sustainable development goals. As a result of the study, based on statistical data, an analysis was made of the dynamics of key socio-economic indicators of the development of the social and labor sphere, demonstrating the achievement of one of the SDGs. It has been established that there is moderate progress in improving some indicators of the development of the social and labor sphere in the context of achieving this goal (moderate economic growth, lower unemployment, productive employment, a course towards the implementation of decent work standards, etc.). On the other hand, adverse external conditions jeopardize the achievement of the SDGs on schedule. The significance of the study is in the formulation of tasks for the short and medium term.

Keywords: sustainable development, sustainable development goals indicators, economic growth, productive employment, decent work, Russian Federation, European Union

For citation: Kolmakova ID, Kolmakova EkM. Socio-economic indicators of the state of the social and labor sphere in the context of the strategy for achieving sustainable development goals. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):81-91. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11108.

Введение

Цель нашего исследования заключалась в определении задач развития социально-трудовой сферы на краткосрочную и среднесрочную перспективу в контексте достижения ЦУР на основе анализа ее текущего состояния.

Вопросы устойчивого развития рассматривались в работах отечественных и зарубежных ученых: В. И. Данилова-Данильяна, К. С. Лосева [2], В. С. Цитленка, И. В. Рошиной, Н. А. Артюховой [3], Н. О. Исмаилова [4], И. Ю. Тимофеевой [5], Vesna Zabkar, Tjaša Redek [6], J. Murray [7] и др.

Суть концепции устойчивого развития заключается в том, что рост экономики на страновом и глобальном уровне должен вписываться в пределы ресурсных и экологических возможностей планеты [2. С. 5]. Устойчивое развитие — «развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [1].

Методологический принцип исследования экономики устойчивого развития, который сформулирован в теории самоорганизующихся динамических систем, заключается в свойстве системы совпадать по признакам до и после изменений, вызванных действием факторов. Этот принцип особо актуален в современных условиях, когда множество неблагоприятных факторов (политических, социальных, демографических и т. д.) ставят под угрозу саму экономическую систему и ее свойство сохранять целостность и способность выполнять функции при изменяющихся условиях внешней среды. Это предопределяет необходимость выявления факторов, оказавших

ся наиболее значимыми для достижения целей устойчивого развития, и оказывающих влияние на социально-трудовую сферу как основополагающую сферу жизнедеятельности людей.

Материалы и методы исследования

Исследование проведено на основе официальных статистических данных и представляет собой оперативный сопоставительный анализ процессов, характеризующих состояние социально-трудовой сферы, ее возможности, потенциал, и пути его реализации за последние годы в Российской Федерации, странах Евросоюза в контексте стратегии достижения целей устойчивого развития. Анализируются показатели состояния социально-трудовой сферы по достижению одной из целей устойчивого развития, а именно: содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех. Однако не все представляющие на данный момент интерес для анализа достижения ЦУР показатели содержатся в оперативной статистической информации, что в некоторой степени ограничивает проведение полноценного комплексного исследования затрагиваемых в рамках исследования аспектов достижения целей устойчивого развития.

Результаты

Социально-трудовая сфера является многоуровневой интегральной категорией, в центре которой находится человек [8]. Основными составляющими социально-трудовой сферы являются: рынок труда, занятость, безработица, мотивация, производительность труда, доходы населения и т. д.

Потенциал социально-трудовой сферы рассматривается нами как совокупность связанных с трудом фактически существующих процессов, отношений и институтов на разных уровнях, способных обеспечивать развитие экономики страны [9].

Постоянно вводимые санкции западных стран в отношении России оказывают огромное влияние на все сферы общества, в том числе и на социально-трудовую сферу. Состояние социально-трудовой сферы определяет возможности реализации целей устойчивого развития.

План действий в области устойчивого развития на период до 2030 г. включает 17 целей, которые были сформулированы и приняты Организацией Объединенных Наций (ООН) в сентябре 2015 г. Они являются мировой «дорожной картой» в области устойчивого развития. Европейский Союз (ЕС) взял на себя обязательство реализации плана повестки в области устойчивого развития на период до 2030 г.

В 2017 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция, предусматривающая разработку национальных наборов показателей для достижения целей устойчивого развития. В РФ также был разработан набор из 17 целей для достижения устойчивого развития¹. Национальный набор показателей ЦУР предназначен для осуществления контроля за достижением целей устойчивого развития на национальном уровне. В нем отражены национальные особенности и учтены задачи, определенные в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», стратегических документах Правительства Российской Федерации, а также в национальных и федеральных проектах.

Предметом нашего анализа является одна из целей устойчивого развития, достижение которой невозможно без эффективного развития социально-трудовой сферы в стране, а именно: содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех.

Достижение данной цели связано с необходимостью решения ряда задач, представленных на рис. 1,

¹ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р ИСО 37120-2020 «Устойчивое развитие сообщества. Показатели городских услуг и качества жизни» (утв. и введен в действие Приказом Федер. агентства по тех. регулированию и метрологии от 25 авг. 2020 г. № 523-ст)

достижение которых можно оценить с помощью комплекса показателей, представленных там же.

Нами проведен анализ решения задач в рамках этой цели (достижение экономического роста, увеличения производительности труда, устойчивой занятости, достойной работы для всех) и сделаны выводы о влиянии на достижение данной цели экономической ситуации.

Пандемия COVID-19 и последующая политика Запада по введению санкций против Российской Федерации негативно повлияли на состоянии социально-трудовой сферы РФ и ее регионов.

Одной из задач является достижение роста валового внутреннего продукта на уровне не менее 7% в год.

Решение данной задачи по достижению цели устойчивого развития в настоящее время существенно осложняется в связи с мировым кризисом и санкциями, наложенными западными странами на РФ. В последнее время использование санкций стало традиционным инструментом политического и экономического давления на страны. Как показали события последнего полугодия, экономические санкции, введение которых ведет к разрыву экономических связей между странами, в условиях интернационализации экономических отношений, глобализации мировой экономики ведет к значительному ущербу для экономики не только той страны, в отношении которой они введены, но и стран, вводящих эти санкции, и стран, их поддерживающих.

На рис. 2 и 3 приведены данные о динамике физического объема ВВП на душу населения в РФ и странах ЕС. Динамика имеет примерно одинаковую тенденцию в плане экономического роста за последние несколько лет. В целом положительная динамика физического объема ВВП в экономике РФ и непрерывный экономический рост в странах ЕС за последние несколько лет были остановлены в связи с пандемией COVID-19. После падения в 2020 г., связанного с COVID-19, экономика ЕС выросла на 5,4% в 2021 г., а экономика РФ — на 4,7%². Однако, по предварительным данным Росстата, валовой внутренний продукт РФ за 1-е полугодие 2022 г. составил 99,6% по отношению к 1-му полугодю 2021 г.³, то есть вновь наблюдается переход к отрицательным значениям экономического роста. В целом можно констатировать умеренный прогресс в достижении данного показателя.

² Индекс физического объема ВВП в 2021 году к 2020 году (вторая оценка) (<https://rosstat.gov.ru/>).

³ Социально-экономическое положение России. Январь — июль 2022 г. (<https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-07-2022.pdf>).

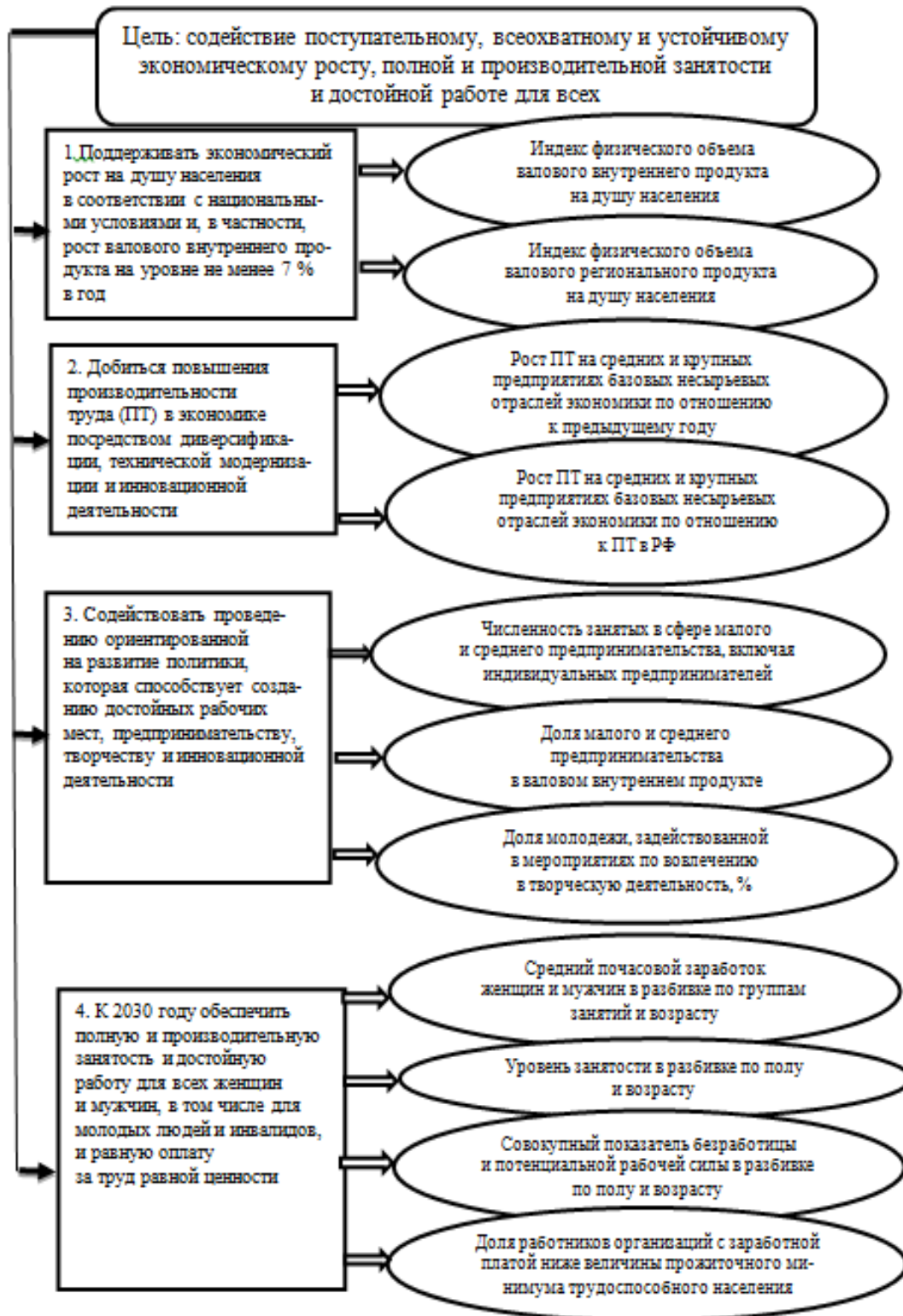

Рис. 1. Цель, задачи и показатели УР
 Fig. 1. SD objective, objectives and indicators

Примечание: составлено автором по источнику: Национальный набор показателей ЦУР (<https://rosstat.gov.ru/sdg/national>).

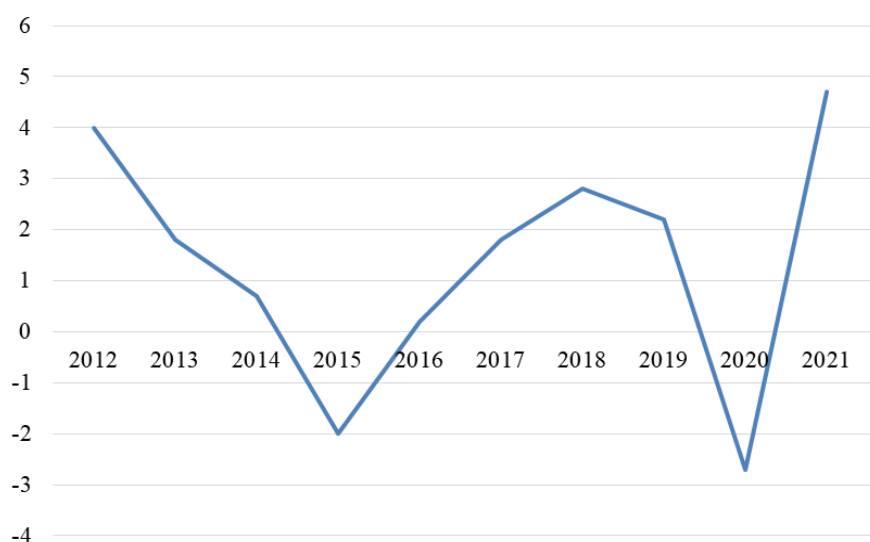

Рис. 2. Индекс физического объема ВВП на душу населения в РФ, %
 Fig. 2. Index of physical volume of GDP per capita in Russia, %

(<https://rosstat.gov.ru/sdg/data/goal8>)

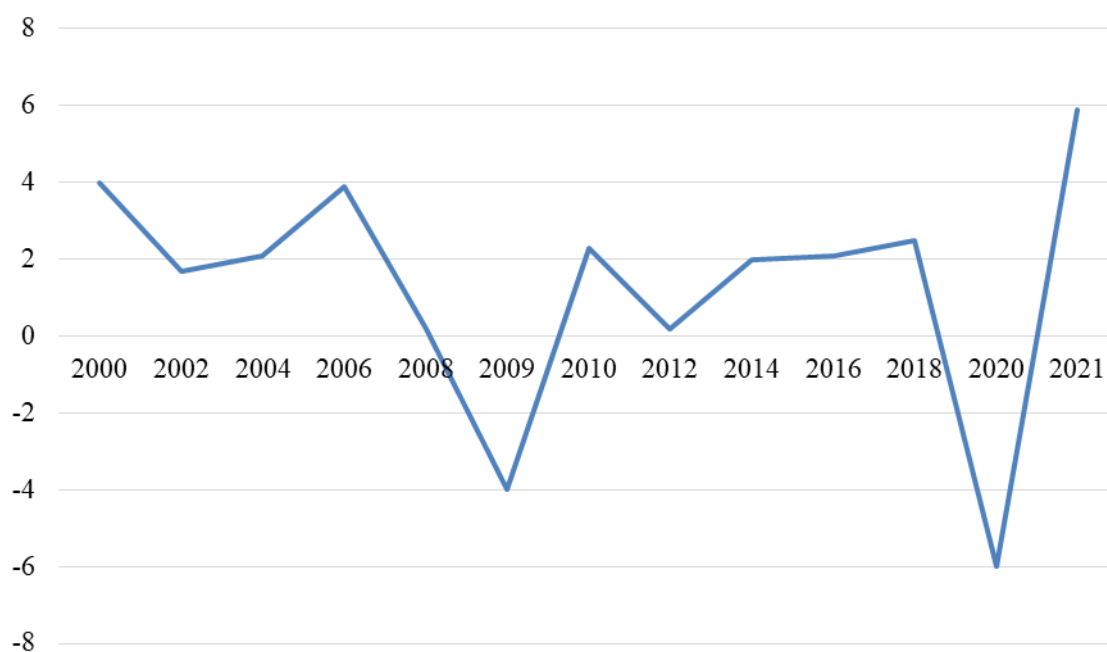

Рис. 3. Индекс физического объема ВВП на душу населения в ЕС, %
 Fig. 3. Volume index of GDP per capita in the EU, %

Хотя показатель ВВП прямо не отражает благосостояние населения, тем не менее он указывает на имеющийся потенциал экономики страны и ее способность удовлетворять потребности людей и создавать рабочие места.

Следующий показатель, используемый для мониторинга прогресса достижения целей устойчивого развития — рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых

несырьевых отраслей экономики по отношению к предыдущему году. Мониторинг и анализ динамики этого показателя имеют важное значение для определения мер в области социально-экономического развития.

За период с 2010 по 2015 г. происходило падение производительности труда в экономике РФ. Начиная с 2015 г. и до начала пандемии COVID-19 наблюдался постепенный рост производительности

труда, затем вновь появилась тенденция к снижению ее уровня (рис. 4). Статистика Евростата свидетельствует о быстром экономическом росте после отмены COVID-ограничений в 2021 г.: 5,4% как реакция на восстановление спроса. При этом констатируется прирост часовой производительности труда в 2020 г. — на 2,3% (за счет сокращения затрат труда и перехода на удаленную работу) и повышение темпов роста до 0,2% в постковидный 2021 г. [10].

В современных условиях стратегическим направлением социально-экономического развития должно стать увеличение производительности труда на основе реализации инновационного потенциала социально-трудовой сферы [11].

Продуктивная занятость является ключевым условием устойчивого развития за счет сокращения бедности и неравенства внутри и между регионами и социальными группами.

В научной литературе используется термин «устойчивая занятость», которая ассоциируется с так называемыми стандартными трудовыми правоотношениями (то есть долговременной занятостью, полным рабочим днем у одного работодателя на основе официального бессрочного договора, членством в профсоюзе и защищенностью от нарушений трудового законодательства) [12]. В противоположность ей неустойчивая занятость либо не дает работникам основных социальных гарантий, либо в другой форме ущемляет их пра-

ва. Термин «устойчивая занятость» все чаще используется в кадровой политике организаций. В соответствии с определением, сформулированным экспертами Нидерландского института стандартизации, «устойчивая занятость — это способность сотрудника обеспечивать добавленную стоимость для организации сейчас и в будущем, при этом получая для себя добавленную стоимость» [12].

Кризис COVID-19 сильно повлиял на рынок труда как в Российской Федерации, так и в государствах — членах ЕС, однако последствия его были несколько смягчены благодаря усилиям национальных правительств по поддержке бизнеса и занятости. В РФ уровень безработицы увеличился с 4,7% в 2018 г. до 6,2% в 2020 г. (рис. 5), что связано с негативными последствиями пандемии, однако в июне 2022 г. он снизился до 3,9%.

Численность рабочей силы в возрасте 20—64 лет в странах ЕС сократилась на 1,3% в период с 2019 по 2020 г. Численность безработных лиц в возрасте 20—64 лет увеличилась на 4,6%. В 2021 г. численность рабочей силы в ЕС в возрасте 20—64 лет выросла на 1,3% (по сравнению с 2020 г.), а количество занятого населения увеличилось на 1,5%. Было также частичное восстановление численности занятых по временному контракту (до 4,3%) и по совместительству (рост на 1,2%). Количество безработных лиц в возрасте 20—64 лет упало на 1,7% [13. С. 21].

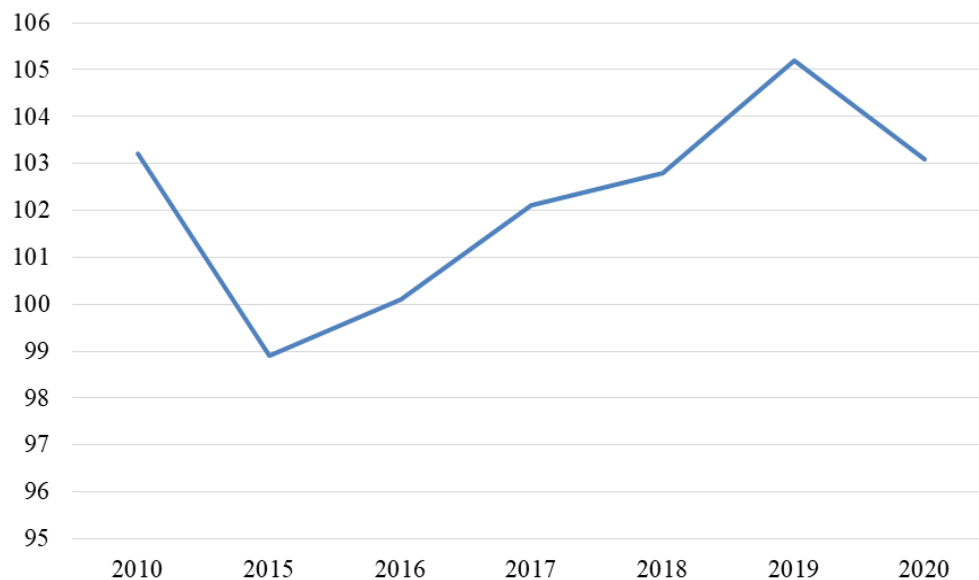

Рис. 4. Рост производительности труда на средних и крупных предприятиях базовых несырьевых отраслей экономики РФ по отношению к предыдущему году, %
 Fig. 4. Growth of labor productivity at medium and large enterprises of the basic non-primary sectors of the Russian economy in relation to the previous year, %

(Россия в цифрах. 2020: https://eng.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/IdXyZWrr/Rus_2020.pdf)

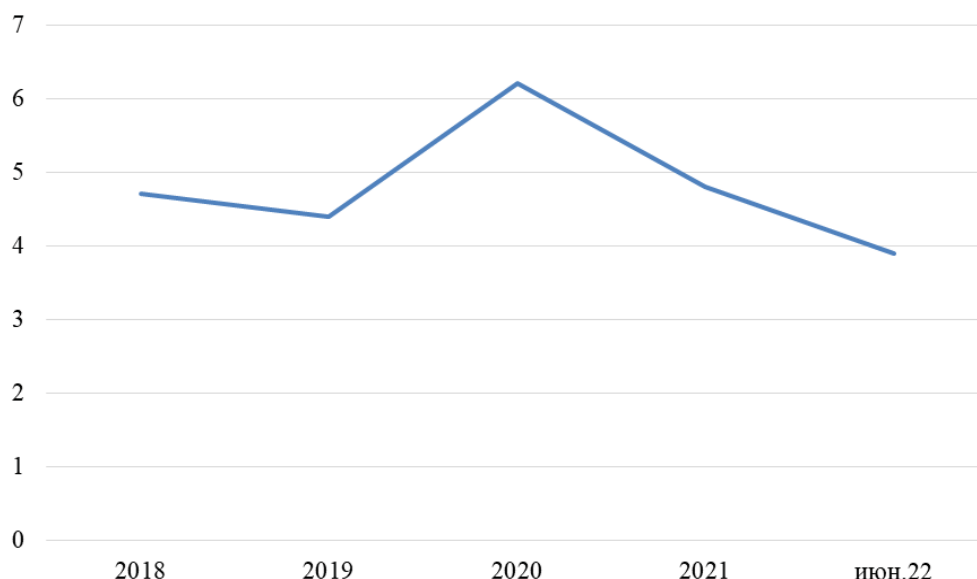

Рис. 5. Уровень безработицы (по методологии Международной организации труда) в РФ, %
 Fig. 5. Unemployment rate (according to the methodology of the International Labor Organization) in the Russian Federation, %

Согласно краткосрочным данным, в июле 2022 г. уровень безработицы в еврозоне с учетом сезонных колебаний составил 6,6% против 6,7% в июне 2022 г. и 7,7% в июле 2021 г. Уровень безработицы в ЕС составил 6,0% в июле 2022 года против 6,1% в июне 2022 г. и 6,9% в июле 2021 г.,¹ то есть рынок труда начал постепенно восстанавливаться после периода пандемии.

Таким образом, можно констатировать, что в 2021 г. и за первое полугодие 2022 г. был достигнут прогресс в снижении уровня безработицы как в РФ, так и в странах ЕС. Несмотря на то что уровень безработицы за последние годы снижался, тем не менее проводимая санкционная политика Запада может стать катализатором процесса роста безработицы.

Рынок труда создает серьезные проблемы с точки зрения трудоустройства молодежи, хотя, по оценкам многих авторов [14. С. 6], предоставление возможностей трудоустройства молодежи считается приоритетом во многих странах. Доля лиц в возрасте 15—24 лет, не трудоустроенных и не занятых в сфере образования в 2021 г. в странах ЕС составляла 10,8%. Показатель в Италии (19,8%) был почти в четыре раза выше, чем в Нидерландах и Швеции (по 5,1%) [13. С. 20].

¹ Euro area unemployment at 6.6% (<https://ec.europa.eu/>).

В РФ доля молодежи (в возрасте от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков, за последние пять лет находится примерно на одном уровне; в 2021 г. она составила 10,2%², что немного ниже, чем в странах ЕС.

Корректировки в политике занятости далеко не являются прямым результатом реформ в сфере труда; они в первую очередь связаны с широкомасштабными изменениями, произошедшими в методах производства и организации труда, а также с учетом перехода от общества, основанного на промышленности, к обществу, основанному на услугах. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что в наиболее развитых странах с рыночной экономикой доля молодежи в общей численности населения сокращается. В периоды высокого уровня безработицы и нехватки рабочих мест молодые люди находятся в невыгодном положении на рынке труда, поскольку их навыки низки, а поиск работы настолько разочаровывает, что они, как правило, отказываются от поиска работы гораздо раньше, чем взрослые. Таким образом, опыт молодежного рынка труда, как правило, представляет собой особенно серьезную проблему государства в сфере занятости и необходимости вовлечения молодежи в творческую деятельность.

² <https://rosstat.gov.ru/sdg/national>

Уровень безработицы с учетом сезонных колебаний в зоне евро, %**Seasonally adjusted unemployment rate in the euro area, %**

Период	Март 2019 г.	Март 2020 г.	Март 2021 г.	Март 2022 г.	Апрель 2022 г.	Май 2022 г.	Июнь 2022 г.
Уровень безработицы	7,5	8,6	8,4	6,7	6,6	6,6	6,6

Помимо этого, существуют и другие реалии рынка труда, которые могли усугубить безработицу среди молодежи во время текущего кризиса. Например, повышение установленного законом пенсионного возраста и повторный выход квалифицированных работников на рынок труда неизбежно приведет к дальнейшему сокращению возможностей трудоустройства молодых людей, особенно когда они не могут быть трудоустроены из-за отсутствия образования, навыков и/или опыта.

Устойчивый экономический рост, который выражается в положительной динамике показателя «индекс физического объема ВВП на душу населения» и росте производительности труда, имеет решающее значение для создания рабочих мест, отвечающих стандартам достойного труда.

Для устойчивого экономического развития и благосостояния общества очень важно, чтобы экономический рост создавал не просто рабочие места, а «достойные» рабочие места.

Термин «достойный труд» включает все аспекты трудовой жизни людей: прежде всего существование возможностей для реализации своего трудового потенциала, благоприятные условия труда на рабочем месте, справедливую оплату труда, гарантии социальной защиты, защиты трудовых прав и свобод работника в случае необходимости [15].

Условия труда в значительной степени определяют уровень жизни работников и их семей. Поэтому обеспечение достойных условий труда — очень важная задача на современном этапе. Решение этой задачи невозможно без решения проблемы недоиспользования рабочей силы, несоответствия между спросом на рабочую силу и ее предложением. Выходя далеко за рамки безработицы, она еще более усложняет ситуацию на рынке труда, которая вряд ли уменьшится с учетом текущих неутешительных перспектив роста мировой экономики [15].

Обеспечение устойчивого развития невозможно без решения проблемы трудоустройства и обеспечения достойной работой всех категорий населения, включая женщин, инвалидов, молодежь мигрантов, пенсионеров. Кроме наличия необходимых ресурсов, обеспечивающих стандарты достойной жизни и достижение жизненных целей, необходи-

мо, чтобы занятость обеспечивала возможность участия в общественных делах и социальную интеграцию, что способствует повышению чувства собственного достоинства.

Обсуждение

Проблема достижения целей устойчивого развития требует долговременного решения и не поддается быстрому воздействию. Для этого требуются значительные усилия. Анализ показывает, что ряд задач успешно решается, имеются положительные тенденции роста ряда показателей.

Рисунок 6 показывает, что по некоторым задачам был достигнут умеренный прогресс за последние годы, по некоторым — сложно рассчитать тенденцию развития. Решение данных задач осложняется последними мировыми событиями, связанными с введением санкций в отношении нашей страны. На данный момент нельзя точно определить, как будет развиваться социально-трудовая сфера. Целью краткосрочной перспективы для нашей страны будет преодоление последствий как пандемии, так и санкционной политики западных стран, переход к структурной перестройке экономики, направленной на импортозамещение, сохранение рабочих мест, уровня доходов населения.

В среднесрочной перспективе необходимо обеспечить динамичное социально-экономическое развитие страны путем повышения эффективности использования потенциала собственных экономических ресурсов, в том числе потенциала социально-трудовой сферы, при сохранении воспроизводственного потенциала природных ресурсов и установлении более справедливых мировых хозяйственных связей.

Выводы

Ситуацию в Российской Федерации по достижению цели устойчивого развития «содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех» можно охарактеризовать как неоднородную. С одной стороны, можно констатировать, что существует умеренный прогресс в улучшении показателей раз-

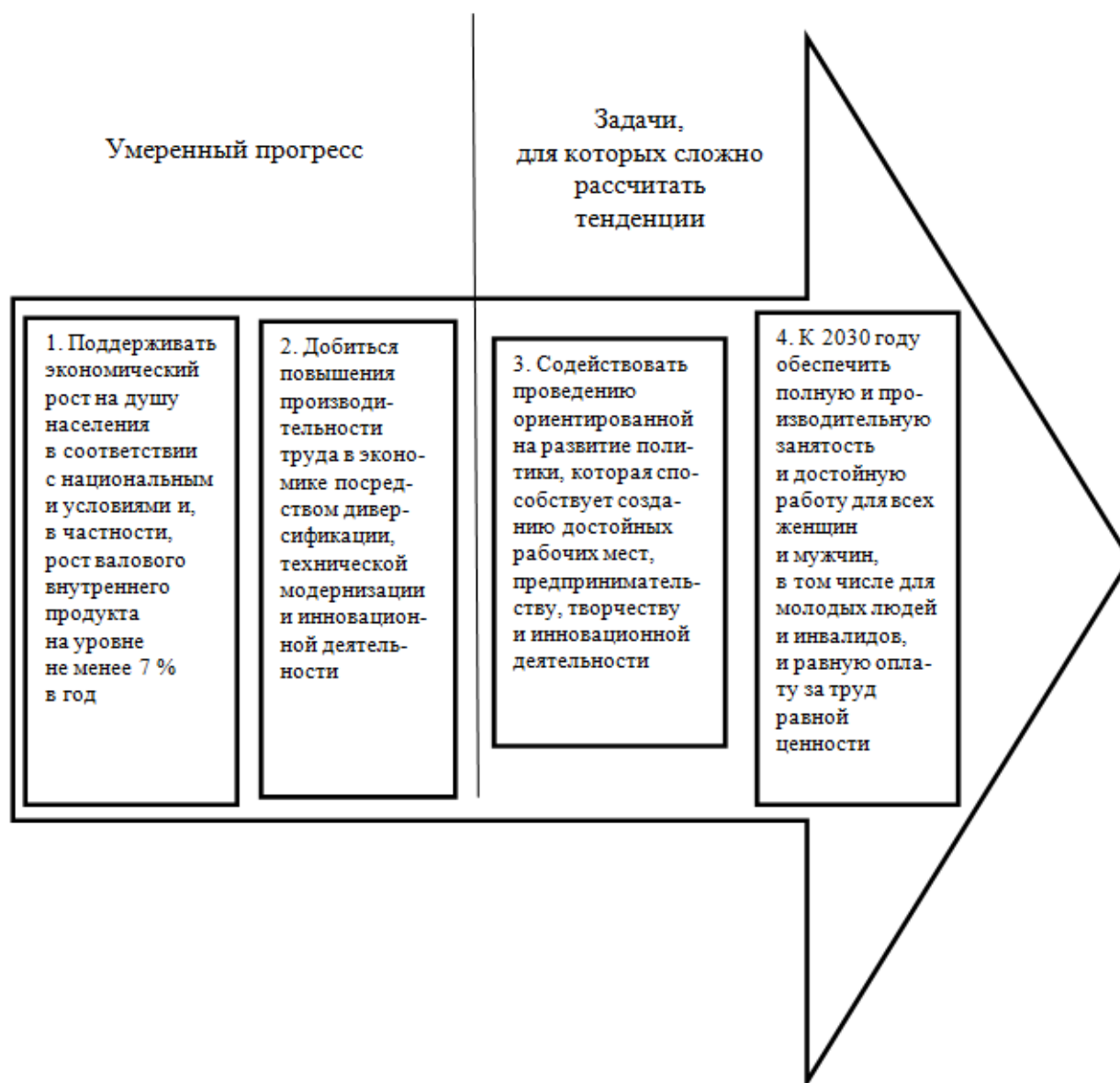

Рис. 6. Обзор прогресса экономики РФ в достижении целей устойчивого развития
Fig. 6. Review of the progress of the Russian economy in achieving the goal of sustainable development

вития социально-трудовой сферы (умеренный экономический рост, снижение уровня безработицы, продуктивная занятость, курс на внедрение стандартов достойного труда и др.).

С другой стороны, неблагоприятные внешние условия, рыночные и нерыночные глобалистские и геополитические методы давления на нашу страну с целью ее понуждения к ослаблению и частичной утрате суверенных прав и полномочий, избирательное применение правовых норм именно к России ставят под угрозу достижение целей устойчивого развития в запланированные сроки.

Устойчивый экономический рост, продуктивная занятость, достойная занятость имеют жизненно важное значение для развития и процветания страны и благополучия населения.

Взятый российским правительством курс на ограничение роли доллара и евро в международных расчетах, системную поддержку малого и среднего предпринимательства, постоянный мониторинг состояния социально-трудовой сферы в перспективе должен привести к укреплению национальной экономической системы, повышению глобальной конкурентоспособности, достижению целей устойчивого развития.

Список источников

1. WCED S. W. S. World commission on environment and development // *Our Common Future*. 1987. No. 17. P. 1—91.
2. Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Исходные положения устойчивого развития // *Устойчивое развитие: информ. сб. М.: ВИНТИ, 1999. № 4. С. 3—5.*
3. Цитленок В. С., Рощина И. В., Артюхова Н. А. Устойчивое развитие экономики Российской Федерации: фактор структурно-многоуровневой разнораспределенности / под ред. В. С. Цитленка, И. В. Рощиной. Томск: Издат. дом Томс. гос. ун-та, 2019. 270 с.
4. Исмаилов Н. О. Глобализация и устойчивое развитие общества // *Право и практика*. 2016. № 2. С. 174—181.
5. Тимофеева И. Ю. Цели устойчивого развития мирового сообщества в XXI веке // *Устойчивое развитие: состояние, проблемы, перспективы. материалы междунар. симп.* 2020. С. 183—185.
6. Vesna Zabkar, Tjaša Redek. *Challenges On the Path Toward Sustainability in Europe: Social Responsibility and Circular Economy Perspectives*. Bingley: Emerald Publ., 2021.
7. Murray J. *Labor Markets: Analysis, Regulations and Outcomes*. 9th ed. New York: MLA (Modern Language Assoc.): Nova Science Publ., 2016.
8. Каменецкий В. А. Социально-трудовая сфера в условиях трансформации системы производственных отношений в России. М., 2001.
9. Колмакова Е. М. Развитие потенциала социально-трудовой сферы региона: теоретические, методические и прикладные аспекты: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Челябинск, 2013.
10. Янченко Е. В. Производительность труда в условиях COVID-кризиса: тенденции и детерминанты // *Экономика труда*. 2022. Т. 9, № 7. С. 1181—1196.
11. Колмакова И. Д., Колмакова Е. М. Направления изменений социально-трудовой сферы в информационной экономике // *Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования*. 2020. № 1 (4). С. 76—80.
12. Краковская И. Н. Устойчивая занятость: подходы к определению и оценке // *Экономика труда*. 2021. Т. 8, № 10. С. 1075—1088.
13. *Key figures on Europe 2022 edition*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2022. 76 p. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/>.
14. Manzella P. *Productivity, Investment in Human Capital and the Challenge of Youth Employment*. Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publ., 2011.
15. Колмакова И. Д., Колмакова Е. М. Социально-трудовая сфера: тренды нового тысячелетия // *Human Progress*. 2021. Т. 7, вып. 3. URL: http://progresshuman.com/images/2021/Tom7_3/Kolmakova.pdf. DOI: 10.34709/IM.173.7.

References

1. WCED, S. W. S. World commission on environment and development. *Our Common Future*. 1987;(17):1-91.
2. Danilov-Danilyan VI, Losev KS. Initial provisions of sustainable development. *Ustojchivoje razvitie = Sustainable development*. 1999;(4):3-5. (In Russ.).
3. Tsitlenok VS, Roshchina IV, Artyukhova N. Sustainable development of the economy of the Russian Federation: a factor of structural-multilevel diversity of subjects. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2019. 270 p. (In Russ.).
4. Ismailov NO. Globalization and sustainable development of society. *Pravo i praktika = Law and practice*. 2016;(2):174-181. (In Russ.).
5. Timofeeva IYu. The goals of sustainable development of the world community in the XXI century. In: *Sustainable development: state, problems, prospects. materials of the International Symposium*. 2020. Pp. 183—185.
6. Vesna Zabkar, Tjaša Redek. *Challenges On the Path Toward Sustainability in Europe: Social Responsibility and Circular Economy Perspectives*. Bingley: Emerald Publ.; 2021.
7. Murray J. *Labor Markets: Analysis, Regulations and Outcomes*. 9th edition. New York: MLA (Modern Language Assoc.): Nova Science Publ.; 2016.
8. Kamenetsky VA. *Social and labor sphere in the context of the transformation of the system of industrial relations in Russia*. Moscow; 2001. (In Russ.).

9. Kolmakova EM. Development of the potential of the social and labor sphere of the region: theoretical, methodological and applied aspects: Abstract of thesis. Chelyabinsk; 2013. 25 p. (In Russ.).

10. Yanchenko EV. Labor productivity during the COVID crisis: trends and determinants. *Ekonomika truda = Labor Economics*. 2022;(7):1181-1196. (In Russ.).

11. Kolmakova ID, Kolmakova EM. Directions of changes in the social and labor sphere in the information economy. *Nauchnyj ezhegodnik Centra analiza i prognozirovaniya = Scientific Yearbook of the Center for Analysis and Forecasting*. 2020;(1):76-80. (In Russ.).

12. Krakovskaya IN. Sustainable Employment: Approaches to Definition and Evaluation. *Ekonomika truda = Labor Economics*. 2021;(10):1075-1088. (In Russ.).

13. Key figures on Europe 2022 edition. Luxembourg: Publications Office of the European Union; 2022. 76 p. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/>.

14. Manzella P. Productivity, Investment in Human Capital and the Challenge of Youth Employment. Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publ.; 2011.

15. Kolmakova ID, Kolmakova EM. Social and labor sphere: trends of the new millennium. *Human Progress*. 2021;(7):7. URL: http://progresshuman.com/images/2021/Tom7_3/Kolmakova.pdf (In Russ.).

Информация об авторах

И. Д. Колмакова — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления.

Ек. М. Колмакова — кандидат экономических наук, доцент Высшей школы экономики и управления.

Information about the authors

Irina D. Kolmakova — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Municipal Administration.

Ekaterina M. Kolmakova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Higher School of Economics and Management.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022; одобрена после рецензирования 05.10.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 15.09.2022; approved after reviewing 05.10.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 316.3

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11109

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ДОВЕРИЕ К НИМ УЧАЩИХСЯ ВУЗОВ

Ирина Анатольевна Белова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, belova@csu.ru, ORCID: 0000-0001-6308-5011

Аннотация. Цель исследования заключается в изучении доверия учащихся высших учебных заведений к институтам здравоохранения и образования. Выявлен уровень доверия среди обучающихся системе высшего образования и системе здравоохранения в целом, администрации вуза и профессорско-преподавательскому составу вуза в частности. Определена доля обучающихся, которых устраивает качество преподавания в вузе, а также доля тех, кто удовлетворен качеством оказываемой медицинской помощи в РФ. Установлены наиболее значимые факторы, оказывающие влияние на выбор медицинского учреждения, где первое место по степени значимости занимает кадровый состав. Исследование основано на результатах опроса студентов очной формы обучения челябинских вузов в ключе изучения доверия к институтам здравоохранения и образования в России. Платформой для проведения онлайн-опроса послужили Google Forms. Результаты, полученные в данной работе, помогут в дальнейших исследованиях построить эконометрические модели, позволяющие найти статистически значимые факторы, определяющие уровень доверия, а также сформировать методику оценки уровня доверия, в том числе применимую в разрезе регионов (территорий).

Ключевые слова: социальные институты, институт здравоохранения, институт образования, учащиеся высших учебных заведений, доверие

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания по реализации проекта «Доверие к социально-политическим институтам и органам власти в образовательной среде», № 076-01391-22-03.

Для цитирования: Белова И. А. Социальные институты и доверие к ним учащихся вузов // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 92—104. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11109.

Original article

SOCIAL INSTITUTIONS AND UNIVERSITY STUDENTS' TRUST IN THEM

Irina A. Belova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, belova@csu.ru, ORCID: 0000-0001-6308-5011

Abstract. The purpose of the study is to study the trust of students of higher educational institutions to the institutions of health and education. The level of trust among students in the system of higher education and the healthcare system in general, the administration of the university and the teaching staff of the university in particular was revealed. The proportion of students who are satisfied with the quality of teaching at the university, as well as the proportion of those who are satisfied with the quality of medical care provided in the Russian Federation, has been determined. The most significant factors influencing the choice of a medical institution are established, where the first place in terms of importance is occupied by the staff. The study is based on the results of a survey of full-time students of Chelyabinsk universities in the key to studying trust in healthcare and education institutions in Russia. The online survey platform was Google Forms. The results obtained in this work will allow us to build econometric models in further studies that allow us to find statistically significant factors that determine the level of trust, as well as to form a methodology for assessing the level of trust, including that applicable in the context of regions (territories).

Keywords: social institutions, institute of health care, institute of education, students of higher educational institutions, trust

Acknowledgments: the article was prepared as part of the state task for the implementation of the project “Trust in socio-political institutions and authorities in the educational environment”, no. 076-01391-22-03.

For citation: Belova IA. Social institutions and university students' trust in them. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):92-104. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11109.

Введение

Проблема доверия социальным институтам является значимой как среди подрастающего поколения, так и среди взрослого населения. При этом немаловажную роль в формировании этого доверия играет образовательная среда, которая выступает тем грунтом или почвой, необходимой для «вращивания» такого доверия. Студенты, преподаватели, сотрудники высших учебных заведений — это те лица, которым отводится не последняя роль в распространении информации, в формировании той идеологии, которая должна носить созидательную направленность. Это тот сегмент общества, который в силу своей профессиональной специфики или же принадлежности к определенной среде способен мыслить, применяя объективные методы познания. И чаще именно у таких людей формируется способность к критическому мышлению. Поэтому если государство ставит задачу формирования корректных ценностных ориентиров, то не последнюю надежду нужно возлагать на субъекты высших учебных заведений, в связи с чем на первый план выходит задача нащупать конкретные настроения в отношении доверия к социальным институтам в образовательной среде, а именно среди обучающихся. Цель исследования заключается в изучении доверия учащихся высших учебных заведений к институтам здравоохранения и образования.

Теоретические аспекты доверия к системе и институтам здравоохранения, образования раскрываются в трудах многих отечественных и зарубежных ученых. В частности, А. Миц и коллеги [13] детально рассмотрели вопрос о приверженности пациента к выполнению врачебных рекомендаций в лечении через уровень доверия врачу, осуществили анализ концепций различных моделей взаимодействия, определили конкретные условия такого взаимодействия. Факторы, влияющие на межличностное доверие, раскрыты А. Лядовой и М. Лядовой [12]. Среди таковых факторов авторы выделяют несформированность здоровьесохраняющего поведения населения, социальный статус врача (включая его правовое и экономическое положение), сложившиеся стереотипы в обществе посредством СМИ и, как следствие, создание негативного образа медицинского работника.

Типы доверия к системе здравоохранения и использования профилактических медицинских услуг изучили Д. Муса и коллеги [7]. С помощью факторного анализа они выявили четыре типа доверия: доверие к своему личному врачу, доверие к компетентности врачей и доверие к формальным и неформальным источникам медицинской информации. При этом доверие к своему личному врачу связано с обращением за профилактической медицинской помощью. Религиозные различия в доверии к врачам и системе здравоохранения были представлены М. Бенджаминс [3]. Полученные ею результаты исследования свидетельствуют о том, что религиозно активные люди имеют более высокий уровень доверия к врачам. Например, люди, которые часто посещают религиозные службы (42,0% выборки), значительно чаще доверяют своему врачу и имеют более высокий уровень доверия к врачам в целом по сравнению с лицами, которые никогда не посещают службы.

Исследование доверия к системе здравоохранения через призму психологического стресса провели Д. Анквист и коллеги [1]. В результате этого исследования было установлено, что очень низкое доверие к системе здравоохранения связано с повышенным риском психологического стресса среди мужчин и женщин после учета возраста, страны рождения, социально-экономических обстоятельств, длительной болезни и межличностного доверия.

Ф. Гилле и коллеги [2] рассматривают доверие в контексте общественного доверия и развивают существующую концепцию общественного доверия к институтам здравоохранения. В этой концептуализации источник общественного доверия понимается ими как публичная сфера, которая находится между личностью, институтом здравоохранения, государством и другими общественными институтами. Доверие общества к системе здравоохранения зависит не только от самого института здравоохранения, отношения к нему отдельных лиц, его имиджа в средствах массовой информации, но и от дискурса в общественной сфере опыта отдельных лиц и системы в целом.

Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии были раскрыты М. Макушевой

и Т. Нестиком [14]. В результате исследования авторы пришли к выводу, что предпосылками недоверия в пандемийный период выступали кризис общественного договора (накопленный опыт неоправдавшихся ожиданий; ощущение социальной несправедливости); коммуникационный разрыв (непонимание решений, принимаемых властью; противоречия в информационном поле); поляризация общественных мнений в социальных сетях, а также противоречия очевидцев и официальных данных.

В. Тирни [8] считает, что понятие «доверие» привлекает все большее внимание в организационной теории и испытывает зарождающийся интерес в области образования, но редко применяется в секторе высшего образования. При этом М. Ван Хаутте [6] синтезировала определение доверия как «уверенность в том, что ожидания будут оправданны», и выделила пять таких измерений доверия, как компетентность, честность, открытость, надежность и доброжелательность. А. Брик и Б. Шнайдер [5] также утверждали, что одной из основных причин недоверия является убеждение, что другие слишком некомпетентны, чтобы делать то, что требуется. Кроме того, их структура для анализа доверия в школах выявила недостатки в уважении, личном отношении к другим и целостности как угрозу доверительным отношениям. В. Тирни [8] разработал концептуальную основу для анализа доверия к высшему образованию, которое, как и подход А. Брика и Б. Шнайдер, имеет социальную и культурную направленность. Р. Борхес и коллеги [4] показали, что форма собственности вуза (государственная или частная) играет важную роль в формировании доверия. Авторы пришли к выводу, что вероятность возникновения доверия между ее субъектами выше в вузе частной формы собственности, чем государственной.

Проблему институционального доверия в образовательной среде вуза через формирование доверительных отношений между их субъектами, в число которых входят административно-управленческий персонал, профессорско-преподавательский состав, студенческое сообщество, общественные ассоциации, изучили Е. Шуклина и М. Певная [15]. Более того, масштабное исследование доверия как фундаментальной проблемы высшего образования в России было проведено коллективом автором под руководством Г. Зборовского [10]. В частности, авторы раскрыли методологические и методические проблемы изучения доверия в высшем образовании, изучили доверие

и образовательные общности в высшем учебном заведении, а также доверие и системы управления в высшем образовании.

В свою очередь И. Кузнецов [11] исследовал детерминанты доверия в высшем образовании. В работе акцент сделан на субъективных факторах, в число которых входят восприятие и оценка студентами того, что с ними происходит в рамках образовательного процесса. Показано, что доверие студентов профессорско-преподавательскому составу и управленческому аппарату вуза положительно связано с оправданием их ожиданий, а отрицательно — с курсом обучения. Л. Видович и Я. Карри [9] исследовали доверие в высшем образовании в Австралии. Исследование базируется на концептуальной призме доверия для анализа меняющейся политики управления в австралийском высшем образовании. Анализ показывает, что национальные протоколы управления способствовали формированию культуры недоверия в данном секторе, хотя динамика отношений доверия-недоверия была сложной и включала очевидные доверительные «расчеты» между определенными группами заинтересованных сторон.

Материалы и методы исследования

Теоретическую и методологическую базу исследования составили аналитические и обзорные статьи в области изучения проблем доверия к социальным институтам, включая институты образования и здравоохранения; факторов, оказывающих влияние на уровень доверия к данным институтам; трансформации доверия в условиях пандемии коронавируса и цифровизации экономики.

Методологический инструментарий данного исследования составили общенаучные методы и подходы, в число которых вошли методы синтеза, аналогии и моделирования, индукции и дедукции, графического и сравнительного анализа, системного подхода.

Информационную базу исследования сформировали данные опроса студентов очной формы обучения челябинских вузов в ключе изучения доверия к институтам здравоохранения и образования в России. Платформой для проведения онлайн-опроса послужили Google Forms. Опрос проводился в рамках государственного задания по реализации проекта «Доверие к социально-политическим институтам и органам власти в образовательной среде».

Результаты исследования и их обсуждение

Доверие обучающихся к институтам образования

Результаты проведенного в сентябре 2022 г. опроса свидетельствуют о достаточно высоком уровне доверия к системе высшего образования среди обучающихся: примерно 81,9% (из них 29,4% — абсолютно доверяют, 52,5% — скорее доверяют) дали положительный ответ. Среди тех, кто доверяет системе высшего образования, 75,6% респондентов имеют представление о работе и функциях Министерства науки и высшего образования РФ, чуть менее чем половине респондентов (45,8%) доводилось изучать нормативно-правовые документы системы высшего образования. Среди тех, кто скорее не доверяет системе высшего образования (а таких 3,1% опрошенных), 40,0% респондентов

не имеют представления о работе Министерства образования и такой же процент респондентов никогда не изучали документацию, регламентирующую работу системы высшего образования.

В целом представление о работе и функциях Министерства науки и высшего образования РФ имеют 73,1% респондентов, в то время как доля опрошенных, хотя бы однократно изучавших нормативно-правовые документы системы высшего образования, гораздо ниже — 47,5%.

Относительно доверия к образовательной политике, реализующейся в настоящее время в РФ в отношении высшей школы, положительный ответ дали 66,3%, в то время как доверие администрации вуза и положительная оценка результатов ее работы среди обучающихся оцениваются гораздо выше: 83,7% и 81,2% соответственно.

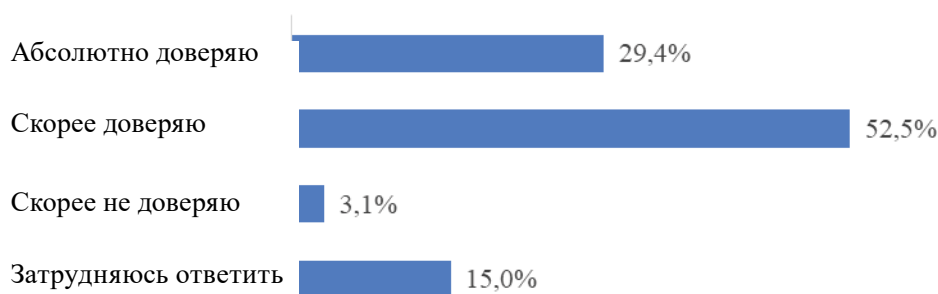

Рис. 1. Доверяете ли Вы институтам системы высшего образования РФ? (% опрошенных)

Fig. 1. Do you trust the institutions of the higher education system of the Russian Federation? (% of respondents)

Примечание: расчет автора по данным опроса обучающихся.

Рис. 2. Ответы на вопросы о представлении о работе Министерства науки и высшего образования РФ и изучении НПА системы ВО (% опрошенных)

Fig. 2. Answers to questions about the presentation of the work of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the study of the NAP of the HE system (% of respondents)

Примечание: расчет автора по данным опроса обучающихся.

В целом 53,1% опрошенных респондентов доводилось изучать нормативно-правовые документы, утверждаемые администрацией вуза. Из них 57,7% устраивают результаты работы вуза. Среди тех, кого не устраивают результаты работы администрации вуза, половина опрошенных респондентов (50,0%) никогда не изучали документацию, утверждаемую вузом.

В целом качество образовательной среды устраивает большее количество респондентов (70,6%), чем уровень доверия решениям региональной и муниципальной власти, касающимся формирования образовательной среды (64,4%).

Доверие профессорско-преподавательскому составу вуза оказывает подавляющее большинство обучающихся (88,2%). Среди таковых 88,7% респондентов устраивает качество преподавания.

В целом качество преподавания в вузе устраивает 84,4% обучающихся. Среди тех, кого не устраивает качество преподавания (а таковых 6,9%), 45,5% обучающихся склонны доверять профессорско-преподавательскому составу вуза.

Информацию по поводу образования обучающиеся в большей степени получают от преподавателей (40,6% респондентов), других студентов (30,0%), сотрудников деканата и кафедры (20,6%), в меньшей степени — с сайта вуза и из других интернет-ресурсов (8,8%).

При этом информационной открытостью образовательной среды удовлетворены 84,4% респондентов: из них 35,0% — абсолютно удовлетворены, 49,4% — скорее удовлетворены. Доля неудовлетворенных респондентов составляет лишь 1,9%.

Рис. 3. Ответы на вопросы: «Доверяете ли Вы...?» / «Устраивают ли Вас...?» (% опрошенных)
Fig. 3. Answers to the questions: “Do you trust...?” / “Are you comfortable with...?” (% of respondents)

Примечание: расчет автора по данным опроса обучающихся

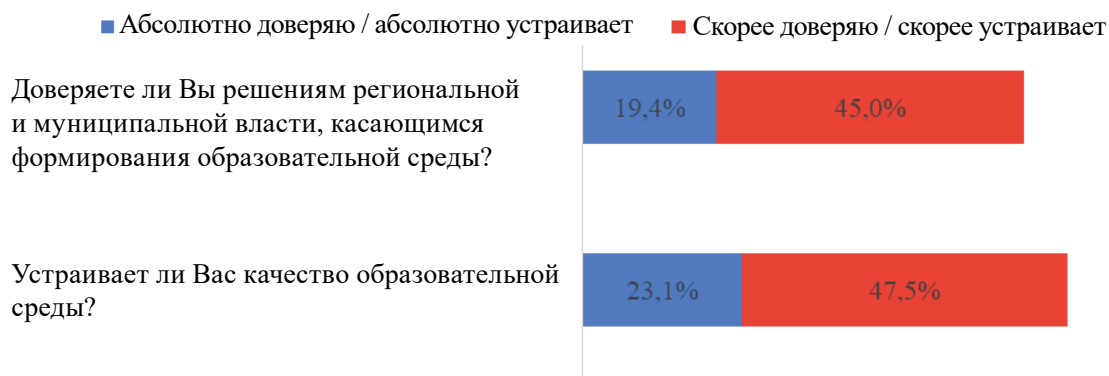

Рис. 4. Ответы на вопросы: «Доверяете ли Вы...?» / «Устраивает ли Вас...?» (% опрошенных)
Fig. 4. Answers to the questions: “Do you trust...?” / “Are you satisfied with...?” (% of respondents)

Примечание: расчет автора по данным опроса обучающихся.

В целом уверенность по поводу того, что высшее образование поможет получить высокий статус в обществе, найти желаемую профессию и хорошо оплачиваемую профессию, выражают 2/3 опрошенных. Среди тех, кто не уверен, что высшее образование поможет найти хорошо оплачиваемую работу (а таких 17,5%), 60,7% респондентов все же склонны доверять институтам системы высшего образования РФ.

Для 59,4% респондентов высшее образование помогает формировать их гражданскую позицию: для 18,8% — абсолютно формирует; для 40,6% — скорее формирует. Доля респондентов, для которых высшее образование не формирует их гражданскую позицию, весьма существенна и составляет 23,1%.

Рис. 5. Ответы на вопросы о доверии ППС и качестве преподавания (% опрошенных)

Fig. 5. Answers to questions about the trust of teaching staff and the quality of teaching (% of respondents)

Примечание: расчет автора по данным опроса обучающихся.

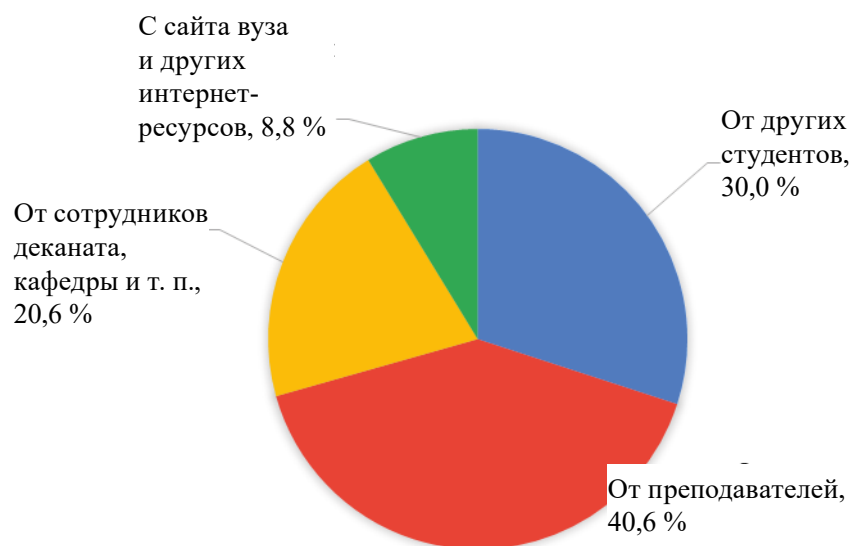

Рис. 6. Источники получения информации по поводу образования, %

Fig. 6. Sources of information about education, %

Примечание: расчет автора по данным опроса обучающихся.

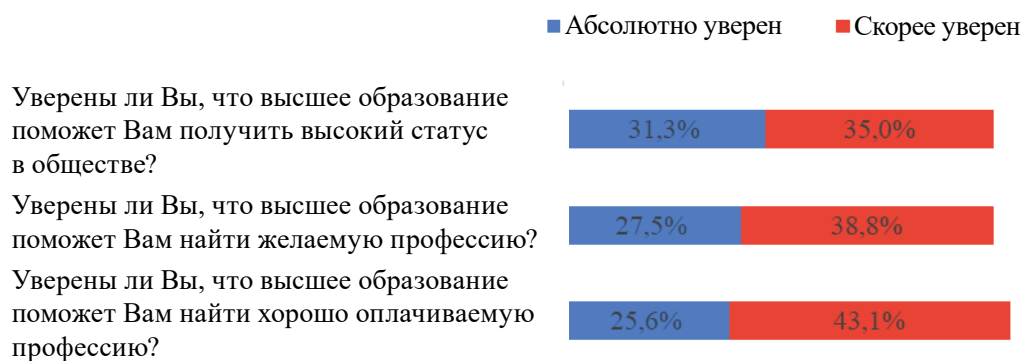

Рис. 7. Ответы на вопросы: «Уверены ли Вы...?» (% опрошенных)

Fig. 7. Answers to the questions: «Are you sure...?» (% of respondents)

Примечание: расчет автора по данным опроса обучающихся.

Доверие обучающихся к институтам здравоохранения

Результаты проведенного в сентябре 2022 г. опроса свидетельствуют о достаточно невысоком уровне доверия системе здравоохранения среди обучающихся: чуть больше половины респондентов (58,8%) дали положительный ответ. Среди тех, кто доверяет системе здравоохранения, 78,7% имеют представление о работе и функциях институтов здравоохранения, и лишь 38,3% респондентов доводилось изучать любые нормативно-правовые документы в сфере здравоохранения. При этом интересна параллель полученных результатов опроса обучающихся с результатами опроса россиян «Доверие системе здравоохранения», проведенного АНО «Левада-центр» в апреле 2022 г. Обучающиеся наиболее склонны доверять системе здравоохранения (58,8% респондентов в совокупности абсолютно и скорее доверяют ей), в то время как лишь 22,0% россиян полностью и по большей мере доверяют российской системе здравоохранения. Не склонны доверять российскому здравоохранению 39,0% россиян, в то время как данный показатель среди обучающихся более чем в 10 раз ниже (всего 3,1% обучающихся).

При этом 78,8% опрошенных респондентов в целом имеют представление о работе и функциях институтов здравоохранения, в то время как лишь чуть больше трети опрошенных (35,6%) доводилось изучать любые нормативно-правовые документы системы здравоохранения.

В целом качеством медицинской помощи удовлетворены 58,8% обучающихся: 14,4% — абсолютно удовлетворены, 44,4% — скорее удовлетворены. Это в большей степени те респонденты, а именно 76,6%, кто доверяет системе здравоохра-

нения. При этом почти треть опрошенных (29,3%) не удовлетворены качеством российской медицинской помощи. Доступной бесплатная медицина является для 76,9% опрошенных обучающихся, в то время как для 10,6% респондентов бесплатная медицина скорее недоступна. Среди тех, кому скорее недоступна бесплатная медицина, 70,6% вынуждены больше прибегать к платной медицине: 29,4% пользуются только услугами платной медицины, еще 41,2% в трех из четырех случаев обращения за медицинской помощью выбирают ее на платной основе.

Ответы обучающихся по поводу частоты пользования услугами бесплатной и платной медицины разделились. Полярные мнения свойственны лишь 12,5% респондентов, из которых 8,1% — пользуются услугами только платной медицины, а 4,4% — только бесплатной. Подавляющее большинство (87,5% респондентов) в той или иной мере комбинируют свои обращения за медицинской помощью, делая выбор то в пользу бесплатной, то в пользу платной медицины. Вероятнее всего, такой выбор зачастую зависит от тяжести и вида заболевания, скорости получения медицинской услуги, времени нахождения на приеме, компетентности врача и пр.

Если говорить о доверии к платной и бесплатной медицине, то более половины опрошенных респондентов (57,5%) доверяют скорее платной медицине. Среди них 68,5% прибегают больше к услугам платной медицины или пользуются ею в равной степени с бесплатной. Еще почти треть обучающихся (31,3%) выражают доверие платной и бесплатной медицине в равной степени. Среди тех, кто доверяет только платной или только бесплатной медицине, в большей степени пользуются услугами соответствующего вида медицины.

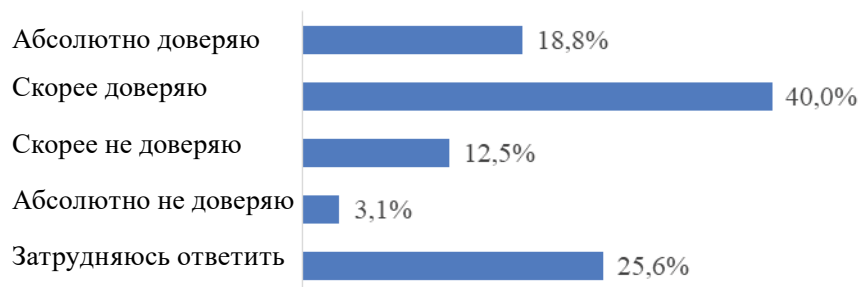

Рис. 8. Ответы на вопрос: «Доверяете ли Вы системе здравоохранения РФ?» (% опрошенных)

Fig. 8. Answers to the question: «Do you trust the health care system of the Russian Federation?» (% of respondents)

Примечание: расчет автора по данным опроса обучающихся.

Рис. 9. Ответы на вопросы о представлении о работе институтов здравоохранения и изучении НПД системы здравоохранения (% опрошенных)

Fig. 9. Answers to questions about the presentation of the work of health institutions and the study of the NAP of the health care system (% of respondents)

Примечание: расчет автора по данным опроса обучающихся.

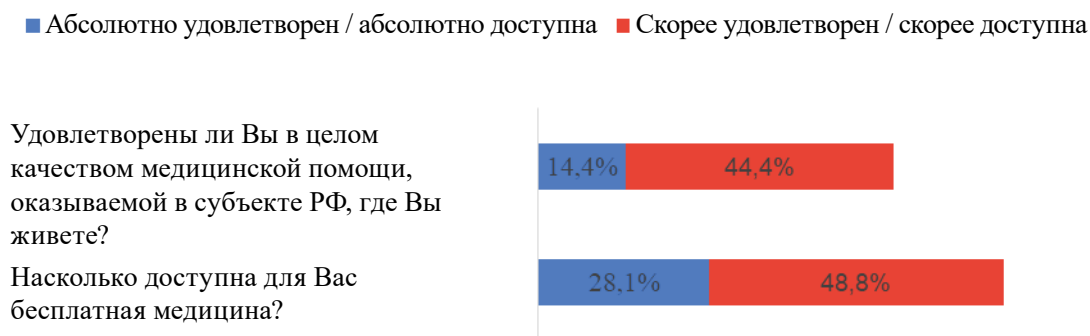

Рис. 10. Ответы на вопросы: «Удовлетворены ли Вы...?» / «Насколько доступна для Вас...?» (% опрошенных)

Fig. 10. Answers to the questions: «Are you satisfied...?» / «How accessible is it for you...?» (% of respondents)

Примечание: расчет автора по данным опроса обучающихся.

Необходимо отметить, что при выборе врача 68,1 % респондентов обращают внимание на уровень его квалификационной категории, наличие ученой степени и прочих регалий.

В ходе проведения опроса респондентов попросили указать, что для них является наиболее значимым при выборе медицинского учреждения, методом ранжирования, то есть по их относительной значимости (важности).

Кадровый состав (конкретный врач) является наиболее значимым для 44,4 % респондентов, в то время как для 23,1 % респондентов этот фактор не оказывает существенного влияния на выбор медицинского учреждения.

Материально-техническая оснащенность наиболее значима лишь для 11,9 % респондентов, в то время как для 18,1 % респондентов этот фактор не оказывает существенного влияния на выбор медицинского учреждения.

Цена услуги наиболее значима для пятой части от общего числа опрошенных обучающихся (20,6 %), при этом для 23,1 % этот фактор наименее значим при выборе медицинского учреждения.

Комфортная среда (чистота, доброжелательность и т. д.) наиболее значима для 23,1 % респондентов, в то время как более чем для трети опрошенных (35,6 %) этот фактор является наименее значимым при выборе медицинского учреждения.

Таким образом, по данным результата опроса, наиболее значимым при выборе медицинского учреждения (1-е место по степени значимости) является кадровый состав (44,4 % респондентов), далее идет комфортная среда (23,1 %), затем цена услуги (20,6 %), следом — материально-техническая оснащенность (ответ 11,9 % респондентов).

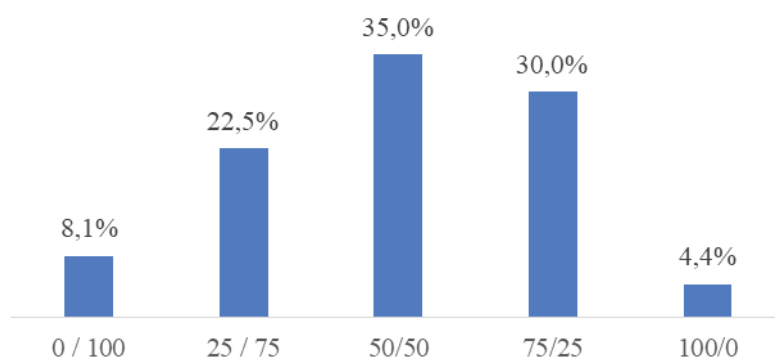

Рис. 11. Частота пользования услугами бесплатной/платной медицины (в ответах приведены процентные соотношения) (% опрошенных)
Fig. 11. Frequency of use of free / paid medicine services (percentages are given in the answers) (% of respondents)

Примечание: расчет автора по данным опроса обучающихся.

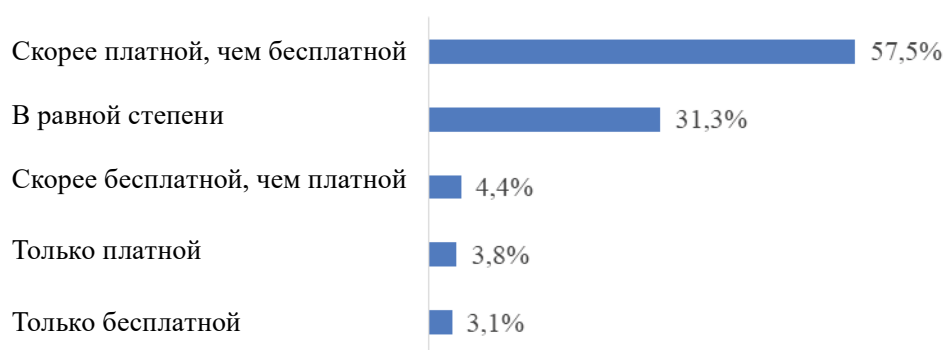

Рис. 12. Вид медицины, которому больше доверяют (% опрошенных)
Fig. 12. The type of medicine that is more trusted (% of respondents)

Примечание: расчет автора по данным опроса обучающихся.

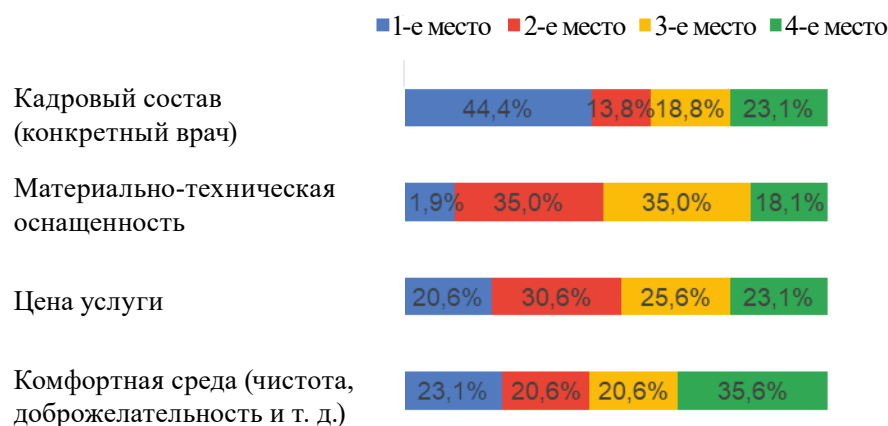

Рис. 13. Чем Вы руководствуетесь при выборе медицинского учреждения? (ранжирование ответов)

Fig. 13. What guides you when choosing a medical institution? (ranking of answers)

Примечание: расчет автора по данным опроса обучающихся.

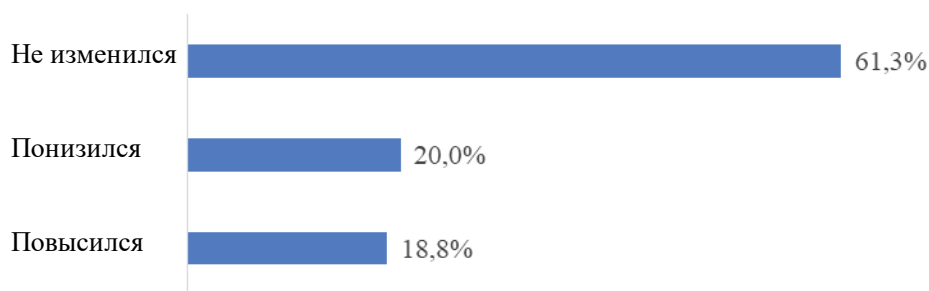

Рис. 14. Ответы на вопрос: «Повысился ли уровень Вашего доверия к системе здравоохранения в условиях пандемии коронавируса?» (% опрошенных)

Fig. 14. Answers to the question: “Has your level of confidence in the health care system increased in the context of the coronavirus pandemic?” (% of respondents)

Примечание: расчет автора по данным опроса обучающихся.

В условиях пандемии уровень доверия к системе здравоохранения не изменился для большей части опрошенных респондентов — 61,3%. Повышение уровня доверия зафиксировано у 18,8% респондентов, еще 20,2% опрошенных отметили снижение уровня доверия к институтам здравоохранения.

Примечательным является тот факт, что только самолечением без обращения за квалифицированной медицинской помощью занимаются лишь 3,1% опрошенных. При достаточно невысоком доверии к системе здравоохранения обучающихся (58,8%) подавляющее большинство респондентов (96,9%) в той или иной степени прибегают к услугам квалифицированной помощи. Среди них 3,8% не занимаются самолечением вообще.

В целом более 2/3 респондентов (68,1%) считают открытой и доступной среду системы здравоохра-

нения, в то время как 6,3% респондентов имеют противоположное мнение.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов. Во-первых, выявлен уровень доверия среди обучающихся к социальным институтам, а частности к институту образования и институту здравоохранения. При этом обучающиеся склонны в большей степени доверять системе высшего образования (81,9% респондентов дали положительный ответ), чем системе здравоохранения (58,8% — доля респондентов, давших положительный ответ). Во-вторых, выявлен уровень доверия обучающихся администрации вуза и профессорско-преподавательскому составу.

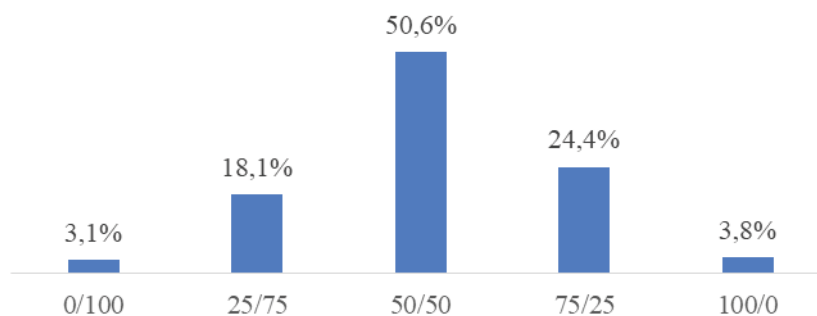

Рис. 15. Ответы на вопрос: «Вы чаще обращаетесь к услугам квалифицированной помощи / занимаетесь самолечением?» (в ответах приведены процентные соотношения) (% опрошенных)

Fig. 15. Answers to the question: “Do you often turn to the services of qualified help / self-medicate?” (the answers give percentages) (% of respondents)

Примечание: расчет автора по данным опроса обучающихся.

Причем, несмотря на достаточно высокие показатели, уровень доверия среди обучающихся выше профессорско-преподавательскому составу, чем администрации вуза (88,2% против 83,7% соответственно). Определен процент обучающихся, которых устраивает качество преподавания в вузе, он составляет 84,4%. В-третьих, выявлена доля обучающихся, уверенных в том, что высшее образование поможет получить высокий статус в обществе, найти желаемую профессию и хорошо оплачиваемую профессию (этот показатель составляет не менее 66,0%). В-четвертых, определена доля респондентов, удовлетворенных качеством оказываемой медицинской помощи в РФ (58,8% респондентов). В-пятых, определена частота пользования услугами бесплатной и платной ме-

дицинской помощи. Подавляющее большинство (87,5% респондентов) в той или иной мере комбинируют свои обращения за медицинской помощью, делая выбор то в пользу бесплатной, то в пользу платной медицины. В-шестых, выявлены наиболее значимые факторы, оказывающие влияние на выбор медицинского учреждения, где первое место по степени значимости занимает кадровый состав (44,4% респондентов).

Результаты, полученные в данной работе, помогут в дальнейших исследованиях построить эконометрические модели, позволяющие найти статистически значимые факторы, определяющие уровень доверия, а также сформировать методику оценки уровня доверия, в том числе применимую в разрезе регионов (территорий).

Список источников

1. Ahnquist J., Wamala S. P., Lindström M. What has trust in the health-care system got to do with psychological distress? Analyses from the national Swedish survey of public health // *Int J Qual Health Care*. 2010. Vol. 22 (4), no. 250—258. URL: <http://doi:10.1093/intqhc/mzq024>.
2. Gille F., Smith S., Mays N. Towards a broader conceptualisation of ‘public trust’ in the health care system // *Soc Theory Health*. 2017. No. 15. P. 25—43. <https://doi.org/10.1057/s41285-016-0017-y>.
3. Benjamins M. R. Religious influences on trust in physicians and the health care system // *Int J Psychiatry Med*. 2006. No. 36 (1). P. 69—83. URL: <https://doi:10.2190/EKJ2-BCCT-8LT4-K01W>. PMID: 16927579.
4. Borges R. G., Domingues C., Cordeiro C. R. Student’s trust in the university: Analyzing differences between public and private higher education institutions in Brazil // *International Review on Public and Nonprofit Marketing*. 2016. Vol. 13, no. 2. P. 119—135. DOI: 10.1007/s12208-016-0156-9.
5. Bryk A., Schneider B. Trust in schools: A core resource for improvement. New York: Russell Sage Foundation, 2002. 240 p.
6. Van Houtte M. Exploring teacher trust in technical/vocational secondary schools // *Teaching and Teacher Education*. 2007. No. 23. P. 826—839.
7. Trust in the health care system and the use of preventive health services by older black and white adults / D. Musa, R. Schulz, R. Harris, M. Silverman, S. B. Thomas // *Am J Public Health*. 2009. Vol. 99 (7). P. 1293—1299. URL: <https://doi:10.2105/AJPH.2007.123927>.
8. Tierney W. Trust and the public good. New York: Peter Lang, 2006. 210 p.

9. Vidovich L., Currie J. Governance and trust in higher education // *Studies in Higher Education*. 2011. No. 36-1. P. 43—56. DOI: 10.1080/03075070903469580.
10. Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования: монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских, Н. В. Шаброва, Е. А. Шуклина; под ред. Г. Е. Зборовского. Екатеринбург: Гуманитар. ун-т, 2020. 382 с.
11. Кузнецов И. С. Детерминанты доверия в высшем образовании // *Высшее образование в России*. 2021. Т. 30, № 12. С. 9—31. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-12-9-31.
12. Лядова А. В., Лядова М. В. Особенности формирования взаимоотношений в системе врач — пациент в современных условиях // *Социология медицины*. 2016. № 15 (2). С. 116—121.
13. Миц А. Н., Бондарев А. А., Гонтарев С. Н. Клиническая значимость взаимоотношения врача и пациента (обзор литературы) // *Менеджер здравоохранения*. 2020. № 2. С. 43—49.
14. Макушева М. О., Нестик Т. А. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 6 (160). С. 427—447.
15. Шуклина Е. А., Певная М. В. Доверие как институциональная проблема высшего образования // *Университетское управление: практика и анализ*. 2017. Т. 21, № 5 (111). С. 120—131.

References

1. Ahnquist J, Wamala SP, Lindström M. What has trust in the health-care system got to do with psychological distress? Analyses from the national Swedish survey of public health. *Int J Qual Health Care*. 2010;(22(4)):250-258. URL: <http://doi:10.1093/intqhc/mzq024>.
2. Gille F, Smith S, Mays N. Towards a broader conceptualisation of ‘public trust’ in the health care system. *Soc Theory Health*. 2017;(15):25-43. URL: <https://doi.org/10.1057/s41285-016-0017-y>.
3. Benjamins MR. Religious influences on trust in physicians and the health care system. *Int J Psychiatry Med*. 2006;(36(1)):69-83. URL: <https://doi:10.2190/EKJ2-BCCT-8LT4-K01W>. PMID: 16927579.
4. Borges RG, Domingues C, Cordeiro CR. Student’s trust in the university: Analyzing differences between public and private higher education institutions in Brazil. *International Review on Public and Nonprofit Marketing*. 2016;(13(2)):119-135. DOI: 10.1007/s12208-016-0156-9.
5. Bryk A, Schneider B. Trust in schools: A core resource for improvement. New York: Russell Sage Foundation; 2002. 240 p.
6. Houtte V, Exploring teacher trust in technical/vocational secondary schools. *Teaching and Teacher Education*. 2007;(23):826-839.
7. Musa D, Schulz R, Harris R, Silverman M, Thomas SB. Trust in the health care system and the use of preventive health services by older black and white adults. *Am J Public Health*. 2009;(99(7)):1293-1299. URL: <https://doi:10.2105/AJPH.2007.123927>.
8. Tierney W. Trust and the public good. New York: Peter Lang; 2006. 210 p.
9. Vidovich L, Currie J, Governance and trust in higher education. *Studies in Higher Education*. 2011;(36(1)):43-56. DOI: 10.1080/03075070903469580.
10. Zborovsky GE, Ambarova PA, Katashinskikh VS, Shabrova NV, Shuklina EA. Trust as a fundamental problem of Russian higher education: monograph. Yekaterinburg: Humanities Univ., 2020. 382 p. (In Russ.).
11. Kuznetsov IS, Determinants of trust in higher education. *Higher education in Russia*. 2021;(30(12)):9-31. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-12-9-31.
12. Lyadova AV, Lyadova MV. Features of the formation of relationships in the doctor — patient system in modern conditions. *Sociologiya mediciny = Sociology of Medicine*. 2016;(15(2)):116-121. (In Russ.).
13. Mitz AN, Bondarev AA, Gontarev SN. Clinical significance of doctor — patient relationship (literature review). *Menedzher zdravoohraneniya = Health care Manager*. 2020;(2):43-49. (In Russ.).
14. Makusheva MO, Nestik TA. Socio-psychological prerequisites and effects of trust in social institutions in a pandemic. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2020;(6(160)):427-447. (In Russ.).
15. Shuklina EA, Pevnaya MV. Trust as an institutional problem of higher education. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University management: Practice and analysis*. 2017;(21-5(111)):120-131. (In Russ.).

Информация об авторе

И. А. Белова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

Irina A. Belova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of Industries and Markets.

Статья поступила в редакцию 05.10.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 05.10.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). С. 105—114.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(11(469):105-114. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 338.43.02

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11110

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ КООПЕРАЦИИ В РАЗВИТИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА

Екатерина Викторовна Абилова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия; Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург, Россия; ekaterina.abilova@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0186-1921

Аннотация. Сельскохозяйственные кооперативы вносят существенный вклад в развитие сельских сообществ, создавая дополнительные рабочие места, участвуя в улучшении инфраструктуры сельских территорий, решении социально-экономических и эколого-продовольственных задач. Учитывая, что развитие кооперации в российской действительности происходит достаточно медленными темпами, необходимы механизмы, обеспечивающие устойчивое функционирование малых форм бизнеса в многоукладной экономике. Наряду с крестьянскими (фермерскими) хозяйствами кооперативы имеют первостепенное значение в становлении и развитии гражданского общества на селе, формировании культурных ценностей, обеспечении продовольственной, экономической и экологической безопасности регионов, потому актуальной становится задача разработки и реализации мер по поддержке данных форм аграрного бизнеса. Исследование проводилось в несколько этапов: применение опросного инструментария (для выявления путей решения проблем развития кооперации в современных условиях), анализ управления стратегией вовлечения кооперативов в деятельность крупных товаропроизводителей и анализ социально ориентированных моделей кооперации. Цель данной статьи — представить основное содержание политики развития и укрепления кооперации в России, изучив детали международного опыта, направленного на использование социальных функций различных форм бизнеса. Полученные исследовательские выводы, отражающие особенности применения социально-ориентированной модели кооперации, а также стратегические перспективы ее дальнейшего развития, имеют важное практическое значение для аграрного сектора России.

Ключевые слова: кооперация, сельские территории, социально ориентированная модель, агрохолдинги

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ и Правительства Свердловской области в рамках научного проекта № 22-28-20048.

Для цитирования: Абилова Е. В. Социально ориентированная модель кооперации в развитии аграрного сектора // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 105—114. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11110.

Research article

SOCIALLY ORIENTED MODEL OF COOPERATION IN THE DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL SECTOR

Ekaterina V. Abilova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia; Ural State Agrarian University, Ekaterinburg, Russia; ekaterina.abilova@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0186-1921

Abstract. Agricultural cooperatives make a significant contribution to the development of rural communities, creating additional jobs, participating in improving the infrastructure of rural areas, solving socio-economic, environmental and food problems. Given that the development of cooperation in Russian reality is rather slow, mechanisms are needed

to ensure the sustainable functioning of small businesses in a mixed economy. Along with peasant (farm) enterprises, cooperatives are of paramount importance in the formation and development of civil society in the countryside, in the formation of cultural values, in ensuring the food, economic and environmental security of the regions, therefore the task of developing and implementing measures to support these forms of agricultural business becomes relevant. This study was carried out in several stages: the use of survey tools (to identify ways to solve the problems of cooperation development in modern conditions), the analysis of the management strategy for involving cooperatives in the activities of large producers and the analysis of socially oriented models of cooperation. The purpose of this article is to present the main content of the policy of development and strengthening of cooperation in Russia, having studied the details of international experience aimed at using the social functions of various forms of business. The obtained research conclusions, reflecting the features of the application of the socially oriented model of cooperation, as well as the strategic prospects for its further development, are of great practical importance for the agrarian sector of Russia.

Keywords: cooperation, rural areas, socially oriented model, agricultural holdings

Acknowledgments: The study was financially supported by the Russian Science Foundation and the Government of the Sverdlovsk Region within the framework of scientific project No. 22-28-20048.

For citation: Abilova EV. Socially oriented model of cooperation in the development of the agricultural sector. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):105-114. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11110.

Введение

В эпоху глобальных экономических и политических перемен важно отметить существенные изменения в социальных потребностях населения [6]. Учитывая тот факт, что мы живем в знаниевой экономике, определяются новые ожидания населения. Сегодня необходимо разнообразить и улучшать образовательные функции существующих систем.

Со временем эволюция российского общества в контексте мировой экономики привела к появлению новых и более разнообразных потребностей, которые во многих случаях требуют принципиально новых подходов. Новые требования общества не всегда могут быть покрыты возможностями рынка или общественных институтов, потому особую актуальность приобретают инициативы социальной экономики. Р. Чавес и Х. Л. Монсон в своих трудах дают четкое определение социальной экономики, подчеркивая, что к данному сектору относятся предприятия, которые разделяют определенные специфические принципы или операционные характеристики: солидарность, взаимопомощь, членство, демократическое управление, принятие решений и распределение прибыли на основе интересов людей [4].

Применительно к сельскохозяйственному сектору вышеизложенный подход, несомненно, находит отражение в деятельности кооперативов в силу специфики их хозяйственной деятельности, особенностей управления и защиты интересов своих участников. Сельскохозяйственные кооперативы вносят существенный вклад в развитие сельских сообществ, создавая дополнительные рабочие места, участвуя в улучшении инфраструктуры сельских территорий, решении социально-экономических и эколого-продовольственных задач. В большин-

стве случаев кооперативы располагаются на территориях, где сложно организовать работу крупному агропредприятию, поэтому кооператив является для сельских сообществ единственным вариантом поддержания определенного качества жизни, уровня обеспеченности продовольствием.

В данной статье изучена практика международной кооперации, определены приоритетные направления развития малых форм аграрного бизнеса. Детальное изучение вопросов эффективного использования производственного и социального потенциала кооперативов позволило разработать социально ориентированную модель развития кооперации. Анализ различных точек зрения на цели и задачи функционирования кооперативов, проведенный в данном исследовании, определил пути возможного взаимодействия кооперативов и крупных агрохолдингов с целью повышения эффективности функционирования аграрного сектора экономики.

Материалы и методы исследования

Создание социально ориентированной модели сельскохозяйственного кооператива является наиболее эффективным механизмом развития точек роста сельских территорий и создания инфраструктуры для их поддержки. Анализируя деятельность сельскохозяйственных кооперативов, действующих в мире, отметим, что исследования институциональных основ кооператива и его функционирования как механизма хозяйственного саморегулирования дают основания утверждать, что кооператив не имеет достаточной государственной поддержки, недостаточно изучены вопросы социальных функций данных форм аграрного бизнеса. Как следствие, количество кооперативов неуклонно сокращается.

В основу исследования вопросов разнообразия форм кооперации был положен опросный инструментарий. При проведении обследования фермерских хозяйств мы выявляли реально значимые, предпочтительные формы кооперации (в опросе участвовали представители 38 фермерских хо-

зяйств Свердловской области). На вопрос: «Какие кооперативы, на Ваш взгляд, целесообразно развивать на селе для улучшения условий хозяйственной деятельности Вашего хозяйства?» мнения респондентов распределились следующим образом (см. таблицу ниже):

Результаты опроса фермеров по выбору формы кооперации

Results of a survey of farmers on the choice of the form of cooperation

Вид кооператива	% к числу опрошенных
По сбыту (продаже) сельскохозяйственной продукции	55
По переработке сельскохозяйственной продукции	66
По аренде техники и ее продаже	83
Ремонтные кооперативы	69
По продаже удобрений, кормов, семян	66
По кредитованию хозяйств	48

Примечание: составлено автором.

Наибольшее число респондентов (83 %) высказались за создание кооперативов по аренде техники и ее продаже. И это не случайно, так как фермеры столкнулись с проблемой технического обеспечения обработки и подготовки земельных ресурсов. В данном контексте, на наш взгляд, необходимо вспомнить отечественный опыт работы материально-технических станций, которые в 1958 г. были ликвидированы по инициативе Н. С. Хрущева.

Создавая крестьянские ассоциации и другие объединения, необходимо детально проанализировать опыт работы фермерской кооперации в западных странах, а также принять во внимание особенности крестьянских кооперативов в России до революции и в период НЭПа [9].

С 1 января 2020 г. реализуется Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» [12], предусматривающая финансирование до 2025 г. на сумму почти 2,3 трлн руб. — беспрецедентные средства в российской истории. Повышение качества жизни и уровня занятости населения, ускорение развития инженерной и социальной инфраструктуры, прирост численности сельского населения, снижение уровня бедности сельских жителей, ускоренное развитие АПК и других отраслей экономики при обеспечении стабильного роста благосостояния населения — приоритетные задачи программы. В производственном отношении перед Минсельхозом России стоят масштабные задачи — к 2024 г. обеспечение производства зерна в объеме 141 млн т, а масличных культур — 29,3 млн т.

При постоянной реализации мер государственной поддержки развития сельскохозяйственной кооперации в стране прорывного развития данной формы хозяйствования пока не случилось. На наш взгляд, развитию малых форм хозяйствования аграрного бизнеса мешает некомпетентность самих кооператоров. Фермеры и члены кооперативов зачастую слабо информированы о своих правах и обязанностях, защите своих интересов и недостаточно мотивированы на реализацию стратегических целей и задач. Наконец, многие фермеры и кооперативы неспособны самостоятельно реализовать сбытовую деятельность произведенной продукции.

Результаты исследования и их обсуждение

Сельскохозяйственные кооперативы, реализуя принципы многофункциональности, высокой эффективности производства, также преследуют цели социального благосостояния жителей сельских территорий [10], повышая уровень профессионализма на селе и открывая возможности получения новых знаний, улучшения демографической ситуации в сельских поселениях.

Вступая в сельскохозяйственный кооператив, его члены увеличивают свои реальные доходы, получают новые возможности ведения агробизнеса, которые ранее были недоступны в силу недостаточной технической оснащенности, сервисного обслуживания и нехватки новых знаний. Безусловно, в реальности кооперативы нуждаются в усовершенствовании материально-технической базы, повышении объемов финансирования.

Выполняя не только социальные, но и экономические функции, кооперативы укрепили заслуженный авторитет и в некоторых случаях стали лидерами небольших рынков благодаря качеству своей продукции и способности удовлетворять потребности различных групп розничной торговли продуктами питания. В сложившихся экономических условиях кооперация является необходимым этапом общественного разделения труда, которое имеет важное значение в хозяйственной жизни. Основываясь на мировом опыте применения различных форм кооперации, можно выявить неоспоримые уникальные достоинства рациональной организации производства в многоукладном аграрном секторе с использованием законов и принципов рыночной экономики.

Изучая практику международной кооперации, выявляем ее популярность и значимость для экономики многих стран. Так, в сельскохозяйственных кооперативах в странах Западной Европы, США, Австралии сосредоточены около 80% фермеров, а в государствах Северной Европы и Японии этот показатель достигает уровня 100% [5].

Отметим особую роль кооперативов в условиях «санкционной» экономики, когда малые формы хозяйствования, обладая определенной гибкостью и многофункциональностью, решают задачи продовольственных, экологических проблем региона и страны, обеспечивают определенный уровень занятости сельского населения. Приоритетными задачами государственной политики в сфере развития малых форм хозяйствования в РФ является рост производства и объема реализации сельхозпродукции, производимой крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, и повышение доходов населения сельских территорий.

Специфика аграрной экономики такова, что отдельные виды сырья и продовольствия эффективно производить в крупных предприятиях и объединениях, другую же продукцию — в рамках мелкотоварного производства.

Однако, несмотря на высокую значимость кооперации в решении продовольственных вопросов страны, до конца не отражены вопросы эффективного использования ее производственного и социального потенциала.

Интеграция отдельных фермеров с коллективными хозяйствами открывает возможности совместной покупки и использования техники, сервисного обслуживания и ремонта, легче решаются вопросы приобретения удобрений, усовершенствования кормовой базы, обновления семенного фонда, переработки сырья. Таким образом, главной движущей силой кооперации исторически выступает хозяйственный интерес. Однако тенденции развития общества в новых экономических и геополитических условиях расширяют возможности форм аграрного бизнеса, определяя приоритетную социально ориентированную модель развития.

Особенностью кооперации в России является создание ассоциаций сначала в масштабе всей страны, уже следующим этапом стало появление областных, а позже и районных ассоциаций [11]. В январе 1990 г. образовалась организация АККОР (ассоциация КФХ и сельскохозяйственных кооперативов России) [7]. Первоначальные задачи ассоциации КФХ и сельскохозяйственных кооперативов России имели также глубоко хозяйственную направленность (рис. 2).

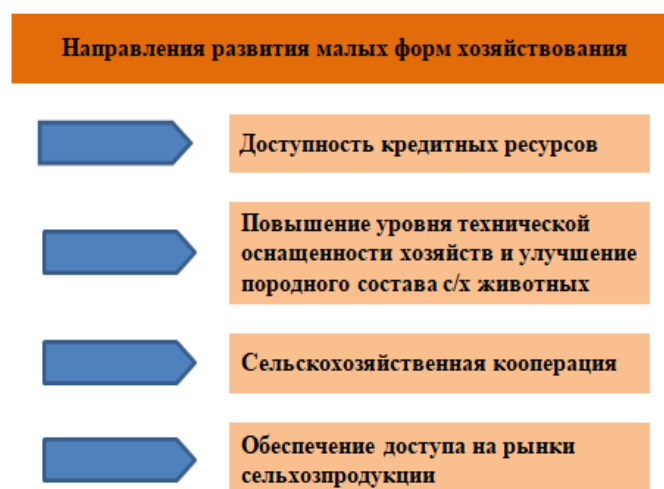

Рис. 1. Направления развития малых форм хозяйствования
Fig. 1. Directions of development of small forms of management

Примечание: составлено автором.

Возникшая вначале как общественно-политическая и идеологическая организация, АККОР уже в 1991 г. взялась преимущественно за государственное и финансовое регулирование.

На базе реорганизованных колхозов и совхозов начали создаваться и местные ассоциации [13]. Таким образом, наметилась тенденция формирования фермерских ассоциаций в основном по принципу «сверху вниз». Это имело определенные недостатки, так как не всегда учитывались первостепенные потребности фермеров конкретной местности, особой специализации, имелись случаи злоупотребления в распределении имеющихся средств и выделенных кредитов. Особой, относительно пока неразвитой формой деятельности АККОР, являлась межфермерская кооперация в области снабжения ресурсами и сбыта готовой продукции.

АККОР ведет обучение фермеров, менеджеров фермерских объединений, организует выезды фермеров за рубеж, в основном в Германию, Швецию, Швейцарию. Вся деятельность АККОР по созданию всевозможных фермерских ассоциаций, союзов, обществ помогает фермерам выживать в сложных экономических условиях, получать необходимое кредитование, средства производства, сокращать издержки, получать определенную выгоду.

На современном этапе функционирования фермерских хозяйств, их территориальной разбросанности и разобщенности меры поддержки со стороны АККОР [7; 17] и ее областных отделений должны быть усилены.

При проведении обследования фермерских хозяйств мы выявляли реально значимые, предпочтительные формы кооперации (в опросе участвовали представители 38 фермерских хозяйств Свердловской области).

Важно отметить, что на протяжении всего развития кооперативного движения во всем мире существуют две противоположные позиции, выражающие взгляды на цели, задачи и стратегии создания и функционирования кооперативов. Сторонники первого направления рассматривают особую социальную роль кооперации, когда приоритетом становятся интересы членов кооператива, общее социальное и экономическое благополучие сообществ [5]. Наиболее ярким примером социальной модели кооперации является кооператив La Nuova Arca, созданный в Италии в рамках инициативы «Солидарное сельское хозяйство». Кооператив специализируется на выращивании органической продукции, при этом годовой валовой доход составляет около 120 000 евро, из которых 60 % приходится

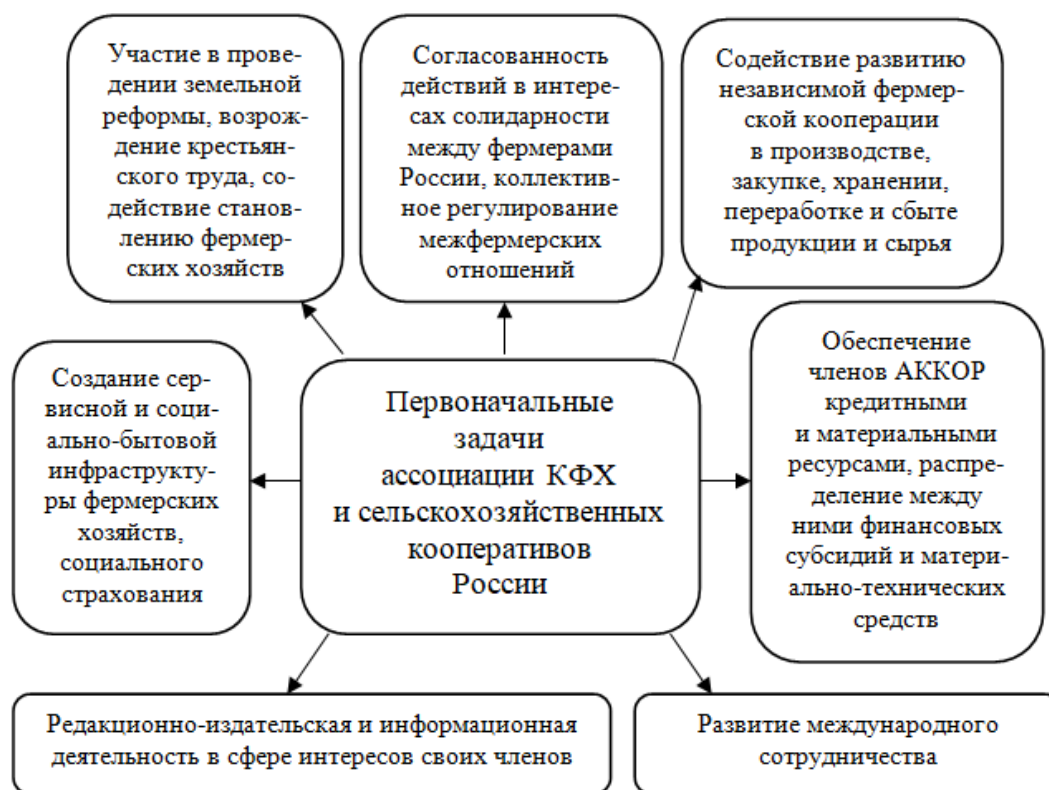

Рис. 2. Первоначальные задачи АККОР [11]
 Fig. 2. Initial tasks of AKKOR [11]

на внутреннее производство, а оставшаяся часть приходится на продажу продукции с других ферм. Но особую значимость приобретает инициатива создания дополнительных рабочих мест, а также помощь населению, оказавшемуся в сложных жизненных обстоятельствах. В 1990-х гг. в Бразилии широкое распространение получили кооперативы, представляющие «экономику солидарности» [3]. Эти кооперативы уходят своими корнями в историю местных профсоюзов, таких как «Движение безземельных» (MST) и «Национальная федерация рабочих семейного сельского хозяйства» (FETRAF) [1]. Экономика солидарности кооперативов стремится к преобразованиям на основе сотрудничества в отношениях с правительством и агробизнесом, определяя ключевой концепцией развития создание рабочих мест, повышение занятости сельского населения в целях снижения напряженности и социально-экономических проблем. Потому создание кооперативов социально ориентированной модели совместно с государственной политикой может стать стимулирующим и движущим механизмом социального, экономического и экологического развития.

Вторая научная точка зрения базируется исключительно на экономических аспектах деятельности кооперативов, когда особую значимость приобретают вопросы сотрудничества с агрохолдингами, позиционирование на рынке, формирование целей и задач исходя из показателей прибыльности производства и определенной бизнес-стратегии на сельскохозяйственных рынках. Более того, мы не только отмечаем важные социальные и экономические роли кооперации, но и рассматриваем кооперативы как ниши социальных инноваций, способные повысить качество продуктов питания, повторно включить продовольственные системы в региональную и местную культуру питания, сократить цепочки поставок при одновременном укреплении продовольственной безопасности и устойчивости развития регионов.

Значимость политики поддержки и продвижения сельскохозяйственных кооперативов определяется существенной ролью кооперативов в урегулировании агропродовольственных конфликтов, в интеграции фермеров в агробизнес для содействия развитию сельских территорий и в реализации государственных социально-экономических программ [8].

Социальная устойчивость сельских территорий определяется возможностью успешного функционирования современных кооперативов. Однако достичь высоких показателей без интеграции с круп-

ными игроками сельскохозяйственных рынков в Российской Федерации невозможно. Именно агрохолдинги являются основными драйверами развития сельскохозяйственного производства. Необходим определенный механизм вовлечения кооперативов в деятельность крупных предприятий, ключевым элементом которого является обязательство крупных производителей закупать определенный процент сырья у фермерских хозяйств и кооперативов (рис. 3). И только при наличии достаточных контрактов с фермерами крупные игроки получали бы возможность выводить свой продукт на расширенные рынки, а также государственную поддержку в виде, например, льготного кредитования, более выгодного финансирования, налоговых льгот. Безусловно, в детальной доработке нуждаются вопросы определения объема закупки сырья у кооперативов, соотношения природно-климатических и экономических условий функционирования предприятий и т. д.

При этом абсолютного вливания кооператива в агрохолдинг нужно избегать, напротив, необходимо добиваться самостоятельности в ведении хозяйства и производстве высококачественной продукции. Безусловно, крупному предприятию должна быть интересна и выгодна совместная работа с кооперативами, преимущества должны быть неоспоримыми. Сегодня, например, в отрасли мясного животноводства РФ мы можем наблюдать успешный опыт сотрудничества кооперативов и крупных товаропроизводителей. Именно мелкие хозяйства имеют уникальный опыт выращивания и ухода за животными, учитывая специфику и особенности условий содержания, различные системы и подходы к повышению отдачи от объектов труда, их привязанность и неотделимость от участия человеческого фактора, базирующегося на индивидуальном подходе. Агрохолдинги же, в свою очередь, неспособны обеспечить столь «адресный» квалифицированный подход, используя труд наемных работников и автоматические технологии. К примеру, компания «Мираторг» производит закупку молодого КРС у фермеров из нескольких регионов. Более полутора тысяч фермеров уже активно налаживают связи с компанией через специально созданную электронную площадку, позволяющую более детально соотнести запросы холдинга и мелких аграрных производителей.

Описанный выше механизм заключается не просто в обязательстве покупать сырье у фермерских хозяйств или кооперативов [5], но также включает в себя соглашения о техническом сотрудничестве, оказание помощи в логистике, предоставление

Рис. 3. Элементы управления стратегией агробизнеса на основе взаимодействия кооперативов и агрохолдингов
 Fig. 3. Elements of agribusiness strategy management based on the interaction of cooperatives and agricultural holdings

нового и более качественного семенного фонда, кормовой базы, удобрений, поддержка лучшей инфраструктуры и т. д. Включение кооперативов в производственно-сбытовую цепочку крупных предприятий призвано решить ряд задач:

- стимулировать фермерские хозяйства к дальнейшему сотрудничеству через членство в кооперативе;
- снизить уязвимость мелких сельхозпроизводителей за счет обеспечения технического, финансового, консультационного сопровождения;
- распространять знания, необходимые для принятия решений при ведении агробизнеса среди семейных фермерских хозяйств;
- наладить обмен технологическим, производственным и коммерческим опытом.

Важным аспектом вовлечения кооперативов в деятельность крупных агрохолдингов является социальная интеграция. Проблемы сельских территорий, на которых осуществляется непосредственно производственный процесс, становятся в сфере направлений развития деятельности агрохолдинга [14; 17]. Обмен опытом и знаниями предполагает в данном случае и вовлечение крупных производителей в решение социально-экономических за-

дач сельских территорий. Однако предлагаемый механизм сотрудничества не всегда будет однозначно положительно воспринят кооперативами и отдельными фермерами. Проводимые нами опросы (респондентами выступили 38 фермеров Свердловской области) показали, что сдерживающими факторами в процессе вовлеченности и совместной деятельности остаются элементы недоверия, отсутствие знаний для оценки ожидаемых выгод, отсутствие желания менять привычную, складывающуюся на протяжении длительного периода систему ведения бизнеса.

Рисунок 3 отражает механизм партнерского взаимодействия участников агробизнеса на основе совместных интересов, обеспечивает высокую эффективность производственной цепочки. Управление стратегией взаимодействия кооперативов и агрохолдингов будет, несомненно, способствовать развитию сельскохозяйственной кооперации, позволяя кооперативам самостоятельно определять параметры деятельности, тем самым оказывая существенное влияние на решение значимых социально-экономических, экологических, продовольственных проблем региона.

Заключение

Без возрождения кооперативов в РФ немислимо и устойчивое развитие фермерства, и в целом сельскохозяйственного производства.

Приоритетными задачами государственной политики в сфере развития малых форм хозяйствования в РФ является рост производства и объема реализации сельхозпродукции, производимой крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, и повышение доходов населения сельских территорий. При этом особая роль должна отводиться социальной значимости кооперативов, когда приоритетом становятся интересы членов кооператива, общее социальное и экономическое благополучие сообществ. Также определен механизм вовлечения кооперативов в деятельность крупных предприятий, который призван объединить в единую

систему потенциал мелких товаропроизводителей, способных гибко и быстро реагировать на изменения спроса; комплексно использовать условия местной среды; проявлять коммерческую предприимчивость с организационной, финансовой и производственной мощью крупных производителей сельскохозяйственной продукции, обеспечив устойчивые связи аграрного комплекса со смежными отраслями экономики.

При этом станет возможным реализовать новую социально ориентированную модель кооперации, призванную укрепить сельские сообщества для решения проблемы неравенства и низких доходов сельского населения. Выявленные в рамках исследования элементы многофункциональности сельскохозяйственных кооперативов позволяют определить новые приоритетные задачи в развитии аграрного бизнеса на основе кооперации.

Список источников

1. Abramovay R., Magalhães R., Schröder M. Social movements beyond the iron cage: weak ties in territorial development // *World Dev.* 2008. No. 36 (12). P. 2906—2920.
2. Arustamov E., Pakhomkin A., Pakhomkina E. Consumer cooperation in Russia: yesterday, today, and tomorrow // *Fund. Appl. Res. Cooper. Sector Econ.* 2018. No. 6. P. 69—74.
3. Bialoskorski S. N. Virtual cooperatives in Brazil and the globalization process // *Rural Coop.* 2001. No. 29 (2). P. 153—165.
4. Chaves R., Monzón J. L. Las cooperativas en las modernas economías de mercadop perspectivas españolas // *Revista Economistas.* 2017. No. 83. P. 113—123.
5. Kim K. The Characteristics of practical Farm for Young Farmers // *The Journal of Rural Society.* 2021. No. 31 (1). P. 363—396.
6. Wang Y. Prospects for Chinese-Russian Trade Cooperation in the Context of Digitalization // *Regional Economic Integration and Global Competition in the post-COVID-19 Era: European Union, Eurasian Economic Union, and the Belt and Road Initiative.* IGI Global, 2022. P. 202—216.
7. Булетова Н. Е., Скачкова С. А., Павлова И. М. Оценка вклада аграрных регионов России в инновационное развитие экономики (на примере ЮФО) // *Экономика сельского хозяйства России.* 2021. № 12. С. 11—18.
8. Головина С. Г., Смирнова Л. Н. Использование традиционной модели сельскохозяйственного кооператива в российской хозяйственной практике // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий.* 2020. № 6. С. 32—37.
9. Емельянов И. Экономическая теория кооперации: экономическая структура кооперативных организаций. Колумбийский ун-т, 1942.
10. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписки 2016 года: в 8 т. // Федеральная служба госстатистики. М.: Статистика России, 2018. 459 с.
11. Кучин М. А., Самойлов В. Н. Крестьянские (фермерские) хозяйства в аграрном секторе // *Молодежь и наука.* 2016. № 6.
12. Максимов А. Ф. Сельскохозяйственные потребительские кооперативы в современных условиях их функционирования // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики.* 2018. № 3. С. 43—52.
13. Николаева Е. В., Сердюкова М. Н. Анализ эффективности государственных программ поддержки малых форм организации сельскохозяйственного производства и сельскохозяйственной кооперации // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2018. № 8 (418). С. 114—124.

14. Скрынник Е. Б. Повышение производительности и финансовой устойчивости малых форм хозяйствования на селе // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2010. № 2. С. 1—6.
15. Соболев А. В. Кооперация: экономические исследования в русском зарубежье: учеб. пособие. М., 2013. 364 с.
16. Хвастова К. И., Лобова Ю. В. Инновационное развитие регионов как фактор экономического роста (на примере Приволжского и Дальневосточного федеральных округов) // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. 2017. № 4 (20). С. 98—115.
17. Шипшова О. А. Функционирование рынка социальных услуг в системе потребительской кооперации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2022. С. 322—325.

References

1. Abramovay R, Magalhães R, Schröder M. Social movements beyond the iron cage: weak ties in territorial development. *World Dev.* 2008;(36):2906-2920.
2. Arustamov E, Pakhomkin A, Pakhomkina E. Consumer cooperation in Russia: yesterday, today, and tomorrow. *Fund. Appl. Res. Cooper. Sector Econ.* 2018;(6):69-74.
3. Bialoskorski SN. Virtual cooperatives in Brazil and the globalization process. *J. Rural Coop.* 2001;29(2):153-165.
4. Chaves R, Monzón JL. Las cooperativas en las modernas economías de mercado: perspectivas españolas. *Revista Economistas.* 2017;(83):113-123.
5. Kim K. The Characteristics of practical Farm for Young Farmers. *The Journal of Rural Society.* 2021;(31(1)):363-396.
6. Wang Y. Prospects for Chinese-Russian Trade Cooperation in the Context of Digitalization. Regional Economic Integration and Global Competition in the post-COVID-19 Era: European Union, Eurasian Economic Union, and the Belt and Road Initiative. IGI Global; 2022. Pp. 202—216.
7. Buletova NE, Skachkova SA, Pavlova IM. *Ekonomika sel'skogo hozyajstva Rossii.* 2021;(12):11-18. (In Russ.).
8. Golovina SG., Smirnova LN. *Ekonomika sel'skohozyajstvennyh i pererabatyvayushchih predpriyatij.* 2020;(6):32-37. (In Russ.).
9. Emel'yanov I. *Ekonomicheskaja teoriia kooperacii: ekonomicheskaja struktura kooperativnykh organizacij = Economic Theory of Cooperation: Economic Structure of Cooperative Organizations.* Kolumbijskij universitet; 1942. (In Russ.).
10. Results of the All-Russian Agricultural Correspondence. Moscow: Statistika Rossii; 2018. 459 p. (In Russ.).
11. Kuchin MA., Samoilov VN. *Youth and science.* 2016;(6):116. (In Russ.).
12. Maksimov AF. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki.* 2018;(3):43-52. (In Russ.).
13. Nikolaeva EV, Serdyukova MN. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University.* 2018;(8(418)):114-124. (In Russ.).
14. Skrynnik EB. *Ekonomika sel'skohozyajstvennyh i pererabatyvayushchih predpriyatij.* 2010;(2):1-6. (In Russ.).
15. Soboлев A. Cooperation: economic research in Russian abroad. Moscow; 2013. 364 p. (In Russ.).
16. Khvastova KI, Lobova YuV. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta im. GV Plekhanova. Vstuplenie. Put' v nauku.* 2017;(4(20)):98-115. (In Russ.).
17. Shipshova OA. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk.* 2022;322-325. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Абилова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента факультета управления Челябинского государственного университета, научный сотрудник Уральского государственного аграрного университета.

Information about the author

Ekaterina V. Abilova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Management, Faculty of Management, Chelyabinsk State University; researcher, Ural State Agrarian University.

Статья поступила в редакцию 26.06.2022; одобрена после рецензирования 17.08.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 26.06.2022; approved after reviewing 17.08.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 334.027; 338.45

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11111

МОДЕЛЬ КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КРУПНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СТРУКТУРЫ В ЭНЕРГЕТИКЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Кулькова Варвара Юрьевна^{1✉}, Галимова Алина Динисовна²,
Довбий Ирина Павловна^{3✉}

^{1,2} Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия

³ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ Kulkova77@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9943-1780

² alinagalimova2014@gmail.com

³ betelgeyse@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4686-5282

Аннотация. Описание моделей КСО получает широкое развитие на макроуровне с выделением национальных особенностей КСО отдельных стран, дающих обозначение соответствующей модели: американская, европейская, исламская и т. д. Вместе с тем структурированное описание моделей КСО на микроуровне отсутствует, что обусловило актуальность исследования и постановку цели — разработка дескриптивной модели КСО на микроуровне и ее апробация в характеристике КСО предприятия отрасли энергетики. Выбранное в качестве объекта исследования предприятие АО «Татэнерго» является крупной предпринимательской структурой энергетики Республики Татарстан, активно реализующей в производственно-хозяйственной деятельности социальную политику. Методы: общенаучные — единства исторического и логического, индуктивного и дедуктивного, абстракции и синтеза; вторичный анализ данных существующих видов отчетности объекта исследования для оценки направлений и видов КСО. Полученные результаты показывают, что на предприятии АО «Татэнерго» не ведутся публичные отчеты по социальной деятельности, КСО, нет экологических и иных нефинансовых отчетов, следовательно, оценить качество реализуемой корпоративной социальной политики сложно и можно лишь основываясь на финансовых показателях, что не дает полной оценки качества и результативности для заинтересованных сторон. Оценка направлений социальной политики АО «Татэнерго» характеризует модель КСО с преобладанием интернальной формы. Отсутствие нефинансовой отчетности свидетельствует об информационной закрытости предприятия. Последнее работает на идентификацию модели КСО АО «Татэнерго» с начальным уровнем развития.

Ключевые слова: стандарт, устойчивое развитие, корпоративная социальная ответственность, модель КСО предприятия

Для цитирования: Кулькова В. Ю., Галимова А. Д., Довбий И. П. Модель корпоративной социальной ответственности крупной предпринимательской структуры в энергетике Республики Татарстан // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 115—122. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11111.

Original article

MODEL OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY OF A LARGE BUSINESS STRUCTURE IN THE ENERGY SECTOR OF THE REPUBLIC TATARSTAN

Varvara Yu. Kulkova^{1✉}, Alina D. Galimova², Irina P. Dovbiy^{3✉}

^{1,2} Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

³ South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

¹ Kulkova77@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9943-1780

² alinagalimova2014@gmail.com

³ betelgeyse@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4686-5282

Abstract. The description of CSR models is widely developed at the macro level with the identification of national CSR characteristics of individual countries, giving the designation of the corresponding model: American, European, Islamic, etc. At the same time, there is no structured description of CSR models at the micro level, which led to the relevance of the study and the setting of the goal - the development of a descriptive CSR model at the micro level and its approbation in the CSR characterization of an energy industry enterprise. JSC “Tatenergo”, chosen as the object of study, is a large entrepreneurial structure of the power industry of the Republic of Tatarstan, actively implementing social policy in its production and economic activities. Methods: general scientific - unity of historical and logical, inductive and deductive, abstraction and synthesis; secondary analysis of the data of existing types of reporting of the object of study, aimed at assessing the directions and types of CSR. The obtained results show that JSC “Tatenergo” does not maintain public reports on social activities, CSR, there are no environmental and other non-financial reports, therefore, it is difficult to assess the quality of the implemented corporate social policy and can only be based on financial indicators, which does not give a full assessment quality and effectiveness for stakeholders. Assessment of the social policy directions of JSC “Tatenergo” characterizes the CSR model with a predominance of the internal form. The absence of non-financial reporting indicates the information closeness of the enterprise. The latter works to identify the CSR model of JSC “Tatenergo” with the initial level of development.

Keywords: standard, sustainable development, corporate social responsibility, enterprise CSR model

For citation: Kulkova VYu, Galimova AD, Dovbiiy IP. Model of corporate social responsibility of a large business structure in the energy sector of the Republic Tatarstan. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):115-122. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11111.

Введение

В условиях провозглашения конвергенции социально-экономических трендов РФ с целевыми установками устойчивого развития, продвигаемыми ООН (в новой редакции 2015 г.), и развития ESG-принципов крупные предпринимательские структуры, имея доступ к большому количеству ресурсов, выступают ключевым стейкхолдером в решении глобальных проблем, касающихся экологии, экономического развития, образования, различных видов неравенства, бедности, голода. Тем самым развивают не только основные виды своей деятельности, но и корпоративную социальную ответственность (КСО), работающую на достижение устойчивого развития¹.

Активное звучание в повестке устойчивого развития и ESG-принципов отводится развитию современных источников энергии (возобновляемых источников энергии — ВИЭ), формированию новых механизмов партнерства, таких как энергетическая демократия [1]. Однако в РФ, согласно данным Совета производителей энергии², которые находят подтверждение и в результатах авторских исследований [2], детерминантно влияние факторов, блокирующих развитие ВИЭ: высокая доступность дешевых природных ресурсов; модернизация тепловых мощностей как приоритет в энергетической

политике; отсутствие экологических требований по снижению выбросов CO₂; низкая конкурентоспособность ВИЭ по LCOE.

Вместе с тем заявления и демонстрация приверженности целям устойчивого развития являются имманентным трендом хозяйственной деятельности многих крупных предприятий отрасли энергетики в РФ [3; 4]. Последнее позволяет идентифицировать их как компании с социальной ответственностью, вносящие вклад в развитие общества. Реализация КСО носит добровольный характер, но это и стандартизированная деятельность. Стандарты работают на открытость предприятий перед всеми стейкхолдерами, повышая их доверие, и включают требования: к формированию структур корпоративного и оперативного управления в крупных промышленных предприятиях; взаимодействиям со стейкхолдерами. Несмотря на унификацию требований к содержанию нефинансовой отчетности, крупные предпринимательские структуры демонстрируют дивергенцию методических подходов к реализации КСО, что отражает расхождения в уровнях продвинутой их развития (от предпринимательской деятельности, коммерческих инициатив до социальных инвестиций, благотворительности).

Как свидетельствуют результаты ранее проведенных исследований авторского коллектива, предпринимательские структуры в энергетике, осознавая и принимая обязательства по социальной ответственности, не являются лидерами по реализации КСО в отраслевой компаративистике [5], что актуализирует необходимость исследования модели КСО предпринимательских структур в энергетике.

¹ Global goals for people and planet // The UN Global Compact (<https://www.unglobalcompact.org/sdgs/about>; дата обращения 23.02.2022).

² Council of power producers. Evaluation of the performance of the electricity market. Moscow, Russia: CPP Publ., 2020.

В науке и на практике концепции, подходы и общие проблемы развития корпоративной социальной ответственности отражены в исследованиях зарубежных классиков Д. Белла [6], Ч. Барнарда [7], Г. Боуэна [8], К. Девиса [9], Т. Левита [10], М. Фридмана [11] и практических разработках международных организаций — ООН, ОЭСР, Всемирного банка, а также World Business Council for Sustainable Development, Business for Social Responsibility, International Chamber of Commerce, получивших обобщение в российской научной школе [12].

Модели КСО достаточно хорошо изучены в рамках макроподхода, в котором проводится описание моделей КСО, сформированных в различных странах, с выделением американской, канадской, европейской, японской, исламской моделей. В отечественных школах наличествует множество исследований, посвященных вторичному анализу моделей КСО в контексте макроподхода [13; 14] и их компаративистике по различным признакам; среди них по полноте представленности признаков обращает на себя внимание исследование О. Т. Цуциевой, А. З. Гобозовой [15]. В последнем выделяются такие признаки сравнения КСО, как: формы КСО, юридическая ответственность, этическая ответственность, благотворительность, основные стейкхолдеры по степени важности, стимулирующие движущие силы, роль НКО, тенденции социальной отчетности [15]. Налиествует достаточное количество научных работ с описанием КСО в кейсах предприятий, которое носит неструктурированный характер, что обусловлено отсутствием подходов к выделению моделей КСО на микроуровне.

Актуальность исследования модели КСО предпринимательских структур в энергетике и ее неразработанность в науке обусловили постановку цели исследования — разработка дескриптивной модели КСО на микроуровне и ее апробация в характеристике КСО предприятия отрасли энергетики.

Объект исследования — предприятие АО «Татэнерго». Выбор объекта связан с позиционированием предприятия — одна из ведущих энергетических компаний Российской Федерации по объему продаж, балансовой прибыли и численности персонала. Основная часть потребителей АО «Татэнерго» сосредоточена на территории Республики Татарстан, где долгосрочные перспективы связаны с восстановлением экономики и оздоровлением социальной сферы территории. Имея первостепенное значение для экономического развития Республики Татарстан, АО «Татэнерго» несет также значи-

тельную социальную нагрузку. Ряд предприятий АО «Татэнерго» выполняют градообразующую функцию.

Материалы и методы исследования

Многоаспектный и многоуровневый характер проблемы формирования института социальной ответственности предпринимательских структур в контексте достижения ЦУР в РФ обусловил необходимость использования совокупности научных макроподходов, имеющих различные концептуальные основания.

Во-первых, это теоретические положения экономики общественного сектора, в частности новых концепций непрямого государственного управления и парадигмы благотворительности, дополненных разработками ООН ЦУР, на базе которых формируется научное обоснование социальной ответственности в реализации межсекторного социального партнерства.

Во-вторых, междисциплинарный подход к исследованию КСО, базирующийся на социально-философском подходе как основе методологии изучения КСО, дополненный экономическим подходом, который дает объяснение КСО в основе эффективного распределения материальных ресурсов в обществе и удовлетворения потребностей индивидов.

В-третьих, подход к стандартизации КСО. Как известно, с 1990-х гг. на международном уровне возникали попытки создания стандартов и инструментов развития КСО на предприятиях, единой формы нефинансовой отчетности, которые были направлены на объективную оценку деятельности предприятий в социальной, экономической и экологических сферах и определяли критерии их устойчивого развития. Методологическую основу исследования составили основные стандарты, принятые в РФ, такие как Социальная хартия российского бизнеса¹, ТПП РФ «Социальная отчетность предприятий и организаций, зарегистрированных в РФ»², Базовые индикаторы результативности РСПП³, ICCSR-08260008000 или

¹Социальная хартия российского бизнеса (<https://www.rspp.ru/simplepage/sotsialnaya-khartiya-rossiyskogo-biznesa/>; дата обращения 04.06.2022).

²Социальная отчетность предприятий и организаций, зарегистрированных в РФ (https://nisse.ru/articles/details.php?ELEMENT_ID=127812; дата обращения 04.06.2022).

³Базовые индикаторы результативности (<https://xn--olaabe.xn--plai/simplepage/bazovye-indikatory-rezultativnosti-rekomendatsii-po-ispolzovaniyu/>; дата обращения 04.06.2022).

CSR¹, формирующие основные виды отчетности предприятия: годовая отчетность, бухгалтерская (финансовая) отчетность, нефинансовая отчетность (корпоративно-социальный отчет), отчет по устойчивому развитию, финансовая отчетность по МСФО, экологический отчет. В энергетической отрасли специализированные стандарты КСО дополняются отраслевым стандартом, в частности в электроэнергетике, в рамках отраслевого тарифного соглашения, которое носит добровольный характер и по контенту является институционализацией социального партнерства между полномочными представителями работников и работодателей², что работает на развитие интернальной КСО.

На основе обобщения вышеозначенных подходов разработана модель дескриптивной КСО предприятий, или модель КСО на микроуровне, включающая следующие элементы:

- стандартизация [виды отчетности, формируемые предприятием: годовая отчетность, бухгалтерская (финансовая) отчетность, нефинансовая отчетность (корпоративно-социальный отчет), отчет по устойчивому развитию, финансовая отчетность по МСФО, экологический отчет]; ведение нефинансовой публичной отчетности характеризует прозрачность модели КСО и синхронизацию деятельности с повесткой устойчивого развития;
- направления реализации социальной политики с выделением видов КСО [16]: экстернальной, ориентированной на внешних стейкхолдеров; интернальной, работающей с персоналом компании.

Для решения поставленных задач в работе широко использовались теоретико-методологические положения комплексного экономического анализа, методы единства исторического и логического, индуктивного и дедуктивного, абстракции и синтеза. В качестве важнейшего инструментария эмпирического анализа предполагается вторичный анализ данных существующих видов отчетности объекта исследования, направленный на оценку направлений и видов КСО.

Результаты исследования и обсуждение: модель КСО АО «Татэнерго»

В реализации принципа информационной доступности с использованием данных сайта объекта исследования на основе заложенной дескриптив-

¹ ICCSR-08260008000 или CSR (<http://ksovok.com/standarts.php>; дата обращения 20.02.2022).

² Отраслевое тарифное соглашение (<https://docs.cntd.ru/document/552328481>; дата обращения 04.06.2022).

ной модели КСО предприятия проведено описание первого элемента в АО «Татэнерго»³ (табл. 1).

Как видно, на данный момент АО «Татэнерго» не формирует отдельных отчетов в области КСО, что снижает прозрачность модели КСО. Характеристику модели КСО предприятия можно получить, основываясь на данных годовой бухгалтерской и финансовой отчетности, где есть возможность проследить средства, выделяемые на социальные мероприятия / социальную политику. Обратим внимание, что затраты, относящиеся к реализации КСО на предприятии АО «Татэнерго», причисляются к прочим расходам организации.

Современная корпоративная социальная политика, проводимая «Татэнерго», направлена не только на социальное обеспечение корпоративных сотрудников, но и на других заинтересованных лиц (стейкхолдеров), которые нуждаются в поддержке. Ежегодно наличествуют материальные затраты в социальной сфере в рамках тарифного соглашения: выплаты пенсионерам, единовременные выплаты 50-, 55-, 60-летним, единовременное стимулирование сотрудников и молодых сотрудников, расходы на благотворительные и социальные проекты (табл. 2.).

Обобщение содержания характеристик корпоративных принципов социальной и кадровой работы АО «Татэнерго»⁴ свидетельствуют об ориентации предприятия на реализацию интернальной КСО, что соответствует начальному этапу развития КСО, для которого характерна реализация добровольных инициатив (сверх законодательства), направленных на решение социально-экономических проблем, улучшение экологической обстановки, повышение качества продукции, продвижение инноваций и т. д. На идентификацию модели КСО АО «Татэнерго» с начальным уровнем развития работает тот факт, что предприятие заявляет о себе на сайте и в годовых отчетах как о социально ответственной компании, добросовестном налогоплательщике, но в то же время не ведется учет реализации в деятельности принципов КСО, в наличествующих взаимодействиях со стейкхолдерами не формируются карты стейкхолдеров, отсутствуют описания ключевых интересов стейкхолдеров, механизмов и ключевых событий взаимодействия.

Изучив годовую бухгалтерскую отчетность предприятия АО «Татэнерго», последние сведения,

³ Официальный сайт АО «Татэнерго» (<http://www.tatenergo.ru/>; дата обращения 20.02.2022).

⁴ Годовой отчет за 2020 год АО «Татэнерго» (http://tatgencom.ru/upload/iblock/a1d/godovoy-otchet2020_.pdf; дата обращения 20.02.2022).

Таблица 1

Table 1

Реализация публичной отчетности АО «Татэнерго» как фундаментального элемента модели КСО
Implementation of public reporting of JSC Tatenergo as a fundamental element of CSR

Вид публичной отчетности	Наличие публичного отчета	
Годовая отчетность	+	
Бухгалтерская (финансовая) отчетность	+	
Нефинансовая отчетность (корпоративно-социальный отчет)		–
Отчет по устойчивому развитию		–
Финансовая отчетность по МСФО	+	
Экологический отчет		–
Тарифное соглашение	+	

Примечание: разработка авторов.

Таблица 2

Table 2

Направления реализации социальной политики на АО «Татэнерго»*
Directions of implementation of social policy at JSC Tatenergo*

Направление	Форма реализации	Вид КСО
Работа с молодежью	Молодежная организация, турслеты, велопробеги, конференции, форумы, интеграция в республиканские и городские мероприятия	Интервальная
Оздоровительный отдых	В 2019 г. выделено из прибыли на оздоровление и отдых работников и членов их семей 61 526,551 тыс. руб. на 1975 путевок	Интервальная
Благотворительность «Твори добро, не требуя награды»	Мензелинская коррекционная школа, лагерь «Полянка», ежегодные тематические акции	Экстервальная
Поддержка материнства	Материальная помощь женщинам	Интервальная
Жилищно-бытовое обеспечение	Финансирование программ развития строительства для работников	Интервальная
Развитие физкультуры и спорта	Спартакиада, спортивные праздники, инфраструктура	Интервальная
Меры социальной защиты для неработающих пенсионеров	Выплаты по тарифному соглашению, единовременная помощь участникам Великой Отечественной войны, День пожилых людей, музей	Интервальная

* Официальный сайт АО «Татэнерго» (<http://www.tatenergo.ru/>; дата обращения 20.02.2022).

представленные на сайте, можно проследить, что в 2019 г. «прочие расходы» увеличились на 1 879 738 тыс. руб. по сравнению с 2018 г. и составили 3 763 326 тыс. руб., что говорит о развитии на предприятии прочей деятельности, в том числе социальной. Положительным моментом является увеличение расходов на социальные программы на 50 696 тыс. руб., что говорит об успешном развитии в АО «Татэнерго» программ корпоративной социальной ответственности¹.

¹ Годовая бухгалтерская отчетность за 2019 год АО «Татэнерго» (<http://tatgencom.ru/upload/iblock/b7f/godovaya-bukhgalterskaya-otchetnost-za-2019-god.pdf>; дата обращения 23.02.2022).

Однако оценить реализацию КСО достаточно сложно, опираясь лишь на финансовые показатели, не учитывая качество услуг и удовлетворенность одних из основных стейкхолдеров, а именно сотрудников (интервальная КСО); партнеров и внешних заинтересованных сторон, на которых направлена данная деятельность (экстервальная КСО). Оценка форм КСО предусмотрена требованиями стандартов и должна подвергаться диагностике и мониторингу, результаты которых отображаются в непубличной отчетности, что соответствует современным подходам к КСО, но пока не реализуется на предприятии.

Как было установлено, задача максимизации прибыли не является единственной целью компании АО «Татэнерго» и, соответственно, не может быть единственным критерием эффективности. Если деятельность компании нацелена на достижение высокой экономической эффективности и получение максимальной прибыли, то усилия руководства должны быть направлены на создание социально необходимого продукта, обеспечение выживания и роста предприятия в долгосрочной перспективе; поддержку инновационной составляющей развития; не менее важную роль играет создание благоприятного климата внутри компании, обеспечение социальной защиты работников — интернальная КСО. Несмотря на то что интернальный вид КСО регламентируется отраслевым тарифным соглашением, что свидетельствует об институционализации социального партнерства между работодателями и сотрудниками в отрасли энергетики Республики Татарстан, выявлена самостоятельная методическая проблема — необходимость постановки управленческого учета КСО на предприятии.

Вместе с тем думается, что демонстрируемый начальный уровень развития модели КСО в энергетике, несмотря на активное продвижение в публичном дискурсе темы зеленой энергетики, во многом обусловлен вышеуказанными факторами — ограничителями развития ВИЭ. Однако данная гипотеза требует верификации в дополнительном исследовании с включением экспертного опроса лидеров отрасли.

Заключение

АО «Татэнерго» осуществляет свою деятельность с учетом интересов работников, местного сообщества, общественных организаций. Стратегия предприятия учитывает принципы социальной ответственности и ориентирована на такое развитие, которое помимо улучшения производственных результатов способствует позитивным социально-экономическим изменениям на микроуровне и в мезоокружении. Так, АО «Татэнерго» — социально ориентированная компания, которая, являясь крупным и добросовестным налогоплательщиком в бюджеты всех уровней, непосредственно способствует обеспечению успешного социально-экономического развития региона своего присутствия с социальным партнерством между работодателями и работниками, институционализированным в отраслевом тарифном соглашении, что дает основания для выделения модели КСО. Модель КСО АО «Татэнерго» характеризуется отсутствием практик формирования отдельных отчетов по учету деятельности КСО, устойчивого развития, что свидетельствует о неприменении существующих стандартов КСО и работает на снижение информационной открытости перед стейкхолдерами. Оценка направлений социальной политики АО «Татэнерго» характеризует модель КСО с преобладанием интернальной формы. Последнее работает на идентификацию модели КСО АО «Татэнерго» с начальным уровнем развития.

Список источников

1. Burke M. J., Stephens J. C. Energy democracy: Goals and policy instruments for sociotechnical transitions. *Energy Res. Social Sci.* 2017. No. 33. P. 35—48. URL: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2017.09.024>.
2. The Challenge of the Energy Sector of Russia during the 2020 COVID-19 Pandemic through the Example of the Republic of Tatarstan: Discussion on the Change of Open Innovation in the Energy Sector / A. Kulachinskaya, I. G. Akhmetova, V. Y. Kulkova, S. B. Ilyashenko // *J. Open Innov. Technol. Mark. Complex.* 2020. Т. 6, no. 3. URL: <https://doi.org/10.3390/joitmc6030060>.
3. Головкин М. В., Руденко В. А. Корпоративные ценности в системе устойчивого развития и безопасности экономики промышленных предприятий (на примере ГК «РОСАТОМ») // *Глобальная ядерная безопасность.* 2015. № 4 (17). С. 103—114.
4. Кравченко О. А. Формирование механизмов и инструментария для обеспечения устойчивого развития электроэнергетических организаций. Новочеркасск: Лик, 2021. 240 с.
5. Ахметова И. Г., Кулькова В. Ю. Формирование социальной сферы крупных предпринимательских структур в энергетике Республики Татарстан // *Экономика в промышленности.* 2020. Т. 13, № 1. С. 108—114.
6. Bell D. *The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting.* N.Y.: Basic Books, 1973.
7. Barnard Ch. *The Function of the Executive.* N.Y., 1938.
8. Bowen H. *Social Responsibilities of the businessman.* N.Y.: Harper, 1953.
9. Davis K. The Case For and Against Business Assumption of Social Responsibility. *Academy of Management Journal.* 1973. No. 16. P. 312—322.
10. Levitt T. Dangers of Social Responsibility // *Harvard Business Review.* 1958. September — October.

11. Friedman M. The social responsibility of business is to increase its profit // *The New York Times Magazine*. 1970. September 13.
12. Чубарова Т. В. Социальная ответственность в рыночной экономике: работник, бизнес, государство. СПб.: Нестор-История, 2011. 310 с.
13. Волнухин К. В. Развитие корпоративной социальной ответственности под влиянием национальной культуры страны // *Экономические науки*. 2018. № 169. С. 54—57.
14. Кравцова Е. М., Матвеева В. Ю. Модели социальной ответственности бизнеса в мировой экономике // *Экономика, предпринимательство и право*. 2016. Т. 6, № 1. С. 81—98.
15. Цуциева О. Т., Гобозова А. З. Сравнительный анализ моделей корпоративной социальной ответственности // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2013. № 6 (13). С. 91—96.
16. Кулькова В. Ю. Корпоративная социальная ответственность крупных предпринимательских структур как детерминантная стратегия обеспечения устойчивости экономического развития // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2017. Т. 12, № 3. С. 97—107.

References

1. Buke MJ, Stephens JC. Energy democracy: Goals and policy instruments for sociotechnical transitions. *Energy Res. Social Sci.* 2017;(33):35-48. URL: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2017.09.024>.
2. Kulachinskaya A, Akhmetova IG, Kulkova VY, Ilyashenko SB. The Challenge of the Energy Sector of Russia during the 2020 COVID-19 Pandemic through the Example of the Republic of Tatarstan: Discussion on the Change of Open Innovation in the Energy Sector. *J. Open Innov. Technol. Mark. Complex.* 2020;(6(3)). URL: <https://doi.org/10.3390/joitmc6030060>.
3. Golovko MV, Rudenko VA. Corporate values in the industrial enterprises sustainable development and safety economy (on the Rosatom state corporation example). *Global'naja jadernaja bezopasnost' = Global Nuclear Security*. 2015;(4(17)):103-114. (In Russ.).
4. Kravchenko OA. Formirovanie mehanizmov i instrumentarija dlja obespechenija ustojchivogo razvitija jelektroenergeticheskikh organizacij = Formation of mechanisms and tools to ensure the sustainable development of electric power organizations. Novocheerkassk: Lik; 2021. 240 p. (In Russ.).
5. Akhmetova IG, Kulkova VYu. The formation of the social sphere of large entrepreneurial structures in the energy sector of the Republic of Tatarstan. *Ekonomika v promyshlennosti. Russian journal of Industrial Economics*. 2020;(13(1)):108-114. (In Russ.).
6. Bell D. *The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. N.Y.: Basic Books; 1973. 198 p.
7. Barnard Ch. *The Function of the Executive*. N.Y.; 1938.
8. Bowen H. *Social Responsibilities of the businessman*. N.Y.: Harper; 1953. 208 p.
9. Davis K. The Case For and Against Business Assumption of Social Responsibility. *Academy of Management Journal*. 1973;(16):312-322.
10. Levitt T. Dangers of Social Responsibility. *Harvard Business Review*. 1958;(Sept-Oct).
11. Friedman M. The social responsibility of business is to increase its profit. *The New York Times Magazine*. 1970;(Sept13).
12. Chubarova TV. Social'naja otvetstvennost' v rynochnoj jekonomike: rabotnik, biznes, gosudarstvo = Social responsibility in a market economy: employee, business, state. St. Petersburg: Nestor-Istorija; 2011. 310 p. (In Russ.).
13. Volnukhin KV. Development of corporate social responsibility under the influence of national culture of the country. *Ekonomicheskie nauki = Economic sciences*. 2018;(169):54-57. (In Russ.).
14. Kravtsova EM, Matveeva VYu. Models of social responsibility of business in the world economy. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo = Economics, entrepreneurship and law*. 2016;(6(1)):81-98. (In Russ.).
15. Tsutsieva OT, Gobozova AZ. Comparative Analysis of Corporate Social Responsibility Models. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Research Journal*. 2013;(6(13)):91-96. (In Russ.).
16. Kulkova VYu. Corporate social responsibility of large business structures as a determinant strategy for ensuring the sustainability of economic development. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2017;(12(3)):97-107. (In Russ.).

Информация об авторах

В. Ю. Кулькова — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и организации производства.

А. Д. Галимова — студентка магистратуры.

И. П. Довбий — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической безопасности.

Information about authors

Varvara Yu. Kulkova — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Production Organization.

Alina D. Galimova — Master's degree student.

Irina P. Dovbiiy — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economic Security.

Статья поступила в редакцию 16.09.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 16.09.2022; approved after reviewing 03.10.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). С. 123—130.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(11(469):123-130. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 321.02

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11112

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЗАВЕЩАНИИ СТАЛИНА: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Рашид Шавкатович Хакимов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, hakra51@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает последние речи и выступления, книгу «Экономические проблемы социализма в СССР» И. Сталина, условно объединяя их в политическое завещание. Сделан анализ теоретических положений, высказанных И. Сталиным в его последних речах и в книге, с позиции их совпадения с действительностью в ближнесрочной и среднесрочной перспективе; автор определяет эти рубежи как десять и двадцать пять лет. В качестве первоочередной цели в экономической области Сталин ставил в ближайшем будущем задачу вообще покончить с товарным производством и денежным расчетом в виде малых форм колхозной деятельности и перейти на натуральный продуктообмен, «шаг за шагом сокращая сферу действия товарного обращения и расширяя сферу действия продуктообмена». Показано, что И. Сталин пользуется устаревшей методологией и подходами марксистского учения, верными для XIX в., но не соответствующими новому времени. Выдвинутые Сталиным теоретические положения исходили из его догматических представлений и слабо учитывали происходившие в мире изменения (социальные реформы в капиталистических странах, научно-техническая революция, начавшаяся мировая экономическая интеграция), и они оказались неверными в теории. И на практике сталинские прогнозы не были осуществлены — ни в экономике, ни в политике.

Ключевые слова: экономическое завещание, Иосиф Сталин, «Экономические проблемы социализма в СССР», продуктообмен, кадры, XIX Съезд КПСС, колхозы, товарное производство

Для цитирования: Хакимов Р. Ш. Экономический аспект в политическом завещании Сталина: взгляд через десятилетия // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 123—130. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11112.

Original article

STALIN'S POLITICAL TESTAMENT: A LOOK THROUGH THE DECADES

Raschid Sh. Khakimov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, hakra51@mail.ru

Abstract. The author examines the last speeches and speeches, the book “Economic problems of Socialism in the USSR” by I. Stalin, conditionally combining them into a political testament. The analysis of the theoretical propositions expressed by I. Stalin in his last speeches and in the book is made, from the position of their coincidence with reality in the short-term and medium-term perspective, the author defines these milestones as ten and twenty-five years. As a priority goal in the economic field, Stalin set the task in the near future — to do away with commodity production and monetary settlement in the form of small forms of collective farm activity and switch to natural product exchange”... step by step reducing the scope of commodity circulation and expanding the scope of product exchange. “It is shown that I. Stalin uses outdated methodology and approaches of Marxist teaching, true for the XIX century, but inconsistent with the new time. The theoretical propositions put forward by Stalin proceeded from his dogmatic ideas and poorly took into account the changes taking place in the world (social reforms in capitalist countries, the scientific and technological revolution, the beginning of world economic integration) and

they turned out to be incorrect in theory. And in practice, Stalin's forecasts were not implemented, neither in economics nor in politics.

Keywords: political testament, Joseph Stalin, "Economic problems of socialism in the USSR", product exchange, personnel, XIX Congress of the CPSU, collective farms, commodity production

For citation: Khakimov RSh. Stalin's politic testament: a look through the decades. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):123-130. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11112.

Введение

Актуальность темы объясняется тем, что до сего времени в обществе еще сохраняется значительное число сторонников взглядов И. Сталина, в том числе и в научной среде: Ю. Н. Жуков, Н. Д. Колесов, С. А. Строев, Г. И. Ханин, Г. А. Черемисинов и др. [3; 7; 16; 18; 19]. Данные исследователи объясняют крушение социалистической модели в СССР и странах Восточной Европы отходом от заявленных Сталиным путей развития¹ Подобная тенденция каждый раз усиливается перед очередной сталинской датой. И потому рассмотрим теоретические воззрения И. Сталина последних лет его жизни.

Среди исторических документов особо выделяются документы, квалифицируемые как политическое завещание. Они имеют особую ценность как документ, наиболее полно характеризующий взгляды ушедшего из жизни политического деятеля. Анализу данного рода документов посвящена обширная литература [1; 10; 11; 15]. Широко известно политическое завещание В. Ленина. Последние восемь писем и статей В. Ленина [8] были продиктованы им в период с 23 декабря 1922 г. по 2 марта 1923 г.; они не имеют характера политического завещания, но по существу являются именно таковыми. Ввиду того что эти документы охватывают широкий круг вопросов, в них содержатся мысли о судьбах российской революции, партии большевиков и ее руководителей, задачах социалистического строительства в России, перспективах мирового революционного движения, проблеме раскола партии и борьбе с бюрократизмом. В. Ленин во многом пересматривает представления о социализме в рамках правового государства, демократии, децентрализации, развития инициативы, борьбы с бюрократией.

И эти письма и статьи В. Ленина по широте охвата, глубине рассмотрения представляют собой действительно завещание политического деятеля. Речь И. Сталина на XIX Съезде ВКП(б)-КПСС, в последний день работы съезда, 14 октября 1952 г.,

¹ Иван Никитчук. «Сталинский труд "Экономические проблемы социализма в СССР" — это программа строительства коммунизма» (<https://msk.kprf.ru/2019/08/10/123105/>; дата обращения 05.08.2022).

многими исследователями, сторонниками коммунистической идеологии² также определяется как политическое завещание. Однако если в случае с В. Лениным сам автор статей и писем, понимая свое физическое состояние, писал их как завещание, то в случае с И. Сталиным ситуация выглядит по-иному. Выступление 14 октября 1952 г. стало последним выступлением Сталина на партийном съезде, и на этом основании оно было определено как политическое завещание. Хотя, конечно, оно слишком короткое и по этой причине не может в полной мере соответствовать определению завещания. Также выдвигаются мнения о выступлении И. Сталина на первом организационном пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 г. как о «кадровом завещании»³. А вышедшая в феврале 1952 г. работа И. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», где были обобщены экономические взгляды Сталина, признана завещанием в области экономики [12]. И, таким образом, лишь сводя воедино все три документа, можно говорить о своего рода политическом завещании И. Сталина. Цель нашей статьи — проанализировать теоретические положения, высказанные И. Сталиным в его последних речах и в книге, с позиции их совпадения с действительностью в ближнесрочной и среднесрочной перспективе, определяя эти рубежи как десять и двадцать пять лет.

Материалы и методы исследования

Основой методологии нашего исследования являются междисциплинарный подход и использование как общенаучных (анализ и синтез, дедукция и индукция, сравнение и обобщение), так и специальных методов исторических исследований, в частности методов и приемов историографического и источниковедческого анализа, ретроспективного, сравнительно-исторического методов. Для определения понятия «политическое завещание» были исполь-

² Сергей Кремлев. Заключительная речь И. В. Сталина на XIX съезде КПСС (<https://biography.wikireading.ru/216638>; дата обращения 04.05.2022).

³ Трушков В. В. Сталинское «кадровое завещание» (<https://prometej.info/stalinskoe-kadrovoe-zaveshanie/>; дата обращения 02.04.2022).

зованы работы из области истории, политологии, экономической теории. Был сделан анализ практики использования термина «политическое завещание» в исторической науке. Междисциплинарный подход позволяет успешно использовать методы естественных и социальных наук в исторических, экономических и других социально-гуманитарных науках.

Сразу отметим, что речь 14 октября (*она имеется в стенографической записи в отличие от выступления 16 октября, переданного в изложении*), по всем стилистическим признакам, написана лично Сталиным, как, впрочем, и абсолютное большинство его выступлений и речей. Для речи характерна постановка вопроса, а затем развернутый, аргументированный ответ. Также проявляется ступенчатая система аргументации, усвоенная в духовной семинарии богословская ясность и точность изложения. Применяется Сталиным прием повтора утверждений, способствующий закреплению излагаемого положения: «знамя... выброшено за борт», «некому больше поднять». Можно отметить и чисто сталинское выражение «и работа пошла веселее» (*«жить стало лучше, жить стало веселее»*), впервые произнесено И. Сталиным 17 ноября 1935 г. в выступлении на Первом Всесоюзном совещании рабочих и работниц — стахановцев). Сталин использует в своей речи и прием образности, называя СССР и ВКП(б) «ударной бригадой» мирового революционного и рабочего движения.

И. Сталин излагает основной тезис своей речи: «...Буржуазия — главный враг освободительного движения — стала другой, изменилась серьезным образом, стала более реакционной, потеряла связи с народом и тем ослабила себя. Понятно, что это обстоятельство должно также облегчить работу революционных и демократических партий» [13. С. 228].

И. Сталин, пользуясь устаревшей методологией и подходами марксистского учения, верного для XIX в., фактически определяет буржуазию как монолитный класс, как единую социальную группу, не видя произошедших и происходивших в ней изменений (между тем была национально ориентированная, профашистская и компрадорская буржуазия и другие слои), игнорируя изменения в обществе, где происходило вовлечение трудящихся в распределение прибыли через владение акциями, где происходило размывание классовых признаков, где складывались новые страты, новые социальные группы («средний класс», «синие воротнички», рабочая аристократия и т. д.). И тезис Сталина, что буржуазия потеряла связи с народом и тем самым ослабила себя, никак не подтвер-

дился в жизни. Имущие слои капиталистического общества каждый раз находили возможность для своевременного и верного реагирования на происходившие изменения в обществе. Это проявилось в послевоенные годы в принятии законов, усиливших социальную защиту рабочих и служащих, в расширении роли профсоюзов, в расширении демократических норм.

Сталин далее высказывает следующий тезис: «Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт» [13. С. 229]. Этот тезис не соответствовал истине, он был верен лишь для отдельных капиталистических странах с полуфашистской или военной диктатурой, как Испания, Португалия, страны Латинской Америки. А в большинстве стран Западной Европы демократическая система вполне успешно действовала.

Так, в июле 1945 г. демократические выборы в Великобритании выиграли лейбористы, и они, находясь у власти до октября 1951 г., провели в жизнь очень крупные преобразования, названные программой демократического социализма.

В Италии, Франции, Финляндии, Норвегии, Дании, Бельгии, Люксембурге коммунисты после 1945 г. входили в состав первых коалиционных правительств, и во всех западноевропейских странах они были представлены в парламентах. И в 1950-е, и в последующие годы в капиталистических странах сохранялись и расширялись демократические свободы и права как результат отстаивания своих прав трудящимися, избирателями, не допускалось принятие «буржуазных драконовских законов» (выражение И. Сталина. — *Р. Х.*). Так, в Италии в 1946 г. на референдуме была отвергнута монархия. В 1944—1952 гг. было введено всеобщее избирательное право для женщин во Франции, Японии, Бельгии, Греции. Огромное влияние на массы за последующие годы (до 1967 г.) приобрели профсоюзные центры (Италия, Франция), тред-юнионы (Великобритания). Расширялись формы участия работников наемного труда в управлении производством, их социальная защита. Сохранялась возможность участия коммунистов в парламентской деятельности.

В своей речи И. Сталин выдвигает еще один тезис: «Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь буржуазия

продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт» [13. С. 229]. Этот тезис также весьма спорен.

Уже в это время национально ориентированная буржуазия Западной Европы, понимая свои интересы и учитывая чаяния народов, перенесших страшную войну, выступила инициатором создания Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), ставшего зародышем единого Европейского экономического сообщества, началом европейской интеграции. Его первоначальными участниками стали шесть государств: Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Договор был подписан 18 апреля 1951 г. сроком на пятьдесят лет и вступил в силу 25 июля 1952 г.

ЕОУС давала значительные экономические преференции странам-участницам, обеспечивала рост экономической мощи и, соответственно, рост жизненного уровня трудящихся, в то же время каждая страна сохраняла свою независимость и суверенитет. И новое объединение, наоборот, выступило противовесом росту влияния США в экономической сфере, проявившегося в ходе осуществления «плана Маршалла» в 1948—1951 гг., и не могло быть речи о продаже прав и независимости, как писал Сталин, «за доллары». Сталин не смог увидеть этой тенденции к европейской интеграции, хотя она начиналась при нем.

Национально-освободительное движение в странах Азии и Африки, особенно усилившееся после 1945 г., возглавлялось в большей мере национальной буржуазией (Индия, Индонезия, Филиппины, Египет, африканские страны). Только во Вьетнаме и в Северной Корее во главе национально-освободительного движения были коммунисты. Однако в этих странах очень сильной была поддержка со стороны КНР и СССР. Как видим, и здесь вывод Сталина не получил своего подтверждения.

В заключение своей речи Сталин выразил уверенность в «успехе и победе братских партий в странах господства капитала». Однако если рассматривать предсказание Сталина как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективе, то оно никак не сбылось ни к 1962 г., ни к 1977 г. Коммунистические партии не пришли к власти в капиталистических странах, за исключением слаборазвитой маленькой Кубы. А в 1989—1991 гг. произошло полное крушение социализма в странах Восточной Европы и в самом СССР [17].

Рассмотрим взгляды И. Сталина на международные отношения. В книге «Экономические проблемы социализма в СССР» И. Сталин утверждал, что

сохраняется неизбежность войн между капиталистическими странами [14. С. 179]. Данная точка зрения Сталина, как известно, не нашла никакого реального подтверждения в будущем. Сохранялись противоречия между капиталистическими странами, но они были сглажены процессом интеграции и глобализации мировой экономики и возникающие противоречия разрешались в форме торговых войн и через переговоры.

Перейдем к экономическому аспекту политического завещания Сталина. В книге «Экономические проблемы социализма в СССР» И. Сталин, ставит вопрос о праве распоряжения колхозов и, искажая действительную ситуацию, дает положительный ответ: «...Колхозной продукцией, как своей собственностью, распоряжаются лишь колхозы... свободно, по собственному усмотрению...» [14. С. 164]; «Такой собственностью является продукция колхоза, продукция колхозного производства: зерно, мясо, масло, овощи, хлопок, свекла, лен и т. д.» [14. С. 222]. Однако выполнение госпоставок было железным законом для колхозов и руководителей всех уровней. Их невыполнение каралось суровым наказанием, вплоть до ареста руководителей. Зачастую забирали весь собранный урожай, оставляя колхозы даже без семенного фонда. Подобная конфискационная политика была проявлением установившегося взгляда И. Сталина на крестьян, которых необходимо облагать «данью»: «С крестьянством у нас обстоит дело в данном случае таким образом: оно платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары от промышленности — это во-первых, и недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты, это во-вторых. Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе и крестьянство. Это есть нечто вроде “дани”, нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии, обеспечить индустрию для всей страны, поднять дальше благосостояние деревни и потом уничтожить вовсе этот добавочный налог, эти “ножницы” между городом и деревней» [6].

Перспективу для колхозов Сталин видел в дальнейшем огосударствлении экономики, ликвидации последних, хоть и минимальных возможностей экономической свободы в виде так называемого «колхозного рынка». Сталин пишет:

«Чтобы поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, нужно

выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами. В этом суть» [14. С. 223].

Сталин казуистически оперирует экономическими понятиями для утверждения тезиса о необходимости сохранения средств производства (земля, техника) в руках государства. Так, Сталин в свойственном ему стиле задает вопрос и сам же дает ответ: «Но можно ли ставить на одну доску мелкий инвентарь и такие основные средства производства в сельском хозяйстве, как машины МТС или, скажем, земля, которая тоже ведь является одним из основных средств производства в сельском хозяйстве. Ясно, что нельзя. Нельзя, так как мелкий инвентарь ни в какой степени не решает судьбу колхозного производства» [14. С. 229]. И потому считает нужным оставить мелкий инвентарь в руках колхоза.

Сталин выступает против даже малых рыночных элементов, колхозов, формально самостоятельной организационной формы коллективной (групповой) собственности. Сталин отстаивает необходимость сохранения тракторов, комбайнов в руках государственных МТС. Это позволяло государству диктовать условия колхозам. Полное бесправие колхозов закреплялось отсутствием у них собственности и на землю, она находилась у них в «вечном» пользовании. Однако местные органы и послушные им правления колхозов могли в любой момент отрезать огород у колхозника, передать колхозные земли промышленному предприятию, изъять для своих целей.

В качестве первоочередной цели Сталин ставил в ближайшем будущем вообще покончить с товарным производством и денежным расчетом в виде малых форм колхозной деятельности и перейти на натуральный *продуктообмен* [См.: 9]: «... шаг за шагом сокращая сферу действия товарного обращения и расширяя сферу действия продуктообмена» [14. С. 223]. (*Продуктообмен в Советской России осуществлялся в период «военного коммунизма» в 1918—1920 гг.*) Сталин видел решение в создании единого, объединенного сектора путем организации единого *общенародного* хозяйственного органа (с представительством от госпромышленности и колхозов) с правом сначала учета всей потребительской продукции страны, а с течением времени — также распределения продукции в порядке продуктообмена. Как известно, ничего подобного в советской экономике не произошло ни в ближнесрочной, ни в среднесрочной перспек-

тиве. Сталин выступал против продажи техники МТС колхозам. С приходом после смерти Сталина новых руководителей (Хрущева, Маленкова) тиски жесткой командно-административной системы были ослаблены (повышение закупочных цен для колхозов, списание с них долгов, снижение, а затем отмена натуральных налогов колхозников с личных подсобных хозяйств, отмена Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., запрещавшего самовольный уход с предприятия, и т. д.). 18 апреля 1958 г. Верховный Совет СССР принял закон «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций», предусматривавший распродажу техники МТС колхозам. А в 1965 г. была начата «косыгинская» экономическая реформа, внедрившая в плановую экономику СССР элементы рыночного стимулирования.

Сталин во главу угла работы всегда ставил положение «кадры решают всё», но он видел огромные недостатки руководящих кадров как в партии, так и в государстве. Весьма откровенно он высказался в беседе с заведующим сектором науки отдела пропаганды и агитации ЦК партии Ю. Ждановым: «... Мало у нас в руководстве беспокойных... Есть такие люди: если им хорошо, то они думают, что и всем хорошо» [5. С. 57]. Одной из попыток решения проблемы кадров стали суды чести, созданные в СССР после выхода 28 марта 1947 г. Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах». Эти суды просуществовали до 1949 г. Однако и этот шаг не дал нужного результата. Одновременно Сталин продолжил политику устрашения кадров, санкционировав в 1949—1952 гг. «ленинградское дело», когда 26 человек были расстреляны, а более 300 человек — приговорены к тюремному и лагерному заключению или ссылке, более двух тысяч — уволены с работы или исключены из партии.

Условное кадровое завещание Сталина можно свести к трем моментам.

Первое, что считал нужным Сталин, — необходимо обновление кадров, приход к руководству молодых: «... Нужны более молодые, преданные люди, политические деятели» [4. С. 584]. И конкретным его шагом стало расширение на съезде состава руководящих органов партии: Президиум ЦК КПСС (бывшее Политбюро) и Секретариат в составе 36 человек, две трети членов были впервые избраны на столь высокий пост в партии. Второе: на пленуме Сталин подверг жестокой критике В. Молотова и А. Микояна [4. С. 585—586].

Это можно было одновременно расценить и как стремление дать дорогу молодым, и как начало очередного витка репрессий. Третье: на пленуме И. Сталин обратился к собравшимся с предложением освободить его от обязанностей Генерального секретаря партии и Председателя Совета Министров СССР.

Г. Маленков, Л. Берия и С. Тимошенко стали возражать Сталину. Тимошенко сказал: «Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все как один избираем вас своим руководителем — Генеральным секретарем ЦК КПСС. Другого решения быть не может». Все стоя горячо аплодируют, поддерживая Тимошенко. Сталин долго стоял и смотрел в зал, потом махнул рукой и сел [4. С. 587]. В этом эпизоде в полной мере проявилась созданная самим Сталиным система власти, основанная на страхе, слепом преклонении перед вождем.

После смерти Сталина все молодые кадры, которые были выдвинуты Сталиным на XIX съезде, были выведены из состава Президиума и Секретариата ЦК партии. Состав Президиума был сведен к 11 членам. Старая гвардия взяла реванш и не допустила к руководству молодых.

Заключение

Рассмотрев условное политическое завещание И. Сталина, можно увидеть признание им серьезных проблем в развитии страны, и прежде всего в экономике. Не случайно его книга с изложением взглядов на экономику названа «*Экономические проблемы социализма в СССР*» (курсив наш. — Р. Х.). Сталин наряду с теоретическими рассуждениями о товарном производстве и законе стоимости при социализме, которые занимают в книге большее место, говорит о «неразберихе в вопросе цен»,

«болтовне об “ориентировочных данных”», о том, что руководители предприятий «плохо знакомы с действиями закона стоимости». И одновременно Сталин продолжает сам оставаться убежденным сторонником развития по директивному социалистическому пути: выступает сторонником ликвидации даже малой самостоятельности хозяйствующих субъектов (колхозов), всяких товарных отношений, заменяя их продуктообменом, отстаивает позицию «примата производства средств производства» [14. С. 169]. Проявлялось непонимание Сталина того, что кризис, порожден самой природой плановой модели развития.

Также Сталин был озабочен сменой власти после его смерти, признавал наличие серьезных проблем в кадровой работе. Созданная им система, выпестованные и приближенные им кадры, не раз прореженные в ходе нескольких волн репрессий, не могли соответствовать возникавшим новым вызовам времени и фактически шли против воли теряющего силы вождя. И это показали кадровые перестановки после смерти Сталина. Анализ Сталиным внешней политики, международного положения СССР был более оптимистичен. Однако выдвинутые Сталиным теоретические положения исходили из его догматических представлений и слабо учитывали происходившие в мире изменения (социальные реформы в капиталистических странах, научно-техническая революция, начавшаяся мировая экономическая интеграция), и они оказались неверными, и на практике сталинские прогнозы не были осуществлены ни в экономике, ни в политике. «*Научные*» предвидения вождя не подтвердились: Сталин и Время бесповоротно разошлись между собой.

Список источников

1. Бухарин Н. И. Политическое завещание Ленина: [докл. на траур. заседании, посвящ. пятилетию со дня смерти Ленина]. М., 1929. 31 с.
2. Ефимов В. М. О политическом завещании Сталина // Вопросы регулирования экономики. 2020. Т. 11, № 1.
3. Жуков Ю. Н. Гордиться, а не каяться! Правда о сталинской эпохе: сб. ст. и интервью. М.: Эксмо: Яуза, 2011. 256 с.
4. Запись речи И. В. Сталина на Пленуме ЦК КПСС 16 октября 1952 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Союз, 2006. С. 584—587.
5. Из беседы с Ю. А. Ждановым 10 ноября 1947 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Союз, 2006.
6. Из выступлений И. В. Сталина, Н. И. Бухарина и В. М. Молотова на Июльском пленуме ЦК ВКП(б) 9—10 июля 1928 г.: [стеногр. отчет; типограф. текст] // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929. М.: РОССПЭН, 1999. С. 319—355. Архив: РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 375 (ч. II), Л. 50об.—66об.

7. Колесов Н. Д. Экономический фактор победы в битве под Сталинградом // Проблемы современной экономики. 2002. № 3.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Политиздат, 1970.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 874 с.
10. Попов Г. Марксистский метод против марксистских концепций («Политическое завещание» Г. В. Плеханова) // Вопросы экономики. 2007. № 2. С. 122—126.
11. Ришелье А.-Ж. дю П. Политическое завещание, или Принципы управления государством. М.: Ладомир, 2008. 496 с.
12. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР (Политэкономическое завещание Сталина). С предисловием Малинецкого Г. Г. «Послание в будущее». № 160. (Размышляя о марксизме). М.: URSS, 2018.
13. Сталин И. В. Речь на XIX съезде КПСС 14 октября 1952 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 1997. С. 227—229.
14. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР // Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 1997. С. 154—223.
15. Строев А. Ф. Жанр поддельных политических завещаний от Петра I до И. В. Сталина // Культура и искусство. 2013. № 5 (17). С. 487—508.
16. Строев С. А. Великая Октябрьская социал-консервативная революция // Международные научные исследования. 2019. № 3—4 (40—41). С. 5—37.
17. Хакимов Р. Ш. Была ли геополитическая катастрофа? // Вестник Атырауского университета им. Х. Досмухамедова. 2022. Т. 65, № 2. С. 6—14.
18. Ханин Г. И. Советское экономическое чудо: миф или реальность? // Свободная мысль. 2003. № 7—9, 11.
19. Черемисинов Г. А. Формирование мобилизационной модели и макроэкономическая динамика СССР в годы первой пятилетки и Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4 (34). С. 19—35.

References

1. Bukharin NI. Lenin's Political Testament: [Report at the funeral meeting dedicated to the fifth anniversary of Lenin's death]. Moscow; 1929. 31 p. (In Russ.).
2. Efimov VM. On Stalin's political testament. *Journal of economic regulation (Issues of Economic regulation)*. 2020;(11(1)). (In Russ.).
3. Zhukov YuN. To be proud, not to repent! The truth about the Stalin era (collection of articles and interviews). Moscow: Eksmo, Yauza; 2011. 256 p. (In Russ.).
4. Recording of Stalin's speech at the Plenum of the Central Committee of the CPSU on October 16, 1952. In: Stalin IV. Essays. Vol. 18. Tver: Soyuz; 2006. Pp. 584—587. (In Russ.).
5. From a conversation with YuA. Zhdanov on November 10, 1947. In: Stalin IV. Essays. Tver: Soyuz; 2006. (In Russ.).
6. From the speeches of IV Stalin, NI Bukharin and VM Molotov at the July plenum of the Central Committee of the CPSU(b). July 9—10, 1928. In: The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. Documents and materials Volume 1 May 1927 — November 1929. 1999. Pp. 319—355. (In Russ.).
7. Kolesov ND. The economic factor of victory in the battle of Stalingrad. *Problems of modern economics*. 2002;(3). (In Russ.).
8. Lenin VI. Complete works. Moscow: Politizdat; 1970. (In Russ.).
9. Ozhegov SI, Shvedova NYu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed., suppl. Moscow: Azbukovnik; 1999. 874 p. (In Russ.).
10. Popov G. Marxist method against Marxist concepts (“Political Testament” by GV Plekhanov). *Voprosy ekonomiki = Economic issues*. 2007;(2):122-126. (In Russ.).
11. Richelieu AJ du P. A political testament, or Principles of government. Moscow: Ladomir; 2008. 496 p. (In Russ.).
12. Stalin IV. Economic problems of socialism in the USSR (Stalin's Political Economic Testament). With a preface by GG Malinetsky “Message to the future”. Reflecting on Marxism. No. 160. Moscow: URSS, 2018. (In Russ.).

13. Stalin IV. Speech at the XIX Congress of the CPSU on October 14, 1952. In: Stalin IV. Essays. Moscow: Writer; 1997. Pp. 227—229. (In Russ.).
14. Stalin IV. Economic problems of socialism in the USSR. In: Stalin IV. Essays. Moscow: Writer; 1997. Pp. 154—223. (In Russ.).
15. Stroev AF. The genre of fake political wills from Peter I to IV Stalin. *Kul'tura i iskusstvo = Culture and art*. 2013;(5):487-508. (In Russ.).
16. Stroev SA. The Great October social-conservative revolution. *Mezhdunarodnye nauchnye issledovaniya = International scientific research*. 2019;(3-4):5-37. (In Russ.).
17. Khakimov RS. Was there a geopolitical catastrophe? *Vestnik Atyrauskogo Universiteta imeni H Dosmukhamedova = Bulletin of Atyrau University named after H Dosmukhamedov*. 2022;(2):6-14. (In Russ.).
18. Khanin GI. The Soviet economic miracle: myth or reality? *Svobodnaya mysl' = Free thought*. 2003;(7-9, 11). (In Russ.).
19. Cheremisinov GA. Formation of the mobilization model and macroeconomic dynamics of the USSR during the first five-year plan and the Great Patriotic War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Volgograd State University*. Ser. 4: History. Regional studies. International Relations. 2015;(4):19-35. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. Ш. Хакимов — кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the author

Raschid Sh. Khakimov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Статья поступила в редакцию 14.07.2022; одобрена после рецензирования 02.10.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 14.07.2022; approved after reviewing 02.10.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ REVIEWS AND DISCUSSIONS

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). С. 131—136.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(11(469):131-136. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 330.341.424

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11113

ЭКОНОМИКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СТРУКТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Ольга Алексеевна Николайчук¹✉, Ольга Валентиновна Брижак²,
Олег Николаевич Толстобок³

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, 18111959@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3439-8112

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, brizhak71@mail.ru

³ Институт развития дополнительного профессионального образования, Москва, Россия, tolstobokov@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования экономики Дальнего Востока. На основе анализа экономического состояния отраслей в Дальневосточном регионе Российской Федерации сделаны выводы о слабых и сильных сторонах экономики региона, предложены корректирующие способы реализации экономической политики в регионе по выводу его из депрессивного состояния. Раскрыты проблемные зоны развития отраслей и перспективы их развития с учетом коррекций существующей экономической политики, имеющей скрытые преграды для развития отраслей несырьевой направленности. Сделан акцент на возможностях регионального развития промышленности и обоснованы прикладные возможности освоения земель Восточной Сибири и Дальнего Востока с учетом экологических, экономических и социальных реалий.

Ключевые слова: экономика, Дальний Восток, рынок, встраивание, ресурсный потенциал, структурные трансформации, несырьевое развитие, наука

Для цитирования: Николайчук О. А., Брижак О. В., Толстобок О. Н. Экономика Дальнего Востока: реалии и перспективы структурных трансформаций // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 131—136. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11113.

Original article

ECONOMY OF THE FAR EAST: REALITIES AND PROSPECTS OF STRUCTURAL TRANSFORMATIONS

Olga A. Nikolaichuk¹✉, Olga V. Brizhak², Oleg N. Tolstobokov³

¹ Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. brizhak71@mail.ru

² Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. brizhak71@mail.ru

³ Institute for the Development of Continuing Professional Education, Moscow, Russia. tolstobokov@yandex.ru

Abstract. The results of studying the economy of the Far East are presented. Conclusions are drawn about the strengths and weaknesses of the region's economy, and corrective methods for implementing economic policy in the region are proposed to bring it out of a depressed state. The problem areas of the development of industries and the prospects for their development are identified, taking into account the adjustment of the existing economic policy.

Keywords: economy, Far East, market, integration, resource potential, structural transformations, non-resource development, science

For citation: Nikolaichuk OA, Brizhak OV, Tolstobokov ON. Economy of the Far East: realities and prospects of structural transformations. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):131-136. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11112.

Введение

Из года в год констатируются нерешенные проблемы в Дальневосточном округе России, вследствие чего регион относится к разряду депрессивных. Несмотря на наличие громадных минеральных и биологических богатств, построить благополучную экономическую модель для субъектов федерального округа оказалось достаточно сложно. Причиной тому выступает потребность в больших инвестициях на первоначальном этапе использования ключевых ресурсов в силу климатических условий и отдаленности региона.

Специфика Дальнего Востока (ДВ) состоит в наличии отраслей, связанных с морем. Создававшееся годами морское хозяйство обеспечивает население продовольствием и рабочими местами за счет освоенного континентального шельфа, использования биоресурсов региона.

Развитие ДВ невозможно себе представить не только без промысла рыбы, но и без лесоперерабатывающей, сельскохозяйственной, фармацевтической промышленности. Используя статистический метод, метод сравнительного анализа, исторического и логического подхода, исследуем проблему структурных трансформаций в экономике Дальневосточного региона с целью выработки рекомендаций для взвешенного принятия управленческих решений на уровне региона и определения стратегии государственного управления в целом.

Развитие рыбной промышленности Дальнего Востока

Ведущей отраслью экономики ДВ является рыбная промышленность и тесно с ней связанное машиностроение (судостроение, судоремонтные

компании), лесная отрасль (выпуск деревянной тары), производство жестяных банок для консервов и т. д.

Рыбная промышленность испытывает трудности развития из-за отсутствия эффективной координации деятельности, удаленности от центра принятия решений, нарушения государственного регулирования. В таблице ниже представлена динамика основных показателей в отрасли.

Отрицательное влияние на рыбную промышленность региона оказывает наличие компаний, которые не имеют собственных рыболовных судов, но фактически освобождены от налогов, не создают новые рабочие места, оказывают влияние на повышение цены рыбопродуктов, ставят в невыгодное положение тех, кто непосредственно осуществляет улов, что приводит к недопоступлению доходов в бюджет [1].

По данным статистики, 70% (1500 тыс. судов) всего рыболовного флота России приходится именно на ДВ. Эксперты считают, что к 2030 г. рыбной отрасли ДВ нужно будет около 360 новых судов, в том числе 140 среднетоннажных траулеров. Наряду с этим серьезной и подрывающей экономику региона проблемой является браконьерство и неэффективная система сбора штрафов. Ущерб от нарушений рыболовного законодательства в 2019 г. — 740 млн руб.

Для конкурентоспособного развития рыбной промышленности необходимо предпринять ряд мер, а именно:

- изменение и совершенствование законодательной базы для регулирования рыбной отрасли ДВ (ограничение квот (менее 30%) на вывоз рыбной продукции за рубеж);
- привлечение инвестиций (на переоснащение рыболовного флота), введение налоговых льгот,

Основные показатели деятельности рыбной отрасли Дальнего Востока за 1998—2019 гг.
The main performance indicators of the fishing industry of the Far East for 1998—2019

Год	Улов рыбы, тыс. т	Производство рыбной продукции, тыс. т	Производство консервов, тыс. банок	Экспорт рыбы и морепродуктов, млн долл.
1998	2 559	1 646	128 399	702
2002	1 765	1 493	109 129	599
2006	2 000	1 845	201 335	947
2010	1 309	1 267	128 400	1 937
2011	2 919	1 142	168 900	2 184
2015	2 840	606	138 200	2 786
2016	3 085	574	142 500	3 015
2019	3 462	985	170 200	4 663

Примечание: составлено авторами по данным Росстата (<http://rosstat.gov.ru>; дата обращения 02.02.2022).

- предоставляемых компаниям, работающим в данной отрасли, в том числе иностранных;
- создание и развитие в стране рыбных бирж по аналогии с электронной Сахалинской биржей для участия потребителей в получении через аукцион различной рыбной продукции от поставщиков;
- институционализация рыболовецких отношений; расширение полномочий, закрепление прав и обязанностей сотрудников правопорядка в контроле над нарушениями законодательства в отрасли; широкое внедрение электронных систем сертификации, учета штрафов и т. д.;
- упрощение системы составления прибрежными рыболовами отчетности об уловах и введение квот, которые позволят им развиваться эффективнее и снизить высокую цену, сделать рыбный продукт более доступным для населения.

Фармацевтическая промышленность Дальнего Востока

Одним из важнейших, быстроразвивающихся и прибыльных секторов развития экономики Дальнего Востока является фармацевтический сектор [2—4].

Выделяют ограничения в развитии фарминдустрии ДФО: неразвитая инфраструктура, препятствующая притоку инвестиций в промышленность; довольно большая удаленность региона от основных российских производителей; небольшая емкость рынка лекарственных средств в ДФО; физическая недоступность к рынку лекарственных средств (в некоторых регионах, например в Сахалинской области).

Но вместе с тем ДВ имеет ряд преимуществ для производства лекарственных средств перед другими районами, среди которых: низкая конкуренция среди фармпредприятий округа, близость Китая и других стран АТР, близость основных поставщиков фармацевтических объектов — Индии и Китая, большое разнообразие биоресурсов, произрастание особых растений, таких как: зверобой продырявленный, ирис ложноаировый, девясил высокий, боярышник даурский, женьшень настоящий и др. [5. С. 270]. Большую ценность имеют природные источники мелатонина, а именно вытяжки из аралии манчжурской, женьшеня, лимонника китайского, родиолы розовой, элеутерококка колючего и других трав, произрастающих только на ДВ [6. С. 10—11].

Подразделение А «Производство лекарств с коротким сроком хранения и по индивидуальным рецептам» ограничивается и уменьшается. Подразделение С «Производство медицинских газов

и газовых смесей в присутствии с техническими и пищевыми газами» лишь косвенно относится к фармпроизводству. Мощности фирм подразделения В «Производство БАДов и лекарственных препаратов на основе растительного и животного сырья» ограничены. Предприятия группы D «Широкое производство лекарственных средств по разным направлениям: ампульное, инфузионное и таблетное» являются основой развития фармпромышленности ДВ. Они имеют качественное имущество в виде лабораторных, научных, химических и обрабатывающих производств, складов, железнодорожной инфраструктуры, котельных и разветвленной производственно-сбытовой сети [7].

Производство лекарственных средств на базе высоких технологий в сфере нанотехнологий, фотоники, геофизики является перспективной возможностью для России, в том числе с привлечением стран АСЕАН [8. С. 214].

Постановлением Правительства РФ создана федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинской области) на 2016—2025 гг.», основанная на совершенствовании системы здравоохранения и лекарственного обеспечения населения страны для улучшения объектов социальной сферы, качества жизни граждан и снятия инфраструктурных запретов в развитии экономики, своевременности и доступности медицинской помощи.

С 2014 г. рынок отечественной фармацевтики начал расти, в том числе и после введения ограничений на ввоз лекарств [9]. Импортозамещение в фармпромышленности дало положительные результаты. Стратегия «Фарма-2020» модернизировала и технически переоснастила предприятия фармацевтической отрасли, создала основу развития и обеспечения перехода отрасли на следующую ступень развития. Вместе с тем для указанного рынка важна фиксация начальных максимальных ценовых контрактов во избежание ценовых войн, чтобы преференции были для компаний, которые обладают полным циклом производства.

На наш взгляд, следует поддержать инициативы трансфера медицинских технологий как в страну, так и из страны. Для несырьевой и научной экономики это востребованно и продуктивно [10].

Аграрный сектор экономики Дальнего Востока: через призму китайского сотрудничества

В современных условиях ключевой мировой повесткой дня стоит аграрный продовольственный вопрос. Дальневосточный аграрный сектор сегодня нужно рассматривать через призму китайского

сотрудничества. На территории края китайскими предпринимателями культивируется рис, выращиваются овощи, соя, кукуруза, а также ведется деятельность в мясомолочном животноводстве и разведении птиц. В сельском хозяйстве Дальнего Востока наблюдаются определенные проблемы с развитием животноводства и его рентабельностью, несмотря на открытие новых молочных фабрик, свиноводческих предприятий и бройлерных производств, при неплохих показателях по развитию растениеводства. Главные успехи отмечаются при выращивании и обработке сои, производство которой выросло в 2,5 раза в сравнении с советским периодом. Уже в 2018 г. картофеля выращивали на 17,7% больше, а остальных овощей — на 14,1% от уровня 1990 г. Проведенные статистические исследования позволяют сегодня сделать вывод, что падение объемов производства продукции аграрного сектора ДВ остановилось, но и условия для устойчивого роста пока созданы недостаточные.

Зависимость региона от поставок сельскохозяйственной продукции остается по-прежнему достаточно высокой. В 2017 г. округ выращивал 52% овощей, 25,7% мясопродуктов, получил 71,2% яиц, 39,8% молочных продуктов, требуемых для собственного потребления. Относительно хорошо регион обеспечивает себя картофелем (более чем 86% потребностей). Небольшая доля собственной сельскохозяйственной продукции на рынке говорит не только о ее низкой конкурентоспособности, но и о большом потенциале роста аграрного сектора.

Критические природно-климатические и сложные пространственные условия расположения земель сельхозназначения требуют адаптации имеющихся высокоэффективных и ресурсосберегающих технологий, используемых в мировой практике ведения аграрного производства и успешно используемых в Китае, Японии и Западной Сибири. Коррекция зарубежных схем сельскохозяйственного производства нуждается в научных обоснованиях и производственной проверке на территориях их внедрения в России [11].

Важным стало внедрение новых высокоурожайных культур китайской, японской, корейской, индийской и турецкой народной селекции (зеленных культур, бобовых, корнеплодов, лекарственных, бахчевых). Организация агропредприятий на территории России по принципу китайской сельскохозяйственной артели показала оптимальность, высокую эффективность и доходность производства [12].

Использование сортовых семян растений народной селекции соседних стран может повы-

сить эффективность сельхозпроизводства в России, особенно в растениеводстве защищенного грунта. Направления сотрудничества с Китаем, Кореей и Японией должны быть тщательно продуманы и должны учитывать все последствия такого взаимодействия — экологические, политико-экономические, социальные, демографические и институциональные [12].

Заключение

Развитие ключевых секторов ДВ нуждается в поддержке, а именно в следующем:

- финансирование ведущих отраслей региона за счет средств федерального бюджета через субсидирование производителей, а не через кредитование;
- использование технологий интенсивного типа в связи с ограниченностью территорий с благоприятными климатическими условиями [12];
- фиксирование цен на продукцию и объем ее закупок для государственного продовольственного резерва;
- обеспечение обоснованными налоговыми льготами;
- страхование производителей сельскохозяйственной продукции на случай плохой урожайности из-за неблагоприятных погодных условий;
- привлечение и стимулирование инвестиций в аграрный комплекс;
- развитие инфраструктуры в южной части региона для приостановления оттока населения и обеспечения отрасли трудовыми ресурсами;
- разработка собственной модели развития, в том числе в аграрных отношениях с учетом мирового опыта и собственного исторического пути, с опорой на органы общественного контроля для решения всех вопросов в рамках аграрных преобразований [13].

К преимуществам развития экономики региона относятся безопасное и выгодное географическое положение, талантливый и трудолюбивый народ, огромный и разнообразный ресурсный потенциал, выход к рынкам, сильные позиции в культуре, созидании, науке и образовании, кроме одного: отсутствует адекватная экономическая/региональная политика, которая стимулировала бы развитие реального сектора экономики в целом и регионов в частности, основные положения коррекции которой были предложены авторами в данной статье.

Список источников

1. Nikolaichuk O. A., Lizunova N. M., Obukhova L. Y. Labour Market in the Era of Digital Economy // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020. Vol. 129. P. 540—552.
2. Юсупова И. В., Шинкевич А. И., Арзамасова А. Г. О моделях управления развитием территорий агломераций // *Экономический вестник Республики Татарстан*. 2022. № 1. С. 12—17.
3. Брижак О. В., Толстобок О. Н. Политика неоиндустриализации в контексте новой экономической реальности // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. № 10 (456). Экономические науки. Вып. 74. С. 9—17.
4. Цветков В. А., Дудин М. Н. Пандемия COVID-19 как угроза продовольственной и экономической безопасности страны // *Экономика и управление*. 2020. Т. 26, № 4 (174). С. 334—344.
5. Тельнова Е. А., Проклова Т. Н., Карпова О. Б. Научный анализ факторов физической доступности наркотиков на примере Сахалинской области (ч. 1) // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2017. Т. 25, № 5. С. 269—272.
6. Горовой П. Г. Возможности и перспективы использования лекарственных растений Дальнего Востока России // *Тихоокеанский медицинский журнал*. 2017. № 3 (69). С. 5—14.
7. Стельмах В. С. Экономическое состояние фармацевтических предприятий Дальнего Востока // *Управление экономическими системами: электрон. науч. журн*. 2017. № 3.
8. Развитие фармацевтической и медицинской промышленности в РФ после санкций ЕС и США / Е. В. Новикова, А. В. Евсеев, Ю. С. Попов, К. О. Довлетли // *Вестник Смоленской государственной медицинской академии*. 2019. Т. 18, № 2. С. 209—215.
9. Бунковский Д. В. Перспективы развития системы логистики (на примере предприятий грузовых авиаперевозок) // *Вестник НГИЭИ*. 2018. № 4 (83).
10. Standard of Living of the Russian Population: Challenges and Alternative Solutions / O. A. Nikolaichuk, N. M. Lizunova, L. Y. Obukhova, T. V. Moiseeva // *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2021. Vol. 200. С. 767—775.
11. Брижак О. В. Интересы субъектов внутри корпоративных отношений: проблема распределения доходов в российских условиях // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 3: Экономика. Экология. 2012. № 2 (21). С. 152—157.
12. Nikolaichuk O. A., Lizunova N. M., Obukhova L. Y. Potential for Household Development in the Depressed Regions of Russia // *Scientific and Technical Revolution: Yesterday, Today and Tomorrow. ISC2019. Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020. Vol. 129. Springer, Cham. URL: https://ezpro.fa.ru:2696/10.1007/978-3-030-47945-9_9.
13. Pletnev D., Barkhatov V. Life quality in the center and periphery of the Urals and the Volga regions // *E3S Web of Conferences*. Сер.: Ural Environmental Science Forum «Sustainable Development of Industrial Region», UESF. 2021.

References

1. Nikolaichuk OA, Lizunova NM, Obukhova LY. Labour Market in the Era of Digital Economy. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020. Vol. 129. Springer, Cham.
2. Yusupova IV, Shinkevich AI, Arzamasova AG. On the models of managing the development of agglomeration territories. *Economic Bulletin of the Republic of Tatarstan*. 2022;(1):12-17. (In Russ.).
3. Brizhak OV, Tolstobokov ON. The policy of neo-industrialization in the context of the new economic reality. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2021;(10):9-17. (In Russ.).
4. Tsvetkov VA, Dudin MN. Pandemic COVID-19 as a threat to food and economic security of the country. *Economics and Management*. 2020;(26-4(174)):334-344. (In Russ.).
5. Telnova EA, Proklova TN, Karpova OB. Scientific analysis of the factors of physical availability of drugs on the example of the Sakhalin region (Pt. 1). *Problems of social hygiene, health care and history of medicine*. 2017;(25-5):269-272. (In Russ.).
6. Gorovoy PG, Balyshev ME. Possibilities and prospects of using medicinal plants of the Russian Far East. *Pacific Medical Journal*. 2017;(3(69)):5-14. (In Russ.).
7. Stelmakh VS. The economic state of pharmaceutical enterprises in the Far East. *Management of economic systems: electronic scientific journal*. 2017;(3). (In Russ.).

8. Novikova EV, Evseev AV, Popov YuS, Dovletli KO. Development of the pharmaceutical and medical industry in the Russian Federation after EU and US sanctions. *Bulletin of the Smolensk State Medical Academy*. 2019;(18-2):209-215. (In Russ.).

9. Bunkovsky DV. Prospects for the development of the logistics system (on the example of air cargo transportation enterprises). *Bulletin of NGIEI*. 2018;(4(83)). (In Russ.).

10. Nikolaichuk OA, Lizunova NM, Obukhova LY, Moiseeva TV. Standard of Living of the Russian Population: Challenges and Alternative Solutions. *Current Problems and Ways of Industry Development: Equipment and Technologies. Lecture Notes in Networks and Systems*. 2021;(200). Springer, Cham.

11. Brizhak OV. Interests of subjects of intra-corporate relations: the problem of income distribution in Russian conditions. *Bulletin of the Volgograd State University. Ser. 3: Economy. Ecology*. 2012;(2(21):152-157. (In Russ.).

12. Nikolaichuk OA, Lizunova NM, Obukhova LY. Potential for Household Development in the Depressed Regions of Russia. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2020;(129):74-82.

13. Pletnev D, Barkhatov V. Life quality in the center and periphery of the Urals and the Volga regions. In: E3S Web of Conferences. Ural Environmental Science Forum "Sustainable Development of Industrial Region. 2021.

Информация об авторах

О. А. Николайчук — доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента экономической теории.

О. В. Брижак — доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента экономической теории.

О. Н. Толстобоков — кандидат технических наук, доцент кафедры управления и экономики Института развития дополнительного профессионального образования.

Information about the authors

Olga A. Nikolaichuk — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Economic Theory.

Olga V. Brizhak — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economic Theory.

Oleg N. Tolstobokov — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Department of Management and Economics.

Статья поступила в редакцию 31.07.2022; одобрена после рецензирования 18.08.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 31.07.2022; approved after reviewing 18.08.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Вклад авторов: О. А. Николайчук — 50%, О. В. Брижак — 25%, О. Н. Толстобоков — 25%.

Contribution of the authors: O. A. Nikolaychuk — 50%, O. V. Brizhak — 25%, O. N. Tolstobokov — 25%.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 338

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11114

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РОССИИ

Елена Сергеевна Силова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, metod@csu.ru, ORCID: 0000-0002-5813-0145

Аннотация. Национальные проекты и их реализация представляют собой интересную и актуальную тему. Национальные проекты ставят важные национальные задачи в приоритетных направлениях — образовании, здравоохранении, демографии, экологии. Также национальные проекты предполагают расходование значительных бюджетных ресурсов. В связи с этим данная тема является чрезвычайно важной. В данной работе рассматривается проблема реализации национальных проектов, их финансирование на различных этапах, влияние пандемии коронавируса на реализацию национальных проектов в России, а также исследуются причины, влияющие на снижение эффективности национальных проектов. Представлен обзор наиболее важных национальных проектов.

Ключевые слова: национальный проект, проектирование, реализация национальных проектов

Для цитирования: Силова Е. С. Актуальные проблемы реализации национальных проектов в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 137—144. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11114.

Review article

NATIONAL PROJECTS IN RUSSIA: IMPLEMENTATION PROBLEMS

Elena S. Silova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, metod@csu.ru, ORCID: 0000-0002-5813-0145

Abstract. National projects and their implementation are an interesting and relevant topic. National projects set themselves important national tasks in priority areas - education, health care, demography, ecology. In addition, national projects involve the spending of significant budgetary resources. In this regard, this topic is extremely important. This work considers the problem of implementing national projects, their financing at various stages, the impact of the coronavirus pandemic on the implementation of national projects in Russia, and examines the reasons that affect the decline in the effectiveness of national projects. The paper provides an overview of the most important national projects.

Keywords: national project, design, implementation of national projects

For citation: Silova ES. National projects in Russia: implementation problems. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):137-144. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11114.

Введение

Метод экономического проектирования является методом совершенствования существующей модели управления, он состоит в создании рамочных планов по достижению определенных задач. Проекты позволяют сконцентрировать усилия на решение конкретных задач в приоритетной области, объ-

единив различные виды ресурсов; на их эффективность влияет качество управления проектом, финансирование и информационное обеспечение реализации проекта.

Метод проектирования активно применяется и в государственном, и в корпоративном управлении. Историю и успешные кейсы рассматривает в своей работе Л. В. Иваненко [4]. М. Г. Кузьмина

рассматривает особенности применения проектирования при диверсификации деятельности промышленных предприятий [5].

Идея создания национальных проектов как инструмента реализации социально-экономических целей возникла в 2018 г., в начале нового президентского срока В. В. Путина как развитие его майских указов (направленных в том числе на серьезное повышение продолжительности жизни и уровня жизни населения, а также на усиление экономики России до пяти крупнейших экономик мира). Официально программа национальных проектов была запущена в 2019 г. на пятилетний срок, однако впоследствии некоторые сроки были скорректированы до 2030 г. Большая часть национальных проектов финансируется за счет федерального бюджета. Среди ключевых национальных проектов можно назвать следующие: «Цифровая экономика», «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года», «Производительность труда и поддержка занятости», «Международная кооперация и экспорт», «Экология», «Демография», «Жилье и городская среда», «Здравоохранение», «Наука», «Культура» (всего 13). Система национальных проектов выстроена иерархично, национальные проекты включают региональные программы развития (на их долю приходится примерно 60% программ). Дополнительное государственное финансирование предполагает увеличение потребления и инвестиций в экономике и, соответственно, способствует экономическому росту. При разработке национальных проектов в России был учтен передовой мировой опыт, в том числе таких стран, как Китай, страны Европейского Союза, США, Бразилия.

Следует отметить также, что это не первый опыт создания национальных проектов. Федеральные целевые программы активно принимались с начала 2000-х гг., в 2010 г. эти целевые программы были трансформированы в государственные программы. Еще в 2005 г. было запущено несколько проектов по направлению развития человеческого капитала. По плану 2005 г. в рамках проекта «Жилье» должно было быть построено примерно 80 млн кв. м жилья в течение пяти лет, однако по итогу к 2010 г. было введено только 58,1 млн кв. м жилья, а цель 2005 г. была достигнута еще через 4 года. В целом эксперты не очень позитивно оценивают реализацию тех проектов (на уровне 30—40%).

В Указе Президента РФ № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 г. в качестве приоритетных целей указаны сохранение, здо-

ровье и благополучие населения; возможности самореализации; комфортная среда; цифровая трансформация и т. д. Далее в этом документе прописаны конкретные цели (например, увеличение до 78 лет продолжительности жизни, снижение бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 г. и т. д.)¹. Этот документ несколько скорректировал предыдущий аналогичный указ, подписанный президентом в 2018 г. Основная причина подобных изменений в том, что некоторые цели были отложены на более отдаленные сроки из-за пандемии коронавируса, начавшейся в 2020 г. Однако некоторые эксперты подчеркивают, что в целом реализация проектов шла не очень гладко. В правовых справочных системах можно ознакомиться с паспортом каждого проекта.

Следует отметить также, что в современной практике нет устоявшегося термина «национальный проект», проекты представляют собой комплексные планы или программы какой-либо общественно значимой социально-экономической сферы.

Материалы и методы исследования

Исследование базируется на материалах открытого доступа, отчетности по реализации национальных и муниципальных проектов, исследованиях, посвященных методам проектирования и планирования социально-экономического развития, трудах российских ученых в области управления социально-экономическим развитием, методов управления, проектирования и программирования развития.

Методы исследования: синтез современных исследований в области методов управления, критический анализ, выявление трендов и особенностей применения метода проектирования в реализации управления социально-экономическим развитием.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим цели и задачи некоторых проектов. Среди основных приоритетов национального проекта «Здравоохранение» можно выделить: снижение смертности населения, цифровизация сферы здравоохранения, ликвидация кадрового дефицита и повышение квалификации медицинских работников, строительство новых медицинских центров, борьба с онкологическими и сердечно-сосудистыми заболеваниями и увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 80 лет к 2030 г. Цели национального проекта «Образование» —

¹ Указ Президента РФ № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 г. // consultant.ru (дата обращения 23.11.2021).

вхождение России в десятку стран по качеству образования, строительство новых школ и общежитий для студентов, внедрение цифровых методов обучения, новых программ и учебников. Цели проекта «Экология» — уменьшение количества свалок, улучшение состояния окружающей среды в крупных промышленных городах, решение проблемы обеспечения качественной питьевой водой, создание инфраструктуры для экотуризма и т. д.

По итогам 2019 г. уровень исполнения проектов составил 91,4%, что специалисты называют приемлемым уровнем, самые низкие показатели были по проектам «Цифровая экономика» и «Экология» — соответственно 73 и 66% [9]. В связи с обострением эпидемиологической ситуации в 2020 г. из-за пандемии коронавируса, охватившей весь мир, сейчас происходит пересмотр ключевых целей и задач национальных проектов в сторону усиления здравоохранения и медицинского обеспечения, а также в сторону увеличения социальной составляющей проектов и помощи бизнес-структурам. В частности, в 2020 и 2021 гг. было предусмотрено увеличение на 10% расходов по национальному проекту «Здравоохранение» за счет сокращения расходов по проекту «Цифровая экономика» и некоторых других.

Общий бюджет национальных проектов составляет 25,7 трлн руб. Важно отметить, что для финансирования национальных проектов были увеличены некоторые налоги (НДС до 20% и неко-

торые акцизы). Существует три магистральных направления расходования этих средств: направление «Человеческий капитал» — примерно 5,7 трлн руб. Направление «Экономический рост» — 10,1 трлн руб. Направление «Комфортная среда для жизни» — 9,9 трлн руб. Для управления реализацией проектами создан специальный орган — Совет по стратегическому развитию и национальным проектам при Президенте России. Выполнение отдельных проектов в рамках своих компетенций курируют вице-премьеры Правительства РФ. Для обеспечения финансирования национальных проектов предусмотрены четыре источника: 13,2 трлн руб. (около половины расходов) — федеральный бюджет, 7,5 трлн — внебюджетные ресурсы (30%), 4,9 трлн — региональные бюджеты (20%), а еще 147,8 млрд руб. — из государственных внебюджетных фондов¹. Суммарно затраты на национальные проекты в 2019 г. составили примерно 5% от консолидированного федерального бюджета. Во многих случаях затраты на национальные проекты заменили собой прямые выплаты из бюджета (как, например, в ситуации с выплатами материнского капитала).

В табл. 1 приведены суммарные затраты на реализацию национальных проектов до 2024 г.

¹ Национальные проекты Российской Федерации до 2024 г. (http://fincan.ru/articles/92_nacionalnyje-projekty-rossijskoj-federacii-do-2024-goda/; дата обращения 26.11.2021).

Таблица 1
Table 1

**Затраты на национальные проекты до 2024 г., трлн руб.
Expenditures on national projects until 2024, trillion rubles**

Национальный проект	Предстоящие затраты на воплощение
Здравоохранение	1,7258
Образование	0,7845
Демография	3,1052
Культура	0,1135
Безопасные и качественные автомобильные дороги	4,7797
Жилье и городская среда	1,0662
Экология	4,0410
Наука	0,6360
Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	0,4815
Цифровая экономика	1,6349
Производительность труда и поддержка занятости	0,0521
Международная кооперация и экспорт	0,9568
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры	6,3481

Источник: http://fincan.ru/articles/92_nacionalnyje-projekty-rossijskoj-federacii-do-2024-goda/.

Рассмотрим табл. 2, где представлено исполнение национальных проектов в 2019 г. Как видим, исполнение шло достаточно неравномерно: например, по программе «Безопасные и качественные ав-

томобильные дороги» за полгода исполнено лишь 11 % сметы, это очень низкий показатель. Достаточно плохо обстоят дела с проектами «Цифровая экономика» (за полгода — 8%), «Экология» (11 %).

Таблица 2
Table 2

Показатели исполнения национальных проектов в 2019 г.
Performance indicators of national projects in 2019

Национальный проект	Запланировано, млн руб.	За 6 месяцев, %	За 9 месяцев, %	За 12 месяцев, %
Демография	520,2	41,6	65	95,5
Здравоохранение	160,3	54,5	67,5	98,0
Образование	106,1	28,6	58,5	91,0
Жилье и городская среда	105,3	38,5	56,3	93,8
Экология	57,0	11,6	22,1	66,3
Безопасные и качественные автомобильные дороги	129,7	12,2	55,8	97,1
Производительность труда и поддержка занятости	7,1	17,7	38,8	87,1
Наука	37,0	44,3	66,2	99,1
Цифровая экономика	108,0	8,3	12,3	73,3
Культура	14,2	28,0	64,7	99,0
Малое и среднее предпринимательство	60,6	36,6	55,7	93,1
Международная кооперация и экспорт	86,2	35,1	41,8	89,1
Комплексный план	331,2	23,8	39,4	88,0
Итого	1 723,0	32,4	52,1	91,4
Уровень исполнения бюджетных расходов		42,5	62,9	94,2

Источник: https://raexpert.ru/researches/national_project_2020/.

Счетная палата РФ критикует исполнение проектов за несогласованность целей и стимулов, а также за низкий уровень исполнения по расходам.

На рисунке (с. 141) показан уровень исполнения национальных проектов по итогам 2020 г., в целом по всем проектам исполнение достигло 97,4%, объем недофинансирования проектов составил почти 58 млрд руб.¹ Самый низкий уровень финансирования приходится на проекты по здравоохранению и образованию.

В 2020 г. уровень расходов на национальные проекты увеличен примерно на треть, в основном за счет сферы здравоохранения. Обратимся к табл. 3.

Как видно из таблицы, на 97 % увеличены расходы по проекту «Здравоохранение», на 67 % — по проекту «Экология», на 47 % — «Образование». Снижены расходы на дороги, поддержку предпринимательства (что, на наш взгляд, странно в условиях кризиса из-за пандемии и реального

падения малого предпринимательства), международной кооперации и экспорта. Также мы видим пока относительно невысокий уровень исполнения проектов по итогам четырех месяцев (более свежие данные на данный момент недоступны). Можно отметить, что по проекту «Здравоохранение» идет максимальное исполнение — более 44 %, а по ряду проектов — сильное отставание, в том числе по цифровой экономике, экологии и др. Рассмотрим причины этого и проблемы реализации национальных проектов.

Проблемами реализации национальных проектов называют их неподготовленность и непроработанность. На их исполнение также могла повлиять смена приоритетов при пере выборах президента, а затем и последовавшая пандемия. В связи со снижением собираемых налогов даже вставал вопрос о сокращении финансирования национальных проектов².

² Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты (<https://minpromtorg.gov.ru/common/upload/docVersions/5d623e7b1547a/actual/>; дата обращения 25.08.2022); Общие вопросы реализации национальных проектов (<http://government.ru/rugovclassifier/660/events/>; дата обращения 23.11.2021).

¹ О реализации национальных проектов в 2020 году (<https://icss.ru/images/macro/O%20реализации%20национальных%20проектов%20в%202020%20г.pdf>; дата обращения 16.09.2022).

Уровень финансирования национальных проектов в 2020 г., %
Level of financing of national projects in 2020, %

Таблица 3
Table 3

Расходы на национальные проекты в 2019 и 2020 гг.
Expenditures on national projects in 2019 and 2020

Национальный проект	Запланировано на 2019 г., млн руб.	Запланировано на 2020 г., млн руб.	Изменение расходов, %	За 4 месяца 2020 г., %
Демография	520,2	750,1	+44	29,0
Здравоохранение	160,3	315,5	+97	44,5
Образование	106,1	155,8	+47	16,6
Жилье и городская среда	105,3	112,9	+7	34,3
Экология	57,0	95,1	+67	11,3
Безопасные и качественные автомобильные дороги	129,7	108,4	-16	8,0
Производительность труда и поддержка занятости	7,1	7,8	+9	23,2
Наука	37,0	47,3	+28	23,6
Цифровая экономика	108,0	150,9	+40	5,8
Культура	14,2	17,3	+22	25,7
Малое и среднее предпринимательство	60,6	53,9	-11	21,0
Международная кооперация и экспорт	86,2	81,9	-5	8,8
Комплексный план	331,2	381,1	+15	20,1
Итого	1723,0	2278,0	+32	24,7

Источник: https://raexpert.ru/researches/national_project_2020/.

В табл. 4 приведены расходы на национальные проекты в будущем и их корректировки. Как мы видим из табл. 4, практически все проекты (за ис-

ключением здравоохранения) подверглись сокращению расходов на 10—25 % в 2020 г.

**Изменения в финансировании национальных проектов, млрд руб.
Changes in the financing of national projects, billion rubles**

Национальный проект	2020	2021	2022	2020 (изм.)	2021 (изм.)
Демография	613,7	633,2	590,6	552,033 (–10%)	569,88 (–10%)
Здравоохранение	312,5	252,8	262,6	343,750 (+10%)	278,08 (+10%)
Образование	127,9	136,4	120,6	115,110 (–10%)	136,40
Жилье и городская среда	106,5	108,4	189,1	95,850 (–10%)	108,40
Экология	76,7	126,9	153,7	69,030 (–10%)	126,90
Безопасные и качественные автомобильные дороги	104,3	124,8	23,9	93,870 (–10%)	124,80
Производительность труда и поддержка занятости	6,9	6,9	7,5	6,210 (–10%)	6,90
Наука	47,0	55,1	76,4	35,250 (–25%)	44,08 (–20%)
Цифровая экономика Российской Федерации	124,2	177,9	258,0	93,150 (–25%)	142,32 (–20%)
Культура	17,2	20,3	23,2	15,480 (–10%)	20,30
Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы	49,9	47,5	87,9	44,910 (–10%)	47,50
Международная кооперация и экспорт	74,5	124,0	219,4	55,875 (–25%)	99,20 (–20%)
Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 г.	337,2	404,5	675,5	303,480 (–10%)	404,50
Итого	1 999,0	2 219,0	2 688,0	1 824,300	2 109,26

Источник: https://raexpert.ru/researches/national_project_2020/.

А. М. Ажлуни и О. Л. Шарыгина при рассмотрении национальных проектов и их реализации приходят к выводу, что в паспортах национальных проектов не всегда в достаточной мере отражена методика их реализации, зачастую проекты являются весьма непрозрачными [1].

Информацию о национальных проектах можно найти, как мы уже отмечали, на сайтах Правительства РФ, в информационных правовых системах (нормативно-правовая база), а для оперативного освещения хода реализации проектов создан специальный сайт (национальныепроекты.рф), где можно ознакомиться с проектами по отдельности. Отдельные министерства и ведомства, ответственные за реализацию конкретных национальных проектов, также выкладывают информацию на своих ресурсах.

Специалисты издания РБК говорят о том, что выполнение национальных проектов отразило некоторые проблемы системы государственного управления: сбои в работе, косность финансирования, отсутствие четких планов действий¹.

Такие авторы, как А. С. Бедняков, Л. А. Миэринь, отмечают следующие проблемы реализации национальных проектов: системные управленческие (в частности, проблема модели «ручного управления» со стороны самого главного лица; отсутствие системы стратегического планирования); низкое качество планирования при разработке ключевых показателей национальных проектов; мотивационные проблемы [2].

¹ COVID-19 проредил национальные цели (<https://www.rbc.ru/newspaper/2020/07/27/5f16add29a7947246d35b6c0>; дата обращения 26.11.2021).

А. В. Зозуля, П. В. Зозуля, Т. Н. Еремина выделяют несколько ключевых проблем реализации приоритетных национальных проектов: организация управления (необходимо использовать методы проектного управления, а также межотраслевые органы); финансирование; информационное обеспечение [3]. И. Д. Макаров рассматривает использование цифровых технологий при проектировании социально-экономического развития, особенно в условиях пандемии [6].

Таким образом, на современном этапе в России реализуется более 10 национальных проектов, на их финансирование запланировано потратить более 25 трлн руб., цели проектов в основном социально ориентированы, а также направлены на достижение экономического роста и развития. Финансирование национальных проектов корректируются исходя из состояния бюджетов. Выполнение про-

ектов составляет примерно 97%, при этом эксперты называют следующие основные проблемы, возникающие при их реализации: низкий уровень квалификации управленческих кадров, неподготовленность и методическая непроработанность некоторых проектов и показателей их эффективности, слабая информированность населения о проводимых проектах. Важно отметить и влияние пандемии на реализацию национальных проектов: во-первых, снижение государственных доходов привело к пересмотру бюджетов самих проектов; во-вторых, исполняемость проектов в 2020 г. стала еще ниже. Несмотря на отмеченные недостатки, следует указать, что национальные проекты являются крайне важным инструментом социально-экономического развития, который концентрирует финансовые, технические, управленческие ресурсы на достижении приоритетных национальных целей.

Список источников

1. Ажлуни А. М., Шарыгина О. Л. Национальные проекты России и их реализация // Вестник ОрелГАУ. 2019. № 6 (81). С. 72—76.
2. Бедняков А. С., Миэринь Л. А. Национальные проекты России: проблемы и решения // Известия СПбГЭУ. 2019. № 4. С. 20—25.
3. Зозуля А. В., Зозуля П. В., Еремина Т. Н. Современные проблемы реализации приоритетных национальных проектов // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11, № 1.
4. Иваненко Л. В. Применение метода управления проектами как инновация в государственном и муниципальном секторе // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2021. Т. 12, № 1. С. 75—83.
5. Кузьмина М. Г. Диверсификация деятельности промышленных предприятий: проблемы и модели управления // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2019. № 3 (31). С. 29—38.
6. Макаров И. Д. Драйверы развития цифровых технологий экономики России в условиях постпандемии // Управленческий учет. 2021. № 9-2. С. 577—582.
7. Табах А., Подругина А. Национальные проекты: ожидания, результаты, перспективы. 2020. URL: https://raexpert.ru/researches/national_project_2020/.

References

1. Azhluni AM, Sharygina OL. National projects of Russia and their implementation. *Vestnik OrelGAU = Bulletin of Agrarian Science*. 2019;(6(81):72-76. (In Russ.).
2. Bednyakov AS, Mierin LA. National projects of Russia: problems and solutions. *Izvestiya SPbGEU = Izvestia of St. Petersburg State University of Economics*. 2019;(4):20-25. (In Russ.).
3. Zozulya AV, Zozulya PV, Eremina TN. Modern problems of the implementation of priority national projects. *Vestnik yevraziyskoy nauki = Bulletin of Eurasian Science*. 2019;(11-1). (In Russ.).
4. Ivanenko LV. Application of the project management method as an innovation in the state and municipal sector. *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravleniye = Bulletin of Samara University. Economics and governance*. 2021;(12-1):75-83. (In Russ.).
5. Kuzmina MG. Diversification of the activities of industrial enterprises: problems and models of management. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve = Models, systems, networks in economics, technology, nature and society*. 2019;(3(31):29-38. (In Russ.).
6. Makarov ID. Drivers of the development of digital technologies in the Russian economy in post-pandemic conditions. *Upravlencheskiy uchet = Management accounting*. 2021;(9-2):577-582.
7. Tabakh A, Gudezhina A. National projects: expectations, results, prospects. 2020. URL: https://raexpert.ru/researches/national_project_2020/.

Информация об авторе

Е. С. Силова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the author

Elena S. Silova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of Industries and Markets of the Institute of Economics of Industries, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 04.10.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 04.10.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 330.3

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11115

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИО-ЭКОЛОГО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОДЕЛИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ: ВЫЗОВЫ-2022

Анжела Вадимовна Шнайдерман

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия, a.v.shnajderman@strbsu.ru

Аннотация. Исследование направлено на изучение проблем формирования социо-эколого-ориентированной модели хозяйствования в условиях высокой геополитической напряженности, определенной конфликтом между Украиной и Россией. Проблема эколого-экономического конфликта активно разрабатывается с последней трети XX в. При этом даже в условиях международного сотрудничества более чем за 50 лет так и не был разработан эффективный комплексный механизм формирования эколого-ориентированной модели хозяйствования, а экологические достижения курса устойчивого развития выглядят незначительными на фоне нарастающих экологических последствий хозяйственной деятельности. Сегодняшняя международная обстановка во многом усугубит течение негативных последствий эколого-экономического взаимодействия и значительно отдалит мировое сообщество от возможности разрешения конфликта между природой и экономической деятельностью.

Ключевые слова: социо-эколого-экономическое взаимодействие, экономическое развитие, эколого-экономический конфликт, экономический рост

Для цитирования: Шнайдерман А. В. Проблемы формирования социо-эколого-ориентированной модели хозяйствования: вызовы-2022 // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 145—150. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11115.

Review article

PROBLEMS OF FORMING A SOCIO-ECOLOGICALLY ORIENTED ECONOMIC MODEL: CHALLENGES-2022

Anzhela V. Shnajderman

Sterlitamak branch of the Bashkir State University, Sterlitmak, Russia, a.v.shnajderman@strbsu.ru

Abstract. This study is aimed at studying the problems of the formation of a socio-environmentally oriented business model in conditions of high geopolitical tension, determined by the conflict between Ukraine and Russia. The problem of ecological and economic conflict has been actively developed since the last third of the 20th century. At the same time, even in the context of international cooperation for more than 50 years, an effective integrated mechanism for the formation of an environmentally-oriented business model has not been developed, and the environmental achievements of the sustainable development course look insignificant against the background of the growing environmental consequences of economic activity. The current international situation will greatly exacerbate the course of the negative consequences of ecological and economic interaction and significantly distance the world community from the possibility of resolving the conflict between nature and economic activity.

Keywords: socio-ecological-economic interaction, economic development, ecological-economic conflict, economic growth

For citation: Shnajderman AV. Problems of forming a socio-ecologically oriented economic model: challenges-2022. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):145-150. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11115.

На протяжении большей части своей экономической истории общество эксплуатирует ресурсно-ассимиляционный потенциал, воспринимая природные ресурсы исключительно как безвозмездно дарованные производственные блага, вовлечение в процессы хозяйствования которых гарантирует высочайшую рентабельность. Возможно, подобное отношение к природным ресурсам осталось бы неизменным до сих пор, если бы экологические последствия, вызванные хозяйственной деятельностью, не стали ограничивать возможности роста экономики.

Сегодня актуальность проблемы формирования социо-эколого-ориентированной модели хозяйствования в условиях многочисленных двусторонних санкций России с большинством ведущих мировых экономик обуславливается сложностью и практически непрогнозируемой длительностью процесса формирования независимых национальных хозяйственных систем, ориентированных не только на выживание и экономический рост, но и на эколого-экономический баланс.

Объектом данного исследования выступает взаимодействие природы и общества в процессе его хозяйственной деятельности.

Предмет исследования — социо-эколого-экономическое взаимодействие в условиях взаимного санкционного давления крупнейших мировых экономик.

Исследование актуальных проблем социо-эколого-экономического сбалансированного хозяйствования проведено с использованием следующих методов: теоретический, системно-логический и статистический анализ, а также обобщение результатов исследования.

Тенденции разрыва дипломатических отношений между одними государствами и усиления напряженности между другими не способствуют эффективному поиску ответов на глобальные острые социальные, экологические и экономические вопросы, а скорее, отдаляют мировое сообщество от их решения. Однако с учетом той степени глобализации и интеграции национальных экономик, достигнутой сегодня, крайне важно помнить, что экономический механизм важно определять через системный подход. Поэтому, принимая решения, нужно понимать, что при блокировке эффективной работы одной из составляющих системного механизма наносится колоссальный общий урон всей системе.

Стратегии социально-экономического развития практически любой страны сегодня ориентированы на экономический рост. Безусловно, расширенное развитие воспроизводственных процессов име-

ет ряд неоспоримых преимуществ. Возможность производить больше в условиях, обеспечиваемых экономическим ростом, на первый и весьма поверхностный взгляд, должна решить проблему нищеты и крайне низкого уровня жизни людей. Такое мнение было преобладающим примерно до середины прошлого столетия, пока не обнаружилась другая проблема — эколого-экономического конфликта, определившая сомнения в правильности намеченного пути.

Под эколого-экономическим конфликтом в данном исследовании будет пониматься непрерывный процесс, проявляющийся во взаимодействии ассимиляционно-ресурсного потенциала и воспроизводства на всех его стадиях, в котором экология и хозяйствование находятся на позициях, трудно совместимых друг с другом [13].

Долгое время исключительно приоритетной позицией экономического развития выступало обеспечение наращивания результатов хозяйственных процессов при условии создания макроэкономической стабильности через применение инструментов государственного регулирования. Подтверждает данный факт и сформированный общемировой порядок расчета валового внутреннего продукта, отражающего исключительно количественную динамику производства. Однако стремительные темпы экономического роста мировой экономики в конце XX в. определили необратимые экологические последствия: глобальное потепление на 2 °С, загрязнение атмосферы, гидросферы, истощение почв и биологического разнообразия. При этом важно отметить, что все указанные проблемы являются не только экологическими, а, скорее, социо-эколого-экономическими (табл. 1).

С начала текущего столетия существенно возросли экономические потери, обусловленные неблагоприятными погодными явлениями и связанными с климатом событиями, — в среднем менее чем с 5 млрд до 11 млрд долл. США. Проблемы, связанные с волнами тепла, заболеваниями, переносимыми клещами, и наводнениями, будут и далее возрастать в связи с прогнозируемым повышением температуры¹.

За несколько десятков лет мировое сотрудничество, направленное на гармонизацию эколого-экономических взаимоотношений, позволило сократить негативное воздействие на окружающую среду в одних странах и сдержать его масштабное наращивание в других. Но в сегодняшних реалиях мир разделился и стал неспособен к диалогу и сотрудничеству даже в решении наиболее острых

¹ Выбросы углекислого газа CO₂ в мире (<https://www.tadviser.ru/index.php>).

Последствия несбалансированного социо-эколого-экономического взаимодействия
Consequences of unbalanced socio-ecological-economic interaction

Социальные последствия экологического кризиса	Экономические последствия экологического кризиса
<ul style="list-style-type: none"> — замедление темпов роста показателей ожидаемой продолжительности жизни; — рост уровня заболеваемости; — ухудшение репродуктивного здоровья населения; — ухудшение качества окружающей среды жизнедеятельности, а именно химического состава воздуха, водных объектов и почв, как проявление экологических экстерналий; — сокращение биологического разнообразия флоры и фауны; — рост коррупции в сфере контроля над соблюдением законодательства о природопользовании и защите окружающей среды; — нарастание социальной напряженности в процессе виктимизации общества вследствие ухудшения экологической системы 	<ul style="list-style-type: none"> — экономические потери, обусловленные неблагоприятными погодными явлениями и связанными с климатом событиями: наводнениями, пожарами, ветрами и др. — ориентация на затратный экстенсивный тип экономического роста; — снижение экономической эффективности хозяйственной деятельности: рост показателей материалоёмкости; природоёмкости и капиталоемкости; — рост государственных расходов на программы стимулирования рождаемости; — увеличение бремени на внебюджетные государственные фонды вследствие роста заболеваемости; — снижение технологической эффективности; — потери государственного бюджета в результате недополучения платежей за природопользование как следствие роста коррупции

проблем. Сложившаяся ситуация чревата не просто торможением в процессе формирования эколого-ориентированной модели мирового хозяйствования, но и к мощному откату назад ввиду ряда причин.

Во-первых, ключевыми инструментами формирования эколого-ориентированной модели мирового хозяйства являются диалог и желание различных стран сотрудничать в данном вопросе. В основе оптимального решения эколого-экономического конфликта должны лежать теории альтернативных издержек и сравнительных преимуществ. Желание общества удовлетворять все больше и больше формирует эксплуататорское отношение к ресурсно-ассимиляционному потенциалу, а природные ресурсы представляются даровыми и сверхрентабельными в хозяйственных процессах. Так, сегодня западно-европейские страны обсуждают возможность возвращения к угольной энергетике в ходе разработки мероприятий отказа от импорта российского газа. В своих обсуждениях ключевым ориентиром государства видят поиск наиболее дешевого альтернативного топлива, игнорируя высоковероятный колоссальный экологический урон. Таким образом, даже в наибольшей степени эколого-ориентированная Западная Европа не учитывает альтернативных социоэкологических потерь.

Значимым продолжением теории альтернативных издержек является теория сравнительных преимуществ Давида Рикардо. Несмотря на критику данной теории, ключевая ее идея актуальна и в наши дни. Рикардо, оперируя понятием альтернативной

цены, доказал выгоду международной торговли как для страны-продавца, так и для страны-покупателя. Однако в начале XIX в. социоэкологические потери хозяйствования не были так очевидны, как в наши дни. Сегодня рикардовская теория сравнительных преимуществ может быть сформулирована следующим образом: международная производственная специализация должна не только учитывать сравнительные преимущества производства конкретного товара для стран, но и стремиться обеспечить наименьшие социоэкологические неявные затраты. А альтернативная цена должна включать не только затраты труда на производство единицы товара, но и социоэкологические потери общества. Такой подход позволит сформировать и оценить суммарный эффект экономической деятельности для каждой из подсистем: экономической, социальной и экологической.

Во-вторых, обострению эколого-экономического конфликта будет способствовать прекращение финансовых и научно-технических инвестиций в экономику России, занимающей третью позицию в мировом рейтинге по выбросам углекислого газа. Технологическое отставание в совокупности с недостаточными объемами финансирования НИОКР в России не только ослабит внутреннюю экономику страны, но и вызовет усиление эксплуатации природно-ресурсного потенциала, которое приведет к последствиям, ощутимым для всей мировой экосистемы. В данном случае важно понимать, что экосистема не имеет национальных границ.

В России расходы на НИОКР за последние несколько лет не превышают 1,1 % к показателю валового продукта. Стоит отметить, что данный показатель, к примеру, в Израиле больше почти в 4 раза, в среднем по ЕС — в 3, в США — в 2,5, в Китае — в 2,2 раза¹.

По данным 2020 г., на средства государства — основной и стабильный источник финансирования науки — приходится 67,8 % внутренних затрат на исследования и разработки, из них 52,6 % — средства федерального бюджета, 13,3 % — средства организаций государственного сектора науки, включая собственные [13]. Доля частных инвестиций составила 32,2 %. Таким образом, российская модель финансирования научно-исследовательской деятельности является неэффективной, поскольку на протяжении многих лет за счет бюджетных средств обеспечивается более 70 % общего объема расходов на исследования и разработки. Это противоречит не только глобальным трендам, но и Стратегии инновационного развития Российской Федерации.

¹ Ратай Т. В. Затраты на науку в России в 2020 году (<https://issek.hse.ru/news/504082564.html>; дата обращения 16.04.2022).

К сожалению, статистические данные лишь доказывают незаинтересованность всех отечественных экономических агентов инвестировать в мероприятия, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов. Так, в 2020 г. на природоохранное строительство было направлено суммарно по всем источникам 196,0 млрд руб., что составляет 0,97 % общего объема инвестиций².

Основным источником финансирования инвестиций в основной капитал, направленных на охрану окружающей среды, в 2020 г. стали собственные средства организаций: на их долю пришлось 83,5 %, что на 5,6 % меньше, чем в 2019 г. На долю инвестиций, выделенных на указанные цели из бюджетных средств, в 2020 г. приходилось 16,4 %, что на 6,7 процентного пункта больше, чем в 2019 г., при этом доля средств федерального бюджета увеличилась на 3,8 процентного пункта, доля средств субъектов Российской Федерации и местных бюджетов — на 2,9 процентного пункта (табл. 2) [4].

² Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации в 2020 году (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SRseY8Jp/inv_osn2020.pdf).

Таблица 2
Table 2

**Источники финансирования инвестиций на охрану окружающей среды
в Российской Федерации в 2020 г.
Sources of financing investments for environmental protection in the Russian Federation in 2020**

Показатель	Объем инвестиций, млрд руб.	Доля инвестиций, %
Инвестиции в основной капитал, в том числе за счет:	196,0	100,0
— средств федерального бюджета	17,5	8,9
— бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов	14,6	7,5
— собственных средств организаций	163,5	83,5
— других источников	0,4	0,1

Источник: [5].

И, в-третьих, осложнение механизмов поставок российских энергоресурсов на мировые рынки в результате санкций и стратегии продавать газ за рубли приводит к необходимости поиска стран-экспортеров, альтернатив. К сожалению, в краткосрочной и даже долгосрочной перспективе возможные альтернативы отказа от российских энергоресурсов идут вразрез с определенными целями эколого-ориентированной модели хозяйствования. Несмотря на многолетние усилия, доля «экологичной» энергии в мире крайне мала. Большинство западноевропейских стран, отказываясь от рос-

сийского газа, вынуждены переходить на уголь и атомную энергетику. Уголь является и самым «грязным» топливом, лидируя по выбросам углекислого газа в атмосферу. И даже самая современная угольная электростанция не в состоянии конкурировать по степени чистоты с газовыми станциями, по крайней мере при сопоставимых инвестициях. Что касается АЭС, то при их эксплуатации крайне высоки риски аварийности, несущие за собой значительные последствия.

Выбросы CO₂ зависят от уровня содержания углерода в топливе (наивысшего для угля, низше-

го для природного газа), производительности, мер контроля загрязнений, предусмотренных в различных конструкциях станций, и других факторов. При изучении факторов эмиссии предполагается использование наилучших из имеющихся технологий и топлива хорошего качества. Аналогичные сравнения можно провести для других загрязнителей, включая SO₂, NO_x и макрочастицы [9].

Сравнительные экономические оценки, проведенные с использованием базы данных DECADES на уровне электростанций, показывают, что с точки зрения производительности и экологических экстерналий ядерная энергетика может выступать основным способом производства электроэнергии. Однако с точки зрения издержек ядерная энергетика является одновременно одной из самых дорогих, поскольку в данном случае необходимо учитывать расходы на обеспечение безопасности, обращение с радиоактивными отходами и снятие установок с эксплуатации во внутренние издержки производства. При этом по своей производительности ядерное топливо уступает газовому, угольному и нефтяному.

Таким образом, неспособное сегодня к какому-либо диалогу мировое сообщество не просто за-

морозило поиски решений проблем, касающихся будущего человечества, но и делает значительные шаги назад.

Современный мир представляет собой сложный взаимосвязанный и взаимообуславливающий механизм, когда внутренние проблемы и последствия для одних государств становятся ощутимыми не только внутри национальных границ, но и далеко за их пределами. В особенности свойство транснациональности присуще экологическим последствиям. Именно поэтому экологические вопросы и стали предметом международных обсуждений и сотрудничества. В своем стремлении наращивать производственный потенциал мировая экономка лимитируется экологическими возможностями предоставлять природные факторы производства и перерабатывать последствия хозяйственной деятельности. Отсутствие возможности конструктивного международного диалога сегодня в значительной мере усугубляет проблему эколого-экономического конфликта, что ведет к социальным, экологическим и экономическим последствиям.

Список источников

1. Васильева Г. М. Киотский протокол в глобальном историческом контексте // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiotskiy-protokol-v-globalnom-istoricheskom-kontekste> (дата обращения 09.04.2022).
2. Вирт Д. А. Парижское соглашение: новый компонент климатического режима ООН // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12, № 4. С. 185—214.
3. Гагулина Н. Л. Экономическая трансформация: качество жизни и окружающая среда // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. 2013. № 27. С. 205—216.
4. Кирхмеер Л. М. Мониторинг эколого-социально-экономического развития добывающего региона // АНИ: экономика и управление. 2019. № 1 (26). С. 173—175.
5. Павленко В. Б. Парижское соглашение как угроза национальной безопасности России // Астраханский вестник экологического образования. 2017. № 4 (42). С. 25—39.
6. Ратай Т. В. Затраты на науку в России в 2020 году. URL: <https://issek.hse.ru/news/504082564.html> (дата обращения 16.04.2022).
7. Рогнер Х., Хан А. Сравнение источников энергии // Энергия. 1999. № 3. С. 8—14. URL: <http://www.wdcb.ru/mining/sprav/document/articles/compare.html> (дата обращения 28.04.2022).
8. Снытко В. А., Собисевич А. В. Обсуждение вопросов изменения климата в Российской академии наук в начале 2000-х гг. // Эколого-географические проблемы регионов России: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рождения канд. геогр. наук, доц. А. С. Захарова. 15 янв. 2018 г., Самара. Самара, 2018. С. 18—23.
9. Угурчиев О. Б., Цулоев И. М. Некоторые аспекты формирования механизма государственного регулирования устойчивого развития // ЕГИ. 2019. № 25 (3). С. 148—152.
10. Фролов А. В. Сущность и содержание экологического аудита при осуществлении международной и российской эколого-экономической деятельности в рыночных условиях // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 5: Экономика. 2018. № 4 (230). С. 326—331.
11. Хафизова К. Н. Конфликт экономики и экологии: проблемы и пути решения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 11. С. 38—46.

12. Юрак В. В., Игнатъева М. Н., Полянская И. Г. Теория оценки ресурсов в экономике природопользования: территориальный аспект // Экономика региона. 2021. № 4. С. 1059—1075.
13. Cohen W. Protecting Their Intellectual Assets: Appropriability Conditions and Why U. S. Manufacturing Firms Patent (OR NOT) // National Bureau of Economic Research. Working Paper No. 7552 (2004). URL: <http://www.nber.org/papers/w7552> (дата обращения 29.04.2022).

References

1. Vasilyeva GM. Kyoto Protocol in the global historical context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2019;(439). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiotskiy-protokol-v-globalnom-istoricheskom-kontekste> (In Russ.).
2. Wirt DA. The Paris Agreement: A New Component of the UN Climate Regime. *Bulletin of International Organizations*. 2017;(4):185-214. (In Russ.).
3. Gagulina NL. Economic transformation: quality of life and the environment. *Scientific notes of the Russian State Hydrometeorological University*. 2013;(27):205-216. (In Russ.).
4. Kirkhmeer LM. Monitoring of the environmental, social and economic development of the extractive region. *ANI: Economics and Management*. 2019;(1(26):173-175. (In Russ.).
5. Pavlenko VB. The Paris Agreement as a Threat to the National Security of Russia. *Astrakhan Bulletin of Ecological Education*. 2017;(4(42):25-39. (In Russ.).
6. Ratai TV. Spending on science in Russia in 2020. URL: <https://issek.hse.ru/news/504082564.html> (In Russ.).
7. Rogner H, Khan A. Comparison of energy sources. *Energy*. 1999;(3):8-14. URL: <http://www.wdcb.ru/mining/sprav/document/articles/compare.html> (In Russ.).
8. Snytko VA, Sobisevich AV. Discussion of climate change issues in the Russian Academy of Sciences in the early 2000s. In: Ecological and geographical problems of Russian regions: materials of the IX All-Russian scientific and practical conference with international participation. Samara; 2018. Pp. 18—23. (In Russ.).
9. Ugurchiev OB, Tsuloev IM. Some aspects of the formation of the mechanism of state regulation of sustainable development. *EGI*. 2019;(25(3):148-152. (In Russ.).
10. Frolov AV. The essence and content of environmental audit in the implementation of international and Russian environmental and economic activities in market conditions. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser. 5: Economy*. 2018;(4(230):326-331. (In Russ.).
11. Khafizova KN. Conflict of economy and ecology: problems and solutions. *National interests: priorities and security*. 2012;(11):38-46. (In Russ.).
12. Yurak VV, Ignatieva MN, Polyanskaya IG. Theory of resource assessment in the economics of environmental management: territorial aspect. *Economics of the region*. 2021;(4):1059-1075. (In Russ.).
13. Cohen W. Protecting Their Intellectual Assets: Appropriability Conditions and Why U.S. Manufacturing Firms Patent (OR NOT). *National Bureau of Economic Research, Working Paper*. 2004:7552. URL: <http://www.nber.org/papers/w7552>.

Информация об авторе

А. В. Шнайдерман — старший преподаватель кафедры экономической теории и анализа.

Information about the author

Anzhela V. Shnaiderman — Senior Lecturer, Department of Economic Theory and Analysis.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 26.09.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 26.09.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 316

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11116

ДОВЕРИЕ К СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ И ОРГАНАМ ВЛАСТИ

Белова Ирина Анатольевна^{1✉}, Руденко Дарья Сергеевна²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ belova@csu.ru, ORCID: 0000-0001-6308-5011

² eds@csu.ru, ORCID: 0000-0002-6741-7746

Аннотация. Цель исследования заключается в обзоре и обобщении публикаций отечественных и зарубежных исследователей по теме доверия к социально-политическим институтам (в частности, к институтам образования и институтам здравоохранения) и органам власти. Выявлены наиболее распространенные подходы к исследованию доверия к данным институтам. К таковым относятся социологический, междисциплинарный, институциональный подходы. Определен общий для всех институтов ракурс исследования доверия к ним: доверие рассматривается в контексте социального капитала. Раскрыты частные аспекты изучения доверия в рамках каждого исследуемого в работе института и органов муниципальной и региональной власти.

Ключевые слова: доверие, социально-политические институты, институт здравоохранения, институт образования, органы региональной власти, органы муниципальной власти

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания по реализации проекта «Доверие к социально-политическим институтам и органам власти в образовательной среде», № 076-01391-22-03.

Для цитирования: Белова И. А., Руденко Д. С. Доверие к социально-политическим институтам и органам власти // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 151—157. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11116.

Review article

TRUST IN SOCIO-POLITICAL INSTITUTIONS AND AUTHORITIES

Irina A. Belova^{1✉}, Daria S. Rudenko²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ belova@csu.ru, ORCID: 0000-0001-6308-5011

² eds@csu.ru, ORCID: 0000-0002-6741-7746

Abstract. The purpose of this study is to review and summarize the publications of domestic and foreign researchers on the topic of trust in socio-political institutions (in particular, educational institutions and healthcare institutions) and authorities. The most common approaches to the study of trust in these institutions have been identified. These include sociological, interdisciplinary, institutional approaches. A common for all institutions perspective of the study of trust in them is determined: trust is considered in the context of social capital. Particular aspects of the study of trust within the framework of each institution and bodies of municipal and regional authorities studied in the work are disclosed.

Keywords: trust, socio-political institutions, healthcare institute, education institute, regional authorities, municipal authorities

Acknowledgments: the article was prepared as part of the state task for the implementation of the project “Trust in socio-political institutions and authorities in the educational environment”, № 076-01391-22-03.

For citation: Belova IA, Rudenko DS. Trust in socio-political institutions and authorities. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):151-157. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11116.

Изучение проблемы доверия к общественным, государственным институтам, включая институты образования, здравоохранения, политические партии, органы муниципальной и региональной власти, является актуальным вот уже несколько десятков лет. Она находит отражение как в многочисленных трудах научного сообщества, так и в мониторингах общественного мнения, проводимых исследовательскими организациями. Многие аспекты эффективного функционирования каждого социально-политического института и органов власти зависят от уровня доверия к ним. Исследование доверия на уровне межличностного взаимодействия, взаимодействия отдельных коллективов и организаций позволяет понять, насколько функционирование социально-политических институтов и органов власти удовлетворяет потребности конкретных субъектов в них, насколько формируемые институциональные модели сочетаемы с существующими практиками реализации деятельности каждого из этих институтов.

Цель исследования заключается в обзоре и обобщении публикаций отечественных и зарубежных исследователей по теме доверия к социально-политическим институтам и органам власти.

Изучение доверия к системе образования в целом и к высшему образованию и образовательным организациям в частности является предметом исследования множества отечественных и зарубежных ученых. В этом ключе в числе зарубежных исследователей можно выделить Л. Занина [9], Дж. Хеллиуэлла и Р. Патнэма [3], Л. Бштилера и коллег [2], Дж. А. де Акино [1], Дж. Хуанга и коллег [4], Т. Рейца [7] и др.

Заслуживают внимания работы отечественных исследователей проблем доверия к институтам образования. К примеру, доверие в системе образования через призму теории институциональных ловушек было изучено И. Ширяевым и коллегами [30]. Авторы показали, что негативное влияние на уровень доверия к системе высшего образования оказывают институциональные ловушки, в число которых входят ловушка кадрового потенциала, ловушка метрик и ловушка растущей бюрократизации. В свою очередь Е. Ревина [22] изучила институциональное подкрепление доверия к системе высшего образования через соотношение внешних и внутренних механизмов обеспечения качества образования. В числе внешних механизмов выделены аккредитация и лицензирование образовательных организаций, в числе внутренних — системы управления качеством и системы контроля, применяемые в образовательных органи-

зациях. Дисциплинарные подходы к исследованию доверия как проблемы качества высшего образования были представлены В. Каташинских [16]. При этом среди актуальных аспектов, связанных с качеством высшего образования, автор выделяет доверие как составляющую социального капитала, доверие между общностями образования, доверие в науке и научных исследованиях.

Г. Зборовский и П. Амбарова [15] изучают доверие к системе высшего образования через призму социологической проблемы высшего образования и социального феномена. Авторы приходят к выводу, что проблему доверия в сфере высшего образования необходимо рассматривать в ключе междисциплинарных исследований, включая социологический подход, выполняющий интегрирующую функцию.

Доверие к институтам здравоохранения и системе здравоохранения в целом изучается в трех проекциях: во-первых, с точки зрения доверия отдельным врачам, врачебному сообществу, то есть речь в данном случае идет о межличностном доверии; во-вторых, с точки зрения доверия к медицинским учреждениям (поликлиникам, амбулаториям, стационарам, станциям скорой помощи и пр.), то есть речь в данном случае идет об институциональном доверии; в-третьих, с точки зрения доверия к системе здравоохранения как единого целого, то есть речь в данном случае идет о комплексном, или системном доверии.

В контексте межличностного доверия Н. Осипова и коллеги [20] рассматривают доверие к профессиональному знанию врача, которое выступает одним из критериев эффективности системы оказания медицинской помощи населению. Аналогичные результаты получили Д. Механик и С. Мейер [5], которые исследовали представления о доверии среди пациентов с тяжелыми заболеваниями. При этом пациенты рассматривали доверие как повторяющийся процесс и обычно проверяли своих врачей на соответствие их знаниям и ожиданиям. Межличностная компетентность, включающая заботу, заботу и сострадание, была наиболее распространенным аспектом доверия, в котором внимание уделялось выслушиванию пациентов. Большинство комментариев пациентов относились к приобретаемым навыкам, а не просто к личностным характеристикам.

В контексте институционального доверия Н. Творогова и Д. Кулешов [29] выявили факторы-мишени, на которые необходимо воздействовать в процессе формирования доверия личности к медицинским учреждениям. Кроме того, в этом ключе

была представлена модель общения медицинского учреждения с личностью при отсутствии активного взаимодействия между субъектами общения, опосредованности их социально-перцептивных процессов имиджем медицинского учреждения и его представителей. А. Сорокиной [28] выявлено, что институциональное доверие оказывает существенное влияние на формирование межличностного доверия. При этом утрата институционального доверия, его низкий уровень способствуют развитию практики самолечения, образуя прямую зависимость между здоровьем человека и уровнем институционального доверия. К таким выводам пришла П. Аронсон [10]. Шкала, методы и предварительные детерминанты в рамках институционального доверия были разработаны Дж. Локурто и Дж. Берг [6].

В контексте комплексного, или системного доверия О. Кислицына [17] исследовала факторы, оказывающие влияние на удовлетворенность россиян системой здравоохранения. В числе положительных факторов она выделяет хорошее здоровье, высокий социально-экономический статус, доверие врачам, удовлетворенность последним лечением. Отрицательное влияние оказывают неодобрительное восприятие персонала медицинского учреждения и страхового покрытия. Методику оценки уровня доверия с учетом нескольких индексов, включая индекс общего доверия элементам института здравоохранения, индекс удовлетворенности этими элементами и индекс уверенности в этих элементах, предложили А. Саблуков и И. Никулина [26].

Вопросам политического доверия, доверия к власти, его измерения посвящены труды многих отечественных и зарубежных исследователей. В частности, Е. Черницына [31] в качестве критериев измерения уровня доверия к власти выделяет: индекс развития человеческого капитала, индекс социальных настроений, индекс нравственного состояния общества (социально-экономические критерии); опросы, лабораторный эксперимент (социологические и экспериментальные методы); степень политического участия и развития гражданской активности; информационную открытость и прозрачность органов власти; степень развития обратной связи между обществом и властью и пр.

Доверие к власти в контексте социального капитала, индикаторов его измерения и условий формирования нашли отражение в работах И. Дементьева [14], Л. Беляевой [11], Е. Садковой и Т. Гужавиной [27], Б. Сикса и коллег [8], М. Блок и Н. Голвина [12], О. Рогач [25] и др.

Доверие к муниципальной власти как индикатор социальной эффективности, пути повышения уровня доверия населения к муниципальной и региональной власти раскрыты А. Финогеновой [33], Е. Реутовым и М. Реутовой [24], Е. Отвагиной и коллегами [21] и др.

Доверие как фактор легитимности власти изучают С. Мясников [18], Е. Реутов [23], О. Гараев [13], Е. Чимириш [32]. В частности, Е. Реутов в этом ключе акцентирует внимание на взаимосвязи политического доверия и легитимности власти. При этом доверие к власти растет при индивидуализации политического процесса. В свою очередь О. Гараев считает, что доверие к власти обусловлено духовно-нравственным состоянием общества, а также соотношением легальности и легитимности власти в конкретный исторический момент.

Доверие к власти в контексте цифровизации экономики и, как следствие, трансформационных процессов в политической сфере раскрыто В. Нечаевым и С. Белоконевым [19]. Авторы предлагают рассматривать проблемы доверия к власти в трех ракурсах, соответствующих теориям развития цифровой экономики: теория цифрового тоталитаризма, теория экономики совместного потребления, теория когнитивного капитализма.

В результате обзора публикаций отечественных и зарубежных исследователей по теме доверия к социально-политическим институтам и органам власти можно сделать следующие выводы:

- Во-первых, проблема доверия к социально-политическим институтам и органам власти является актуальной и многогранной. Она не одно десятилетие находит отражение в многочисленных работах отечественных и зарубежных исследователей.
- Во-вторых, в настоящее время не существует единого подхода к изучению доверия. Доверие рассматривается с точки зрения институционального, социологического, междисциплинарного и иных подходов.
- В-третьих, общим в исследовании доверия ко всем изучаемым в данной работе институтам является подход к исследованию доверия в контексте социального капитала.
- В-четвертых, доверие к институтам здравоохранения изучается в трех проекциях: межличностного, институционального и комплексного доверия. В то время как доверие к институтам образования в большей степени изучается через призму качества образования, доверие к органам власти исследуется через индикатор социальной эффективности.

Список источников

1. Aquino J. A. The Meaning of Trust for Brazilians with Higher Education // *Soc Indic Res.* 2017. No. 130. P. 325—349. URL: <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1178-0>.
2. Bstieler L., Hemmert M., Barczak G. The changing bases of mutual trust formation in inter-organizational relationships: A dyadic study of university-industry research collaborations // *Journal of business research.* 2017. Vol. 74. P. 47—54. DOI: 10.1016/j.jbusres.2017.01.006.
3. Helliwell J., Putnam R. Education and Social Capital // *Eastern Econ J.* 2007. No. 33. P. 1—19. URL: <https://doi.org/10.1057/ej.2007.1>.
4. Huang J., van den Brink H. M., Groot W. College Education and Social Trust: An Evidence-Based Study on the Causal Mechanisms // *Soc Indic Res.* 2011. No. 104. P. 287—310. URL: <https://doi.org/10.1007/s11205-010-9744-y>.
5. Mechanic D., Meyer S. Concepts of trust among patients with serious illness // *Soc Sci Med.* 2000. No. 51 (5). P. 657—668. URL: [http://doi:10.1016/s0277-9536\(00\)00014-9](http://doi:10.1016/s0277-9536(00)00014-9). PMID: 10975226.
6. Locurto J., Berg G. M. Trust in healthcare settings: Scale development, methods, and preliminary determinants // *SAGE Open Med.* 2016. Vol. 1, no. 4. DOI: 10.1177/2050312116664224.
7. Reitz T. Academic hierarchies in neo-feudal capitalism: how status competition processes trust and facilitates the appropriation of knowledge // *High Educ.* 2017. No. 73. P. 871—886. URL: <https://doi.org/10.1007/s10734-017-0115-3>.
8. Trust and social capital in the design and evolution of institutions for collective action / B. Six, E. van Zim-meren, F. Popa, C. Frison // *International Journal of the Commons.* 2015. No. 9 (1). P. 151—176.
9. Zanin L. Education and Life Satisfaction in Relation to the Probability of Social Trust: a Conceptual Framework and Empirical Analysis // *Soc Indic Res.* 2017. No. 132. P. 925—947. URL: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1322-5>.
10. Аронсон П. Я. Утрата институционального доверия в российском здравоохранении // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2006. Т. 9, № 2. С. 120—131.
11. Беляева Л. А. Социальный капитал в России и проблемы предпринимательской деятельности // *Фило-софские науки.* 2016. № 10. С. 91—106.
12. Блок М., Головин Н. А. Социальный капитал: к обобщению понятия // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* 2015. № 4. С. 99—111.
13. Гараев О. М. Доверие граждан как фактор укрепления политической власти в современной Рос-сии // *Вестник Башкирского университета.* 2014. № 19 (4). С. 1509—1515.
14. Дементьев И. А. Доверие как индикатор социального капитала // *Вестник Поморского универси-тета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки.* 2011. № 1. С. 40—45.
15. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Доверие к высшему образованию: социологические подходы к исследованию проблемы // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки.* 2018. № 3. С. 21—35. DOI: 10.15593/2224-9354/2018.3.2.
16. Каташинских В. С. Доверие как проблема качества высшего образования: дисциплинарные под-ходы к ее исследованию // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета.* 2018. № 4 (55). С. 41—51.
17. Кислицына О. А. Факторы, оказывающие влияние на удовлетворенность россиян системой здра-воохранения // *Социальные аспекты здоровья населения: [сетевое изд.].* 2020. Вып. 66 (2), № 8. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1152/30/lang,ru/>. DOI: 10.21045/2071-5021-2020-66-2-8.
18. Мясников С. А. Легитимация и обоснование политики: Анализ концептуальных разграниче-ний // *Политическая наука.* 2019. № (3). С. 222—235. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.12>.
19. Нечаев В. Д., Белоконев С. Ю. Цифровая экономика и тенденции политического развития совре-менных обществ // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2020. № 13 (2). С. 112—133. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-6.
20. Осипова Н. Г., Семина Т. В., Новоселова Е. Н. Доверие врачебному сообществу: резерв для со-хранения и улучшения здоровья населения России // *Бюллетень НЦССХ им. А. Н. Бакулева РАМН. Сердечно-сосудистые заболевания.* 2019. Т. 20, № 5. С. 394—401.
21. Отвагина И. Е., Брокерт А. В., Гончарова А. В. Пути повышения уровня доверия к власти на ре-гиональном уровне // *Экономика и предпринимательство.* 2019. № 8. С. 342—346.

22. Ревина Е. В. Механизмы институционального подкрепления доверия к высшему образованию // Управление экономическими системами: электрон. науч. журн. 2019. № 12 (130).
23. Реутов Е. В. Роль доверия в легитимации власти // Научные ведомости белгородского государственного университета. серия: история. Политология. 2014. № 21 (192). С. 172—176.
24. Реутов Е. В., Реутова М. Н. Доверие к муниципальной власти и интеграция социального пространства местного сообщества // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11, № 5. С. 12—21.
25. Рогач О. В. Социальный капитал местных сообществ: индикаторы измерения и условия формирования // Социодинамика. 2019. № 8. С. 44—51.
26. Саблуков А. В., Никулина И. И. Доверие молодежи системе здравоохранения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 2. С. 277—288.
27. Садкова Е. П., Гужавина Т. А. Доверие как индикатор социального капитала // Череповецкие научные чтения — 2017: материалы всерос. науч.-практ. конф.: в 4 ч. Ч. 1 / отв. ред. Е. В. Целикова. 2018. С. 123—124.
28. Сорокина А. М. Доверие в практике медицинских учреждений // Здоровье как ресурс: V. 2.0. 2019: сб. тез. конф. Н. Новгород: Науч.-исслед. социол. центр, 2019. С. 586—589.
29. Творогова Н. Д., Кулешов Д. В. Доверие к медицинскому учреждению // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучения. Вестник ВШОУЗ. 2017. № 3 (9). С. 53—71.
30. Доверие и институциональные ловушки в сфере образования и науки / И. М. Ширяев, Е. В. Фурса, А. И. Маскаев, Д. И. Мокроусова // Journal of Economic Regulation. 2019. Т. 10, № 4. С. 146—161. DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.4.146-161.
31. Черницына Е. Н. Политическое доверие: как его измерить? // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 54. С. 130—145.
32. Чимириш Е. С. Легитимация власти: к формулированию операциональной модели // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 10 (3). С. 37—44. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-37-44.
33. Финогенова А. С. Пути повышения уровня доверия граждан муниципальной власти // Вестник Белого генерала. 2021. № 6. С. 44—52.

References

1. Aquino JA. The Meaning of Trust for Brazilians with Higher Education. *Soc Indic Res.* 2017;(130):325-349. URL: <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1178-0>.
2. Bstieler L, Hemmert M, Barczak G. The changing bases of mutual trust formation in inter-organizational relationships: A dyadic study of university-industry research collaborations. *Journal of business research.* 2017;(74):47-54. DOI: 10.1016/j.jbusres.2017.01.006.
3. Helliwell J, Putnam R. Education and Social Capital. *Eastern Econ J.* 2007;(33):1-19. URL: <https://doi.org/10.1057/ej.2007.1>.
4. Huang J, van den Brink HM, Groot W. College Education and Social Trust: An Evidence-Based Study on the Causal Mechanisms. *Soc Indic Res.* 2011;(104):287-310. URL: <https://doi.org/10.1007/s11205-010-9744-y>.
5. Mechanic D, Meyer S. Concepts of trust among patients with serious illness. *Soc Sci Med.* 2000;(51(5)):657-668. URL: [http://doi:10.1016/s0277-9536\(00\)00014-9](http://doi:10.1016/s0277-9536(00)00014-9). PMID: 10975226.
6. Locurto J, Berg GM. Trust in healthcare settings: Scale development, methods, and preliminary determinants. *SAGE Open Med.* 2016;(1):4. DOI: 10.1177/2050312116664224.
7. Reitz T. Academic hierarchies in neo-feudal capitalism: how status competition processes trust and facilitates the appropriation of knowledge. *High Educ.* 2017;(73):871-886. URL: <https://doi.org/10.1007/s10734-017-0115-3>.
8. Six B, Zimmeren van E, Popa F, Frison C. Trust and social capital in the design and evolution of institutions for collective action. *International Journal of the Commons.* 2015;(9(1)):151-176.
9. Zanin L. Education and Life Satisfaction in Relation to the Probability of Social Trust: a Conceptual Framework and Empirical Analysis. *Soc Indic Res.* 2017;(132):925-947. URL: <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1322-5>.
10. Aronson PYa. Loss of institutional trust in Russian healthcare. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology.* 2006;(9-2):120-131. (In Russ.).

11. Belyaeva LA. Social capital in Russia and problems of entrepreneurial activity. *Filosofskie nauki = Philosophical sciences*. 2016;(10):91-106. (In Russ.).
12. Blok M, Golovin NA. Social capital: to generalize the concept. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = Bulletin of St. Petersburg University*. 2015;(4):99-111. (In Russ.).
13. Garaev OM. Citizens' trust as a factor of strengthening political power in modern Russia. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University*. 2014;(19(4)):1509-1515. (In Russ.).
14. Dementiev IA. Trust as an indicator of social capital. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i social'nye nauki = Bulletin of the Pomeranian University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2011;(1):40-45. (In Russ.).
15. Zborovsky GE, Ambarova PA. Trust in higher education: sociological approaches to the study of the problem. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*. 2018;(3):21-35. DOI: 10.15593/2224-9354/2018.3.2. (In Russ.).
16. Katashinskikh VS. Trust as a problem of the quality of higher education: disciplinary approaches to its research. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2018;(4(55)):41-51. (In Russ.).
17. Kislitsyna OA. Factors influencing the satisfaction of Russians with the healthcare system. *Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya [setevoe izdanie] = Social aspects of public health [online edition]*. 2020;(66(2)):8. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1152/30/lang,en/>. DOI: 10.21045/2071-5021-2020-66-2-8. (In Russ.).
18. Myasnikov SA. Legitimation and justification of policy: Analysis of conceptual distinctions. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2019;(3):222-235. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.12> (In Russ.).
19. Nechaev VD, Belokonev SYu. Digital economy and trends in the political development of modern societies. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo = Contours of global transformations: politics, economics, law*. 2020;(13(2)):112-133. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-6. (In Russ.).
20. Osipova NG, Semina TV, Novoselova EN. Trust in the medical community: a reserve for preserving and improving the health of the population of Russia. *Byulleten NCSSKH im. AN Bakuleva RAMN. Serdechno-sosudistye zabolevaniya = Bulletin of the AN Bakulev National Research Center of the Russian Academy of Medical Sciences. Cardiovascular diseases*. 2019;(20(5)):394-401. (In Russ.).
21. Bravagina IE, Brokert AV, Goncharova AV. Ways to increase the level of trust in government at the regional level. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*. 2019;(8):342-346. (In Russ.).
22. Revina EV. Mechanisms of institutional reinforcement of trust in higher education. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal = Management of economic systems: an electronic scientific journal*. 2019;(12(130)). (In Russ.).
23. Reutov EV. The role of trust in the legitimization of power. *Nauchnye vedomosti belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istorija. Politologiya = Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science*. 2014;(21(192)):172-176. (In Russ.).
24. Reutov EV, Reutova MN. Trust in municipal authorities and integration of the social space of the local community. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2016;(11(5)):12-21. (In Russ.).
25. Rogach OV. Social capital of local communities: measurement indicators and conditions of formation. *Sociodinamika = Sociodynamics*. 2019;(8):44-51. (In Russ.).
26. Sablukov AV, Nikulina II. Trust of youth in the healthcare system. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki = Social sciences*. 2018;(2):277-288. (In Russ.).
27. Sadkova EP, Guzhavina TA. Trust as an indicator of social capital. In: Cherepovets scientific readings — 2017. Materials of the All-Russian Scientific and Practical conference: in 4 pt. Pt. 1. 2018. Pp. 123—124. (In Russ.).
28. Sorokina AM. Trust in the practice of medical institutions. In: Zdorov'e kak resurs: V. 2.0 = Health as a resource: V. 2.0. 2019. N. Novgorod; 2019. Pp. 586—589. (In Russ.).
29. Tvorogova ND, Kuleshov DV. Trust in a medical institution = *ORGZDRAV: novosti, mneniya, obucheniya. Vestnik VSHOUZ = ORGZDRAV: news, opinions, training. Bulletin of the VSHOUZ*. 2017;(3(9)):53-71. (In Russ.).

30. Shiryaev IM, Fursa EV, Maskaev AI, Mokrousova DI. Trust and institutional traps in education and science. *Journal of Economic Regulation*. 2019;(10):146-161. DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.4.146-161. (In Russ.).

31. Chernitsyna EN. Political trust: how to measure it? *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik = Public administration. Electronic bulletin*. 2016;(54):130-145. (In Russ.).

32. Chimiris ES. Legitimization of power: towards the formulation of an operational model. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2020;(10(3):37-44. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-37-44. (In Russ.).

33. Finogenova AS. Ways to increase the level of trust of citizens in municipal authorities. *Vestnik Belogo generala = Bulletin of the White General*. 2021;(6):44-52. (In Russ.).

Информация об авторах

И. А. Белова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков.

Д. С. Руденко — аспирантка кафедры экономики отраслей и рынков.

Information about the authors

Irina A. Belova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of Industries and Markets.

Daria S. Rudenko — Postgraduate student of the Department of Economics of Industries and Markets.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 339.9

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11117

МИРОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Людмила Игоревна Заволокина

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, lz2005@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5397-5878

Аннотация. В настоящее время мы стоим на пороге новой исторической эпохи, когда меняется весь привычный мировой уклад. Цель исследования — сопоставление провозглашенных и реальных целей глобализации, выявление ее последствий и вызовов. Проанализированы различные показатели, характеризующие уровень развития мировой торговли, степень вовлеченности национальной экономики отдельных стран в мировое пространство (КОФ-индекс глобализации). Приведена оценка перспектив развития мировой экономики в 2022 и 2023 гг. На основе проведенного анализа статистических данных сделан вывод о странах, которые в действительности пользуются плодами глобализации. Предложены дискуссионные мнения различных научных исследователей и политических деятелей о настоящем и будущем глобализации, рассмотрены сценарии развития мира и глобального устройства и определена роль России в процессе деглобализации.

Ключевые слова: последствия глобализации, период деглобализации, сценарии развития мира и глобального устройства, место и роль России в процессе деглобализации

Для цитирования: Заволокина Л. И. Мировая глобализация: вызовы времени // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 158—166. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11117.

Review article

WORLD GLOBALIZATION: CHALLENGES OF THE TIME

Liudmila I. Zavolokina

RUDN University, Moscow, Russia, lz2005@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5397-5878

Abstract. At present, we are on the threshold of a new historical era, when the completely habitual world order is changing. The purpose of the study is to compare the proclaimed and real goals of globalization, to identify its consequences and challenges. The article analyzes various indicators characterizing the level of development of world trade, the degree of involvement of the national economy of individual countries in the world space (KOF index of globalization). An assessment of the prospects for the development of the world economy in 2022 and 2023 is given. Based on the analysis of statistical data, a conclusion was made about countries that actually enjoy the “fruits” of globalization. The debatable opinions of various scientific researchers and politicians about the present and future of globalization are proposed, scenarios for the development of the world and the global order are considered, and the role of Russia in the process of deglobalization is determined.

Keywords: consequences of globalization, the period of deglobalization, scenarios for the development of the world and the global order, the place and role of Russia in the process of deglobalization

For citation: Zavolokina LI. World globalization: challenges of the time. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):158-166. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11117.

Введение

Российская специальная военная операция на Украине, начавшаяся 24 февраля 2022 г., спровоцировала «сход лавины» на мировой арене. Разразилась ожесточенная экономическая война Запада

против России с угрожающими последствиями как для страны — объекта санкций (ограничения финансовой системы, деятельности ряда российских компаний и отдельных отраслей экономики, закрытие воздушного пространства, морских портов, границ и пр.), так и для их инициаторов.

Мировые рынки кипят, цены на энергоресурсы, сырье и сельскохозяйственную продукцию стремительно растут, разваливаются многолетние производственные, финансовые, логистические цепочки между зарубежными компаниями. Все это провоцирует рост цен готовой продукции, обострение продовольственной проблемы, повышение уровня инфляции. Причем ухудшение качества жизни охватывает все страны мира, хотя и по-разному: так, если в Европе во главе угла стоят вопросы энергетики и роста инфляции (годовая инфляция в Евросоюзе в феврале 2022 г. составила 6,2%¹, в марте — уже 7,5%²), то в слаборазвитых странах Африки, зависящих от поставок продовольствия, особенно пшеницы из России и Украины, может разразиться голод. Таким образом, сложные переплетения глобальной взаимозависимости, не всегда заметные в мирных условиях, в условиях экономической войны, ставшей, по словам президента США Джо Байдена, альтернативой третьей мировой войны, оказываются на поверхности. Все сильнее и сильнее растет критика глобализации, все чаще говорят о ходе периода деглобализации, начавшегося еще с финансового кризиса 2008 г.

Глобализация, начавшаяся, по мнению американского социолога Иммануила Валлерстайна [1], еще в середине XIX в. с появлением пароходов, телефона, телеграфа и железной дороги, была призвана открыть огромные возможности для роста мировой экономики, экономической эффективности, повышения уровня и качества жизни, решения глобальных проблем. Каковы же истинные цели глобализации, ее последствия и вызовы и кто за ней стоит? В данной статье рассмотрим некоторые статистические данные, характеризующие процесс глобализации, и дискуссионные мнения различных научных исследователей и политических деятелей по вопросам глобализации.

Материалы исследования

В конце 1990-х гг. на фоне развития глобализации мировая экономика устойчиво росла в среднем на 5% в год (рис. 1). Одним из ключевых направлений было производство высокотехнологичной продукции. Лидерами в этом направлении стали Япония, Сингапур, Гонконг и Тайвань. При этом центром мировой торговли являлась Западная Европа: ее объем экспорта в 4 раза превышал этот пока-

¹Ведомости от 17.03.2022 (<https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/03/17/913961-godovaya-inflyatsiya-v-evrozone-snova-dostigla-istoricheskogo-maksimuma>).

²<https://www.rbc.ru/economics/01/04/2022/6246d5ef9a794754821331a1?ysclid=l2ecd5gyok>

затель в США³. В целом в середине 1990-х гг. объем международной торговли вырос почти на 10%, во многом благодаря созданию в 1995 г. ВТО, которая способствовала либерализации и глобальному экономическому сотрудничеству.

В результате мирового финансового кризиса 2008 г., по оценке ООН, только за год объем мировой торговли сократился более чем на 10%, а мировой ВВП — на 2,6% (впервые со времен Второй мировой войны). На рис. 2 представлена динамика мирового экспорта товаров и услуг: в 2009 г. по сравнению с 2008 г. его объем сократился почти на 20%. Торговые связи постепенно смещались из развитых стран в развивающиеся. Самые высокие темпы роста товарного экспорта тогда демонстрировали страны Юго-Восточной Азии: Китай, Южная Корея, Гонконг, Сингапур и Индия. В целом динамика мировой торговли оставалась вялотекущей. Ситуация изменилась в 2018 г., когда рост торговли составил 10%, в основном благодаря восстановлению цен на нефть, снижению курса доллара и интенсификации мирового производства. Однако в 2019 г. снова произошел спад на фоне эскалации торговой войны между США и Китаем. А еще через год объем глобальной торговли сократился из-за пандемии и карантина.

На фоне военного конфликта на Украине и торговых санкций ВБ и МВФ дали пессимистические оценки перспектив роста мирового экономического развития: мировая экономика замедлит рост почти в 2 раза — до 3,6% в 2022 и 2023 гг. Цены на продукты питания могут вырасти на 37%. Инфляция в странах с развитой экономикой составит 5,7% в 2022 г. и 2,5% в 2023 г., в странах с формирующимся рынком и в развивающихся — 8,7% в 2022 г. и 6,5% в 2023 г.

О степени вовлеченности национальной экономики в мировое пространство дают представление различные индикаторы: KFP-индекс глобализации; KOF-индекс глобализации; CSGR-индекс глобализации; социологический индекс глобализации Global Index; индекс глобализации «Эрнст энд Янг» и Economist Intelligence Unit; индексы CEIP, GIndex, MGI и NGI [2]. Многие исследователи останавливают свой выбор на KOF Globalization Index, разработанном в 2002 г. исследовательской группой Швейцарского экономического института при участии специалистов Федерального Швейцарского экономического института на основе баз данных ВБ, МВФ, ООН и других международных организаций, а также статистических данных изучаемых

³Россия в глобальной политике (<https://globalaffairs.ru/articles/pervaya-ekonomicheskaya-mo-11-03/>).

в рамках проекта стран. KOF Globalization Index — это комбинированный показатель, он исчисляется как сумма экономических (уровень международной деловой активности, налоги, тарифная политика и пр.), социальных (уровень культурной интеграции, международный туризм, трансграничные денежные переводы и пр.) и политических (член-

ство государств в международных организациях, участие в международных миссиях, количество посольств и пр.) переменных с весовыми коэффициентами 36, 39 и 25 % соответственно. Далее на основе полученных коэффициентов составляется рейтинг стран по данному индексу (табл. 1).

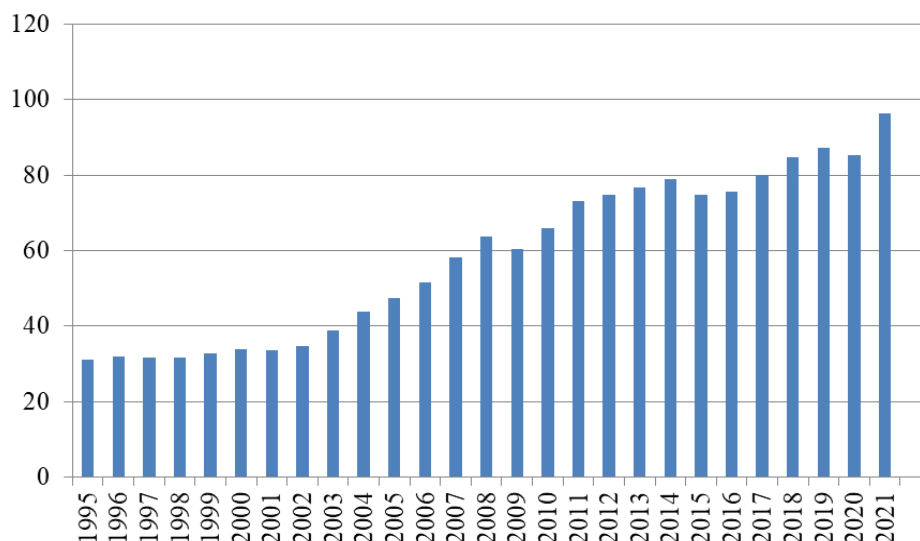

Рис. 1. ВВП мира в 1995—2021 гг., трлн долл. (в текущих ценах)

Fig. 1. World GDP in 1995—2021, trillion dollars (in current prices)

Источник: данные МВФ (<http://global-finances.ru/vvp-mira-po-godam/>).

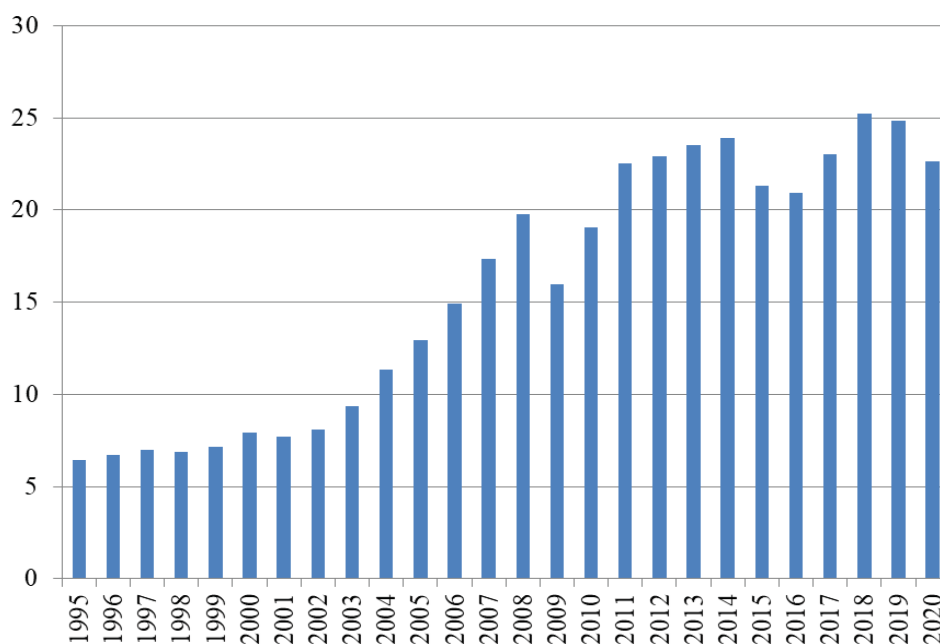

Рис. 2. Мировой экспорт товаров и услуг в 1995—2020 гг., трлн долл.

Fig. 2. World exports of goods and services in 1995—2020, trillion dollars

Источник: данные Всемирного банка (<http://global-finances.ru/mirovoj-eksport-po-godam/>).

Рейтинг стран мира по уровню глобализации
Ranking of countries of the world by level of globalization
(KOF Globalization Index 2020—2021)

Место в рейтинге в 2021 г.	Страна	Индекс-2020	Индекс-2021
1	Нидерланды	90,68	90,91
2	Швейцария	90,79	90,45
3	Бельгия	90,46	90,33
4	Швеция	89,44	89,44
5	Великобритания	89,39	89,31
6	Германия	88,83	88,73
7	Австрия	88,56	88,61
8	Дания	87,96	87,8
9	Финляндия	87,70	87,68
10	Франция	87,69	87,63
...			
24	США	82,28	82,28
...			
35	Южная Корея	78,48	78,76
36	Япония	78,40	78,45
...			
44	Украина	74,95	73,93
...			
49	Россия	71,94	72,03
...			
82	Китай	64,28	

Примечание: составлено автором на основе специализированных баз данных ВБ, МВФ, ООН и других международных организаций (<https://gtmarket.ru/ratings/kof-globalization-index>; <https://www.statista.com/statistics/268168/globalization-index-by-country/>).

Первую десятку рассматриваемого рейтинга составляют европейские страны, хотя темпы глобализации в них значительно снизились по сравнению, например, со странами Азии [2]. Интересно, что США, имеющие господствующие позиции в глобальной экономике, занимают в представленном рейтинге лишь 25-е место, Россия — 49-е, а Китай, который в условиях интенсивного развития открытой мировой торговли стал претендентом на роль нового глобального экономического лидера, — только 82-е место (из 196).

Из табл. 2 видно, что лишь одна европейская страна попадает в первую десятку всех трех представленных групп — Швейцария.

Китай входит лишь во вторую сотню стран рейтинга (экономическая и социальная глобализация). Россия также оказалась аутсайдером первой сотни стран по экономической глобализации (табл. 3). Лидерство в группе «Социальная глобализация» принадлежит небольшим государствам Европы (Люксембург, Монако, Лихтенштейн). Рейтинг стран мира по политической глобализации воз-

главляют европейские страны во главе с Францией. Россия в нем находится на следующем месте после США. Китай занимает 26-е место.

Таким образом, трудно согласиться с тем, что США, Южная Корея, Япония и особенно Китай интегрированы в мировую экономику хуже, чем Ирландия, Мальта, Эстония. Согласно мнению многих исследователей [2], индексы глобализации стали бы более корректными, если бы при расчете учитывалось количество стран, компаний или отраслей деятельности, вовлеченных в инвестиционный процесс, участвующих в торговом обороте. Кроме того, недостаточно полноценным измерителем является КОФ-индекс культурной глобализации, который рассчитывается на основе данных о количестве ресторанов McDonald's и предприятий компании «ИКЕА» в стране на душу населения, о торговле книгами в процентах к ВВП. По мнению авторов, эти индикаторы способны показывать то, насколько люди придерживаются американского и европейского потребительского поведения. Однако отсутствие ресторанов McDonald's

и предприятий «ИКЕА» не означает, что страна не вовлечена в глобальный культурный процесс.

Тем не менее, как показала рассмотренная статистика, плодами глобализации пользовалась лишь небольшая группа промышленно развитых стран мира (прежде всего США и ряд европейских государств, а также некоторые азиатские страны, ведущие проамериканскую политику — Япония, Южная Корея, Сингапур, Тайвань), что неудивительно, ведь глобализация на основе экономического либерализма — это чисто англосаксонский проект, отвечающий интересам именно англосаксонских элит, давно уже ставших космополитичес-

кими, наднациональными. И, конечно, наибольших успехов в ходе глобализации достиг Китай, заняв второе место в мире по объему ВВП и став основным конкурентом США как «сверхдержавы» и суперглобального игрока на мировой арене. Интересно, что экономика Китая оказалась единственной из крупнейших экономик мира, которой удалось избежать спада из-за пандемии коронавируса (в 2020 г. она выросла на 2,3%). В британском Центре экономических и деловых исследований (CEBR) подсчитали, что в результате пандемии экономика Поднебесной сможет обогнать США по объему ВВП уже в 2028 г.

Таблица 2
Table 2

**Ведущие страны мира (первая десятка), по KOF Globalization Index, отдельно по экономической, социальной и политической глобализации, 2021 г.
The leading countries of the world (top ten) according to the KOF Globalization Index separately for economic, social and political globalization, 2021**

Страна	Экономическая глобализация	Страна	Социальная глобализация	Страна	Политическая глобализация
Сингапур	94,28	Люксембург	90,97	Франция	97,99
Нидерланды	90,12	Монако	90,55	Германия	97,72
Бельгия	88,75	Лихтенштейн	90,16	Италия	97,68
Ирландия	88,14	Швейцария	89,58	Великобритания	97,65
Люксембург	87,77	Канада	89,35	Испания	96,85
Мальта	87,18	Норвегия	89,34	Бельгия	96,63
ОАЭ	86,55	Великобритания	88,71	Нидерланды	96,59
Швейцария	86,33	Сан-Марино	88,62	Швеция	96,43
Эстония	86,13	Сингапур	88,3	Швейцария	95,44
Дания	84,53	Гонконг	88,02	Австрия	95,27

Примечание: составлено автором на основе специализированных баз данных ВБ, МВФ, ООН и других международных организаций (<https://www.statista.com/statistics/268168/globalization-index-by-country/>).

Таблица 3
Table 3

**Место отдельных стран в рейтинге стран мира, по KOF Globalization Index, отдельно по экономической, социальной и политической глобализации, 2021 г.
The place of individual countries in the ranking of countries of the world according to the KOF Globalization Index separately for economic, social and political globalization, 2021**

Страна	Экономическая глобализация	Социальная глобализация	Политическая глобализация
США	62	17	14
Южная Корея	72	40	25
Япония	61	46	35
Россия	*	96	15
Украина	68	93	32
Китай	*	**	26

* Страны с местом во второй сотне рейтинга (с показателем индекса ниже 56,79).

** Страны с местом во второй сотне рейтинга (с показателем индекса ниже 67,08).

Примечание: составлено автором на основе баз данных ВБ, МВФ, ООН (<https://www.statista.com/statistics/268168/globalization-index-by-country/>).

Россия в начале 1990-х гг. (переход страны от автаркии к открытой экономике) оказалась неготовой к глобализации мирового устройства, а вступление нашей страны в 2012 г. в ВТО, призванную обеспечивать свободу торговли, инвестиций, конкуренции, равные права для всех, взаимность и прозрачность, едва ли привело к существенным, ощутимым положительным результатам для российских предпринимателей, а скорее породило сверхзависимость нашей страны от мировых институтов власти и принятия решений.

Обсуждение результатов исследования

Таким образом, глобализация обеспечивала гегемонию Западу и позволяла «перекачивать мировой продукт в свою пользу»¹. Остальные страны, вынужденные подчиняться правилам, диктуемым наднациональными межгосударственными институтами (ВТО, МВФ и пр.), становились все более зависимыми и уязвимыми. Глобальные тенденции, считает профессор Гарвардского университета Самуэль Хантингтон, не объединяют, а противопоставляют цивилизации друг другу, усиливая пропасть в уровне жизни различных регионов.

Доступность информации, открывающиеся возможности манипулировать ею в условиях мирового цифрового бума, мгновенное перемещение финансовых ресурсов привели к тому, что и правительства, и национальные СМИ часто оказываются не в состоянии контролировать не только социально-экономическую, но и политическую сферу своей страны. Глобализация усилила возможности отдельных государств влиять на политическую стабильность ряда стран и мировую геополитику, предоставляя возможности (финансовые, предоставление вооружения, отрядов специального назначения и пр.) проводить «цветные революции» и назначать «удобные» правительства.

Кроме того, глобализация стирает понятие национальной идентичности, приводит к разрушению традиционных нравственных ценностей, игнорированию суверенной воли народов. Молодежь, воспитанная в условиях «потребительской парадигмы» с ее максимизацией личного потребления, лишенная сдерживающих морально-этических, духовных и интеллектуальных тормозов, ориентирована на жизнь там, где лучше. Глобализации

¹ Караганов С. Против нас большой Запад, который рано или поздно начнет сыпаться // Российская газета. Федеральный выпуск № 79 (8727) от 12.04.2022 (<https://rg.ru/2022/04/12/sergej-karaganov-protiv-nas-bolshoj-zapad-kotoryj-rano-ili-pozdno-nachnet-sypatsia.html>).

удобны космополиты, поэтому необходимые для воспитания граждан своей страны идеи патриотизма размываются. Потребительская парадигма никогда не будет определять и направлять общественное сознание и поведение на благо собственной страны. Кроме того, неконтролируемая или слабо контролируемая жажда постоянного потребления, насыщения, обогащения в сочетании с сопровождающей глобализацию цифровой революцией с ее неограниченным и избыточным использованием информационных ресурсов и технологий существенно ослабляют мыслительные процессы общества и особенно его будущего — молодежи. Доступность получения «готовой», уже обработанной информации нивелирует необходимость думать, мыслить, рассуждать, а без этого невозможно сохранить национальную идентичность, критическое понимание современного развития мира и человечества.

Очень точно определена цель глобализации политологом В. Павленко:

«Цель глобализации — разрушить и разобрать до винтика, до атома все общности — от семьи до государства. Уничтожить все формы коллективного сознания, между собой их сравнить, разобщить, организовав хаос войны всех против всех. И, сидя наверху этой пирамиды, управлять противоречиями винтиков и атомов, потирая руки и подливая масла в огонь»².

Арнольд Тойнби, длительное время возглавлявший Королевский институт международных отношений в Лондоне, считающийся мозговым центром Запада, еще в 1931 г. недвусмысленно высказался относительно цели глобализации:

«В настоящее время мы сотрудничаем со всеми, кто может заставить все государства нашего мира забыть о загадочной силе, называемой суверенитетом. И мы постоянно отрицаем то, что делаем в действительности»².

В 2015 г. на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент РФ В. Путин в своей речи отдельно остановился на значимости государственного суверенитета как главного гаранта свободного выбора для каждого человека, народа:

«Мы все разные, и к этому нужно относиться с уважением. Никто не обязан подстраиваться

² Павленко В. Суверенитет против глобализма — главная дилемма XXI века. Доклад на XXVII Международных Рождественских образовательных чтениях «Молодежь: свобода и ответственность» (РУДН, 28 янв. 2019 г.) (<https://universe-tss.su/main/politika/world/64614-vladimir-pavlenko-suverenitet-protiv-globalizma-glavnaja-dilemma-xxi-veka.html>).

под одну модель развития, признанную кем-то раз и навсегда единственно правильной»¹.

Очевидно, что и сами развитые страны сталкиваются с новыми последствиями и вызовами глобализации: сокращение собственного производства, рост безработицы, старение населения, сокращение налоговой базы, проблемы с несдерживаемой миграцией и т. д. Наиболее метко выразилась на этот счет французский государственный деятель Марин Ле Пен. В своем интервью телеканалу CBS News в 2017 г., являясь кандидатом в президенты Франции, она утверждала, что прежние лидеры зашли слишком далеко по пути глобализации: «Глобализация стала идеологией без каких-либо ограничений». Гражданам необходимо крепкое национальное государство с реальной экономикой заводов и фермерских хозяйств, а «не экономикой Уолл-стрит». И эти требования идут «вразрез с этой нерегулируемой, дикой и жесткой глобализацией»².

Военная спецоперация России на Украине и последовавшие за этим беспрецедентные антиросийские санкции, вызвавшие кризис на самом Западе и нарушившие весь мировой порядок, продемонстрировали, что всеобъемлющая взаимозависимость стран друг от друга как залог мира и всеобщего развития превратилась едва ли не в самое эффективное оружие. Как бы ни развивались дальнейшие события, возврата к прежнему уже не будет.

Однако кризис глобального устройства начался не сразу. По мнению англо-американских аналитиков Джона Миклетвэйта (главный редактор Bloomberg News, участник заседаний Бильдербергского клуба) и Адриана Вулдриджа (сотрудник The Economist), глобализация подверглась «атакам» начиная с 11 сентября 2001 г. (террористические акты в США), финансового кризиса 2008 г. и Брексита вместе с избранием Дональда Трампа президентом США в 2016 г.³ Существенный вклад в разрушение интеграционных экономических связей внесла и пандемия коронавируса. Однако именно кризис на Украине и позиция России как «главного врага

глобализации», по мнению англо-американских экспертов, могут «добить» глобализацию, разделить мировую экономику на китайскую и западную части: «Прямо сейчас исход, к которому мы скатываемся, заключается в том, что авторитарный Восток постепенно отделяется от нас, а затем начинает стремительно обходить демократический, но разделенный Запад». Единственная возможность спасти глобализацию и Запад, по их мнению, — это экономически сплотить США и Западную Европу, а затем подключить к этому «организму» часть Азии с Латинской Америкой. Это может быть создание измененной версии Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, присоединенного затем к Тихоокеанскому, с объединением Австралии, Новой Зеландии, части азиатских и американских государств.

Представленная модель, по мнению различных специалистов, малореалистична, ведь она предполагает продолжение глобализации по-англосаксонски. А события последних лет (поведение США и их союзников во время пандемии, уход американцев из Афганистана и российско-украинский конфликт), по словам Ван Вень (исполнительный декан Института финансовых исследований «Чунъян» Китайского народного университета), «ознаменовали обвал доверия в мире к США и конец глобализации, основанной на американских ценностях. Америка больше не будет лидером в том, что касается ценностей и культуры. Экономическими флагманами станут страны Азии (Китай, Индия и др.). В целом глобализация будет все более диверсифицированной»⁴.

По мнению Жака Сапира (профессора экономики Парижской высшей школы социальных наук), период деглобализации в связи с происходящим между Россией и Украиной резко ускорился. «Все более быстрая фрагментация мира не идет на пользу его западной части. За 20 лет Запад, “большая семерка” существенно потеряли в весе (экономически, финансово, технологически). В 2000 г. на них приходилась почти половина мировой экономики, сейчас — 31 %. Попытки возродить дух той холодной войны обречены на неудачу. Более того, часть западных стран могут осознать реалии, тогда раздробление произойдет внутри самого Запада»⁴.

¹ Путин В. 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. 28.09.2015 (<http://kremlin.ru/events/president/news/50385>).

² Марин Ле Пен. Глобализация — это катастрофа для большинства жителей планеты. Интервью телеканалу CBS News от 06.03.2017 (<https://regnum.ru/news/polit/2245645.html>).

³ Акопов П. Глобализация отменяется. Запад теряет основу своего могущества (<https://ria.ru/20220331/zapad-1780956836.html?ysclid=1ley2y022e>).

⁴ Россия в глобальной политике (<https://globalaffairs.ru/articles/pervaya-ekonomicheskaya-mo-11-03/>).

Заключение

Таким образом, глобализация — это фаза развития определенной цивилизации, прежде всего западной¹. И, судя по всему, в этом направлении она заканчивается.

США продолжают развиваться, хотя и будут терять свои позиции. Связь США и Европы, вероятно, укрепитя, но у объединенной Европы, раздираемой конфликтами, переживающей в настоящее время полноценный социально-экономический шок, который может спровоцировать не рецессию, а даже депрессию, будущее выглядит весьма туманным. Европа находится на этапе глубокого переосмысления своей модели региональной интеграции.

В мире начинается новая историческая эпоха. Наиболее стабильным регионом становится Азия. Двигателями развития мира будут страны Азии, прежде всего Китай. КНР в ближайшие годы станет ведущей экономикой мира и будет готов взять на себя роль одного из центров глобализации. Об этом свидетельствует речь председателя КНР Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2017 г., где он заявил: «...Мы должны адаптироваться к экономической глобализации, сгладить негативный эффект от нее и привнести ее положительное влияние во все страны. Нравится это вам или нет, глобальная экономика — большой океан, от которого невозможно скрыться» [3]. Поднебесная сильно заинтересована в международной стабильности и будет ей способствовать. По словам Ван Вень, «мы много вложили во всем мире и, конечно, озабочены будущим этого»².

Какое же место во всем происходящем принадлежит России? Спецоперация России на Украине показала, что наша страна не готова подчиняться единым правилам, установленным гегемоном мирового порядка. По сути, происходит противостояние двух цивилизаций — российской и западной³, имеющих свои цивилизационные идеи, «коды», тесно связанные с религией и проявляющие себя в нравственных ценностях. По мнению политолога и экономиста С. Караганова, Россия своими действиями на Украине «содействует возвращению мира из виртуального в реальный и национальный»⁴.

Для России уже давно настало время перевернуть страницу отработавшей политической, экономической ориентации Петровской эпохи «открытого

окна в Европу» и попытаться стать «балансиром в американско-китайском соперничестве»⁵. Начавшееся десятилетие назад усиление ориентации экономических связей России на Восток (официально планы совершить азиатский поворот были провозглашены на саммите АТЭС в 2012 г.) этому могло бы и должно было бы способствовать. Однако спустя десять лет говорить о серьезных сдвигах и достижениях в этом направлении представляется сложным. Дальний Восток пока не достиг заявленной цели по интеграции в экономику Азиатско-Тихоокеанского региона. Не состоялась и диверсификация экономических связей России с данным регионом: по-прежнему расширение торговых связей приходится в основном на Китай. При этом сохраняется дисбаланс внешней торговли между нашими странами: доля Китая в товарообороте России составляет 18%, а доля России в товарообороте Китая — всего лишь 2%⁶. Взаимодействие России с региональными организациями и отдельными странами АСЕАН развивается медленно, что подтверждается оценкой регионального влияния России в Индексе азиатской помощи Института Лоуи за 2021 г., согласно которой наша страна классифицируется как средняя по влиянию в Азии (5-е место, значение индекса — 33). Ведущей державой индекса является США — 1-е место, значение индекса — 82,2⁶. Таким образом, на сегодняшний день, вопреки политическим заявлениям о концентрации внимания России на «восточном повороте», этот переход осуществить не удалось: общие результаты остаются незначительными. Оставаясь крупным поставщиком оружия в Азиатско-Тихоокеанский регион (2-е место после США, 1-е место по поставкам в Индию и Юго-Восточную Азию), но существенно уступая по своим экономическим взаимоотношениям, Россия объективно может не успеть занять свое достойное место в быстро меняющемся мировом порядке со смещением глобальной геополитики и геоэкономики на Восток, а военная операция на Украине, максимально затягиваемая западными политиками, еще больше отвлекает нас от развития восточного направления. Однако вопреки всему, России не в первый раз предстоит находиться «на передовой» и, не имея достаточных экономических ресурсов, тем не менее

⁵ Караганов С. Шанс, который нельзя упустить // Российская газета. Федеральный выпуск № 139 (8490) от 24.06.2021 (<https://rg.ru/2021/06/25/karaganov-rossiindo-dumat-kak-pobedit-v-holodnoj-vojne.html>).

⁶ Капур Н. Поворот России к Азии: десять лет спустя. 21.03.2022 (<https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-rossii-k-azii-desyat-let-spustya/>).

¹ Павленко В. Суверенитет против глобализма...

² Россия в глобальной политике...

³ Павленко В. Суверенитет против глобализма...

⁴ Караганов С. Против нас большой Запад...

непосредственно участвовать в перестроении мира. Поэтому нашей стране необходимо будет пережить очевидно надвигающиеся трудности, не допустить раскола в обществе, сохранить наши традиционные ценности и, следуя известной цитате португаль-

ского политика Жозе Мануэля Баррозу о том, что «Россия — цивилизация, притворяющаяся страной», продолжать нести характер цивилизационной миссии на мировой политической арене.

Список источников

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университет. кн., 2001. 416 с.
2. Рамазанов И. А., Шальнова О. А., Швайко В. В. Поведение покупателей в эпоху глобальных рынков и новых информационных технологий // Маркетинг в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 31—41. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28825697>.
3. Самбурова Е., Мироненко К. Китай в мировом хозяйстве в контексте глобализации // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 1 (40). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2017/2017-01/china-in-the-world-economy-in-the-context-of-globalization>.

References

1. Vallerstain I. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire. St. Petersburg: Universitetskaya kniga; 2001. 416 p. (In Russ.).
2. Ramazanov IA. *Marketing v Rossii i za rubezhom*. 2017;(2):31-41. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28825697> (In Russ.).
3. Samburova E, Mironenko K. *Mirovoye i natsional'noye khozyaystvo*. 2017;(1(40)). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2017/2017-01/china-in-the-world-economy-in-the-context-of-globalization> (In Russ.).

Информация об авторе

Л. И. Заволокина — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики.

Information about the author

Liudmila I. Zavolokina — Candidate of Economic Sciences, Department of Applied Economics.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 18.08.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 11.05.2022; approved after reviewing 18.08.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 316.33

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11118

ДОВЕРИЕ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ КАТЕГОРИЯ

Дарья Сергеевна Бенц^{1✉}, Максим Сергеевич Казадаев²

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ benz@csu.ru, ORCID: 0000-0003-1257-248X

² kms@csu.ru, ORCID: 0000-0003-0498-322X

Аннотация. Представлен обзор существующих подходов к междисциплинарной категории доверия как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Особое внимание уделено исследованию данной дефиниции в рамках социологического, психологического и экономического полей. В ходе исследования были выделены основные черты доверия и ключевые особенности, рассмотрена роль доверия в качестве ключевого драйвера развития социального капитала и компонента, формирующего успешность национальной системы в целом. Результаты проведенного исследования призваны не только определить значимость данного феномена, но и обусловить актуальность создания методики измерения уровня доверия среди различных общественных групп.

Ключевые слова: доверие, социальный капитал, социальное доверие, институциональное доверие, общественные, социально-политические институты, высшее образование

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания № 076-01391-22-03 по реализации проекта «Доверие к социально-политическим институтам и органам власти в образовательной среде».

Для цитирования: Бенц Д. С., Казадаев М. С. Доверие как междисциплинарная категория // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 167—176. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11118.

Review article

TRUST AS AN INTERDISCIPLINARY CATEGORY

Daria S. Benz^{1✉}, Maxim S. Kazadaev²

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

¹ benz@csu.ru, ORCID: 0000-0003-1257-248X

² kms@csu.ru, ORCID: 0000-0003-0498-322X

Abstract. The article presents an overview of existing approaches to the interdisciplinary category of trust in both foreign and domestic literature. Particular attention is paid to the study of this definition within the sociological, psychological and economic fields. In the course of the study, the main features of trust and key features were identified, the role of trust as a key driver for the development of social capital and a component that forms the “success” of the national system as a whole was considered. The results of the study are intended not only to determine the significance of this phenomenon, but also to determine the relevance of creating a methodology for measuring the level of trust among various social groups.

Keywords: trust, social capital, social trust, institutional trust, public, socio-political institutions, higher education

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the state task No. 076-01391-22-03 for the implementation of the project “Trust in socio-political institutions and authorities in the educational environment”.

For citation: Benz DS, Kazadaev MS. Trust as an interdisciplinary category. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):167-176. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11118.

Введение

Доверие — категория, встречающаяся в социологических, исторических, политических, экономических, юридических исследованиях. Практически любая общественная наука не обошла стороной данный феномен, что обуславливает значимость этой категории. В современных реалиях доверие является одной из фундаментальных основ устойчивого развития как индивида, государства, так и общества в целом, в принципе определяя общественное развитие. Тем не менее на сегодняшний день как в зарубежной, так и в отечественной литературе не существует единого подхода к определению данной дефиниции. Кроме того, нет универсальных способов и методик ее оценки. Процессы международной интеграции и дезинтеграции, глобализации и деглобализации, технического прогресса меняют категорию доверия, как и взаимоотношения индивидов — на межличностном, социальном, институциональном уровнях. Именно поэтому актуальным представляется анализ категориального аппарата данной дефиниции с точки зрения формирования подхода к ее определению, что в дальнейшем позволит сформировать методику оценки уровня доверия и способов его повышения по отношению к разным общественным группам.

Целью данной статьи является теоретический обзор международной и отечественной литературы по тематике доверия как междисциплинарной категории, а также обоснование формирования методики по оценке уровня доверия.

Обзор зарубежной и отечественной литературы

За последние десятилетия вопросам доверия как в зарубежной, так и в отечественной литературе посвящено достаточно большое количество работ. Так, например, Дж. Хоскинг рассматривает данный феномен с точки зрения исторической ретроспективы, определяя эволюцию доверительных отношений между индивидами, общественными группами, организациями и, в большем, между различными общественными институтами. Автор также говорит о том, что доверию должно быть отведено центральное место в контексте изучения экономических процессов: именно доверие, а не следование рациональному поведению в стремлении удовлетворить эгоистические интересы, способно в большей степени раскрыть или же рассказать о поведении субъекта экономических отношений; именно благодаря доверию принимаемые участниками экономических отношений решения сохра-

няют свои рамки, поскольку создается ощущение благонадежности. В доверительных отношениях, по мнению автора, возможные риски «будущего» существенно минимизируются, поскольку индивид располагает мнением о том, что возможные альтернативы строго определены и упорядочены [5].

Подобной точки зрения в контексте значимости доверия и доверия как одного из ключевых факторов развития общества придерживаются П. Штомпка и Ф. Фукуяма. П. Штомпка, анализируя данный феномен на национальном уровне, приходит к выводу, что для восстановления утраченного доверия общества к различным социальным институтам необходимо взаимодействие таких факторов, как убежденность индивидов в том, что изменения, совершаемые в государственных системах, носят постоянный и непрерывный характер, способствуют формированию нового, более лучшего качества жизни и определяют экономический рост; поддержка и развитие личного и социального капитала; активная демократизация государственной власти, которая включает становление демократических институтов, рыночной системы, более качественного и надежного закрепления конституционных прав и свобод. Определяя такую государственную политику, как отмечает автор, лидеры стран смогут в большей степени «управлять» уровнем доверия, способствуя его росту и, как следствие, развитию государства во многих аспектах его деятельности. Доверие, по мнению автора, должно стать не только важным, более того — стать признанной социальной ценностью общества [11]. Ф. Фукуяма определяет доверие в контексте важной составляющей человеческого общества, состоящей из двух уровней: доверия индивидуального и социального, охватывающего все общественные институты. «Успешность» государства зависит не от рыночных принципов или же традиций, сложившихся в обществе, а от распространившегося элемента культуры — уровня доверия, описывающего его. Как отмечает автор, именно благодаря этой дефиниции нация способна достичь высокого уровня развития. И активное экономическое развитие прежде всего обосновывается с точки зрения доверительных отношений: чем их уровень выше, чем выше их гармонизация, тем выше успешность, и, напротив, чем выше уровень недоверия среди общественных групп, тем ниже шансы на создание «благополучного» государства [3].

Б. Ротштейн и Э. Усланер в контексте исследования социального доверия выделяют такую переменную, как равенство, которое является одним из ис-

точников всеобщего доверия, по мнению авторов. Авторы концептуализируют данную дефиницию в двух плоскостях: в экономическом равенстве и равенстве возможностей, определяя в качестве важных направлений развития государственную политику по части здравоохранения, образования, возможностей на рынке труда и гендерного равенства. Так, они вывели следующую зависимость: страны, прилагающие мало или же недостаточно усилий для сокращения уровня неравенства внутри государства, имеют довольно низкий уровень доверия. Также ими была предложена концепция социальной ловушки: уровень социального доверия в таких странах не возрастает, потому что уровень социального неравенства достаточно высок, и в данном случае формирование государственной политики, направленной на устранение неравенства, не происходит потому, что в обществе устанавливается полное отсутствие доверия — в контексте как в принципе межличностных взаимодействий индивидов, так и их отношения к социальным институтам [9].

Анализируя уровень восприятия риска пандемии COVID-19 во всем мире, С. Драйхерст, К. Шнайдер, Д. Керр и др. выявили множество факторов, способных снизить уровень «пандемийного риска» и беспокойства среди общества, отмечая среди них такие, как личный опыт, индивидуальные и социокультурные ценности, сведения от членов семьи, друзей или же трудовых коллективов, уровень доверия к государству, научным институтам и институтам здравоохранения, знание индивидами государственной стратегии, личную и коллективную эффективность в контексте предупреждения распространения коронавирусной инфекции. Более чем в половине исследуемых стран, как отмечают авторы, данные факторы послужили ключевыми в контексте предупреждения распространения болезни и беспокойства общественных групп [2].

Человеческие ресурсы, несомненно, играют одну из ключевых ролей в современном мире. От того, насколько эффективно субъекты системы (государство, организации, семья) распоряжаются человеческими ресурсами, во многом зависит облик государства на мировой арене. Все чаще мы сталкиваемся с понятием человеческого капитала, введенное Г. Беккером, под которым он понимал накопленные у индивида знания, компетенции, навыки и опыт. Автор отмечал необходимость инвестиций в данную категорию капитала с целью повышения его производственных способностей, что сказывалось непосредственно на его трудовой деятельности и, как следствие, способствовало организации достичь куда большей эффективности, чем от использования физического капитала (в сравнении с затратами на его поддержание) [33], однако он рассматривал индивида с точки зрения «рационализатора». Разумеется, что в реальных условиях подобного поведения индивида добиться невозможно ввиду всевозможных факторов, именно поэтому идеи Г. Беккера отразились в работах других исследователей. Так, Дж. Коулман ввел в структуру человеческих ресурсов, представленную на рисунке ниже, категории физиологического и социального капитала [22], а Ф. Фукуяма, в свою очередь, отметил значимую роль доверия в составе социального капитала, определяя его одной из ключевых компонент данного ресурса [3], предопределяя значимость инвестиций как индивидами, так и организациями не только в человеческий капитал, но и в социальный и физиологический (примером тому в современности могут служить тренировочные корпоративные центры, как способ развития физиологического капитала; создание и поддержка корпоративных ценностей через тренинги, средства корпоративного обучения как способа развития капитала социального).

Типология человеческих ресурсов
Typology of human resources

Источник: [18].

Исследуя природу и способы измерения социального капитала, К. Сквивенс и К. Смит разработали методику оценки посредством изучения четырех аспектов: личных отношений, поддержки социальных сетей, гражданской активности, норм доверия и норм сотрудничества (в данном случае доверие рассматривается в тесной взаимосвязи с сотрудничеством). В частности, авторы обнаружили положительную корреляцию между нормами доверия и нормами сотрудничества: чем выше уровень доверия и сотрудничества среди индивидов, тем выше экономический рост, лучше состояние здоровья и личностное благополучие; было определено, что в организациях с высоким уровнем данных параметров наблюдалось снижение операционных издержек, было обеспечено эффективное распределение имеющихся ресурсов, высокий уровень социального контроля, рост индивидуального благополучия. При осуществлении взаимовыгодных доверительных связей нормы доверия и сотрудничества приносят положительную сумму выгод для всех членов общества; играя вспомогательную роль, они формируют то, как индивиды относятся к социальным структурам, поддерживающим функционирование общества [10]. Подобного мнения придерживаются К. Линс, Х. Серваэс и А. Тамайо, рассматривая социальный капитал, как средство повышения эффективности компаний в периоды кризисных процессов в экономической системе. Измеряя социальный капитал с позиции корпоративной социальной ответственности, они пришли к выводу, что компании с высоким уровнем корпоративной социальной ответственности имеют более высокие прибыльность, рост и объем продаж на одного работника по сравнению с компаниями с низким уровнем корпоративной социальной ответственности, таким образом подтверждая гипотезу о том, что доверие между компанией и заинтересованными сторонами, построенное за счет инвестиций в социальный капитал, окупается во время кризисных состояний [8].

Д. Гефен рассматривает роль знакомства и доверия, определяя первое в качестве предпосылки второго. Моделируя ситуацию, связанную с покупкой книг в интернет-магазине, автор доказывает гипотезу о том, что знакомство с продавцом и ознакомление с его процессами приближает потребителя к покупке, укрепляя уровень доверия между исследуемыми субъектами [4].

Вопросам организационного доверия и институционального в рамках технологического прогресса (в частности, доверия индивидов к интернет-ресурсам, средствам автоматизации) посвящены

работы таких авторов, как А. Йосанг, Р. Исмаил, К. Бойд, Э. Уэлч, К. Хиннант, Д. Мун и др. На организационном уровне А. Йосанг, Р. Исмаил, К. Бойд рассматривают системы репутации в контексте предоставления онлайн-услуг как параметра, влияющего на уровень доверия среди потенциальных потребителей [6]. Дж. Ли и К. Си обосновывают необходимость взаимосвязи доверия индивидов с процессами автоматизации, происходящими в обществе, исходя из предпосылки о том, что индивиды по своей природе к подобным технологическим изменениям относятся с социальной точки зрения; доверие, по мнению авторов, рассматривается в широкоформатной плоскости: организационной, социологической, межличностной, психологической и неврологической [7]. Э. Уэлч, К. Хиннант, М. Мун в своем исследовании поднимают вопрос о роли институционального доверия в контексте уровня удовлетворенности индивидов институтами власти и электронными ресурсами, описывающими их деятельность. Так, авторы приходят к выводу о том, что при наличии электронных ресурсов, регламентирующих деятельность политических институтов, уровень доверия человека куда выше, однако только в том случае, если электронные ресурсы обладают качествами открытости, прозрачности и доступности в информационных аспектах [12].

С экономической точки зрения доверие связывали и с экономическим ростом и развитием [14; 32], и с эффективностью функционирования корпорации [1; 31].

Социологических и психологических исследований, посвященных доверию, несколько больше, нежели экономических. Исследователи отмечают смежные термины: вера, уверенность, надежда [17]. В широком смысле указанные термины близки доверию, однако не могут быть полностью синонимичны. Вера и надежда, как отмечают авторы, — это иррациональные убеждения. Доверие же имеет основания. При этом надежда является еще и пассивным чувством. Уверенность — результат взаимоподкрепляемых ожиданий.

Категория «доверие» неразрывно связана с терминами «уверенность», «удовлетворенность» и у других авторов. Оценивая показатели удовлетворенности по различным группам (питание, одежда, состояние здоровья, возможность реализовать себя в профессии, статус в обществе, материальная обеспеченность, возможности проведения досуга, возможность общения с друзьями, возможность получения образования, жилищные условия, отношения в семье, уровень личной безопасности, возможность выражать политические

взгляды и т. д.), М. К. Горшков и Н. Н. Седова определили группу «самодостаточных» граждан [16]. Феномен «самодостаточности» авторы увязали с ощущением независимости от государства. Антиподом «самодостаточных» авторы назвали «зависимых» россиян. Самодостаточных граждан от зависимых отличает более высокая удовлетворенность всеми аспектами повседневной жизни. Можно предположить, что условием роста доли самодостаточных россиян и становится доверительная институциональная среда. Если доверие, в том числе к общественно-политическим институтам, невысоко, то и прослойка «самодостаточных» формируется медленно и не является устойчивой.

Связь доверия с располагаемыми ресурсами отмечает А. В. Кученкова [23]. Более высокий доход, доступность образования, проживание в большом городе — те факторы, которые ложатся в основу более высокого уровня межличностного доверия. Автор увязывает доверие с социальным самочувствием и социальными настроениями индивидов.

О снижении институционального доверия в долгосрочной перспективе говорят исследования, посвященные социально-психологическому анализу влияния пандемии COVID-19 в долгосрочной перспективе [26].

Исследований, посвященных доверию, множество. Невозможно даже их перечислить. Интересную динамику показали авторы В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова, Д. В. Лазутина, Е. Казьмерчик, А. А. Усаченко: количество изданий, опубликованных на английском языке, со словом *trust* в период 1900—1909 гг. составляло 13 700 против 2 030 000 в 2000—2009 гг. [18].

При всем изобилии исследований, посвященных доверию, можно смело заявить, что практически все авторы, будь то социологи, философы, политологи или же экономисты, соглашаются с тем, что доверие обеспечивает стабильность общества [20], приводит к росту гражданской активности [34], формирует сильную государственность, сильное гражданское общество [29], ложится в основу безопасности гражданского общества. Более того, исследователи считают, что доверие в условиях его негативной динамики можно «производить». И механизмом такого производства некоторые авторы называют развитие коллективной благотворительности [29].

Несмотря на то что процессы глобализации на сегодня для мирового пространства уже не столь актуальны, все же пару последних десятилетий эти процессы набирали обороты, и в конечном итоге привели к снижению уровня социального доверия.

Такая долгосрочная динамика характерна для многих стран мира [34].

В исследованиях многих вышеприведенных авторов прослеживается разделение доверия на социальное, межличностное, институциональное. Последнее в большей степени ложится в русло экономической науки. Самостоятельный блок исследований касается доверия к общественным и социально-политическим институтам. Относя институциональное доверие к элементам социального капитала, исследователи еще в 2009 г. определили такую закономерность: высокий уровень доверия социальным институтам, в том числе институтам власти, характерен для людей с низким человеческим капиталом [30]. Следует отметить, что доверие, являющееся индикатором запаса социального капитала, не так просто измерить. Авторы констатировали, что уровень доверия институтам власти в принципе невелик. К такому же выводу пришел и А. Н. Татарко [32]. Причем уровень институционального доверия федеральной власти выше у жителей регионов, нежели центра. Чем дальше регион расположен от центра, тем выше уровень доверия федеральной власти. В отношении муниципальной власти связь опять же обратная: чем ближе к этой власти находится гражданин, тем меньше уровень доверия. Уровень институционального доверия связан и с уровнем образованности, и связь здесь вновь обратная. Наименее образованные люди склонны в большей мере доверять институтам власти [30].

О доверии государству говорит М. А. Вахтина. Доверие играет важную роль в росте эффективности государства. При этом в условиях высокой эффективности государственных институтов растет институциональное доверие. Следовательно, взаимосвязь указанных процессов двусторонняя [15].

Причиной низкого доверия органам местного самоуправления Р. В. Петухов называет расхождение между теорией местного самоуправления и реальной практикой муниципального управления. Отчуждение местной власти от рядовых граждан и сокращение числа избираемых муниципальных чиновников сформировали низкий уровень доверия муниципальным институтам [27]. Автор показал, что более половины россиян (52—53 %) воспринимают такие термины, как «власть» и «самоуправление», нейтрально. При этом восприятие термина «государство» у 59 % граждан положительное и только у 37 % — нейтральное.

О положительной взаимосвязи социального и институционального доверия говорит В. С. Мартынов [24]. Доверие к государству является условием

эффективности и легитимности такового. Он отмечает такую тенденцию, как рост доверия президенту и ряду институтов федеральной власти и нехватка доверия муниципальной власти. Автор говорит о том, что для нашей страны характерна специфическая особенность — доверие к институтам власти растет по мере удаления этой власти от субъекта доверия, а также по мере удаления власти от непосредственного воздействия на повседневную жизнь россиян.

О диалектическом единстве «власти доверия» и «доверия власти» говорит Е. Я. Дугин. Автор ссылается на две составляющие доверия — рациональную и эмоциональную [19]. Рациональная составляющая означает, что объект доверия может выполнить обязательства, которые ожидает от него субъект доверия, так как этот объект обладает профессионализмом и нужными компетенциями. Эмоциональная составляющая базируется на порядочности и доброй воле контрагента. Отмечая, что институциональное доверие включает в себя все составляющие, ученый под таким пониманием доверия общественным и государственным институтам. Если все институты разделить по трем уровням доверия, характерным для российского общества, то картина выйдет следующая: самый высокий уровень доверия характерен в отношении президента страны, Российской армии. Примерно в равной степени граждане разделились на доверяющих и недоверяющих в отношении Правительства РФ и губернаторов (руководителей субъектов РФ). Самый низкий уровень доверия характерен для муниципального управления, профсоюзов, полиции, телевидения, печатных СМИ, судебной системы и политических партий.

Связь доверия и образования — вопрос также крайне актуальный. Сегодня перед рабочей группой при Государственном совете РФ по направлению «Наука» поставлена задача повысить качество преподавания общественных наук. Сделать это нужно таким образом, чтобы постепенно сформировать у обучающихся ответственное отношение к Родине, к Отчизне. Тогда постепенно будет расти и уровень доверия к политическим и общественным институтам. Так считают участники рабочей группы. Через образование можно и нужно строить нормы социального доверия [13]. По результатам эмпирического исследования, опубликованного Т. В. Натховым, образование оказалось единственным тесно коррелирующим фактором, связанным с доверием [25]. Д. А. Плетнев и М. С. Казадаев в своих исследованиях также определяют высокую роль образования в развитии личностных качеств,

навыков и умений индивида, акцентируя внимание на инвестиционной политике по части образования, что в дальнейшем положительно сказывается на эффективности как компаний, так и государства [28].

Учитывая, что высшее образование можно считать показателем высокого социального статуса в обществе, а люди с высшим образованием представляют собой отдельный интеллектуальный слой в обществе, важно проводить больше исследований, изучающих связь доверия и высшего образования [21].

Авторы данной публикации поставили задачу проанализировать существующие настроения в образовательной среде вузов, с тем чтобы понять, насколько студенты готовы стать тем «материалом», который с течением времени способен сформировать доверительный фундамент в российском обществе.

Выводы

В соответствии с проведенным исследованием можно сделать следующие выводы: во-первых, категория доверия является достаточно многогранной, фигурируя в социологических, психологических, юридических, экономических и прочих исследованиях; во-вторых, определяя феномен доверия, как зарубежные, так и отечественные авторы во многом определяют данную дефиницию как механизм процветания и общества в целом, и отдельных его субъектов; в-третьих, являясь частью социального капитала, доверие тесно взаимосвязано с человеческим капиталом и способами инвестирования в него, в рамках которого ключевыми являются инвестиции в образование. Отечественными авторами была обоснована тесная взаимосвязь между доверием и образованием как системой, создающей определенный уровень доверительных отношений у индивида по отношению ко многим общественным и государственным институтам. Студенты, преподаватели, сотрудники высших учебных заведений — это те лица, которым отводится не последняя роль в распространении информации, формировании той идеологии, которая должна быть созидательной и ни в коем разе не разрушительной. Тем временем это тот сегмент общества, который в силу своей профессиональной специфики или же принадлежности к определенной среде способен мыслить, применяя объективные методы познания. И чаще именно у таких людей формируется способность к критическому мышлению. Поэтому если государство ставит задачу формирования корректных ценностных ориентиров, то не последнюю надежду нужно возлагать

на субъекты высших учебных заведений. Именно мы становимся тем транслятором, рупор которого общество может услышать. Следовательно, нащупать конкретные настроения в отношении доверия к общественным и государственным институтам в образовательной среде, определить конкретные

факторы, формирующие это доверие, — задача посильная и актуальная, которая, в свою очередь, раскрывается через необходимость формирования методики оценки по определению уровня доверия в различных общественных группах.

Список источников

1. Is the trust a condition of Russian economy growth? / V. Barkhatov, D. Bents, S. Ayupova, E. Kozlova // *European Proc. of Social & Behavioural Science*. 2019. Vol. 59. P. 310.
2. Risk perceptions of COVID-19 around the world / S. Dryhurst, C. Schneider, J. Kerr, A. Freeman, G. Recchia, A. van der Bles, D. Spiegelhalter, S. van der Linden // *Journal of Risk Research*. 2020. No. 23 (4). P. 994—1006.
3. Fukuyama F. *Trust: The social virtues and the creation of prosperity*. Simon and Schuster, 1996.
4. Gefen D. E-commerce: the role of familiarity and trust // *Omega*. 2000. No. 28 (6). P. 725—737.
5. Hosking G. *Trust: a History*. Oxford Univ. Press, 2014.
6. Jøsang A., Ismail R., Boyd C. A survey of trust and reputation systems for online service provision // *Decision Support Systems*. 2007. No. 43 (2). P. 618—644.
7. Lee J. D., See K. A. Trust in Automation: Designing for Appropriate Reliance // *Human Factors*. 2004. No. 46 (1). P. 50—80.
8. Lins K. V., Servaes H., Tamayo A. Social Capital, Trust, and Firm Performance: The Value of Corporate Social Responsibility during the Financial Crisis // *The Journal of Finance*. 2017. No. 72. P. 1785—1824.
9. Rothstein B., Uslaner E. All for All: Equality, Corruption, and Social Trust // *World Politics*. 2005. No. 58 (1). P. 41—72.
10. Scrivens K., Smith C. Four Interpretations of Social Capital: An Agenda For Measurement // *OECD Statistics Working Papers*. 2013. No. 06.
11. Sztompka P. Trust and Emerging Democracy: Lessons from Poland // *International Sociology*. 1996. No. 11 (1). P. 37—62.
12. Welch E., Hinnant C., Moon M. Linking Citizen Satisfaction with E-Government and Trust in Government // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2005. No. 15 (3). P. 371—391.
13. Асмолов А. Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // *Вопросы образования*. 2008. № 1. С. 65—87.
14. Бенц Д. С. Доверие и экономический рост // *Финансово-экономическое и информационное обеспечение инновационного развития региона: материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Посвящается 75-летию Гуманитар.-пед. акад. (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского» в Ялте*. 2019. С. 11—15.
15. Вахтина М. А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности // *Журнал институциональных исследований*. 2011. Т. 3, № 3. С. 57—65.
16. Горшков М. К., Седова Н. Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // *Социологические исследования*. 2015. № 12 (380). С. 4—16.
17. Гуриева С. Д., Борисова М. М. Доверие как социально-психологическое явление // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика*. 2014. № 4. С. 126—136.
18. Рецензия на книгу «Доверие в современном обществе» (2019 г.) под редакцией Масамиси Сасаки / В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова, Д. В. Лазутина, Е. Казьмерчик, А. А. Усаченко // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2019. Т. 5, № 3. С. 251—273.
19. Дугин Е. Я. Власть доверия и доверие власти // *Власть*. 2018. Т. 26, № 8. С. 60—66.
20. Заболотная Г. М. Феномен доверия и его социальные функции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология*. 2003. № 4—5. С. 79—85.
21. Зеленев И. А., Прохода В. А. Доверие и высшее образование: сравнение России и других европейских государств // *Философские науки*. 2016. № 10. С. 107—115.
22. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 122—139.

23. Кученкова А. В. Межличностное доверие в российском обществе // Социологические исследования. 2016. № 1 (381). С. 26—36.
24. Мартыанов В. С. Институциональное доверие как экономический ресурс: стимулы и препятствия эффективности // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10, № 1. С. 41—58.
25. Натхов Т. В. Образование и доверие в России. Эмпирический анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. № 3. С. 353—373.
26. Нестик Т. А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5, № 2 (18). С. 47—83.
27. Петухов Р. В. Доверие российского общества к органам местного самоуправления как проблема // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 61—75.
28. Плетнев Д. А., Казадаев М. С. Корпоративные университеты как факторы устойчивости и эффективности российских компаний в пандемию // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 6 (464). С. 165—178.
29. Розинская Н. А., Розинский И. А. Национальный проект «Доверие» // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 138—146.
30. Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России / М. Сасаки, В. А. Давыденко, Ю. В. Латов, Г. С. Ромашкин, Н. В. Латова // Журнал институциональных исследований. 2009. Т. 1, № 1. С. 20—35.
31. Силова Е. С., Бенц Д. С. Доверие как фактор повышения устойчивости корпорации // Устойчивое развитие в неустойчивом мире: сб. тр. конф. 2014. С. 23—27.
32. Татарко А. Н. Взаимосвязь доверия и экономического развития: кросс-страновой анализ // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 5, № 2. С. 50—57.
33. Беккер Г. С. Человеческое поведение: Экономический подход: пер. с англ. / [сост., науч. ред. пер., авт. послесл. Р. И. Капелюшников]. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 670 с.
34. Шабунова А. А., Гужавина Т. А., Кожина Т. П. Доверие и общественное развитие в России // Проблемы развития территории. 2015. № 2 (76). С. 7—19.

References

1. Barkhatov VI, Bents DS, Ayupova SG, Kozlova EV. Is the trust a condition of Russian economy growth? *European Proc. of Social & Behavioural Science*. 2019;(59):310.
2. Dryhurst S, Schneider CR, Kerr J, Freeman ALJ, Recchia G, van der Bles AM, Spiegelhalter D, van der Linden S. Risk perceptions of COVID-19 around the world. *Journal of Risk Research*. 2020;(23-4):994-1006.
3. Fukuyama F. Trust: The social virtues and the creation of prosperity. Simon and Schuster; 1996.
4. Gefen D. E-commerce: the role of familiarity and trust. *Omega*. 2000;(28-6):725-737.
5. Hosking G. Trust: a History. Oxford University Press; 2014.
6. Jøsang A, Ismail R, Boyd C. A survey of trust and reputation systems for online service provision. *Decision Support Systems*. 2007;(43-2):618-644.
7. Lee JD, See KA. Trust in Automation: Designing for Appropriate Reliance. *Human Factors*. 2004;(46-1):50-80.
8. Lins KV, Servaes H, Tamayo A. Social Capital, Trust, and Firm Performance: The Value of Corporate Social Responsibility during the Financial Crisis. *The Journal of Finance*. 2017;(72):1785-1824.
9. Rothstein B, Uslaner E. All for All: Equality, Corruption, and Social Trust. *World Politics*. 2005;(58-1):41-72.
10. Scrivens K, Smith C. Four Interpretations of Social Capital: An Agenda for Measurement. *OECD Statistics Working Papers*. 2013;(06):70.
11. Sztompka P. Trust and Emerging Democracy: Lessons from Poland. *International Sociology*. 1996;(11-1):37-62.
12. Welch EW, Hinnant CC, Moon MJ. Linking Citizen Satisfaction with E-Government and Trust in Government. *Journal of Public Administration Research and Theory*. 2005;(15(3):371-391.
13. Asmolov AG. The strategy of socio-cultural improvement of education: on the way to overcoming the ideal of society. *Voprosy obrazovaniya = Problems of education*. 2008;(1):65-87. (In Russ.).

14. Benz DS. Trust and economic growth. In: Finansovo-ekonomicheskoye i informatsionnoye obespecheniye innovatsionnogo razvitiya regiona. Materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Posvyashchayetsya 75-letiyu Gumanitarno-pedagogicheskoy akademii (filial) FGAOU VO “KFU im. VI Vernadskogo” v g. Yalte = Financial, economic and information support for the region’s innovative development. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Dedicated to the 75th anniversary of the Humanitarian Pedagogical Academy (branch) FGAOU HE “KFU im. IN AND. Vernadsky” in Yalta. 2019. Pp. 11—15. (In Russ.).
15. Vakhtina MV. A. Trust in the economy as a factor in its effectiveness. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy = Journal of institutional research*. 2011;(3-3):57-65. (In Russ.).
16. Gorshkov MK, Sedova NN. “Self-static” Russians and their life priorities. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2015;(12(380):4-16. (In Russ.).
17. Gurieva SD, Borisova MM. Trust as a socio-psychological phenomenon. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika = Bulletin of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*. 2014;(4):126-136. (In Russ.).
18. Davydenko VA, Andrianova EV, Lazutina DV, Kazmerchik E, Usachenko AA. Review of the book “Trust in Public Society”. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskkiye i pravovyye issledovaniya = Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research*. 2019;(5-3):251-273. (In Russ.).
19. Dugin EYa. Power of trust and trust of power. *Vlast' = Power*. 2018;(26-8):60-66. (In Russ.).
20. Zabolotnaya GM. The phenomenon of trust and its social functions. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya. = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2003;(4-5):79-85. (In Russ.).
21. Zelenev IA, Prokhoda VA. Trust and Higher Education: A Comparison of Russia and Other EU States. *Filosofskiyey nauki = Philosophical Sciences*. 2016;(10):107-115. (In Russ.).
22. Coleman J. Capital, social and human. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 2001;(3):122-139. (In Russ.).
23. Kuchenkova AV. Interpersonal trust in Russian society. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2016;(1(381):26-36. (In Russ.).
24. Martyanov VS. Institutional trust as an economic resource: diseases and efficiency studies. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy = Journal of Institutional Research*. 2018;(10-1):41-58. (In Russ.).
25. Natkhov TV. Education and trust in Russia. Empirical Analysis. *Ekonomicheskyy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Economic Journal of the Higher School of Economics*. 2011;(3):353-373. (In Russ.).
26. Nestik TA. Impact of the COVID-19 pandemic on society: socio-psychological analysis. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*. 2020;(5-2(18):47-83. (In Russ.).
27. Petukhov RV. Trust of the Russian society to local governments as a problem. *Polis. Politicheskyye issledovaniya = Polis. Political studies*. 2017;(6):61-75. (In Russ.).
28. Pletnev DA, Kazadaev MS. Corporate efficiency universities as factors of sustainability and the Russian economy in a pandemic. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2022;(6(464):165-178. (In Russ.).
29. Rozinskaya NA, Rozinsky IA. National project “Trust”. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*. 2015;(12):138-146. (In Russ.).
30. Sasaki M, Davydenko VA, Latov YuV, Romashkin GS, Latova NV. Problems and paradoxes of the analysis of institutional trust as an element of the modern fate of Russia. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy = Journal of Institutional Research*. 2009;(1-1):20-35. (In Russ.).
31. Silova ES, Benz DS. Trust as a factor in the growth of morbidity. In: Ustoychivoye razvitiye v neustoychivom mire. Sbornik trudov konferentsii = Sustainable development in an unstable world. Conference Proceedings. 2014. Pp. 23—27. (In Russ.).
32. Tatarko AN. Relationship between trust and economic development: cross-country analysis. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. AS Pushkina = Bulletin of the Leningrad State University. AS Pushkin*. 2014;(5-2):50-57. (In Russ.).
33. Human behavior: Economics approach. Moscow: State University Higher School of Economics; 2003. 670 p. (In Russ.).

34. Shabunova AA, Guzhavina TA, Kozhina TP. Trust and social development in Russia. *Problemy razvitiya territorii = Problems of territory development*. 2015;(2(76):7-19. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. С. Бенц — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков.

М. С. Казадаев — аспирант, старший лаборант учебно-научной лаборатории инновационного бизнеса и предпринимательства института экономики, отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the authors

Daria S. Benz — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industry and Market Economics.

Maxim S. Kazadaev — Postgraduate student, Senior laboratory assistant of the Educational and Scientific Laboratory of Innovative Business and Entrepreneurship of the Institute of Economics, Industries, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 01.10.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Обзорная статья

УДК 338.24

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11119

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА

Дмитрий Александрович Плетнев¹, Сергей Николаевич Викулин²,
Павел Геннадьевич Щелканов², Александр Дмитриевич Плетнев³

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, pletnev@csu.ru, ORCID: 0000-0002-6494-572X

² ООО «Защитник сайтов», Челябинск, Россия, vuln.detector@internet.ru

³ Университет ИТМО, Челябинск, Россия, pletnev.sasa@gmail.com

Аннотация. Дан обзор актуальных в 2022 г. вызовов информационной безопасности малого и среднего бизнеса в России. Особое внимание уделено вопросу соотношения стоимости и эффекта таких систем, субъективному восприятию необходимости таких систем руководством фирм, вопросам доверия к отечественным и зарубежным разработкам в этой сфере, а также надежности зарубежных поставщиков. Сформулированы предложения по совершенствованию государственной и медийной поддержки темы обеспечения информационной безопасности малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: информационная безопасность, малый бизнес, средний бизнес, малый и средний бизнес

Для цитирования: Плетнев Д. А., Викулин С. Н., Щелканов П. Г., Плетнев А. Д. Новые вызовы информационной безопасности малого и среднего бизнеса // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 177—181. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11119.

Review article

NEW CHALLENGES TO INFORMATION SECURITY OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS

Dmitry A. Pletnev¹, Sergey N. Vikulin², Pavel G. Shchelkanogov², Alexander D. Pletnev³

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, pletnev@csu.ru, ORCID: 0000-0002-6494-572X

² LLC SiteProtector, Chelyabinsk, Russia, vuln.detector@internet.ru

³ ITMO University, Chelyabinsk, Russia, pletnev.sasa@gmail.com

Abstract. The article provides an overview of the information security challenges of small and medium-sized businesses in Russia that are relevant in 2022. Particular attention is paid to the question of the ratio of the cost and effect of such systems, the subjective perception of the need for such systems by the management of firms, issues of trust in domestic and foreign developments in this area, as well as the reliability of foreign suppliers. Proposals have been formulated to improve state and media support for the topic of ensuring information security for small and medium-sized businesses.

Keywords: information security, small business, medium business, small and medium business

For citation: Pletnev DA, Vikulin SN, Shchelkanogov PG, Pletnev AD. New challenges of information security of small and medium business. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469):177-181. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11119.

Введение

Перед рассмотрением основных особенностей информационной безопасности малых и средних предприятий в современных условиях назовем

ключевые аспекты их деятельности, попадающие под «зонтик» понятия «информационная безопасность». Во-первых, это угроза потери (или фальсификации) данных информационной системы предприятия, баз данных, документов вследствие

вирусной активности. Во-вторых, это нарушение нормального порядка работы информационной системы (в том числе сайтов и онлайн-магазинов). В-третьих, это риск сбора, похищения и неправомерного использования информации о работе предприятия и его клиентов. В-четвертых, это риск отвлечения бизнеса и его руководства от решения производственных и маркетинговых задач в случае актуализации угроз. В-пятых, это риск отказа работы приобретенных ранее информационных систем и систем информационной безопасности. В современных условиях обеспечение информационной безопасности имеет свою специфику, которую руководители бизнеса должны учитывать при выборе стратегии обеспечения информационной безопасности своих компаний. И, более того, для предприятий малого и среднего бизнеса также существуют свои актуальные вызовы, анализ которых и является целью настоящей статьи.

Актуальная проблема обеспечения безопасности малого и среднего бизнеса нашла свое отражение в свежих научных исследованиях Н. П. Макаркина и коллег [1], Г. В. Гарате [2], Е. В. Акинфеевой [3], С. А. Петренко и коллег [4], Е. В. Кудряшовой [5]. Высказываются предложения о налоговом стимулировании внедрения систем информационной безопасности, делается акцент на оценке экономической эффективности, а также описываются отдельные критические риски в этом направлении. Однако в систематизированном виде вызовы информационной безопасности малого и среднего бизнеса в России не названы.

Основные вызовы информационной безопасности малого и среднего бизнеса

Одним из важных вопросов обеспечения информационной безопасности является проблема соотношения стоимости и выгод от применения современных решений в этой области. Известные игроки рынка предлагают решения стоимостью около 1 млн руб. в год для защиты всей компании (см. таблицу на с. 179).

Несложный расчет для случая покупки продукта за 1 млн руб. в год для защиты всей компании покажет, что для малого или среднего бизнеса, который оценивает вероятность наступления самых неблагоприятных событий в области информационной безопасности в 3—5%, уравновешивающие затраты должны составить $1\,000\,000 / 0.04 = 25\,000\,000$ (руб.). Представить себе ситуацию, когда сторонний хакер, вирус или атака приведут к подобным убыткам компа-

нию с оборотом 200—300 млн руб., получается не у каждого директора. Поэтому решение о покупке известной, имеющей хорошую репутацию, но дорогой системы откладывается.

С другой стороны, на рынке существуют не столь известные и более дешевые решения, в том числе разработанные отечественными специалистами. Казалось бы, отличный вариант для небольшого бизнеса. Однако здесь помимо чисто финансового критерия возникает вопрос доверия: насколько результаты проверки точны? Насколько сотрудничество с такой фирмой позволит избежать угроз и, кроме того, не создать новых из-за недобросовестного поставщика услуг в области информационной безопасности.

И в этом вопросе необходимо вспомнить о так называемой сигнальной теории М. Спенса, Дж. Акерлофа и Дж. Стиглица, согласно которой доверие может основываться на особых сигналах, говорящих о качестве товара или услуги. В случае услуг информационной безопасности такого рода сигналом могут стать национальная сертификация, заработанная репутация и отзывы довольных клиентов, публичное использование системы авторитетными организациями. Один из основных сигналов для профессионального сообщества — наличие устойчивого выражения на сленге применительно к продуктам компании (банальный пример — «вэдэшка», «сигналка для бизнеса»). Укоренение в бизнес-культуре таких названий (по типу «ксерить» или «гуглить») само по себе факт признания качества и надежности.

Одной из неожиданных проблем обеспечения информационной безопасности является «страусиная» позиция некоторых руководителей компаний: пока угрозы не актуализировались, по умолчанию лучше считать, что все в порядке. Информация об угрозах, рисках, «дырах» в системе защиты воспринимается с отрицательной коннотацией, а те, кто с ней приходит к руководителям, предлагая защиту, — чуть ли не как сама потенциальная угроза. Получается, как в старину: приносившему дурную весть султан рубил голову. Так и сейчас: лучше незнание рисков и угроз — спокойнее спится. Очевидно, что подобная позиция ставит организацию в уязвимое положение, но недостаточная осведомленность о последствиях и недостаточно проработанный вопрос об ответственности руководителя за управление информационными потоками (в том числе за утечку персональных данных) позволяют считать такой выбор разумным.

**Характеристики популярных сервисов, обеспечивающих информационную безопасность
в компаниях малого и среднего бизнеса**
**Characteristics of popular services that provide information security
in small and medium-sized businesses**

Продукт	Цена за 1 IP-адрес	Краткое описание (со слов представителей самой компании или ее промоутеров)	Особенности
Netsparker ¹	Около 100 000 руб. при покупке минимум 5 адресов	Netsparker Desktop WebApplication Security Scanner — одно-пользовательский сканер безопасности для веб-приложений. Сканер максимально автоматизирован и доступен в виде локальной версии ПО для операционных систем Windows. Исторически сложилось так, что автоматизированные сканеры веб-приложений имеют противоречивую репутацию у специалистов информационной безопасности. Считается, что автоматизированные сканеры часто подвержены ложным срабатываниям и обнаруживают только простые уязвимости	
Max Patrol 8 (XSpider) ²	200—500 руб. в год	Система позволяет своевременно обнаружить уязвимости информационной системы, провести комплексный анализ сетевого оборудования, операционных систем, СУБД, прикладных систем и ERP-систем, веб-приложений, а также контролировать соответствие основным стандартам информационной безопасности (ISO 27001, PCI DSS, CIS). MaxPatrol 8 гибко масштабируется и подходит как для небольших компаний, так и для крупных территориально распределенных предприятий	Лидер российского рынка. По информации с сайта, до 80 %
Rapid7 ³	По запросу	Rapid7 Managed Detection and Response (MDR) использует многоуровневый подход к предоставлению превосходных услуг для вашей команды. Rapid7 SOC действует как продолжение вашей команды и защищает вашу среду от сложных атак, поэтому ваша команда может сосредоточить свое время и энергию на наиболее важных инициативах в области безопасности	Один из мировых лидеров
RedCheck ⁴	2180—4360 руб. в год, при покупке от 3 или 10 лицензий, в зависимости от продукта	Программное обеспечение RedCheck — современное средство анализа защищенности, позволяющее выявлять уязвимости операционных систем и приложений, потенциально опасные настройки, осуществлять оценку соответствия требованиям политик и стандартов, проводить инвентаризацию оборудования и программ, формировать детальные отчеты. Программное обеспечение RedCheck использует передовые технологии SCAP для решения широкого спектра задач: от поиска уязвимостей до оценки соответствия отечественным и международным стандартам безопасности. Программа RedCheck позволяет реализовать ряд мер, обязательных для информационных систем персональных данных (ИСПДн), государственных информационных систем (ГИС) и автоматизированных систем, обрабатывающих конфиденциальную информацию	
Nessus Professional	По запросу	Tenable Nessus — надежная система безопасности и оценки уязвимости, которая позволяет сканировать неограниченное количество IP-адресов. Решение дает полное представление о конкретной сети, ее активах и уязвимостях, которые постоянно меняются	Возможны проблемы с поставками в Россию
Vuln-Detector	1000—5000 руб. в месяц	Полный спектр услуг для защиты интернет-сервисов и ваших клиентов от уязвимостей, контроль за сетевым периметром организации и безопасностью сети/сервера/сайта	—

Примечания

¹ <https://softlist.biz/catalog/product-netsparker-desktop-web-application-security-scanner/>

² <https://store.softline.ru/positive-technologies/maxpatrol-8/>

³ <https://www.rapid7.com/services/managed-services/managed-detection-and-response-services/service-overview/>

⁴ <https://store.softline.ru/alteks-soft/redcheck/>

Перечень и способ реализации рисков и угроз постоянно меняется, и система, безопасная вчера, может оказаться под угрозой сегодня. По этой причине возникает задача постоянного мониторинга системы безопасности и своевременного информирования о новых угрозах. Однако стоит отметить, что сегодняшняя работа руководителя малого и среднего предприятия многогранна и не всегда целесообразно содержать в штате целый отдел, обеспечивающий информационную безопасность. Как правило, может идти речь просто о специалистах в IT-сфере. А для таких пользователей внешней системы информационной безопасности важно, чтобы информация поступала в лаконичной форме и только тогда, когда угрозы безопасности действительно существенны, иначе она может затеряться в общем информационном потоке.

Современные реалии международной экономической кооперации таковы, что использование известных программных решений в сфере обеспечения информационной безопасности, произведенных в недружественных странах, сопряжено с рисками отказа в обслуживании и даже с нарушением принятых обязательств, вплоть до шпионажа в пользу правительств своих стран. В таких условиях вопрос импортозамещения в этой сфере становится жизненно важным для нормальной работы предприятий. Однако готовых продуктов, которые могут составить конкуренцию раскрученным мировым брендам (в том числе для малого и среднего бизнеса), крайне мало, и они не получили достаточной известности. Для компаний, развивающих такие продукты, нужен режим наибольшего благоприятствования, вплоть до существенных налоговых льгот и продвижения продуктов в бизнес-среде.

Важной является способность предсказывать вновь появляющиеся угрозы и действовать на опережение, что позволит воспользоваться «окном возможностей» в момент, когда конкуренты будут разбираться со свалившейся на них новой угрозой, «чинить» сайт и восстанавливать данные. И это могут быть угрозы, которые не проявляются прямо, но влияют на эффективность компании: например, косметические правки внедренным вирусом на сайте компании (замена символов кириллицы на латиницу и т. п.) сводят на нет усилия по продвижению сайта компании в Интернете.

Выводы

Описанные выше вызовы и особенности информационной безопасности малого и среднего бизнеса в России на современном этапе важны и требуют адекватного ответа со стороны бизнес-сообщества, органов власти и академических кругов. Конкретными шагами, которые позволили бы продвинуться в вопросах обеспечения информационной безопасности российских компаний малого и среднего бизнеса, должны стать:

1. Повышение осведомленности и грамотности руководителей малого и среднего бизнеса в отношении современных угроз информационной безопасности, базовых правил, позволяющих минимизировать угрозы без привлечения сторонних организаций.
2. Создание национальных рейтингов и реестров, в которые должны включаться отечественные, прошедшие проверку и имеющие положительную репутацию сервисы.
3. Популяризация информации об уязвимостях информационных систем для работников и клиентов компаний с целью повышения их готовности адекватно реагировать на угрозы.
4. Повышение ответственности компаний, оперирующих персональными данными, за попадание этих данных злоумышленникам, совершенствование законодательства и практики правоприменения в этом направлении.
5. В перспективе после апробации на пилотном проекте — введение для компаний, оперирующих персональными данными, страхования рисков утечки информации с варьированием страховых премий в зависимости от уровня информационного иммунитета и используемых средств обеспечения информационной безопасности, и с обязательным информированием клиентов о наличии или отсутствии страховой защиты.
6. Льготные условия, гранты на разработку со стороны государства и институтов развития, узкоспециализированные хакатоны, что будет способствовать развитию рынка в сфере информационной безопасности и, как следствие, снизит цену на услуги в сфере информационной безопасности, в том числе для малого и среднего бизнеса.

Список источников

1. Цифровизация бизнеса в условиях пандемии / Н. П. Макаркин, А. П. Горина, О. Н. Алферина, Н. В. Корнеева // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 11-1. С. 80—85. DOI: 10.17513/vaael.1397.

2. Гарате Г. В. Применение передовой методологии безопасности в беспроводных сетях // Известия СПбГЭТУ ЛЭТИ. 2019. № 3. С. 31—37.
3. Акинфеева Е. В. Информационная безопасность как фактор эффективной деятельности компании // Вестник МИРБИС. 2019. № 4 (20). С. 79—88. DOI: 10.25634/MIRBIS.2019.4.9.
4. Петренко С. А., Петренко А. А., Костюков А. Д. Киберустойчивость цифровых экосистем // Защита информации. Инсайд. 2021. № 4 (100). С. 17—23.
5. Кудряшова Е. В. Проблемы техники налогового стимулирования обеспечения кибербезопасности для малого и среднего бизнеса // Финансы и кредит. 2019. Т. 25, № 3 (783). С. 609—617. DOI: 10.24891/fc.25.3.609.

References

1. Makarkin NP. Digitalization of business in a pandemic. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020;(11-1):80-85. DOI: 10.17513/vaael.1397. (In Russ.).
2. Garate GV. Application of advanced security methodology in wireless networks. *Izvestiya SPbGETU LETI = Proceedings of SPbGETU LETI*. 2019;(3):31-37. (In Russ.).
3. Akinfeeva EV. Information security as a factor in the effective operation of the company. *Vestnik MIRBIS = Bulletin of MIRBIS*. 2019;(4(20):79-88. DOI: 10.25634/MIRBIS.2019.4.9. (In Russ.).
4. Petrenko SA. Cyber resilience of digital ecosystems. *Zashchita informatsii. Insayd = Information security. Inside*. 2021;(4(100):17-23. (In Russ.).
5. Kudryashova EV. Problems of tax incentives to ensure cybersecurity for small and medium-sized businesses. *Finansy i kredit = Finance and credit*. 2019;(25-3):609-617. DOI: 10.24891/fc.25.3.609. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. А. Плетнев — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков.

С. Н. Викулин — генеральный директор.

П. Г. Щелканов — директор по продажам.

А. Д. Плетнев — студент.

Information about the authors

Dmitry A. Pletnev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics of Industries and Markets.

Sergey N. Vikulin — General Manager.

Pavel G. Shchelkanogov — Sales Director.

Alexander D. Pletnev — Student.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена после рецензирования 12.10.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 20.09.2022; approved after reviewing 12.10.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют о потенциальном конфликте интересов, который не влияет на представленные выводы (двое из соавторов статьи являются работниками компаний — участников рынка обеспечения информационной безопасности).

The authors declare a potential conflict of interest that does not affect the presented conclusions (two of the co-authors of the article are employees of companies participating in the information security market).

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД A FRESH LOOK

Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). С. 182—187.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2022;(11(469):182-187. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 338.984

doi: 10.47475/1994-2796-2022-11120

ПРОБЛЕМЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В РОССИИ НА ПРИМЕРЕ МОНОХЛОРУКСУСНОЙ КИСЛОТЫ

Полина Антоновна Сеницына

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, polinaaa.2001@mail.ru

Аннотация. Импортозамещение рассматривается не только как метод стабилизации и развития экономики, но и как основная проблема экономической безопасности России в текущей геополитической ситуации. Выделены основные риски, вызывающие необходимость импортозамещения. Приведена иллюстрация проблемы импортозамещения на примере химической промышленности и производства монохлоруксусной кислоты, оценены перспектива и возможность создания импортозамещающего предприятия. Приведены основные экономические показатели российского рынка монохлоруксусной кислоты: объем и динамика импорта и реэкспорта, цена. Также выявлена проблема правового обеспечения импортозамещающего производства, приведен один из вариантов ее решения — разработка технического регламента.

Ключевые слова: импортозамещение, санкции, производство, импорт, монохлоруксусная кислота, нормативно-правовая документация, технический регламент

Благодарности: автор выражает благодарность своему научному руководителю Дмитрию Александровичу Плетневу, кандидату экономических наук, доценту кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, за ценные советы при подготовке статьи.

Для цитирования: Сеницына П. А. Проблемы импортозамещения в России на примере монохлоруксусной кислоты // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11 (469). Экономические науки. Вып. 78. С. 182—187. doi: 10.47475/1994-2796-2022-11120.

Original article

PROBLEMS OF IMPORT SUBSTITUTION IN RUSSIA ON THE EXAMPLE OF MONOCHLOROACETIC ACID

Polina A. Sinitsyna

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, polinaaa.2001@mail.ru

Abstract. Import substitution is considered in the article not only as a method of stabilizing and developing the economy, but also as the main problem of Russia's economic security in the current geopolitical situation. The main risks causing the need for import substitution are highlighted. An illustration of the problem of import substitution is given on the example of the chemical industry and the production of monochloroacetic acid, the prospect and possibility of creating an import substitution enterprise is evaluated. The main economic indicators of the Russian monochloroacetic acid market are given: the volume and dynamics of imports and re-exports, price. The problem of legal support of import-substituting production is also identified, one of the solutions to it is given — the development of technical regulations.

Keywords: import substitution, sanctions, production, import, monochloroacetic acid, regulatory documentation, technical regulations

Acknowledgements: The author expresses gratitude to his supervisor Dmitry A. Pletnev, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics of Industries and Markets of Chelyabinsk State University, for valuable advice in the preparation of the article.

For citation: Sinitsyna PA. Problems of import substitution in Russia on the example of monochloroacetic acid. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(11(469)):182-187. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2022-11120.

Введение

С 2014 г. в связи с введением США и ЕС первых санкций на фоне вхождения полуострова Крым в состав России импортозамещение является одним из ключевых принципов экономической безопасности РФ. Несмотря на обилие собственных ресурсов, в России утрачено производство множества видов продукции. В связи с этим важной экономической проблемой является оценка возможности их импортозамещения. Парадоксально, но некоторые из них являются элементарными бытовыми вещами в жизни каждого человека. В импортозамещении срочно нуждаются самые разнообразные отрасли: от производства гвоздей до производства лимонной кислоты и чековых лент для торговых точек и магазинов.

Санкционный фактор повлиял как на экспортную, так и на импортную составляющие внешнеэкономической стратегии российских корпораций [1] и еще больше усилился после начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г., обострилась проблема импортозамещения. Санкционное воздействие на Россию стремительно растет, как и число государств, поддерживающих санкции, что требует незамедлительных изменений в области внешнеэкономической деятельности и импортозамещения в России.

Основы импортозамещения

Импортозамещение как метод стабилизации и ключевой фактор развития экономики России рассматривают многие ученые. Теоретической базой для анализа проблем импортозамещения послужили классические труды таких ученых, как В. К. Фальцман [2], Б. А. Райзберг [3], Д. Итуэлл [4], Е. М. Бухвальд [5], Л. Ш. Лозовский [6]. Проблемами импортозамещения в России ранее интересовались и Г. А. Федосеева [7], Л. Н. Краснова [8], С. К. Содномова и Н. В. Рубцова [9], И. В. Макарычева [10], А. Г. Жакевич [11].

Так, В. К. Фальцман в своих трудах изучает импортозамещение с точки зрения естественного процесса развития и экономического роста, модернизации, преодоления накопленного научно-технического отставания и повышения конкурентоспособности отечественной продукции. В настоящем времени под влиянием геополити-

ческого и одновременно экономического кризиса в России импортозамещение становится одной из самых острых проблем экономической безопасности страны в важнейших сферах: инновационной, оборонной, продовольственной, здравоохранения [1]. Импортозамещающий рост экономики страны предполагает увеличение объемов и мощностей производства тех товаров, которые страна импортирует, тем самым улучшая условия внешней торговли страны по отношению к ее торговым партнерам [3].

В менее глобальном понимании, импортозамещение, по мнению таких экономистов, как Б. А. Райзберг, П. А. Кадочников и Л. Н. Краснова, является лишь ограничением или прекращением ввоза в страну определенного товара в связи с организацией производства этого товара внутри страны без каких-либо политических предпосылок.

Импортозамещение, по мнению Е. М. Бухвальда, возможно разграничивать в зависимости от предпосылок и причин, послуживших основой для реализации импортозамещающей политики страны, и классифицировать по типам: срочное, стратегическое и конкурентное [5].

Стратегическое импортозамещение не ограничено по времени и условиям реализации, обеспечивает экономическую безопасность страны в области внешней торговли в ключевых отраслях экономики.

Конкурентное импортозамещение основано на структурных основополагающих изменениях в экономике в связи с модернизацией производственного потенциала, роста конкурентоспособности продукции отечественного производства, характеризуется как элемент эволюции экономики.

Срочное импортозамещение квалифицируется как санкционное, оно вызвано неблагоприятной политической и внешнеэкономической обстановкой, несет в себе наиболее опасные риски для экономики страны, в связи с чем требует особого внимания при реализации.

В настоящий момент прослеживается неразрывная связь импортозамещения и внешнеэкономической стратегии государства, что подтверждается исследованиями Г. А. Федосеевой, которая выделила основные признаки, отражающие наиболее важные отличительные характеристики импортозамещения.

В первую очередь это наличие условий для осуществления структурных изменений экономики. Реализация импортозамещения возможна лишь при наличии определенных предпосылок внешнеэкономического, политического и внутреннего характера, зачастую требует формирования действенной системы государственной поддержки [7].

Риски импорта на примере химической промышленности

Одной из наиболее чувствительных сфер, в которой остро встал вопрос импортозамещения, является химическая промышленность — производство кислот и реагентов. Основными рисками, вызывающими необходимость импортозамещения в данном сегменте промышленности, являются:

- введение ограничения поставок из-за границы. До недавнего времени основными импортерами химикатов в Россию являлись Китай и ряд недружественных государств: США и страны — члены ЕС. Под влиянием антироссийских санкций импорт химических веществ из недружественных государств был ограничен. Однако в отношении Китая также нельзя исключать данный риск: часть китайских компаний-импортеров могут поддерживать антироссийскую политику и ограничить поставки по субъективным причинам. Также нельзя достоверно прогнозировать устойчивость позиции Китая по отношению к России, в связи с чем импорт химикатов и вовсе может быть приостановлен;
- риском также являются стоимостные характеристики поставляемых химикатов. Цена импортной продукции напрямую зависит от курса доллара. Рост доллара в 2020—2021 гг. подстегнул стремительный рост цен на импортные товары, некоторые химикаты стали дороже более чем на 50%, что пошатнуло возможность российских потребителей закупать вещества в прежнем объеме. Поставки резко сократились, но потребность никуда не исчезла, что спровоцировало дефицит многих химикатов в России.

Российский рынок монохлоруксусной кислоты

Важность наличия собственного производства в данной отрасли возможно проиллюстрировать на примере монохлоруксусной кислоты.

Монохлоруксусная кислота (МХУК) — это одна из простейших карбоновых кислот, имеет химическую формулу CH_2ClCOOH . Высокий уровень

потребления монохлоруксусной кислоты в России объясняется обширным перечнем отраслей потребления. Казалось бы, химические вещества, а особенно карбоновые кислоты не так часто встречаются в быту, однако каждый человек ежедневно имеет дело с монохлоруксусной кислотой, ведь на ее основе синтезируются огромное количество веществ. В структуре потребления монохлоруксусной кислоты на российском рынке половину занимает производство карбоксиметилцеллюлозы. Это одно из веществ, которое применяется при бурении нефтяных скважин, в строительстве, производстве синтетических моющих средств, лакокрасочной, электродной, целлюлозно-бумажной, пищевой и космических отраслях [12].

В России в последние 15 лет полностью приостановлено собственное производство монохлоруксусной кислоты. Причиной этому является высокая себестоимость производства по сравнению с ценой, за которую МХУК можно приобрести у импортных производителей или дистрибьюторов. Цена на МХУК формируется в основном стоимостью сырья, а именно ценой на уксусную кислоту. Средняя цена за 1 кг импортной монохлоруксусной кислоты в 2021 г. составляла 110 руб., при этом себестоимость производства выше почти в половину: разница составляет около 40%.

При этом потребность в МХУК пока покрывается за счет импортных поставок: в 2021 г. объем импорта составил 680 млн руб. Динамика на протяжении последних трех лет устойчиво положительная, что говорит о том, что потребность монохлоруксусной кислоты на российском рынке растет.

Особенностью данного рынка помимо полного отсутствия производства является наличие реэкспорта — поставленная на территорию России монохлоруксусная кислота перепродается в другие страны. В 2021 г. реэкспорт сократился более чем в 10 раз относительно 2019 г., что свидетельствует о растущем дефиците продукта в России¹.

Главной перспективой развития импортозамещения монохлоруксусной кислоты в России является возобновление собственного производства на базе новых появляющихся технологий, например, совмещающая производство каустической соды, гидроксида лития или любого другого производства, на котором выделяется значительный объем пока неиспользуемого впоследствии хлора.

Предположение о перспективности данных предприятий обоснованно с точки зрения предыдущего опыта производства монохлоруксусной кислоты

¹ Федеральная таможенная служба (<https://customs.gov.ru/>; дата обращения 15.08.2022).

в России: покупать сырье для ее производства гораздо дороже, чем покупать готовую МХУК, поэтому существовавшие ранее производители представляли собой убыточные проекты либо были ликвидированы по причине банкротства. Таким образом, если у предприятия будут собственные ресурсы для производства МХУК (как минимум хлор), имеет смысл не продавать их и не утилизировать, а запустить дополнительную производственную линию и расширить тем самым ассортимент выпускаемой продукции.

В России высокий потенциал производства МХУК имеют около десятка предприятий целлюлозной промышленности. Перспективными регионами с точки зрения расположения крупнейших целлюлозно-бумажных комбинатов, имеющих возможность и предпосылки организации производства МХУК, являются Архангельская, Иркутская и Ленинградская области, республики Коми и Карелия. При этом запуск такого производства имеет смысл для изготовления как целлюлозы, так и поверхностно-активных веществ, агрохимикатов и фармацевтических продуктов. Это позволит в полной мере воспользоваться положительным эффектом масштаба, распределив капитальные затраты на больший объем производства. Также это позволит загрузить производственные мощности и в разы увеличить ожидаемую отдачу от инвестиций.

Нормативно-правовая база импортозамещающего производства

При появлении отечественного импортозамещающего производства возникает проблема, которая состоит в наличии и степени разработанности нормативно-правовой базы. Так, несмотря на обилие стандартов, регламентов и условий в химической промышленности, для монохлоруксусной кислоты в настоящее время отсутствуют национальные стандарты, регламентирующие качество продукта и процессов производства. Единственный документ был отменен без замены в 1998 г. по причине снятия продукции с производства (ГОСТ 5836-68 «Кислота монохлоруксусная», введенный в действие в 1968 г. Госстандартом СССР). Отсюда следует вопрос: на какие критерии качества и безопасности продукции опираться производителям при возобновлении производства монохлоруксусной кислоты?

Решение данной проблемы состоит прежде всего в возобновлении отмененного ГОСТ 5836-68, а также его дополнении и изменении в соответствии с технологическими тенденциями и новшествами.

При этом рекомендуется к рассмотрению будущим производителям возможность разработки новой документации, регламентирующей качество, например технического регламента, который может разработать сам производитель или любое другое физическое и юридическое лицо¹.

Разработка технического регламента для производства монохлоруксусной кислоты и ввод его в действие положит начало созданию нормативно-правовой документации, которая будет регламентировать качество процессов производства, качество требуемого для производства сырья, качество и безопасность итогового продукта.

Заключение

Подводя итог, можно говорить о том, что в ближайшие 3—5 лет в России есть возможность запустить собственное конкурентоспособное производство монохлоруксусной кислоты на базе уже существующих химических производств. Стоит также упомянуть, опираясь на неудачный опыт нескольких российских предприятий, что строительство нового комбината объемом производства менее 1 млрд руб. в год с помощью инвестиций экономически нецелесообразно, поскольку сроки окупаемости такого проекта уходят далеко за 10 лет, что недопустимо в текущих условиях. Многие предприятия изъявляли готовность производить монохлоруксусную кислоту, но их проекты так и остались на бумаге, не получив инвестиций.

Перспективными в данном направлении являются предприятия, производящие такие продукты, как каучуковая сода, гидроксид лития (или прочие, где в процессе производства выделяется хлор, благодаря чему можно не закупать полный состав компонентов, а использовать большую часть собственных).

Импортозамещение является главным фактором и одновременно главной проблемой обеспечения экономической безопасности России, стабилизации и развития экономики, которая особенно обострилась в текущей геополитической ситуации. Приведенный пример организации собственного производства монохлоруксусной кислоты в России поможет дать толчок к выработке подходов к решению проблемы импортозамещения как в химической отрасли, так и в других отраслях промышленности, что приведет к снижению зависимости от иностранных государств во внешнеэкономической деятельности,

¹ Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О техническом регулировании» (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40241/; дата обращения 05.09.2022).

а также подстегнет рост экономического потенциала страны и развитие бизнеса. При этом наличие грамотно разработанных и современных документов, регламентирующих качество новых продуктов российского производства, будет являться опорой для производителей, ведь всегда легче начинать что-то новое, когда есть поддержка государства и качественная база, на которую можно опереться.

Список источников

1. Факторы формирования и реализации стратегий компаний в условиях 2022 года / Д. А. Плетнев, Е. А. Степанов, Н. Х. Буй, Е. В. Козлова, К. А. Наумова, М. С. Казадаев // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 4 (462). Экономические науки. Вып. 76. С. 90—101. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10409.
2. Фальцман В. К. Форсирование импортозамещения в новой геополитической обстановке // Проблемы прогнозирования. 2015. № 1. С. 22—32.
3. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2006.
4. Итуэлл Д. Импортозамещающий и экспортоориентированный экономический рост // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 430—433.
5. Бухвальд Е. М., Иванов О. Б. Проблемы импортозамещения в стратегиях развития российских регионов // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 4. С. 24—41.
6. Лозовский Л. Ш. Импортозамещающий и экспортоориентированный экономический рост: учебник. М.: Инфра-М, 2014.
7. Федосеева Г. А. Сущность и развитие теории импортозамещения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 3 (93). С. 144—148.
8. Краснова Л. Н., Мансурова С. А. Решение проблем импортозамещения на современном этапе // Экономика и предпринимательство. 2016. № 4, ч. 2 (69-2). С. 1150—1153.
9. Содномова С. К., Рубцова Н. В. Анализ реализации программы импортозамещения в Российской Федерации // Экономические отношения. 2020. № 1. С. 187—200. DOI: 10.18334/eo.10.1.100700.
10. Макарычева И. В. Проблемы импортозамещения в России // Экономические отношения. 2022. Т. 12, № 3. DOI: 10.18334/eo.12.3.114889.
11. Жакевич А. Г. Импортозамещение: проблемы и перспективы // Вестник Международного института экономики и права. 2015. № 1. С. 11—18.
12. Юровская М. А., Куркин А. В. Основы органической химии. М.: Бином, 2017. 240 с.

References

1. Pletnev DA, Stepanov EA, Bui NK, Kozlova EV, Naumova KA, Kazadayev MS. Drivers in the development and implementation of firm strategies in 2022. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4(462):90-101. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10409. (In Russ.).
2. Faltsman VK. Forcing import substitution in a new geopolitical situation. *Problems of forecasting*. 2015;(1):22-32. (In Russ.).
3. Raisberg BA, Lozovsky LS, Starodubtseva EB. *Sovremennyy ekonomicheskiy slovar` = Modern Economic Dictionary*. Moscow: Infra-M; 2006. (In Russ.).
4. Eatwell J. Import-substituting and export-oriented economic growth. *Economic Theory*. Moscow: Infra-M; 2004. Pp. 430—433. (In Russ.).
5. Buchwald EM, Ivanov OB. Problems of import substitution in development strategies of Russian regions. *Bulletin of the Stage: economic theory, analysis, practice*. 2017;(4):24-41. (In Russ.).
6. Lozovsky LS. Import-substituting and export-oriented economic growth. Moscow: Infra-M; 2014. (In Russ.).
7. Fedoseeva GA. The essence and development of the theory of import substitution. *Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics*. 2015;(3(93):144-148. (In Russ.).
8. Krasnova LN, Mansurova SA. The solution of import substitution problems at the present stage. *Bulletin of the Economics and Entrepreneurship*. 2016;(4(69-2):1150-1153. (In Russ.).
9. Sodnomova SK, Rubtsova NV. Analysis of the implementation of the import substitution program in the Russian Federation. *Bulletin of the Economic relations*. 2020;(1):187-200. DOI: 10.18334/eo.10.1.100700. (In Russ.).

10. Makarycheva IV. Problems of import substitution in Russia. *Bulletin of the Economic relations*. 2022;(12(3)). DOI: 10.18334/eo.12.3.114889. (In Russ.).

11. Zhakevich AG. Import substitution: problems and prospects. *Bulletin of the International Institute of Economics and Law*. 2015;(1):11-18. (In Russ.).

12. Yurovskaya MA, Kurkin AV. Fundamentals of organic chemistry. Moscow: Binom; 2017. 240 p. (In Russ.).

Информация об авторе

П. А. Синицына — студентка 4-го курса направления «Управление качеством» Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования.

Information about the author

Polina A. Sinitsyna — a 4th year student of the direction “Quality Management” of the Institute of Economics of Industries, Business and Administration.

Статья поступила в редакцию 20.09.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 18.10.2022.

The article was submitted 20.09.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 18.10.2022.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

MONTIBVSELSIN
LOIACBARATCOR
CRVDELISLEXIN
CARMINLNOSTRI
REFORMA.F.DN.VN
MONTIBVSELSIN
LOIACBARATCOR
CRVDELISLEXIN
CARMINLNOSTRI